АЛЕКСАНДР БЛОК

СТИХОТВОРЕНИЯ

●

ПОЭМЫ

●

ТЕАТР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1968

Вступительная статья

П. Антокольского

Р1
Б70

Составление и примечания

Вл. Орлова

Иллюстрации

М. Рудакова

7-4-1
подп. изд.

АЛЕКСАНДР БЛОК

Александр Блок рос на рубеже двух столетий, двух исторических эпох. В творчестве он отразил духовный кризис целого поколения с несравненной лирической искренностью и силой. Но сам поэт был не столько жертвой кризиса, сколько живым, действенным и революционным его преодолением.

Если это стало явным в 1917—1918 годах, то силы для преодоления накапливались в глубинах блоковского сознания, в его творческих поисках еще с 1905 года. В первые же дни после великого Октября Александр Блок был одним из первых и самых смелых русских интеллигентов, кто открыто и безоговорочно встал на сторону революционного народа, поверил в правоту большевиков и открыто об этом заявил. Он пошел на резкий разрыв с недавними единомышленниками, соратниками, сверстниками. Такую смелость ему диктовало сознание гражданского долга и совесть поэта-демократа. Ему был ясен мировой смысл пролетарской революции.

Только злобно предубежденные слепцы обвиняли Блока в измене либо предпочитали усматривать в его поведении невменяемость декадентского лирика.

Не однажды Блок утверждал органическое единство своего пути, его неизбежность. Заново собирая и редактируя три тома своей лирики, поэт настаивал на том, что они представляют собой единую трехчастную повесть:

Открой мои книги: там сказано всё, что свершится.

И действительно, понять его по-настоящему, оценить его цельность, осознать органическое родство поэта Прекрасной Дамы с автором «Двенадцати» и «Скифов» можно только, следуя за Блоком по его пути.

В восьмидесятых — девяностых годах прошлого века, чуть в стороне от железной дороги, соединяющей Москву с Петербургом, в усадьбе деда с материнской стороны вырастал красивый ребенок, избалованный матерью и ее родными. Вырастал он без отца, потому что мать после года неудачного замужества вернулась с ним, грудным ребенком, обратно в девичью семью. История тяжелых семейных отношений и труднопостижимый облик родного отца когда-нибудь, гораздо позже, сделаются для него личной проблемой. А сейчас мальчик ни о чем не задумывается. Он растет в хорошем доме, в талантливой семье, среди обожающих его женщин. Семья дворянская, одна из самых интеллигентных в стране, отстой многих десятилетий культуры и достатка. Дед — знаменитый ученый-ботаник Бекетов. Бабка — трудолюбивая переводчица. В деревенском доме и книги в избытке, и музыка постоянно гостит, и никогда не кончаются споры обо всем, о чем только могут спорить русские люди. А за свежевымытыми окнами — зеленый мир в клумбах ярких цветов, а еще дальше — дороги и проселки, поле и лес, холмы и овраги, милая с детства синяя даль, которая навсегда потом свяжется с первыми прочитанными сказками, будь то «Мертвая царевна» или «Кащей», «Иван-царевич» или «Снегурочка».

Так недалеко отступило в прошлое другое десятилетие, когда примерно в таком же деревенском доме вырастал под крылом у безмерно обожавшей его бабки другой русский демоненок, впоследствии ставший поручиком Тенгинского полка и гордостью русской поэзии. Две эти судьбы, Лермонтова и Блока, одинаково ушли в историю. Они кажутся сейчас соизмеримыми и родственными, как будто действительно стояли рядом в пространстве и времени.

Между тем время-то как раз было совсем другое.

Кончался девятнадцатый век. Вместе с ним кончилась дворянская Россия. Тургенев, Чехов, Бунин, каждый по-своему, зафиксировали прощание с нею. Сделал это и Александр Блок. Бывало его прощание с прошлым окрашено и элегически, но бывало и так, что оно превращалось в спокойно-сосредоточенное презрение, а то и в ярость. Ведь он был тем самым «поздним потомком», которого предвидел Лермонтов:

...прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Все это пришло гораздо позже. Надо было прожить собственную жизнь, чтобы понять ее исторически, узнать в самом себе сына и внука отцов и дедов. Мысль об этом сделается основной среди раздумий Блока. Сначала она приведет его к познанию родины, а потом заставит «всем сердцем, всем сознанием слушать революцию».

Здесь можно было бы рассказать о буднях классической гимназии, о тех или других прочитанных книгах, из коих одни прошли бесследно, а другие на всю жизнь врезались в память. О чем же еще? О двух-трех дружбах, о первой влюбленности, пережитой далеко от дома, на чужбине, в маленьком немецком городке, об университете с его филологическими дисциплинами, о декламации любимых стихов...

Единственное, что росло в нем, накапливаясь неподволь, заложенное самой природой и неизбежное в этом еще никому не ведомом душевном хозяйстве, было творчество. Стихи он начал писать с пяти лет. Это были обыкновенные детские, а потом отроческие пробы. Ничто не предвещало автора «Стихов о Прекрасной Даме».

Внезапно в подражательные строфы врывался звук — мысль о собственном предназначении:

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверьи Идеала
Туманным факелом моим.

Факел действительно туманен. Идеал еще не назван. Вся жизнь, все ее беды и удачи впереди. Человеку девятнадцать лет. Таким он был на пороге нового века.

Настоящего поэта читает время. Каждый новый век читает его заново и утверждает по-своему свою связь с поэтом. Так произошло и происходит на наших глазах с Шекспиром, Данте, Гете. В отношении Пушкина и Лермонтова мы улавливаем то же самое, несмотря на сравнительную временную близость нашу к ним. То же самое происходит сейчас с Александром Блоком.

Его современники, особенно в кружке московских символистов,— Андрей Белый, Сергей Соловьев и другие,— прочли в ранних стихах Александра Блока, обращенных к Прекрасной Даме, одну только мистическую исповедь-молитву, утверждение Вечноженственного, потустороннего образа, выросшего на философской лирике Владимира Соловьева. Это было чтением той эпохи, восприятием, обусловленным и оправданным эпохой. Уже в самом таком восприятии коренились причины будущего разрыва Александра Блока с этой дружеской группой,— в частности, разрыва с Андреем Белым, «вражда-дружба» с которым так много значила в биографиях обоих поэтов.

С той поры прошло более шестидесяти лет. «Стихи о Прекрасной Даме» прочитаны заново.

Первая книга двадцатилетнего Александра Блока останется в русской поэзии как одна из самых напряженных лирических исповедей о юношеской любви к женщине. Стихи обращены к женщине, только к ней одной, только ради нее написаны. Один скажет: «Мимолетное виденье» или: «Гений чистой красоты», другой — «Дева, Заря, Купина».

Одному блеснут милые очи «из-под таинственной холодной полумаски» на светском балу, другому — в сыром Петербурге, под рожком газового фонаря,— сущность от того не меняется. Тому, и другому, и третьему диктует юношеская страсть в минуту ее сверкающего подъема. В какие бы запредельные выси ни проецировал поэт свою любовь, вплоть до того, что «ты путям открыта млечным, скрыта в тучах грозовых»,— все равно реальная подоплека скажется.

Этой повестью долгих, блаженных исканий
Полна моя душная, песенная грудь.
Из этих песен создал я зданье,
А другие песни — спою когда-нибудь.

Так прорвался живой человеческий голос. Он заявил о своем существовании с превосходным самообладанием и задором. Рогатки классической метрики, амфибрахии и ямбы сметены живой интонацией. Такого паузника еще не было в русской поэзии, хотя искали его многие, в их числе Лермонтов, Фет, старшие современники Блока. Вот откуда начинает свое летосчисление XX век в русской поэзии. Вот откуда вырос интонационный стих Маяковского.

Конечно, мистика Владимира Соловьева оказала серьезное влияние на молодого Блока. Конечно, он, может быть, слишком много читал, и весь склад его мышления был до крайности идеалистичен. Но в том-то и сила дарования, что оно жизненнее книжных истоков. Оно чревато будущим. В первых же стихотворениях Блока звучит не только сокрушающая искренность, но звучит и другое — предчувствие будущего, далеко идущего пути.

Прежде всего, явственна кровная связь автора с Россией, с русской стариной, фольклором, сказкой и песней:

Мой любимый, мой князь, мой жених,
Ты печален в цветистом лугу.
Повиликой средь нив золотых
Завилась я на том берегу.

«Тот берег» легко узнать. Это севернорусский пейзаж, может, чуть в стороне от железной дороги, но, право же, до него рукой подать. Картина одушевлена. В ней поселилась сказка. Когда-то такую же сказку рассказывала Арина Родионовна смуглому, кудрявому мальчику. Не раз уже отсюда, из этой светящейся точки, рождалась русская лирика.

Когда-нибудь он скажет: «О, Русь моя! Жена моя!» Был день, когда Россия, не названная по имени, была ему невестой: «Мой любимый, мой князь, мой жених»,— звала она своего певца из синей деревенской дали, с клеверных полей, над которыми в летний полдень звенит золотой шмель. Русская сказка рассыпана в первой книге Блока точнейшими приметами. О ней напоминает и крещенское гадание Светланы, и

Сирин и Гамаюн, и Голубиная книга с красными и золотыми заставками, на которую загляделась царевна. И с первых же строк мы прочтем:

Терем высок, и заря замерла ..

Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к тебе.

Все это еле видные зародыши будущего. Все будет, все вернется к поэту в неузнаваемо выросших образах. Даже красное пламя разрастется когда-нибудь в «широкий и тихий пожар» над Куликовым полем, а то и в мировой пожар, «на горе всем буржуям».

Но пока еще безумно далек он от будущего. Как всякий юноша, он может только воскликнуть:

Будет день — и свершится великое.
Чую в будущем подвиг души.

Между тем будущее стоит у порога. Не только для него. Самые чуткие и смелые из его современников живут предчувствием надвигающихся событий, катастрофических и прекрасных. В эти самые дни Горький складывает свою «Песню о Буревестнике». Под сурдинку, глухо, но чем глуше, тем заразительнее для аудитории Художественного театра, перекидываются мечтательными репликами чеховские герои.

Россия жила у порога 1905 года. Чем дальше был Блок от жизни, тем с большей силой, тем искреннее и неожиданнее проснулось в нем не только так называемое сочувствие к революции, которое можно было поделить с тысячами обывателей, но и чувство кровной заинтересованности в происходящем.

Прекрасные стихи о Петербурге в дни восстания, о Медном всаднике, в руке которого заплясало факельное пламя, свидетельствовали о резком переломе в душе поэта. В его сознание ворвались неожиданные стихии. Не смирением и не растерянностью, но посильным проникновением в смысл происходящего продиктованы эти слова:

Поднимались из тьмы погребов.
Уходили их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Словеса незнакомых наречий.
. . . . . .
Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!

Революция 1905 года значительна для Блока не только своим непосредственным отражением. Впервые в его стихах зазвучал раскованный голос — голос человека, который может выйти на трибуну, на площадь. Пускай не все им сказанное будет услышано и понято. Важно, что он обращается к большому человеческому сонму, к обществу, к современникам, к согражданам:

Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую грудь
На распутьях, в подвалах, на башнях — хвала!
Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь,—
Наши гимны, и песни, и сны — без числа!..

Такой речи у Блока до этого не было. Сегодня она звучит как привет будущему — привет, обращенный к нам.

Годы реакции были годами окончательного возмужания и зрелости для Блока. Юношеские сны стихов о Прекрасной Даме и взрыв творческих сил в 1905 году остались далеко позади. Среда сверстников, казавшаяся ранее безоговорочно близкой, распалась. Блок обратился к театру.

Начало блоковской драматургии положено «Балаганчиком». Его ближайшие друзья и единомышленники были крайне возмущены и шокированы этим произведением, оно показалось им изменой, чуть ли не кощунственной. Они смотрели на эту непритязательную пьесу слишком серьезно, отсюда их страстная и пристрастная полемика, почти сектантская настороженность. Между тем сам по себе «Балаганчик» — бесхитростная, традиционная для молодого романтизма сценическая игра. В бесшабашной ее бестолочи, в настойчиво повторяющемся нарушении иллюзии, во вмешательстве автора (который и рассматривает себя как простака и неудачника) — во всей этой наивной атмосфере карнавальной шутки совершенно незачем подозревать нечто большее, более серьезное и глубокое, нежели ее сверкающая поверхность.

По отношению же к развитию самого поэта «Балаганчик» важен как своего рода *катарсис* — освобождение, выздоровление, отрезвление... Это признак здоровья художника, его самообладания. У Блока проснулась не только ирония по собственному адресу, но и вполне естественный юмор молодого и сильного существа, разглядевшего свой мир со стороны.

Сложнее обстоит дело со второй пьесой Блока, с «Незнакомкой». Этот прихотливый и неожиданный сплав одинокой лирической стихии, которая в нетронуто-трепетном мерцающем освещении перенесена на сцену — с еще более острой, чем в «Балаганчике», почти ожесточенной иронией, включавшей в себя элементы сатирического гротеска, если не карикатуры.

Значительно позже, уже после Октября, Блок писал: «Когда мы перечитываем теперь «Дон Карлоса» Шиллера, мы поражаемся величием архитектуры, тем многообразием замыслов, тем, идей, которые так свободно и спокойно вместил Шиллер в одну трагедию. Элементы исторической науки, искусства, музыки, живописи — все налицо в одной трагедии... Какое же творческое спокойствие, какой творческий досуг, какая насыщенная музыкой атмосфера окружала Шиллера!»[1] Несмотря

[1] Александр Блок, Собрание сочинений в восьми томах, т. 6, М.—Л. 1962, стр. 100. (В дальнейшем ссылки на это издание приводятся непосредственно в тексте указанием тома и страницы.)

на то, что Блок противопоставляет здесь «доброе, старое» время европейского гуманизма своей эпохе и говорит о крушении гуманизма, все же эта характеристика во многом относится к нему самому в пору создания «Розы и Креста», да и к самому произведению, сложному и поразительно богатому. В этой драме все доросло, закрепилось, нашло форму и язык, стало рельефно живописным. Этому помогает историзм пьесы, ее социальный фон. Все прочно стоит на земле: и феодальный замок с его обитателями среднего роста, и бушующие вокруг замка кровавые события, и точно обозначенные место и время действия. Особенно помогают живые образы всех действующих лиц, за одним исключением: Гаэтан намеренно и нарочито оставлен в некоей туманной отдаленности. Но и этот образ не колеблет реализма общей картины, скорее подчеркивает ее осязаемую плотность. Повторяю — здесь Блок окончательно созрел и возмужал как художник и человек.

Между тем шли годы, решающие в жизни человека. Блок уже не только поэт, но и публицист, упрямый мыслитель, историк, исследователь. Он стоит перед всем многообразием жизни, жадно глотает множество книг, путешествует по западным странам, вглядывается в памятники мирового искусства и в перекошенные лица городской толпы в европейских городах. Ему есть что сказать людям. Это широкие обобщения, думы о прошлом и будущем человечества. Это горькие думы. Блок ни от чего не зарекается, ни от какого знания, ни от какого вывода.

Так складывается мировоззрение писателя, цельное и органическое. Впоследствии Блок назвал его трагическим. «Оптимизм вообще,— писал он,— несложное и небогатое миросозерцание, обыкновенно исключающее возможность взглянуть на мир как на целое. Его обыкновенное оправдание перед людьми и перед самим собою в том, что он противоположен пессимизму; но он никогда не совпадает также и с *трагическим* миросозерцанием, которое одно способно дать ключ к пониманию сложности мира» (6, 105).

В чем же существо трагического миросозерцания? Продолжая мысль Блока, надо сказать, что оно прежде всего *диалектично,* полностью открыто конфликтам и противоречиям жизни. Задача художника — разглядеть и понять жизнь в борьбе ее противоположных сил, в вечном потоке движения. Нетрудно увидеть, что мечта Блока о таком цельном мировоззрении достаточно близка нам сегодня.

Основной, центральный узел блоковских раздумий — там, где соприкасаются поэзия и жизнь, личность и общество, сегодняшний день и вся история:

Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?..

Сюда тянутся тугие провода его публицистических выступлений. Разрыв между интеллигенцией и народом, грандиозная, веками накопленная вражда между культурой и стихией,— эти проблемы поставлены в статьях Блока с угловатой резкостью, которая не терпит смягчающих формулировок. Блоку нужны ответы окончательные, прямые, честные.

Над всеми «проклятыми» вопросами — пронзительная тоска, пронзительная любовь к России. Если в ранних стихах она звучала в подголосках оркестра, во внезапно набегающей волне, которая заставит вспомнить слышанную когда-то песню, то сейчас, в зрелом творчестве, она прорвалась как лейтмотив, троекратно возвещенная трубами, прокатилась в скрипичном хоре, и снова и снова возникает и повторяется в новых модуляциях ритма,— торжественная, упрямая, требовательная.

Это Россия его мечты, такая, какой она должна быть, загаданная в былинах и сказках, «где разноликие народы, из края в край, из дола в дол ведут ночные хороводы под заревом горящих сел». Далекая старина и самая близкая современность стоят рядом. Блок сам еще не знает, что перед ним: «стан половецкий и татарская буйная крепь», как было в дни «Слова о полку Игореве», или картина капиталистической, фабричной России — «многоярусный корпус завода, города из рабочих лачуг»? Снова и снова стоит он лицом к лицу с вековой историей страны, с ее необъятным пространством: «Знала ли что? Или в бога ты верила? Что там услышишь из песен твоих? Чудь начудила, да Меря намерила гатей, дорог да столбов верстовых...» Снова в русской поэзии воскрес заклинающий, обращенный к будущему голос: «У! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух...»

Недаром Блок связывал свое постижение России с тем, что прочел у Гоголя.

Как будто прост и однозначен сюжет поэмы «Возмездие», тесно переплетенный с биографией самого Блока, с отношениями его отца и матери, особенно с личностью отца. Да, это «коротенький обрывок рода — два-три звена» в смене человеческих поколений, семейная хроника, дифференциал истории. Но на этом маленьком плацдарме дан бой русской и мировой истории. «Дроби, мой гневный ямб, каменья!» — это восклицание завершает вступление в поэму. Гневному ямбу предстоит понять, «как зреет гнев в сердцах, и с гневом — юность и свобода, как в каждом дышит дух народа»,— словом, перед Блоком задача поэзии высокого стиля, больших обобщений, задача эпоса. Блок неясно различает очертания будущего создания «сквозь магический кристалл». Он пробует себя, нащупывает метод.

С первых же строк открывается многообещающая перспектива:

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!..

Перспектива не обманывает. Девятнадцатый век — всего только предполье для других, более яростных битв.

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла...

...И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...

В поэме возникают петербургские квартиры конца века, улицы и площади, полные народу в дни возвращения армии после русско-турецкой кампании, конспиративные сходки народовольцев, Достоевский в салоне петербургской дамы. И дальше и дальше идет повествование: глухие годы победоносцевской реакции, начало нового века, когда

Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января...

Поэма была встречена холодно, если не враждебно. Вяч. Иванов видел «разложение, распад, как результат богоотступничества... преступление и гибель в этой поэме» [1]. Как видно, корни того разрыва, который произошел между Блоком и его средой после Октября,— это очень глубокие корни, они обусловлены всем путем автора «Двенадцати» и «Скифов».

Поэма «Возмездие» осталась незаконченной. Мы читаем теперь ее фрагменты — пролог, первую главу, вступление ко второй, большую часть третьей да еще несколько стихотворных отрывков и прозаических планов. Из этого, конечно, следует, что Блок не нашел для своего замысла окончательного воплощения, хотя и возвращался к работе не однажды, но уже совсем в другие времена: предисловие к впервые издаваемой третьей главе написано в 1919 году, а последние стихотворные отрывки датированы 1921, то есть годом смерти поэта.

Главная мысль его ясна. Это мысль историческая. И судьбу своего отца, и собственную судьбу он пытался понять и определить исторически. Сквозь туман гадательных предположений перед Блоком брезжили простые догадки, простые выводы—о разложении дворянской культуры,

[1] Сергей Городецкий, Воспоминания об Александре Блоке.— Журн. «Печать и революция», М. 1922, № 1, стр. 86.

о распаде социальной среды, к которой он принадлежал. Все яснее росло в нем сознание классового отщепенства. Все глубже чувствовал он, что его отщепенство обусловлено всем ходом русской истории.

Какой же была при этом личная жизнь? Отнюдь не светла и не безоблачна. В ней было в избытке все, что полагается на долю страстного и грешного человека. Жизнь Александра Блока — это жизнь интеллигентного пролетария, юность, потерянная «в кабаках, в переулках, в извивах, в электрическом сне наяву», открытая для всех соблазнов ночного города. «Отчаяние и злоба» господствуют в блоковской лирике того времени. Между тем его мастерство становится совершенным инструментом, виртуозный ритм отточен для передачи ресторанно-демонического колорита, для цыганщины. Уже сказано: «Как тяжко мертвецу среди людей живым и страстным притворяться!» Уже написаны самые лучшие и выразительные стихи. Уже разучивают их наизусть. Уже прозвучала классика итальянского цикла. Александр Блок — самый популярный, самый любимый из поэтов эпохи. У него много подражателей, вплоть до дешевой эстрады. Но чем разухабистее распевает улица песенку, сочиненную «под Блока», тем мрачнее, собраннее и строже становится он сам, судорожно сжимая в нескольких четверостишиях свои горькие думы.

В чем же состояло оно, это совершенство зрелого Александра Блока, так волшебно действовавшее на современников,— да что на современников, разве его не хватило на прошедшие с той поры пятьдесят с лишним лет! Так в чем же оно?

...Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами —
Всё проклятье своей красоты?

...Эта прядь — такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

К кому и куда обращены эти заклинающие сетования? Той или другой женщине, с возможностью по документам восстановить имя — отчество — фамилию — домашний адрес? Поистине, дело обстоит совсем по-другому!

Речь идет о первоисточнике поэтического вдохновения — или еще шире: о первоисточнике юношеской радости жизни, таком чистом когда-то и таком замутненном сейчас. Первая цитата взята из стихотворения «К Музе». Во второй речь идет о реальной женщине, у которой одна только примета — золотая прядь. Но речь идет о том же, о безвозвратном.

Волшебство Блока в том, что каждый откликнется по-разному и по-своему на этот стон о поругании Красоты, о ее трагической участи. Скоро, очень скоро Александр Блок еще раз, в последний раз вернется к поруганию Красоты, к ее трагической гибели.

Наступил 1914 год. Началась первая мировая война. Среди русских поэтов нашлись многие, кто с охотой и ремесленной ловкостью рифмовал официальные лозунги царского правительства. Голос молодого Маяковского, отрицавшего войну, еще не был услышан. Также не был услышан и голос Блока. Между тем это был голос значительный и достойный:

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.

И удивительное дело! В то время как представители самых разных толков и направлений, глядя в ужасное лицо войны, надеялись, что вот она — последняя война на зеленой планете, верили, что человечество, достигнув таких пределов в искусстве уничтожения, одумается наконец,— Блок остался вне оптимистического гипноза. В его черновиках мы прочли: «Разве это последняя в мире война?» (3, 598). Он нашел в себе мужество трезвого знания — прямо смотреть в будущее, и его мозга не отравил «грядущих войн ужасный вид».

Сколько было тогда написано книг — и научных, и лженаучных, и совсем не научных — о «духовном кризисе», о «гибели Европы»! Скольким интеллигентам Европы диктовали усталость и отвращение к жизни! Это были те самые люди, о которых Блок сказал:

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста,—
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста...

Категории прошедшего и будущего ясно показывают, о чем идет речь. Речь идет об истории, о живом чувстве непрерывного исторического потока. Это чувство было присуще Блоку в высокой степени.

И если в дни Октябрьской революции Блок с открытым сердцем, один из первых, повернулся к народу, творящему революцию, то в этом нет ничего неожиданного. Это неизбежное продолжение его пути. Когда еще в самые глухие годы реакции, среди общего разброда и шатания умов, он с упорством, которое многим казалось чуть ли не маниакальным, «наивно», как квалифицировали его ученые оппоненты, ставил «роковые» и «проклятые» вопросы о разрыве между интеллигенцией и народом, когда требовал и от себя и от других современников нравственно оправданного и нужного народу искусства,— тогда уже определилась его будущая позиция по отношению к революции:

На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне.

Это сказано о том же самом, о таком же неизбежном для Блока восприятии действительности. Вожатым его была правда, руководила им совесть.

В письме к В. Розанову в 1909 году, он писал: «...мне неловко говорить и нечего делать со сколько-нибудь важным чиновником или военным, я не пойду к пасхальной заутрене к Исакию, потому что не могу различить, что блестит: солдатская каска или икона, что болтается — жандармская епитрахиль или поповская нагайка. Все это мне по крови отвратительно» (8, 274—275). И в другом письме к тому же Розанову: «Современная русская государственная машина есть, конечно, гнусная, слюнявая, вонючая старость: семидесятилетний сифилитик... Революция русская в ее лучших представителях — юность с нимбом вокруг лица... Если есть чем жить, то только этим. И если где такая Россия «мужает», то, уж конечно,— только в сердце русской революции...» (8, 277).

Не надо забывать, что суровая решимость быть на стороне революционного народа далась ему нелегко. Слишком многим — и воспитанием, и дружескими связями, и мировоззрением, и литературной позицией — был он связан с уходящим обществом. Его решение вызвало оголтелую ненависть среди подавляющего большинства недавних единомышленников, среди всей либеральной русской интеллигенции.

События и страсти сорокапятилетней давности стали достоянием истории, но душевный порыв самого Блока не устарел, не ушел в историю. Он поражает и сегодня.

В 1917—1918 годах он незыблемо верит в благородство и величие народа, творящего свою волю в социальной революции. Он восхищен революционным порядком, господствующим в Петрограде с того момента, как исчезла царская полиция, восхищен великодушием питерского пролетариата. Добросовестно и жадно подмечает все новые и новые признаки-приметы полюбившихся ему черт народной жизни, чутко прислушивается к солдатским разговорам в караулах Зимнего дворца, куда он вхож в качестве одного из работников Верховной следственной комиссии. Никакие толки и кривотолки, никакие обывательские сплетни не могут поколебать его веры в правоту народного дела.

Рядом с верой в новые социальные силы — почти безотчетная ненависть, «Злоба, грустная злоба кипит в груди... Черная злоба, святая злоба...» к уходящему миру. По существу, это сказано в «Двенадцати» о самом себе. Он и не пытается дать себе отчет в причинах ненависти. Она настолько сильна, что за ней угадывается весь опыт прожитой жизни, множество разрозненных впечатлений и от царской России, и от

западных стран, и от литературной среды где-то рядом, стоившей ему столько крови, и даже от собственной не слишком чтимой родни. Еще так недавно Блок не умел, а то и не хотел назвать враждебный ему мир точно, обозначить его именем. В 1917 году он назвал своего врага без обиняков — это буржуазия, всесветный, а прежде всего петербургский, обыватель и мещанин, одинаковый во всех сословиях, хотя бы и голубой дворянской крови. Здесь Блок поразительно прозорлив и на редкость безжалостен. Какого-нибудь безобидного соседа по дому, бывшего чиновника, он разглядывает с упорной и сосредоточенной ненавистью, он становится чем-то вроде уголовного следователя по отношению к этому случайно подвернувшемуся человеческому жилью. Во всей тогдашней революционной публицистике не много найдется таких обличительно страстных документов, как соответствующие страницы блоковских дневников! Поистине — «такой любви и ненависти люди не выносят, какую я в себе ношу». Это было провозглашено за десять лет до революции и стихийно ворвалось в его жизнь вместе с нею.

Кончая поэму «Двенадцать», обычно очень скромный в самооценках, Блок пометил в своей записной книжке: «Сегодня я — гений». Поэма эта была во многом неожиданной и для самого автора, она явилась результатом, как он выразился, «слепой отдачи стихии». Колеблющийся, зыбкий фон поэмы, ее внутренний, иногда подразумеваемый пейзаж — ветер, вьюга, ночной город и его окраины, занесенные сугробами,— все это вернулось из поэтической юности Блока, из «Снежной маски».

Снежная мгла взвилáсь.
Легли сугробы кругом...

И снежные брызги влача за собой,
Мы летим в миллионы бездн...

Новым для поэта был народный строй поэмы, ее связь с солдатским фольклором, с частушечными ритмами семнадцатого года, городское просторечье. Темный и смутный рой видений, возникающий в гениальной поэме,— двенадцать красногвардейцев, идущих «державным шагом» сквозь метель петроградских улиц восемнадцатого года,— все это никогда не забудется в нашей поэзии. Двенадцать красногвардейцев остались жить.

Финал «Двенадцати» нуждается в особой пристальности. Я имею в виду загадочное появление Христа в последней из глав. Как известно, сам поэт отказывался внятно объяснить, откуда и почему возникает евангельский образ. Наше литературоведение либо обходило стороной невнятную загадку, либо пыталось — в целях идейной реабилитации автора и самой поэмы — отрицать важное значение этого образа. Мне кажется, в том и другом случае исследователи поступали неправильно. Что же касается Блока, то и его молчание не снимает с нас обязан-

ности понять «Двенадцать» до конца, то есть как целостное и закономерно завершенное явление искусства. Только такого нелицеприятного анализа заслуживает великий поэт. И раскрыть сущность поэмы удастся только в том случае, если раскроется сущность ее последней главы.

С первой же строки она полна нарастающей тревоги. Двенадцать красногвардейцев продолжают свой путь «державным шагом» по ночному Петрограду, по сугробам, наметенным вьюгой. Тревога красногвардейцев звучит в их безответных, брошенных в ночную мглу вопросах:

— Кто еще там? Выходи!..
— Кто в сугробе — выходи!..
— Эй, откликнись, кто идет?
— Кто там машет красным флагом?..
— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?
— Всё равно тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Приведя эти отрывочные и отрывистые восклицания, мы исчерпали весь движущий механизм главы и приблизились к самому концу поэмы. Ответ на тревогу красногвардейцев ясен и прост: неизвестный, идущий впереди с красным флагом в темноте вьюжной ночи, кажущийся красногвардейцам врагом и злоумышленником,— этот загадочный призрак не кто иной, как Христос.

Таков ответ Блока на тревогу его героев. Христос ведет их по революционно-боевому пути, не видимый ими, невредимый для их свинца, может быть, ими ненавидимый.

Решающее свойство Александра Блока, как духовной и творческой личности, свойство, обозначавшееся в нем с годами все с большей глубиной и резкостью, заключалось в стремлении достигать — в большом и малом одинаково — самой отвесной крутизны: познания, опыта, личного и социально-исторического — крутизны рабочей и творческой. Отсюда непрестанный поиск синтеза культуры, синтеза многозначного и емкого в определениях. Сама культура мыслилась поэту в трех воплощениях, одинаково существенных для него: нравственность, социальная связь между людьми, красота. В «Двенадцати», в последнем по времени произведении Блока, осуществлено стремление связать воедино три начала культуры.

Социальное подсказано самой эпохой: на глазах поэта только что произошел и продолжает развиваться и углубляться величайший в истории социальный переворот. Позиция самого Блока по отношению к историческим событиям обозначена резко и прямо,— здесь ничто не вызывает сомнений и не нуждается в оговорках.

Рядом с социальным — вернее же, внутри социального — возникает *красота,* ее унижение и попрание. Унижение в сатирических образах уходящего мира мещанства в первой же главе: для Блока это прежде всего мир *безобра́зный.* Попрание красоты в еще большем, оно в центре замысла: это убийство. Один из красногвардейцев убивает свою любовницу, питерскую проститутку,— ту самую, что «с юнкерьем гулять ходила — с солдатьем теперь пошла»: эта маленькая венера вне социальной борьбы, выше или ниже — все равно, но юнкера и солдаты одинаково нуждаются в ней. Катька — это не только живьем выхваченный из окружающей действительности образ несчастной, «пропащей» девушки. Убийство Катьки не только рядовой эпизод уголовной хроники. В поэме речь идет о более насущном для поэта Прекрасной Дамы. В лице Катьки убита сама Любовь — заглавная буква для любви обязательна, она достаточно оправдана Блоком, чтобы нуждаться в особом обосновании. Убита Любовь,— значит, убита Красота.

Вот в силу какого сцепления мотивов, их многозначной структуры, в поисках какого синтеза в конце поэмы возникает Христос. Он возникает как нравственная санкция развертывающихся событий, иначе говоря — как требование и обещание: неясное для действующих лиц, невероятное для их смятенного сознания, но призванное им в помощь. С точки зрения Блока они действительно нуждаются в такой помощи — только в ней и нуждаются.

В «Скифах» все нешуточно, все о главном. Уже первая строка убеждает в этом: «Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы». «Тьмы» противопоставлены миллионам. Миллионы поддаются счислению, «тьмы» — нет. В старославянском языке тьма есть нечто не могущее и не должное быть сосчитанным. Так и у Блока: речь идет о целостном существовании человечества вместе с его бесчисленными предками и бесчисленными будущими потомками,— тот самый «род людской», о котором поется в «Интернационале».

О той же емкости напоминает запев второй строфы — «Для вас — века, для нас — единый час»: цикл веков, умещающийся в сознании европейцев,— всего только час мировой истории для человечества, для Индии, для Китая, для Египта, для древних рас Южной Америки.

И этнически («тьма»), и исторически («единый час») Блок раздвигает границы понятия «Скифов» — в беспредельность. Стало быть, и «Россия» в этих ямбах не только географическая родина, тем более не только «Русь моя, жизнь моя» или «О, Русь моя! Жена моя», как это было у Блока недавно,— нет. Россия стала центром притяжения мировых сил, это *Россия в Октябре семнадцатого года.* Такой она стала в глазах Александра Блока и должна стать, по его представлениям, для современных ему людей Запада.

В самом движении этих мощных ямбов, в их сложном контрапункте заложена диалектика, которая снова и снова раздвигает горизонт исторической картины. Сюда же привлечена неукрощенная стихия — «провал и Лиссабона, и Мессины». Привлечено и вековое томление человеческого духа «пред Сфинксом с древнею загадкой». И снова и снова Блок дает понять нешуточность предстоящего разговора с Западом:

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

И сейчас же вслед за этим движутся знаменитые, центральные по значению, чаще всего цитируемые строфы «Скифов». Они центральны и для самого Блока, для всего Блока: историзмом своим, ощущением близости западной культуры, вернее же — отдельных западных культур, романской и германской («острый галльский смысл и сумрачный германский гений...»).

Здесь Блок полновластный хозяин, он у себя дома, в своей издавна облюбованной области. Ему и книги в руки!

Соответственно этому крепнет и мужает самый ямб, он становится по-особому содержательным и емким, достигает пушкинской пластической зрелости.

Системе мыслей и чувств в этой части «Скифов» соответствует очень многое в историко-философской публицистике Блока, да и не только в ней, но и в замыслах таких широких его обобщений, как «Роза и Крест», «Шаги командора», «Кармен», все эти знаменательные возвраты к образам европейской поэтической культуры, возврата и к античности — к Катуллу, использованному Блоком так неожиданно и веско в «Катилине»; следует вспомнить о значении, которое получило в творчестве Блока итальянское искусство Возрождения. Эти образы обязательно должны быть сгруппированы рядом с выразительными строфами «Скифов»; они оживают здесь новой жизнью:

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

За этим стоит весь девятнадцатый век русской культуры — Чаадаев, Герцен, Достоевский и еще множество русских мыслителей, которые буквально выстрадали свои провиденциальные и так далеко идущие, так далеко зовущие обобщения о судьбах мировой культуры. Как и во многих других случаях, Александр Блок связывает русский девятнадцатый век со своим историческим часом, а значит, и со всеми нами.

Вот почему и патетическое заключение «Скифов» с такой силой вторгается в шестидесятые годы века:

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

Это значит, дата, стоящая под «Скифами»,— 30 января 1918 года — должна быть отмечена как дата рождения советской поэзии. Поистине этими стихами более, чем какими бы то ни было другими, может и должна открываться антология нашей поэзии!

Уже сказано о том, каким упорным и всеобщим заговором молчания и клеветы был встречен приход Блока к большевикам со стороны его недавних единомышленников. Ему не подавали руки. Кричали или шептали: «Изменник!» Вот тут-то и возникла очень удобная для этих людей легенда о якобы политической и гражданской безответственности Блока, о его внутренней невменяемости, о так называемом лирическом сумбуре.

Но у суровой правоты Блока, у мужественной его совести нет ничего общего с каким бы то ни было лирическим сумбуром. Понадобилось сочетание мощного поэтического дара и нравственной стойкости, чтобы так прийти к революции, к народу, как это сделал Блок. Но прежде всего надо было так любить родину, как любил он.

И мы снова и снова прислушиваемся к этой суровой правоте:

«Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать нежданного; верить не в «то, чего нет на свете», а в то, что должно быть на свете. Пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь *отдаст* нам это, ибо она — *прекрасна*» (6, 14).

И далее:

«Не стыдно ли издеваться над безграмотностью каких-нибудь объявлений или писем, которые писаны доброй, но неуклюжей рукой?.. Не стыдно ли прекрасное слово «товарищ» произносить в кавычках?» (6, 19).

И далее:

«Мир и братство народов» — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать» (6, 13).

И наконец:

«Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию» (6, 20).

Блок вырастает как мыслитель особого склада и типа. Вспоминаются знаменитые, по-своему очень скромные, слова Герцена, хотя они и были сказаны совсем по другому поводу в предисловии к пятой части «Былого и дум»: «Отражение истории в человеке, *случайно* попавшемся на ее дороге».

Блок был именно таким человеком. Именно этим обусловлена блоковская сейсмографическая чуткость к русской и мировой жизни, его особый дар, который может казаться и пророческим, если угодно. На самом же деле дар этот проще и жизненнее. Его образует музыкальный, нервно-восприимчивый слух художника в соприкосновении с *совестью*. Совесть — вот чем был поистине перегружен Александр Блок до предела! Совесть могла затруднять и отяжелять его решения в отдельном случае, но она безошибочно вела его и руководила каждым его действием в большом плане и каждым поступком в малом. Совесть воспитала в нем гражданское мужество и сознание ответственности перед народом и обществом. Вот чем отличается Блок от подавляющего большинства литераторов той эпохи. Отсюда и возникает взрывная сила перемен, происходивших в нем на протяжении короткой жизни,— из них самая поразительная относится к октябрю 1917 года.

Однажды он сказал: «Культуру надо любить так, чтобы ее гибель не была страшна». Это характерное и важное для Блока признание. Ему было свойственно чувство гибели, неотступно присутствующей где-то рядом, непрестанно напоминающей о себе. Так и выходило для Блока, что поэт — не только глашатай культуры, но и ее бодрствующий, воинственный страж. Он любил воздух своего исторического «неблагополучия», однако его духовная и нравственная позиция оставалась при этом деятельной, бдительной, героической.

Он не дожил своей жизни, не сделал до конца всего, что задумал. Так же как Лермонтов, проживший еще меньше, чем он, Блок в большой мере остался для нас в черновиках, в замыслах, в отрывках, в вариантах. Так же, как Лермонтов, он знал «одной лишь думы власть», знал одну только творческую тревогу и, в силу ее власти над собой, был художником без завершения, без продолжения. Его тревога искала выражения не только в лирике, но и в драматургии, не только в художественном творчестве, но и в философии, и в публицистике. Однако морфология этих разных и противоречивых поисков цельна и едина. Рост ее ствола органичен, как все живое.

Загадку единой творческой тревоги поэта мы разгадываем по мере сил. То же самое будут делать и будущие исследователи. Работы хватит на всех.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

(1898—1904)

* * *

Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье,—
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.
Ночь распростерлась надо мной
И отвечает мертвым взглядом
На тусклый взор души больной,
Облитой острым, сладким ядом.
И тщетно, страсти затая,
В холодной мгле передрассветной
Среди толпы блуждаю я
С одной лишь думою заветной:
Пусть светит месяц — ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье,—
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.

Январь 1898. С.-Петербург

[1] До света *(лат.).— Ред.*

* * *

Н. Гуну

Ты много жил, я больше пел...
Ты испытал и жизнь и горе,
Ко мне незримый дух слетел,
Открывший полных звуков море...

Твоя душа уже в цепях;
Ее коснулись вихрь и бури;
Моя — вольна: так тонкий прах
По ветру носится в лазури.

Мой друг, я чувствую давно,
Что скоро жизнь меня коснется...
Но сердце в землю снесено
И никогда не встрепенется!

Когда устанем на пути,
И нас покроет смрад туманный,
Ты отдохнуть ко мне приди,
А я — к тебе, мой друг желанный!

Весна 1898

* * *

Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит.
Бледный, бледный луг цветущий,
Мрак ночной, по нем ползущий,
Отдыхает, спит.
Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога
Под луной царит.
Хоть и знаешь: утром рано
Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,

И тогда пройдешь тропинкой,
Где под каждою былинкой
Жизнь кипит.

21 июля 1898. С. Шахматово

МОЕЙ МАТЕРИ

Друг, посмотри, как в равнине небесной
Дымные тучки плывут под луной,
Видишь, прорезал эфир бестелесный
Свет ее бледный, бездушный, пустой?

Полно смотреть в это звездное море,
Полно стремиться к холодной луне!
Мало ли счастья в житейском просторе?
Мало ли жару в сердечном огне?

Месяц холодный тебе не ответит,
Звезд отдаленных достигнуть нет сил...
Холод могильный везде тебя встретит
В дальней стране безотрадных светил...

Июль 1898

* * *

Она молода и прекрасна была
И чистой мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце мое разрывалось!..

Она беззаботна, как синяя даль,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль...
Как сердце мое разрывалось!..

Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь...
Как сердце мое разрывалось!..

27 июля 1898

* * *

Там один и был цветок,
Ароматный, несравненный...
Жуковский

Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.
Там цветут и клевер пышный,
И невинный василек,
Вечно шелест легкий слышно:
Колос клонит... Путь далек!
Есть одно лишь в океане,
Клонит лишь одно траву...
Ты не видишь там, в тумане,
Я увидел — и сорву!

7 августа 1898
Дедово

* * *

Усталый от дневных блужданий
Уйду порой от суеты
Воспомнить язвы тех страданий,
Встревожить прежние мечты...

Когда б я мог дохнуть ей в душу
Весенним счастьем в зимний день!
О, нет, зачем, зачем разрушу
Ее младенческую лень?

Довольно мне нестись душою
К ее небесным высотам,
Где счастье брежжит нам порою,
Но предназначено — не нам.

30 октября 1898

* * *

Есть в дикой роще, у оврага,
Зеленый холм. Там вечно тень.
Вокруг — ручья живая влага
Журчаньем нагоняет лень.
Цветы и травы покрывают
Зеленый холм, и никогда
Сюда лучи не проникают,
Лишь тихо катится вода.
Любовники, таясь, не станут
Заглядывать в прохладный мрак.
Сказать, зачем цветы не вянут,
Зачем источник не иссяк? —
Там, там, глубóко, под корнями
Лежат страдания мои,
Питая вечными слезами,
Офелия, цветы твои!

3 ноября 1898

* * *

Мне снилось, что ты умерла.
Гейне

Мне снилась смерть любимого созданья:
Высóко, весь в цветах, угрюмый гроб стоял,
Толпа теснилась вкруг, и речи состраданья
Мне каждый так участливо шептал.
А я смотрел кругом без думы, без участья,
Встречая свысока желавших мне помочь;
Я чувствовал вверху незыблемое счастье,
Вокруг себя — безжалостную ночь.
Я всех благодарил за слово утешенья
И руки жал, и пела мысль в крови:
«Блаженный, вечный дух унес твое мученье!
Блажен утративший создание любви!»

10 ноября 1898

* * *

К. М. С.

Луна проснулась. Город шумный
Гремит вдали и льет огни,
Здесь всё так тихо, там безумно,
Там всё звенит,— а мы одни...
Но если б пламень этой встречи
Был пламень вечный и святой,
Не так лились бы наши речи,
Не так звучал бы голос твой!..
Ужель живут еще страданья,
И счастье может унести?
В час равнодушного свиданья
Мы вспомним грустное прости... [1]

14 декабря 1898

* * *

Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене,
Безумная, как страсть, спокойная, как сон,
А я, повергнутый, склонял свои колени
И думал: «Счастье там, я снова покорен!»
Но ты, Офелия, смотрела на Гамлета
Без счастья, без любви, богиня красоты,
А розы сыпались на бедного поэта,
И с розами лились, лились его мечты...
Ты умерла, вся в розовом сиянии,
С цветами на груди, с цветами на кудрях,
А я стоял в твоем благоуханьи,
С цветами на груди, на голове, в руках...

23 декабря 1898

---

[1] Стихи Полонского.

* * *

Окрай небес — звезда омега,
Весь в искрах, Сириус цветной.
Над головой — немая Вега
Из царства сумрака и снега
Оледенела над землей.

Так ты, холодная богиня,
Над вечно пламенной душой
Царишь и властвуешь поныне,
Как ты холодная святыня
Над вечно пламенной звездой!

27 января 1899

* * *

Милый друг! Ты юною душою
Так чиста!
Спи пока! Душа моя с тобою,
Красота!
Ты проснешься, будет ночь и вьюга
Холодна.
Ты тогда с душой надежной друга
Не одна.
Пусть вокруг зима и ветер воет,—
Я с тобой!
Друг тебя от зимних бурь укроет
Всей душой!

8 февраля 1899

ПЕСНЯ ОФЕЛИИ

Разлучаясь с девой милой,
Друг, ты клялся мне любить!..
Уезжая в край постылый,
Клятву данную хранить!..

Там, за Данией счастливой,
Берега твои во мгле...
Вал сердитый, говорливый
Моет слезы на скале...

Милый вопн не вернется,
Весь одетый в серебро...
В гробе тяжко всколыхнется
Бант и черное перо...

8 февраля 1899

* * *

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы.
Лермонтов

Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет,
Свергает одного, другого создает,
И для меня, слепого, где-то блещет
Святой огонь и младости восход!
К нему стремлюсь болезненной душою,
Стремлюсь и рвусь, насколько хватит сил...
Но, видно, я тяжелою тоскою
Корабль надежды потопил!
Затянут в бездну гибели сердечной,
Я — равнодушный серый нелюдим...
Толпа кричит — я хладен бесконечно.
Толпа зовет — я нем и недвижим.

23 февраля 1899

ГАМАЮН. ПТИЦА ВЕЩАЯ

(Картина В. Васнецова)

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...

Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекраеный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

23 февраля 1899

* * *

Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом,
А в сердце, замирая, пел
Далекий голос песнь рассвета.
Рассвета песнь, когда заря
Стремилась гаснуть, звезды рдели,
И неба вышние моря
Вечерним пурпуром горели!..
Душа горела, голос пел,
В вечерний час звуча рассветом.
Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом.

18 мая 1899

* * *

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверьи Идеала
Туманным факелом моим.
И только вечер — до Благого
Стремлюсь моим земным умом,
И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.

26 мая 1899

* * *

Дышит утро в окошко твое,
Вдохновенное сердце мое,
Пролетают забытые сны,
Воскресают виденья весны,
И на розовом облаке грез
В вышине чью-то душу пронес
Молодой, народившийся бог...
Покидай же тлетворный чертог,
Улетай в бесконечную высь,
За крылатым виденьем гонись,
Утро знает стремленье твое,
Вдохновенное сердце мое!

5 августа 1899

* * *

К. М. С.

Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Молча с тобою мы шли...
Шли мы — луна поднималась
Выше из темных оград,
Ложной дорога казалась —
Я не вернулся назад.
Наша любовь обманулась,
Или стезя увлекла —
Только во мне шевельнулась
Синяя города мгла...
Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Мы безрассудно пошли...

23 августа 1899

* * *

Город спит, окутан мглою,
Чуть мерцают фонари...
Там далёко, за Невою,
Вижу отблески зари.
В этом дальнем отраженьи,
В этих отблесках огня
Притаилось пробужденье
Дней тоскливых для меня...

23 августа 1899

* * *

Не легли еще тени вечерние,
А луна уж блестит на воде.
Всё туманнее, всё суевернее
На душе и на сердце — везде...
Суеверье рождает желания,
И в туманном и чистом *везде*
Чует сердце блаженство свидания,
Бледный месяц блестит на воде...
Кто-то шепчет, поет и любуется,
Я дыханье мое затаил,—
В этом блеске великое чуется,
Но великое я пережил...
И теперь лишь, как тени вечерние
Начинают ложиться смелей,
Возникают на миг суевернее
Вдохновенья обманутых дней...

5 октября 1899

SERVUS—REGINAE[1]

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.

[1] Слуга — царице *(лат.).— Ред.*

И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.

Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой — слуга; порою — милый;
И вечно — раб.

14 октября 1899

* * *

Медлительной чредой нисходит день осенний,
Медлительно крутится желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист –
Душа не избежит невидимого тленья.

Так, каждый день стареется она,
И каждый год, как желтый лист кружится,
Всё кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.

5 января 1900

* * *

Ярким солнцем, синей далью
В летний полдень любоваться —
Непонятною печалью
Дали солнечной терзаться...

Кто поймет, измерит оком,
Что́ за этой синей далью?
Лишь мечтанье о далеком
С непонятною печалью...

17 февраля 1900

* * *

Лениво и тяжко плывут облака
По синему зною небес.
Дорога моя тяжела, далека,
В недвижном томленьи лес.

Мой конь утомился, храпит подо мной,
Когда-то родимый приют?..
А там, далеко, из-за чащи лесной
Какую-то песню поют.

И кажется: если бы голос молчал,
Мне было бы трудно дышать,
И конь бы, храпя, на дороге упал,
И я бы не мог доскакать!

Лениво и тяжко плывут облака,
И лес истомленный вокруг.
Дорога моя тяжела, далека,
Но песня — мой спутник и друг.

27 февраля 1900

* * *

Шли мы стезею лазурною,
Только расстались давно...
В ночь непроглядную, бурную
Вдруг распахнулось окно...
Ты ли, виденье неясное?
Сердце остыло едва...
Чую дыхание страстное,
Прежние слышу слова...
Ветер уносит стенания,
Слезы мешает с дождем...
Хочешь обнять на прощание?
Прошлое вспомнить вдвоем?

Мимо, виденье лазурное!
Сердце сжимает тоской
В ночь непроглядную, бурную
Ветер, да образ былой!

28 февраля 1900

* * *

Я шел во тьме дождливой ночи
И в старом доме, у окна,
Узнал задумчивые очи
Моей тоски.— В слезах, одна
Она смотрела в даль сырую...
Я любовался без конца,
Как будто молодость былую
Узнал в чертах ее лица.
Она взглянула. Сердце сжалось,
Огонь погас — и рассвело.
Сырое утро застучалось
В ее забытое стекло.

15 марта 1900

* * *

Поэт в изгнаньи и в сомненьи
На перепутьи двух дорог.
Ночные гаснут впечатленья,
Восход и бледен и далек.

Всё нет в прошедшем указанья,
Чего желать, куда идти?
И он в сомненьи и в изгнаньи
Остановился на пути.

Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму,
Что день проснется, вскроет вежды,
И даль привидится ему.

31 марта 1900

* * *

Хоть всё по-прежнему *певец*
Далеких жизни песен странных
Несет лирический венец
В стихах безвестных и туманных,—
Но к цели близится *поэт,*
Стремится, истиной влекомый,
И вдруг провидит новый свет
За далью, прежде незнакомой...

5 апреля 1900

* * *

Прошедших дней немеркнущим сияньем
Душа, как прежде, вся озарена.
Но осень ранняя, задумчиво грустна,
Овеяла меня тоскующим дыханьем.
Близка разлука. Ночь темна.
А всё звучит вдали, как в те младые дни:
Мои грехи в твоих святых молитвах,
Офелия, о нимфа, помяни.
И полнится душа тревожно и напрасно
Воспоминаньем дальным и прекрасным.

28 мая 1900

* * *

Не призывай и не сули
Душе былого вдохновенья.
Я — одинокий сын земли,
Ты — лучезарное виденье.

Земля пустынна, ночь бледна,
Недвижно лунное сиянье,
В звездах — немая тишина —
Обитель страха и молчанья.

Я знаю твой победный лик,
Призывный голос слышу ясно,
Душе понятен твой язык,
Но ты зовешь меня напрасно.

Земля пустынна, ночь бледна,
Не жди былого обаянья,
В моей душе отражена
Обитель страха и молчанья.

1 июня 1900

* * *

В часы вечернего тумана
Слетает в вихре и огне
Крылатый ангел от страниц Корана
На душу мертвенную мне.

Ум полон томного бессилья,
Душа летит, летит...
Вокруг шумят бесчисленные крылья,
И песня тайная звенит.

3 июня 1900

* * *

На небе зарево. Глухая ночь мертва.
Толпится вкруг меня лесных дерев громада,
Но явственно доносится молва
Далекого, неведомого града.

Ты различишь домов тяжелый ряд,
И башни, и зубцы бойниц его суровых,
И темные сады за ка́мнями оград,
И стены гордые твердынь многовековых.

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забытый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.

10 июня 1900

* * *

То отголосок юных дней
В душе проснулся, замирая,
И в блеске утренних лучей,
Казалось, ночь была немая.

То сон предутренний сошел,
И дух, на грани пробужденья,
Воспрянул, вскрикнул и обрел
Давно мелькнувшее виденье.

То был безжалостный порыв
Бессмертных мыслей вне сомнений.
И он умчался, пробудив
Толпы забытых откровений.

То бесконечность пронесла
Над падшим духом ураганы.
То Вечно-Юная прошла
В неозаренные туманы.

29 июля 1900

* * *

Последний пурпур догорал,
Последний ветр вздохнул глубоко,
Разверзлись тучи, месяц встал,
Звучала песня издалёка.

Все упованья юных лет
Восстали ярче и чудесней,
Но скорбью полнилась в ответ
Душа, истерзанная песней.

То старый бог блеснул вдали,
И над зловещею зарницей
Взлетели к югу журавли
Протяжно плачущей станицей.

4 августа 1900

* * *

Твой образ чудится невольно
Среди знакомых пошлых лиц.
Порой легко, порою больно
Перед Тобой не падать ниц.

В моем забвеньи без печали
Я не могу забыть порой,
Как неутешно тосковали
Мои созвездья над Тобой.

Ты не жила в моем волненьи,
Но в том родном для нас краю –
И в одиноком поклоненьи
Познал я истинность Твою.

22 сентября 1900

* * *

Я знаю, смерть близка. И ты
Уже меня не пре́зришь ныне.
Ты снизойдешь из чистоты
К моей тоскующей кончине.

Но мне любовь твоя темна,
Твои признанья необычны.
Найдешь ли в сердце имена
Словам и ласкам непривычным?

Что́, если ты найдешь слова,
И буду в позднем умиленьи
Я, умирающий едва,
Взывать о новом воскресеньи?

15 октября 1900

* * *

Отрекись от любимых творений,
От людей и общений в миру,
Отрекись от мирских вожделений,
Думай день и молись ввечеру.

Если дух твой горит беспокойно,
Отгоняй вдохновения прочь.
Лишь единая мудрость достойна
Перейти в неизбежную ночь.

На земле не узнаешь награды.
Духом ясный пред божьим лицом,
Догорай, покидая лампаду,
Одиноким и верным огнем.

1 ноября 1900

* * *

О. М. Соловьевой

Ищу спасенья.
Мои огни горят на высях гор —
Всю область ночи озарили.
Но ярче всех — во мне духовный взор
И Ты вдали... Но Ты ли?
Ищу спасенья.

Торжественно звучит на небе звездный хор.
Меня клянут людские поколенья.
Я для Тебя в горах зажег костер,
Но Ты — виденье.
Ищу спасенья.

Устал звучать, смолкает звездный хор.
Уходит ночь. Бежит сомненье.
Там сходишь Ты с далеких светлых гор.
Я ждал Тебя. Я дух к Тебе простер.
В Тебе — спасенье!

25 ноября 1900

31 ДЕКАБРЯ 1900 ГОДА

И ты, мой юный, мой печальный,
Уходишь прочь!
Привет тебе, привет прощальный
Шлю в эту ночь.
А я всё тот же гость усталый
Земли чужой.
Бреду, как путник запоздалый,
За красотой.
Она и блещет и смеется,
А мне — одно:
Боюсь, что в кубке расплещется
Мое вино.
А между тем — кругом молчанье,
Мой кубок пуст,
И смерти раннее призванье
Не сходит с уст.
И ты, мой юный, вечной тайной
Отходишь прочь.
Я за тобою, гость случайный,
Как прежде — в ночь.

31 декабря 1900

ВСТУПЛЕНИЕ

Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.

Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.

Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.

Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?

Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к тебе.

Купол стремится в лазурную высь.
Синие окна румянцем зажглись.

Все колокольные звоны гудят.
Залит весной беззакатный наряд.

Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?

28 декабря 1903

I

С.-Петербург. Весна 1901 года

* * *

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Минувших дней младые были
Пришли доверчиво из тьмы...

Пришли и встали за плечами,
И пели с ветром о весне...
И тихими я шел шагами,
Провидя вечность в глубине...

О, лучших дней живые были!
Под вашу песнь из глубины
На землю сумерки сходили
И вечности вставали сны!..

25 января 1901. С.-Петербург

* * *

Ветер принес издалёка
Песни весенней намек,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалёка
Звучные песни твои.

29 января 1901

* * *

Тихо вечерние тени
В синих ложатся снегах.
Сонмы нестройных видений
Твой потревожили прах.
Спишь ты за дальней равниной,
Спишь в снеговой пелене...
Песни твоей лебединой
Звуки почудились мне.
Голос, зовущий тревожно,
Эхо в холодных снегах...
Разве воскреснуть возможно?
Разве былое — не прах?
Нет, из господнего дома
Полный бессмертия дух
Вышел родной и знакомой
Песней тревожить мой слух.
Сонмы могильных видений,
Звуки живых голосов...
Тихо вечерние тени
Синих коснулись снегов.

2 февраля 1901

* * *

Душа молчит. В холодном небе
Всё те же звезды ей горят.
Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат...
Она молчит,— и внемлет крикам,
И зрит далекие миры,
Но в одиночестве двуликом
Готовит чудные дары,
Дары своим богам готовит
И, умащенная, в тиши,
Неустающим слухом ловит
Далекий зов другой души...

Так — белых птиц над океаном
Неразлученные сердца
Звучат призывом за туманом,
Понятным им лишь до конца.

3 февраля 1901

* * *

Ты отходишь в сумрак алый,
В бесконечные круги.
Я послышал отзвук малый,
Отдаленные шаги.

Близко ты, или далече
Затерялась в вышине?
Ждать иль нет внезапной встречи
В этой звучной тишине?

В тишине звучат сильнее
Отдаленные шаги.
Ты ль смыкаешь, пламенея,
Бесконечные круги?

6 марта 1901

МОЕЙ МАТЕРИ

Чем больней душе мятежной,
Тем ясней миры.
Бог лазурный, чистый, нежный
Шлет свои дары.

Шлет невзгоды и печали,
Нежностью объят.
Но чрез них в иные дали
Проникает взгляд.

И больней душе мятежной,
Но ясней миры.
Это бог лазурный, нежный
Шлет свои дары.

8 марта 1901

* * *

Я недаром боялся открыть
В непогодную полночь окно.
Как и встарь, привелось отравить,
Что надеждою было полно.

Буду прежнею думой болеть
В непогодной полуночной мгле,
Но молитвенным миром гореть
И таиться на этой земле.

В непрестанной молитве моей,
Под враждующей силой твоей,
Я хранилище мысли моей
Утаю от людей и зверей.

1 апреля 1901

* * *

О. М. Соловьевой

Ночью сумрачной и дикой —
Сын бездонной глубины —
Бродит призрак бледноликий
На полях моей страны,
И поля во мгле великой
Чужды, хладны и темны.

Лишь порой, заслышав бога,
Дочь блаженной стороны
Из родимого чертога

Гонит призрачные сны,
И в полях мелькает много
Чистых девственниц весны.

23 апреля 1901

* * *

В день холодный, в день осенний
Я вернусь туда опять
Вспомнить этот вздох весенний,
Прошлый образ увидать.

Я приду — и не заплачу,
Вспоминая, не сгорю.
Встречу песней паудачу
Новой осени зарю.

Злые времени законы
Усыпили скорбный дух.
Прошлый вой, былые стоны
Не услышишь — я потух.

Самый огнь — слепые очи
Не сожжет мечтой былой.
Самый день — темнее ночи
Усыпленному душой.

27 апреля 1901
Поле за Старой Деревней

* * *

Так — разошлись в часы рассвета.
А. Б.

Всё отлетают сны земные,
Всё ближе чуждые страны́.
Страны́ холодные, немые,
И без любви, и без весны.

Там — далеко, открыв зеницы,
Виденья близких и родных
Проходят в новые темницы
И равнодушно смотрят в них.

Там — матерь сына не узнает,
Потухнут страстные сердца...
Там безнадежно угасает
Мое скитанье — без конца...

И вдруг, в преддверьи заточенья,
Послышу дальние шаги...
Ты — одиноко — в отдаленьи,
Сомкнешь последние круги...

4 мая 1901

* * *

Всё бытие и сущее согласно
В великой, непрестанной тишине.
Смотри туда участно, безучастно,—
Мне всё равно — вселенная во мне.
Я чувствую, и верую, и знаю,
Сочувствием провидца не прельстишь.
Я сам в себе с избытком заключаю
Все те огни, какими ты горишь.
Но больше нет ни слабости, ни силы,
Прошедшее, грядущее — во мне.
Всё бытие и сущее застыло
В великой, неизменной тишине.
Я здесь в конце, исполненный прозренья,
Я перешел граничную черту.
Я только жду условного виденья,
Чтоб отлететь в иную пустоту.

17 мая 1901

* * *

Кто-то шепчет и смеется
Сквозь лазоревый туман.
Только мне в тиши взгрустнется —
Снова смех из милых стран!

Снова шопот — и в шептаньи
Чья-то ласка, как во сне,
В чьем-то женственном дыханьи,
Видно, вечно радость мне!

Пошепчи, посмейся, милый,
Милый образ, нежный сон;
Ты нездешней, видно, силой
Наделен и окрылен.

20 мая 1901

II

С. Шахматово. Лето и осень 1901 года

* * *

Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранникам миров.

И мнилась мне Российская Венера,
Тяжелою туникой повита,
Бесстрастна в чистоте, нерадостна без меры,
В чертах лица — спокойная мечта.

Она сошла на землю не впервые,
Но вкруг нее толпятся в первый раз
Богатыри не те, и витязи иные...
И странен блеск ее глубоких глаз...

29 мая 1901. С. Шахматово

* * *

Они звучат, они ликуют,
Не уставая никогда,
Они победу торжествуют,
Они блаженны навсегда.
Кто уследит в окрестном звоне,
Кто ощутит хоть краткий миг
Мой бесконечный в тайном лоне,
Мой гармонический язык?
Пусть всем чужда моя свобода,
Пусть всем я чужд в саду моем –
Звенит и буйствует природа,
Я — соучастник ей во всем!

30 мая 1901

* * *

Одинокий, к тебе прихожу,
Околдован огнями любви.
Ты гадаешь.— Меня не зови.—
Я и сам уж давно ворожу.

От тяжелого бремени лет
Я спасался одной ворожбой,
И опять ворожу над тобой,
Но неясен и смутен ответ.

Ворожбой полоненные дни
Я лелею года,— не зови...
Только скоро ль погаснут огни
Заколдованной темной любви?

1 июня 1901. С. Шахматово

* * *

И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.
Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду,— *тоскуя и любя.*

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно, и низко,
Не одолев смертельныя мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901. С. Шахматово

* * *

...и поздно желать,
Всё минуло: и счастье, и горе.
Вл. Соловьев

Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко,
Да и мне не вернуть
Этих снов золотых, этой веры глубокой...
Безнадежен мой путь.

Мыслью сонной цветя, ты блаженствуешь много,
Ты лазурью сильна.
Мне — другая и жизнь, и другая дорога,
И душе — не до сна.

Верь — несчастней моих молодых поклонений
Нет в обширной стране,
Где дышал и любил твой таинственный гений,
Безучастный ко мне.

10 июня 1901

* * *

Сегодня шла Ты одиноко,
Я не видал Твоих чудес.
Там, над горой Твоей высокой,
Зубчатый простирался лес.

И этот лес, сомкнутый тесно,
И эти горные пути
Мешали слиться с неизвестным,
Твоей лазурью процвести.

22 июня 1901

* * *

С. Соловьеву

Она росла за дальними горами.
Пустынный дол — ей родина была.
Никто из вас горящими глазами
Ее не зрел — она одна росла.
И только лик бессмертного светила —
Что день — смотрел на девственный расцвет,
И, влажный злак, она к нему всходила,
Она в себе хранила тайный след.
И в смерть ушла, желая и тоскуя.
Никто из вас не видел здешний прах...
Вдруг расцвела, в лазури торжествуя,
В иной дали и в неземных горах.
И ныне вся овеяна снегами.
Кто белый храм, безумцы, посетил?
Она цвела за дальними горами,
Она течет в ряду иных светил.

26 июня 1901

* * *

Я помню час глухой, бессонной ночи,
Прошли года, а память всё сильна.
Царила тьма, но не смежились очи,
И мыслил ум, и сердцу — не до сна.

Вдруг издали донесся в заточенье
Из тишины грядущих полуснов
Неясный звук певнятного моленья,
Неведомый, бескрылый, страшный зов.

То был ли стон души безбожно-дикой,
И уж тогда не встретились сердца?
Ты мне знаком, паперсник мой двуликий,
Мой милый друг, враждебный до конца.

27 июня 1901. С. Боблово

* * *

Внемля зову жизни смутной,
Тайно плещущей во мне,
Мысли ложной и минутной
Не отдамся и во сне.
Жду волны — волны попутной
К лучезарной глубине.

Чуть слежу, склонив колени,
Взором кроток, сердцем тих,
Уплывающие тени
Суетливых дел мирских
Средь видений, сновидений,
Голосов миров иных.

3 июля 1901

* * *

Прозрачные, неведомые тени
К Тебе плывут, и с ними Ты плывешь,
В объятия лазурных сновидений,
Невнятных нам,— Себя Ты отдаешь.

Перед Тобой синеют без границы
Моря, поля, и горы, и леса,
Перекликаются в свободной выси птицы,
Встает туман, алеют небеса.

А здесь, внизу, в пыли, в уничиженьи,
Узрев на миг бессмертные черты,
Безвестный раб, исполнен вдохновенья,
Тебя поет. Его не знаешь Ты,

Не отличишь его в толпе народной,
Не наградишь улыбкою его,
Когда вослед взирает, несвободный,
Вкусив на миг бессмертья Твоего.

3 июля 1901

* * *

Я жду призыва, ищу ответа,
Немеет небо, земля в молчаньи,
За желтой нивой — далёко где-то —
На миг проснулось мое воззванье.

Из отголосков далекой речи,
С ночного неба, с полей дремотных,
Всё мнятся тайны грядущей встречи,
Свиданий ясных, но мимолетных.

Я жду — и трепет объемлет новый,
Всё ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, боже, почные души!

На миг проснулось за нивой, где-то,
Далеким эхом мое воззванье.
Всё жду призыва, ищу ответа,
Но странно длится земли молчанье...

7 июля 1901

* * *

Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла
Над берегом Невы и за чертой столицы?
Не ты ли тайный страх сердечный совлекла
С отвагою мужей и с нежностью девицы?

Ты песнью без конца растаяла в снегах
И раннюю весну созвучно повторила.
Ты шла звездою мне, но шла в дневных лучах
И камни площадей и улиц освятила.

Тебя пою, о, да! Но просиял твой свет
И вдруг исчез — в далекие туманы.
Я направляю взор в таинственные страны,—

Тебя не вижу я, и долго бога нет.
Но верю, ты взойдешь, и вспыхнет сумрак алый,
Смыкая тайный круг, в движеньи запоздалый.

8 июля 1901

* * *

За городом в полях весною воздух дышит.
Иду и трепещу в предвестии огня.
Там, знаю, впереди — морскую зыбь колышет
Дыханье сумрака — и мучает меня.

Я помню: далеко шумит, шумит столица.
Там, в сумерках весны, неугомонный зной.
О, скудные сердца! Как безнадежны лица!
Не знавшие весны тоскуют над собой.

А здесь, как память лет невинных и великих,
Из сумрака зари — неведомые лики
Вещают жизни строй и вечности огни...

Забудем дольний шум. Явись ко мне без гнева,
Закатная, Таинственная Дева,
И завтра и вчера огнем соедини.

12 июля 1901

* * *

Не жди последнего ответа,
Его в сей жизни не найти.
Но ясно чует слух поэта
Далекий гул в своем пути.

Он приклонил с вниманьем ухо,
Он жадно внемлет, чутко ждет,
И донеслось уже до слуха:
Цветет, блаженствует, растет...

Всё ближе — чаянье сильнее,
Но, ах! — волненья не снести...
И вещий падает, немея,
Заслыша близкий гул в пути.

Кругом — семья в чаду молений,
И над кладби́щем — мерный звон...
Им не постигнуть сновидений,
Которых не дождался он!

19 июля 1901

* * *

Не пой ты мне и сладостно, и нежно:
Утратил я давно с юдолью связь.
Моря души — просторны и безбрежны,
Погибнет песнь, в безбрежность удалясь.

Одни слова без песен сердцу ясны.
Лишь правдой их над сердцем процветешь.
А песни звук — докучливый и страстный —
Таит в себе невидимую ложь.

Мой юный пыл тобою же осмеян,
Покинут мной — туманы позади.
Объемли сны, какими я овеян,
Пойми сама, что́ будет впереди.

25 июля 1901

* * *

Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных,
Ни лета зрелого, ни молодой весны.
Они прошли — светло и беспокойно,
И вновь придут — они землей даны.

Мне жаль, что день *великий* скоро минет,
Умрет едва рожденное дитя.
О, жаль мне, друг,— грядущий пыл остынет,
В прошедший мрак и в холод уходя!

Нет, хоть в конце тревожного скитанья
Найду пути, и не вздохну о дне!
Не омрачить заветного свиданья
Тому, кто *здесь* вздыхает обо мне.

27 июля 1901

* * *

Признак истинного чуда
В час полночной темноты —
Мглистый мрак и ка́мней груда,
В них горишь алмазом ты.

А сама — за мглой речною
Направляешь горный бег
Ты, лазурью золотою
Просиявшая навек!

29 июля 1901. Фабрика

* * *

Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла и огня за рекой?
Фет

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце — надежды нездешние,
Волны бегут на песок.

Отзвуки, песня далекая,
Но различить — не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.

Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.

В сердце — надежды нездешние,
Кто-то навстречу — бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

16 августа 1901

* * *

Ты горишь над высокой горою,
Недоступна в Своем терему.
Я примчуся вечерней порою,
В упоенье мечту обниму.

Ты, заслышав меня издалёка,
Свой костер разведешь ввечеру.
Стану, верный велениям Рока,
Постигать огневую игру.

И, когда среди мрака снопами
Искры станут кружиться в дыму,–
Я умчусь с огневыми кругами
И настигну Тебя в терему.

18 августа 1901

* * *

Видно, дни золотые пришли.
Все деревья стоят, как в сиянье.
Ночью холодом веет с земли;

Утром белая церковь вдали
И близка и ясна очертаньем.

Всё поют и поют вдалеке,
Кто поет — не пойму; а казалось,
Будто к вечеру там, на реке —
В камышах ли, в сухой осоке —
И знакомая песнь раздавалась.

Только я не хочу узнавать.
Да и песням знакомым не верю.
Всё равно — мне певца не понять...
От себя ли скрывать
Роковую потерю?

24 августа 1901

* * *

Кругом далекая равнина,
Да толпы обгорелых пней.
Внизу — родимая долина,
И тучи стелются над ней.

Ничто не манит за собою,
Как будто даль сама близка.
Здесь между небом и землею
Живет угрюмая тоска.

Она и днем и ночью роет
В полях песчаные бугры.
Порою жалобно завоет
И вновь умолкнет — до поры.

И всё, что будет, всё, что было,—
Холодный и бездушный прах,
Как эти камни над могилой
Любви, затерянной в полях.

25 августа 1901. Д. Ивлево

* * *

Я всё гадаю над тобою,
Но, истомленный ворожбой,
Смотрю в глаза твои порою
И вижу пламень роковой.

Или великое свершилось,
И ты хранишь завет времен
И, озаренная, укрылась
От дуновения племен?

Но я, покорствуя заране,
Знай, сохраню святой завет.
Не оставляй меня в тумане
Твоих первоначальных лет.

Лежит заклятье между нами,
Но, в постоянстве недвижим,
Скрываю родственное пламя
Под бедным обликом своим.

27 августа 1901

* * *

Нет конца лесным тропинкам.
Только встретить до звезды
Чуть заметные следы...
Внемлет слух лесным былинкам.

Всюду ясная молва
Об утраченных и близких...
По верхушкам елок низких
Перелетные слова...

Не замечу ль по былинкам
Потаенного следа...
Вот она — зажглась звезда!
Нет конца лесным тропинкам.

2 сентября 1901. Церковный лес

III

С.-Петербург. Осень и зима 1901 года

* * *

Смотри — я отступаю в тень,
А ты по-прежнему в сомненьи
И всё боишься встретить день,
Не чуя ночи приближенья.

Не жди ты вдохновенных слов —
Я, запоздалый на границе,
Спокойно жду последних снов,
Забытых здесь, в земной темнице.

Могу ли я хранить мечты
И верить в здешние виденья,
Когда единственная ты
Не веришь смертным песнопеньям?

Но предо мной кружится мгла,
Не чуя мимолетней боли,
И ты безоблачно светла,
Но лишь в бессмертьи,— не в юдоли.

20 сентября 1901

* * *

Пройдет зима — увидишь ты
Мои равнины и болота
И скажешь: «Сколько красоты!
Какая мертвая дремота!»

Но помни, юная, в тиши
Моих равнин хранил я думы
И тщетно ждал твоей души,
Больной, мятежный и угрюмый.

Я в этом сумраке гадал,
Взирал в лицо я смерти хладной
И бесконечно долго ждал,
В туманы всматриваясь жадно.

Но мимо проходила ты,—
Среди болот хранил я думы,
И этой мертвой красоты
В душе остался след угрюмый.

21 сентября 1901

* * *

Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мне на крыльцо?

Настежь ворота тяжелые!
Ветром пахнуло в окно!
Песни такие веселые
Не раздавались давно!

С ними и в утро туманное
Солнце и ветер в лицо!
С ними подруга желанная
Всходит ко мне на крыльцо!

3 октября 1901

* * *

Снова ближе вечерние тени,
Ясный день догорает вдали.
Снова сонмы нездешних видений
Всколыхнулись — плывут — подошли.

Что же ты на великую встречу
Не вскрываешь свои глубины?
Или чуешь иного предтечу
Несомненной и близкой весны?

Чуть во мраке светильник завижу,
Поднимусь и, не глядя, лечу.
Ты ж и в сумраке, милая, ближе
К неподвижному жизни ключу.

14 октября 1901

* * *

Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Вышла я в улицы сонные.
Там, в поднебесьи, идут облака
Через туман озаренные.

С ними — знакомое, слышу, вослед...
Нынче ли сердце пробудится?
Новой ли, прошлой ли жизни ответ,
Вместе ли оба почудятся?

Если бы злое несли облака,
Сердце мое не дрожало бы...
Скрипнула дверь. Задрожала рука.
Слезы. И песни. И жалобы.

3 ноября 1901

* * *

Зарево белое, желтое, красное,
Крики и звон вдалеке,
Ты не обманешь, тревога напрасная,
Вижу огни на реке.

Заревом ярким и поздними криками
Ты не разрушишь мечты.
Смотрится призрак очами великими
Из-за людской суеты.

Смертью твоею натешу лишь взоры я,
Жги же свои корабли!
Вот они — тихие, светлые, скорые —
Мчатся ко мне издали.

6 ноября 1901

* * *

Я ли пишу, или ты из могилы
Выслала юность свою,—
Прежними розами призрак мне милый
Я, как тогда, обовью.

Если умру — перелетные птицы
Призрак развеют, шутя.
Скажешь и ты, разбирая страницы:
«Божье то было дитя».

21 ноября 1901

* * *

Жду я холодного дня,
Сумерек серых я жду.
Замерло сердце, звеня:
Ты говорила: «Приду,—

Жди на распутьи — вдали
Людных и ярких дорог,
Чтобы с величьем земли
Ты разлучиться не мог.

Тихо приду и замру,
Как твое сердце, звеня,
Двери тебе отопру
В сумерках зимнего дня».

21 ноября 1901

* * *

Ты страстно ждешь. Тебя зовут,—
Но голоса мне не знакомы,
Очаг остыл,— тебе приют —
Родная степь. Лишь в ней ты — дома.

Там — вечереющая даль,
Туманы, призраки, виденья,
Мне — беспокойство и печаль,
Тебе — покой и примиренье.

О, жалок я перед тобой!
Всё обнимаю, всем владею,
Хочу владеть тобой одной,
Но не могу и не умею!

22 ноября 1901

* * *

Будет день — и свершится великое,
Чую в будущем подвиг души.

Ты — другая, немая, безликая,
Притаилась, колдуешь в тиши.

Но, во что обратишься — не ведаю,
И не знаешь ты, буду ли твой,

А уж *Там* веселятся победою
Над единой и страшной душой.

23 ноября 1901

* * *

Я долго ждал — ты вышла поздно,
Но в ожиданьи ожил дух,
Ложился сумрак, но бесслезно
Я напрягал и взор, и слух.

Когда же первый вспыхнул пламень
И слово к небу понеслось,—
Разбился лед, последний камень
Упал,— и сердце занялось.

Ты в белой вьюге, в снежном стоне
Опять волшебницей всплыла,
И в вечном свете, в вечном звоне
Церквей смешались купола.

27 ноября 1901

* * *

Ночью вьюга снежная
Заметала след.
Розовое, нежное
Утро будит свет.

Встали зори красные,
Озаряя снег.
Яркое и страстное
Всколыхнуло брег.

Вслед за льдиной синею
В полдень я всплыву.
Деву в снежном инее
Встречу наяву.

5 декабря 1901

* * *

Вечереющий сумрак, поверь,
Мне напомнил неясный ответ.
Жду — внезапно отво́рится дверь,
Набежит исчезающий свет.
Словно бледные в прошлом мечты,
Мне лица сохранились черты
И отрывки неведомых слов,
Словно отклики прежних миров,
Где жила ты и, бледная, шла,
Под ресницами сумрак тая,
За тобою — живая ладья,
Словно белая лебедь, плыла,
За ладьей — огневые струи —
Беспокоїные песни мои...
Им внимала задумчиво ты,
И лица сохранились черты,
И запомнилась бледная высь,
Где последние сны пронеслись.

В этой выси живу я, поверь,
Смутной памятью сумрачных лет,
Смутно помню — отво́рится дверь,
Набежит исчезающий свет.

20 декабря 1901

* * *

Сумрак дня несет печаль.
Тусклых улиц очерк сонный,
Город, смутно озаренный,
Смотрит в розовую даль.

Видит с пасмурной земли
Безнадежный глаз столицы:
Поднял мрак свои зеницы,
Реют ангелы вдали.

Близок пламенный рассвет,
Мертвецу заглянет в очи
Утро после долгой ночи...
Но бежит мелькнувший свет,

И испуганные лики
Скрыли ангелы в крылах:
Видят — мертвый и безликий
Вырастает в их лучах.

24 декабря 1901

НОЧЬ НА НОВЫЙ ГОД

Лежат холодные туманы,
Горят багровые костры.
Душа морозная Светланы
В мечтах таинственной игры.

Скрипнет снег — сердца займутся –
Снова тихая луна.
За воротами смеются,
Дальше — улица темна.

Дай взгляну на праздник смеха,
Вниз сойду, покрыв лицо!
Лепты красные — помеха,
Милый глянет на крыльцо...
Но туман не шелохнется,
Жду полу́ночной поры.
Кто-то шепчет и смеется,
И горят, горят костры...
Скрипнет снег — в морозной дали
Тихий кра́дущийся свет.
Чьи-то санки пробежали...
«Ваше имя?» Смех в ответ...
Вот поднялся вихорь снежный,
Побелело всё крыльцо...
И смеющийся и нежный
Закрывает мне лицо...

Лежат холодные туманы,
Бледнея, кра́дется луна.
Душа задумчивой Светланы
Мечтой чудесной смущена...

31 декабря 1901

IV

С.-Петербург. Зима и весна 1902 года

* * *

С. Соловьеву

Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятен колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив — и ждет твоих шагов.

Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.

Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятен колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен — я жду твоих шагов.

4 января 1902

* * *

Высóко с темнотой сливается стена,
Там — светлое окно и светлое молчанье.
Ни звука у дверей, и лестница темна,
И бродит по углам знакомое дрожанье.

В дверях дрожащий свет и сумерки вокруг.
И суета и шум на улице безмерней.
Молчу и жду тебя, мой бедный, поздний друг,
Последняя мечта моей души вечерней.

11 января 1902

* * *

Там, в полусумраке собора,
В лампадном свете образа.
Живая ночь заглянет скоро
В твои бессонные глаза.

В речах о мудрости небесной
Земные чуются струи.
Там, в сводах — сумрак неизвестный,
Здесь — холод каменной скамьи.

Глубокий жар случайной встречи
Дохнул с церковной высоты
На эти дремлющие свечи,
На образа и на цветы.

И вдохновительно молчанье,
И скрыты помыслы твои,
И смутно чуется познанье
И дрожь голубки и змеи.

14 января 1902

* * *

Я укрыт до времени в приделе,
Но растут великие крыла.
Час придет — исчезнет мысль о теле,
Станет высь прозрачна и светла.

Так светла, как в день веселой встречи,
Так прозрачна, как твоя мечта.
Ты услышишь сладостные речи,
Новой силой расцветут уста.

Мы с тобой подняться не успели,—
Загорелся мой тяжелый щит.
Пусть же ныне в роковом приделе,
Одинокий, в сердце догорит.

Новый щит я подниму для встречи,
Вознесу живое сердце вновь.
Ты услышишь сладостные речи,
Ты ответишь на мою любовь.

Час придет — в холодные мятели
Даль весны заглянет, весела.
Я укрыт до времени в приделе.
Но растут всемощные крыла.

29 января 1902

* * *

И нам недолго любоваться
На эти, здешние, пиры:
Пред нами тайны обнажатся,
Возблещут дальные миры.

Январь 1902

* * *

Уходит день. В пыли дорожной
Горят последние лучи.
Их красный отблеск непреложно
Слился с огнем моей свечи.

И ночь моя другой навстречу
Плывет, медлительно ясна.
Пусть красный отблеск не замечу,—
Придет наверное она.

И всё, что было невозможно
В тревоге дня, иль поутру,
Свершится здесь, в пыли дорожной,
В лучах закатных, ввечеру.

1 февраля 1902

* * *

Сны раздумий небывалых
Стерегут мой день.
Вот видений запоздалых
Пламенная тень.

Все лучи моей свободы
Заалели *там*.
Здесь снега и непогоды
Окружили храм.

Все виденья так мгновенны —
Буду ль верить им?
Но Владычицей вселенной,
Красотой неизреченной,
Я, случайный, бедный, тленный,
Может быть, любим.

Дни свиданий, дни раздумий
Стерегут в тиши...
Ждать ли пламенных безумий
Молодой души?

Иль, застывши в снежном храме,
Не открыв лица,
Встретить брачными дарами
Вестников конца?

3 февраля 1902

* * *

На весенний праздник света
Я зову родную тень.
Приходи, не жди рассвета,
Приноси с собою день!

Новый день — не тот, что бьется
С ветром в окна по весне!
Пусть без у́молку смеется
Небывалый день в окне!

Мы тогда откроем двери,
И заплачем, и вздохнем,
Наши зимние потери
С легким сердцем понесем...

3 февраля 1902

* * *

Для солнца возврата нет.
«Снегурочка» Островского

Сны безотчетны, ярки краски,
Я не жалею бледных звезд.
Смотри, как солнечные ласки
В лазури нежат строгий крест.

Так — этим ласкам близ заката
Он отдается, как и мы,
Затем, что *Солнцу нет возврата*
Из надвигающейся тьмы.

Оно зайдет, и, замирая,
Утихнем мы, погаснет крест,—
И вновь очнемся, отступая
В спокойный холод бледных звезд.

12 февраля 1902

* * *

Мы живем в старинной келье
У разлива вод.
Здесь весной кипит веселье,
И река поет.

Но в предвестие веселий,
В день весенних бурь
К нам прольется в двери келий
Светлая лазурь.

И полны заветной дрожью
Долгожданных лет,
Мы помчимся к бездорожью
В несказа́нный свет.

18 февраля 1902

* * *

И Дух и Невеста говорят: приди.
Апокалипсис

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Всё дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной — к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

22 февраля 1902

* * *

Ты — божий день. Мои мечты —
Орлы, кричащие в лазури.
Под гневом светлой красоты
Они всечасно в вихре бури.

Стрела пронзает их сердца,
Они летят в паденьи диком...
Но и в паденьи — нет конца
Хвалам, и клёкоту, и крикам!

21 февраля 1902

* * *

Целый день передо мною,
Молодая, золотая,
Ярким солнцем залитая,
Шла Ты яркою стезею.

Так, сливаясь с милой, дальной,
Проводил я день весенний
И вечерней светлой тени
Шел навстречу, беспечальный.

Дней блаженных сновиденье —
Шла Ты чистою стезею.
О, взойди же предо мною
Не в одном воображеньи!

Февраль 1902

* * *

Там сумерки невнятно трепетали,
Таинственно сменяя день пустой.
Кто, проходя, души моей скрижали
Заполонил упорною мечтой?

Кто, проходя, тревожно кинул взоры
На этот смутно отходящий день?
Там, в глубинах,— мечты и мысли скоры,
Здесь, на земле,— как сон, и свет и тень.

Но я пойму и всё мечтой объемлю,
Отброшу сны, увижу наяву,
Кто тронул здесь одну со мною землю,
За ним в вечерний сумрак уплыву.

Февраль 1902

* * *

Жизнь медленная шла, как старая гадалка,
Таинственно шепча забытые слова.
Вздыхал о чем-то я, чего-то было жалко,
Какою-то мечтой горела голова.

Остановясь на перекрестке, в поле,
Я наблюдал зубчатые леса.
Но даже здесь, под игом чуждой воли,
Казалось, тяжки были небеса.

И вспомнил я сокрытые причины
Плененья дум, плененья юных сил.
А там, вдали — зубчатые вершины
День отходящий томно золотил...

Весна, весна! Скажи, чего мне жалко?
Какой мечтой пылает голова?
Таинственно, как старая гадалка,
Мне шепчет жизнь забытые слова.

16 марта 1902

* * *

Мой вечер близок и безволен.
Чуть вечереют небеса,—
Несутся звуки с колоколен,
Крылатых слышу голоса.

Ты — ласковым и тонким жалом
Мои пытаешь глубины,
Слежу прозрением усталым
За вестью чуждой мне весны.

Меж нас — случайное волненье.
Случайно сладостный обман —
Меня обрек на поклоненье,
Тебя призвал из белых стран.

И в бесконечном отдаленьи
Замрут печально голоса,
Когда окутанные тенью
Мои погаснут небеса.

27 марта 1902

* * *

На темном пороге тайком
Святые шепчу имена.
Я знаю: мы в храме вдвоем,
Ты думаешь: здесь ты одна...

Я слушаю вздохи твои
В каком-то несбыточном сне...
Слова о какой-то любви...
И, боже! мечты обо мне...

Но снова кругом тишина,
И плачущий голос затих...
И снова шепчу имена
Безумно забытых святых.

Всё призрак — всё горе — всё ложь!
Дрожу, и молюсь, и шепчу...
О, если крылами взмахнешь,
С тобой навсегда улечу!..

Март 1902

* * *

Я медленно сходил с ума
У двери той, которой жажду.
Весенний день сменяла тьма
И только разжигала жажду.

Я плакал, страстью утомясь,
И стоны заглушал угрюмо.
Уже двоилась, шевелясь,
Безумная, больная дума.

И проникала в тишину
Моей души, уже безумной,
И залила мою весну
Волною черной и бесшумной.

Весенний день сменяла тьма,
Хладело сердце над могилой.
Я медленно сходил с ума,
Я думал холодно о милой.

Март 1902

* * *

Весна в реке ломает льдины,
И милых мертвых мне не жаль:
Преодолев мои вершины,
Забыл я зимние теснины
И вижу голубую даль.

Что́ сожалеть в дыму пожара,
Что́ сокрушаться у креста,
Когда всечасно жду удара,
Или божественного дара
Из Моисеева куста!

Март 1902

* * *

Кто плачет здесь? На мирные ступени
Всходите все — в открытые врата.
Там — в глубине — Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа.

Скрепи свой дух надеждой высшей доли,
Войди и ты, печальная жена.
Твой милый пал, но весть в кровавом поле,
Весть о Любви — по-прежнему ясна.

Здесь места нет победе жалких тлений,
Здесь всё — любовь. В открытые врата
Входите все. Мария ждет молений,
Обновлена рождением Христа.

Март 1902

* * *

Утомленный, я терял надежды,
Подходила темная тоска.
Забелели чистые одежды,
Задрожала тихая рука.

«Ты ли здесь? Долина потонула
В безысходном, в непробудном сне...
Ты сошла, коснулась и вздохнула,—
День свободы завтра мне?» —

«Я сошла, с тобой до у́тра буду,
На рассвете твой покину сон,
Без следа исчезну, всё забуду,—
Ты проснешься, вновь освобожден».

1 апреля 1902

* * *

Странных и новых ищу на страницах
Старых испытанных книг,
Грежу о белых исчезнувших птицах,
Чую оторванный миг.

Жизнью шумящей нестройно взволнован,
Шопотом, криком смущен,
Белой мечтой неподвижно прикован
К берегу поздних времен.

Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни — строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина.

Блекнут ланиты у дев златокудрых,
Зори не вечны, как сны.
Терны венчают смиренных и мудрых
Белым огнем Купины.

4 апреля 1902

* * *

Днем вершу я дела суеты,
Зажигаю огни ввечеру.
Безысходно туманная — ты
Предо мной затеваешь игру.

Я люблю эту ложь, этот блеск,
Твой манящий девичий наряд,
Вечный гомон и уличный треск,
Фонарей убегающий ряд.

Я люблю, и любуюсь, и жду
Переливчатых красок и слов.
Подойду и опять отойду
В глубины протекающих снов.

Как ты лжива и как ты бела!
Мне же по́ сердцу белая ложь...
Завершая дневные дела,
Знаю — вечером снова придешь.

5 апреля 1902

* * *

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.
В своей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа,
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.
И тихо, с измененным ликом,
В мерцаньи мертвенном свечей,
Бужу я память о Двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот — содрогнулись, смолкли хоры,
В смятеньи бросились бежать...
Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать.

8 апреля 1902

* * *

Слышу колокол. В поле весна.
Ты открыла веселые окна.
День смеялся и гас. Ты следила одна
Облаков розоватых волокна.

Смех прошел по лицу, но замолк и исчез...
Что же мимо прошло и смутило?
Ухожу в розовеющий лес...
Ты забудешь меня, как простила.

Апрель 1902

* * *

Там — в улице стоял какой-то дом,
И лестница крутая в тьму водила.
Там открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал,— и снова тьма бродила.

Там в сумерках белел дверной навес
Под вывеской «Цветы», прикре́плен болтом.
Там гул шагов терялся и исчез
На лестнице — при свете лампы жолтом.

Там наверху окно смотрело вниз,
Завешанное неподвижной шторой,
И, словно лоб наморщенный, карниз
Гримасу придавал стене — и взоры...

Там, в сумерках, дрожал в окошках свет,
И было пенье, музыка и танцы.
А с улицы — ни слов, ни звуков нет,—
И только стекол выступали глянцы.

По лестнице над сумрачным двором
Мелькала тень, и лампа чуть светила.
Вдруг открывалась дверь, звеня стеклом,
Свет выбегал, и снова тьма бродила.

1 мая 1902

* * *

Мы встречались с тобой на закате,
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твое белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди — на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, сгораний –
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твое золотое весло.

13 мая 1902

* * *

Тебя скрывали туманы,
И самый голос был слаб.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный раб.

Тебя венчала корона
Еще рассветных причуд.
Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь...

Кто знает, где это было?
Куда упала Звезда?
Какие слова говорила,
Говорила ли ты тогда?

Но разве мог не узнать я
Белый речной цветок,
И эти бледные платья,
И странный, белый намек?

Май 1902

* * *

Когда святого забвения
Кругом недвижная тишь,
Ты смотришь в тихом томлении,
Речной раздвинув камыш.

Я эти травы зеленые
Люблю и в сонные дни.
Не в них ли мои потаенные,
Мои золотые огни?

Ты смотришь, тихая, строгая,
В глаза прошедшей мечте.
Избрал иную дорогу я,—
Иду,— и песни не те...

Вот скоро вечер придвинется,
И ночь — навстречу судьбе:
Тогда мой путь опрокинется,
И я возвращусь к Тебе.

Май 1902

* * *

Ты не ушла. Но, может быть,
В своем непостижимом строе
Могла исчерпать и избыть
Всё мной любимое, земное...

И нет разлуки тяжелей:
Тебе, как роза, безответной,
Пою я, серый соловей,
В моей темнице многоцветной!

28 мая 1902

V

С. Шахматово. Лето 1902 года

* * *

Брожу в стенах монастыря,
Безрадостный и темный инок.
Чуть брежжит бледная заря,—
Слежу мелькания снежинок.

Ах, ночь длинна, заря бледна
На нашем севере угрюмом.
У занесенного окна
Упорным предаюся думам.

Один и тот же снег — белей
Нетронутой и вечной ризы.
И вечно бледный воск свечей,
И убеленные карнизы.

Мне странен холод здешних стен
И непонятна жизни бедность.
Меня пугает сонный плен
И братий мертвенная бледность.

Заря бледна, и ночь долга,
Как ряд заутрень и обеден.
Ах, сам я бледен, как снега,
В упорной думе сердцем беден...

11 июня 1902. С. Шахматово

* * *

На ржавых петлях открываю ставни,
Вдыхаю сладко первые струи.
С горы спустился весь туман недавний
И, белый, обнял пажити мои.

Там рассвело, но солнце не всходило.
Я ожиданье чувствую вокруг.
Спи без тревог. Тебя не разбудила
Моя мечта, мой безмятежный друг.

Я бодрствую, задумчивый мечтатель:
У изголовья, в тайной ворожбе,
Твои черты, философ и ваятель,
Изображу и передам тебе.

Когда-нибудь в минуту восхищенья
С ним заодно и на закате дня,
Даря ему свое изображенье,
Ты скажешь вскользь: «Как он любил меня!»

Июнь 1902

* * *

Пробивалась певучим потоком,
Уходила в немую лазурь,
Исчезала в просторе глубоком
Отдаленным мечтанием бурь.
Мы, забыты в стране одичалой,
Жили бедные, чуждые слез,
Трепетали, молились на скалы,
Не видали сгорающих роз.
Вдруг примчалась на север угрюмый,
В небывалой предстала красе,
Назвала себя смертною думой,
Солнце, месяц и звезды в косе.
Отошли облака и тревоги,
Всё житейское — в сладостной мгле,
Побежали святые дороги,
Словно небо вернулось к земле.
И на нашей земле одичалой
Мы постигли сгорания роз.
Злые думы и гордые скалы —
Всё растаяло в пламени слез.

1 июля 1902

НА СМЕРТЬ ДЕДА

(1 июля 1902 г.)

Мы вместе ждали смерти или сна.
Томительные проходили миги.
Вдруг ветерком пахнуло от окна,
Зашевелился лист Священной Книги.

Там старец шел — уже, как лунь, седой —
Походкой бодрою, с веселыми глазами,
Смеялся нам, и всё манил рукой,
И уходил знакомыми шагами.

И вдруг мы все, кто был,— и стар и млад —
Узнали в нем того, кто перед нами,
И, обернувшись с трепетом назад,
Застали прах с закрытыми глазами...

Но было сладко душу уследить
И в отходящей увидать веселье.
Пришел наш час — запомнить и любить,
И праздновать иное новоселье.

С. Шахматово

* * *

Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха.
От Иоанна, III, 29

Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадильный берегу.
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу.

Люблю вечернее моленье
У белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.

Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрежжит брачная заря.

7 июля 1902

* * *

Говорили короткие речи,
К ночи ждали странных вестей.
Никто не вышел навстречу.
Я стоял один у дверей.

Подходили многие к дому,
Крича и плача навзрыд.
Все были мне незнакомы,
И меня не трогал их вид.

Все ждали какой-то вести.
Из отрывков слов я узнал
Сумасшедший бред о невесте,
О том, что кто-то бежал.

И, всходя на холмик за садом,
Все смотрели в синюю даль.
И каждый притворным взглядом
Показать старался печаль.

Я один не ушел от двери
И не смел войти и спросить.
Было сладко знать о потере,
Но смешно о ней говорить.

Так стоял один — без тревоги.
Смотрел на горы вдали.
А там — на крутой дороге —
Уж клубилось в красной пыли.

15 июля 1902

* * *

Сбежал с горы и замер в чаще.
Кругом мелькают фонари...
Как бьется сердце — злей и чаще!..
Меня проищут до зари.

Огонь болотный им неведом.
Мои глаза — глаза совы.
Пускай бегут за мною следом
Среди запутанной травы.

Мое болото их затянет,
Сомкнется мутное кольцо,
И, опрокинувшись, заглянет
Мой белый призрак им в лицо.

21 июля 1902

* * *

Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске и в мольбе,
Зеленею, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе.
Теплый ветер пройдет по листам —
Задрожат от молитвы стволы,
На лице, обращенном к звездам,—
Ароматные слезы хвалы.
Ты придешь под широкий шатер
В эти бледные сонные дни
Заглядеться на милый убор,
Размечтаться в зеленой тени.
Ты одна, влюблена и со мной,
Нашепчу я таинственный сон,
И до ночи — с тоскою, с тобой,
Я с тобой, зеленеющий клен.

31 июля 1902

* * *

Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге,
Несуществующих шагов
Тревожный шорох на дороге.

Холодная черта зари —
Как память близкого недуга
И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга.

Июль 1902

* * *

За темной далью городской
Терялся белый лед.
Я подружился с темнотой,
Замедлил быстрый ход.

Ревело с черной высоты
И приносило снег.
Навстречу мне из темноты
Поднялся человек.

Лицо скрывая от меня,
Он быстро шел вперед
Туда, где не было огня
И где кончался лед.

Он обернулся — встретил я
Один горящий глаз.
Потом сомкнулась полынья —
Его огонь погас.

Слилось морозное кольцо
В спокойный струйный бег.
Зарделось нежное лицо,
Вздохнул холодный снег.

И я не знал, когда и где
Явился и исчез —
Как опрокинулся в воде
Лазурный сон небес.

4 августа 1902

* * *

Свет в окошке шатался,
В полумраке — один —
У подъезда шептался
С темнотой арлекин.

Был окутанный мглою
Бело-красный наряд.
Наверху — за стеною —
Шутовской маскарад.

Там лицо укрывали
В разноцветную ложь.
Но в руке узнавали
Неизбежную дрожь.

Он — мечом деревянным
Начертал письмена.
Восхищенная странным,
Потуплялась *Она.*

Восхищенью не веря,
С темнотою — один —
У задумчивой двери
Хохотал арлекин.

6 августа 1902

* * *

Пытался сердцем отдохнуть я —
Ужель не сбросить этих снов?
Но кто-то ждал на перепутьи
Моих последних, страшных слов...

Он ждет еще. Редеют тени,
Яснее, ближе сон конца.
Он спрятал голову в колени
И не покажет мне лица.

Но в день последний, в час бездонный,
Нарушив всяческий закон,
Он встанет, призрак беззаконный,
Зеркальной гладью отражен.

И в этот час в пустые сени
Войдет подобие лица,
И будет в зеркале без тени
Изображенье пришлеца.

27 августа 1902

* * *

Золотистою долиной
Ты уходишь, нем и дик.
Тает в небе журавлиный
Удаляющийся крик.

Замер, кажется, в зените
Грустный голос, долгий звук.
Бесконечно тянет нити
Торжествующий паук.

Сквозь прозрачные волокна
Солнце, света не тая,
Праздно бьет в слепые окна
Опустелого жилья.

За нарядные одежды
Осень солнцу отдала
Улетевшие надежды
Вдохновенного тепла.

29 августа 1902

* * *

Без Меня б твои сны улетали
В безжеланно-туманную высь,
Ты воспомни вечерние дали,
В тихий терем, дитя, постучись.

Я живу над зубчатой землею,
Вечерею в Моем терему.
Приходи, Я тебя успокою,
Милый, милый, тебя обниму.

Отошла Я в снега без возврата,
Но, холодные вихри крутя,
На черте огневого заката
Начертала Я Имя, дитя...

Август 1902

* * *

Тебя я встречу где-то в мире,
За далью каменных дорог.
На страшном, на последнем пире
Для нас готовит встречу бог.

Август 1902

VI

С.-Петербург. Осень — 7 ноября 1902 года

* * *

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

Дорога, под луной бела,
Казалось, полнилась шагами.
Там только чья-то тень брела
И опустилась за холмами.

И слушал я — и услыхал:
Среди дрожащих лунных пятен
Далёко, звонко конь скакал,
И легкий посвист был понятен.

Но здесь, и дальше — ровный звук,
И сердце медленно боролось,
О, как понять, откуда стук,
Откуда будет слышен голос?

И вот, слышнее звон копыт,
И белый конь ко мне несется...
И стало ясно, кто молчит
И на пустом седле смеется.

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.

6 сентября 1902. С.-Петербург

* * *

Безрадостные всходят семена.
Холодный ветер бьется в голых прутьях.
В моей душе открылись письмена.
Я их таю — в селеньях, на распутьях...
И кра́дусь я, как тень, у лунных стен.
Меняются, темнеют, глохнут стены.
Мне сладостно от всяких перемен,
Мне каждый день рождает перемены.
О, как я жив, как бьет ключами кровь!
Я здесь родной с подземными ключами!
Мгновенья тайн! Ты, вечная любовь!
Я понял вас! Я с вами! Я за вами!

Растет, растет великая стена.
Холодный ветер бьется в голых прутьях...
Я вас открыл, святые письмена.
Я вас храню с улыбкой на распутьях.

6 сентября 1902

* * *

В городе колокол бился,
Поздние славя мечты.
Я отошел и молился
Там, где провиделась Ты.

Слушая зов иноверца,
Поздними днями дыша,
Билось по-прежнему сердце,
Не изменялась душа.

Всё отошло, изменило,
Шепчет про душу мою...
Ты лишь Одна сохранила
Древнюю Тайну Свою.

15 сентября 1902

* * *

Я просыпался и всходил
К окну на темные ступени.
Морозный месяц серебрил
Мои затихнувшие сени.

Давно уж не было вестей,
Но город приносил мне звуки,
И каждый день я ждал гостей
И слушал шорохи и стуки.

И в полночь вздрагивал не раз,
И, пробуждаемый шагами,
Всходил к окну — и видел газ,
Мерцавший в улицах цепями.

Сегодня жду моих гостей
И дрогну, и сжимаю руки.
Давно мне не было вестей,
Но были шорохи и стуки.

18 сентября 1902

ЭККЛЕСИАСТ

Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда — в хаос безмирный,
Куда склоняется твой день.

Цела серебряная цепь,
Твои наполнены кувшины,
Миндаль цветет на дне долины,
И влажным зноем дышит степь.

Идешь ты к дому на горах,
Полдневным солнцем залитая;
Идешь — повязка золотая
В смолистых тонет волосах.

Зачахли каперса цветы,
И вот — кузнечик тяжелеет,
И на дороге ужас веет,
И помрачились высоты.

Молоть устали жернова.
Бегут испуганные стражи,
И всех объемлет призрак вражий,
И долу гнутся дерева.

Всё диким страхом смятено.
Столпились в кучу люди, звери.
И тщетно замыкают двери
Досель смотревшие в окно.

24 сентября 1902

* * *

Она стройна и высока,
Всегда надменна и сурова.
Я каждый день издалека
Следил за ней, на всё готовый.

Я знал часы, когда сойдет
Она — и с нею отблеск шаткий.
И, как злодей, за поворот
Бежал за ней, играя в прятки.

Мелькали жолтые огни
И электрические свечи.
И он встречал ее в тени,
А я следил и пел их встречи.

Когда, внезапно смущены,
Они предчувствовали что-то,
Меня скрывали в глубины
Слепые темные ворота.

И я, невидимый для всех,
Следил мужчины профиль грубый,
Ее сребристо-черный мех
И что-то шепчущие губы.

27 сентября 1902

* * *

Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый —
Младенца Дева родила.

На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.

И было знаменье и чудо:
В невозмутимой тишине
Среди толпы возник Иуда
В холодной маске, на коне.

Владыки, полные заботы,
Послали весть во все концы,
И на губах Искариота
Улыбку видели гонцы.

19 апреля — 28 сентября 1902

СТАРИК

А. С. Ф.

Под старость лет, забыв святое,
Сухим вниманьем я живу.
Когда-то — там — нас было двое,
Но то во сне — не наяву.

Смотрю на бледный цвет осенний,
О чем-то память шепчет мне...
Но разве можно верить тени,
Мелькнувшей в юношеском сне?

Всё это было, или мнилось?
В часы забвенья старых ран
Мне иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая в туман.

Но глупым сказкам я не верю,
Больной, под игом седины.
Пускай другой отыщет двери,
Какие мне не суждены.

29 сентября 1902

* * *

При желтом свете веселились,
Всю ночь у стен сжимался круг,
Ряды танцующих двоились,
И мнился неотступный друг.

Желанье поднимало груди,
На лицах отражался зной.
Я проходил с мечтой о чуде,
Томимый похотью чужой...

Казалось, там, за дымкой пыли,
В толпе скрываясь, кто-то жил,
И очи странные следили,
И голос пел и говорил...

— Сентябрь 1902

* * *

Явился он на стройном бале
В блестяще сомкнутом кругу.
Огни зловещие мигали,
И взор описывал дугу.

Всю ночь кружились в шумном танце,
Всю ночь у стен сжимался круг.
И на заре — в оконном глянце
Бесшумный появился друг.

Он встал и поднял взор совиный,
И смотрит — пристальный — один,
Куда за бледной Коломбиной
Бежал звенящий Арлекин.

А там — в углу — под образами,
В толпе, мятущейся пестро,
Вращая детскими глазами,
Дрожит обманутый Пьеро.

7 октября 1902

* * *

Свобода смотрит в синеву.
Окно открыто. Воздух резок.
За жолто-красную листву
Уходит месяца отрезок.

Он будет ночью — светлый серп,
Сверкающий на жатве ночи.
Его закат, его ущерб
В последний раз ласкает очи.

Как и тогда, звенит окно.
Но голос мой, как воздух свежий,
Пропел давно, замолк давно
Под тростником у прибережий.

Как бледен месяц в синеве,
Как золотится тонкий волос...
Как там качается в листве
Забытый, блеклый, мертвый колос...

10 октября 1902

* * *

Ушел он, скрылся в ночи́,
Никто не знает, куда.
На столе остались ключи,
В столе — указанье следа.

И кто же думал тогда,
Что он не придет домой?
Стихала ночная езда —
Он был обручен с Женой.

На белом холодном снегу
Он сердце свое убил.
А думал, что с Ней в лугу
Средь белых лилий ходил.

Вот брежжит утренний свет,
Но дома его всё нет.
Невеста напрасно ждет,
Он был, но он не придет.

12 октября 1902

RELIGIO[1]

1

Любил я нежные слова.
Искал таинственных соцветий.
И, прозревающий едва,
Еще шумел, как в играх дети.

Но, выходя под утро в луг,
Твердя невнятные напевы,
Я знал Тебя, мой вечный друг,
Тебя, Хранительница-Дева.

Я знал, задумчивый поэт,
Что ни один не ведал гений
Такой свободы, как обет
Моих невольничьих Служений.

18 октября 1902

2

Безмолвный призрак в терему,
Я — черный раб проклятой крови,
Я соблюдаю полутьму
В Ее нетронутом алькове.

Я стерегу Ее ключи
И с Ней присутствую, незримый,
Когда скрещаются мечи
За красоту Недостижимой.

Мой голос глух, мой волос сед.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь — один Завет:
Завет служенья — Непостижной.

18 октября 1902

---

[1] Благочестие *(лат.)*.— *Ред.*

* * *

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

25 октября 1902

* * *

Будет день, словно миг веселья.
Мы забудем все имена.
Ты сама придешь в мою келью
И разбудишь меня от сна.

По лицу, объятому дрожью,
Угадаешь думы мои.
Но всё прежнее станет ложью,
Чуть займутся Лучи Твои.

Как тогда, с безгласной улыбкой
Ты прочтешь на моем челе
О любви неверной и зыбкой,
О любви, что цвела на земле.

Но тогда — величавей и краше,
Без сомнений и дум приму
И до дна исчерпаю чашу,
Сопричастный Дню Твоему.

31 октября 1902

* * *

Его встречали повсюду
На улицах в сонные дни.
Он шел и нес свое чудо,
Спотыкаясь в морозной тени.

Входил в свою тихую келью,
Зажигал последний свет,
Ставил лампаду веселью
И пышный лилий букет.

Ему дивились со смехом,
Говорили, что он чудак.
Он думал о шубке с мехом
И опять скрывался во мрак.

Однажды его проводили,
Он весел и счастлив был,
А утром в гроб уложили,
И священник тихо служил.

Октябрь 1902

* * *

Разгораются таинные знаки
На глухой, непробудной стене.
Золотые и красные маки
Надо мной тяготеют во сне.

Укрываюсь в ночные пещеры
И не помню суровых чудес.
На заре — голубые химеры
Смотрят в зеркале ярких небес.

Убегаю в прошедшие миги,
Закрываю от страха глаза,
На листах холодеющей книги —
Золотая девичья коса.

Надо мной небосвод уже низок,
Черный сон тяготеет в груди.
Мой конец предначертанный близок,
И война, и пожар — впереди.

Октябрь 1902

* * *

Мне страшно с Тобой встречаться.
Страшнее Тебя не встречать.
Я стал всему удивляться,
На всем уловил печать.

По улице ходят тени,
Не пойму — живут или спят.
Прильнув к церковной ступени,
Боюсь оглянуться назад.

Кладут мне на плечи руки,
Но я не помню имен.
В ушах раздаются звуки
Недавних больших похорон.

А хмурое небо низко —
Покрыло и самый храм.
Я знаю: Ты здесь. Ты близко.
Тебя здесь нет. Ты — там.

5 ноября 1902

* * *

Дома растут, как желанья,
Но взгляни внезапно назад:
Там, где было белое зданье,
Увидишь ты черный смрад.

Так все вещи меняют место,
Неприметно уходят ввысь.
Ты, Орфей, потерял невесту,—
Кто шепнул тебе: «Оглянись...»?

Я закрою голову белым,
Закричу и кинусь в поток.
И всплывет, качнется над телом
Благовонный, речной цветок.

5 ноября 1902

* * *

Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж,— хранил огонь лампад.

И вот — Она, и к Ней — моя Осанна —
Венец трудов — превыше всех наград.

Я скрыл лицо, и проходили годы.
Я пребывал в Служеньи много лет.

И вот зажглись лучом вечерним своды,
Она дала мне Царственный Ответ.

Я здесь один хранил и теплил свечи.
Один — пророк — дрожал в дыму кадил.

И в Оный День — один участник Встречи —
Я этих Встреч ни с кем не разделил.

8 ноября 1902

* * *

Стою у власти, душой одинок,
Владыка земной красоты.
Ты, полный страсти ночной цветок,
Полюбила мои черты.

Склоняясь низко к моей груди,
Ты печальна, мой вешний цвет.
Здесь сердце близко, но там впереди
Разгадки для жизни нет.

И, многовластный, числю, как встарь,
Ворожу и гадаю вновь,
Как с жизнью страстной я, мудрый царь,
Сочетаю Тебя, Любовь?

14 ноября 1902

* * *

Несбыточное грезится опять.
Фет

Еще бледные зори на небе,
Далеко запевает петух.
На полях в созревающем хлебе
Червячок засветил и потух.

Потемнели ольховые ветки,
За рекой огонек замигал.
Сквозь туман чародейный и редкий
Невидимкой табун проскакал.

Я печальными еду полями,
Повторяю печальный напев.
Невозможные сны за плечами
Исчезают, душой овладев.

Я шепчу и слагаю созвучья —
Небывалое в думах моих.
И качаются серые сучья,
Словно руки и лица у них.

17 ноября 1902

* * *

Я надел разноцветные перья,
Закалил мои крылья — и жду.
Надо мной, подо мной — недоверье,
Расплывается сумрак — я жду.

Вот сидят, погружаясь в дремоту,
Птицы, спутники прежних годов.
Всё забыли, не верят полету
И не видят, на что я готов.

Эти бедные, сонные птицы —
Не взлетят они стаей с утра,
Не заметят мерцанья денницы,
Не поймут восклицанья: «Пора!»

Но сверкнут мои белые крылья,
И сомкнутся, сожмутся они,
Удрученные снами бессилья,
Засыпая на долгие дни.

21 ноября 1902

ПЕСНЯ ОФЕЛИИ

Он вчера нашептал мне много,
Нашептал мне страшное, страшное...
Он ушел печальной дорогой,
А я забыла вчерашнее —
забыла вчерашнее.

Вчера это было — давно ли?
Отчего он такой молчаливый?
Я не нашла моих лилий в поле,
Я не искала плакучей ивы —
плакучей ивы.

Ах, давно ли! Со мною, со мною
Говорили — и меня целовали...
И не помню, не помню — скрою,
О чем берега шептали —
берега шептали.

Я видела в каждой былинке
Дорогое лицо его страшное...
Он ушел по той же тропинке,
Куда уходило вчерашнее —
уходило вчерашнее...

Я одна приютилась в поле,
И не стало больше печали.
Вчера это было — давно ли?
Со мной говорили, и меня целовали –
меня целовали.

23 ноября 1902

* * *

Я, изнуренный и премудрый,
Восстав от тягостного сна,
Перед Тобою, Златокудрой,
Склоняю долу знамена.

Конец всеведущей гордыне.—
Прошедший сумрак разлюбя,
Навеки преданный Святыне,
Во всем послушаюсь Тебя.

Зима пройдет — в певучей вьюге
Уже звенит издалека.
Сомкнулись царственные дуги,
Душа блаженна, Ты близка.

30 ноября 1902

* * *

Я буду факел мой блюсти
У входа в душный сад.
Ты будешь цвет и лист плести
Высоко вдоль оград.

Цветок — звезда в слезах росы
Сбежит ко мне с высот.
Я буду страж его красы —
Безмолвный звездочет.

Но в страстный час стена низка,
Запретный цвет любим.
По следу первого цветка
Откроешь путь другим.

Ручей цветистый потечет —
И нет числа звездам.
И я забуду строгий счет
Влекущимся цветам.

4 декабря 1902

* * *

Андрею Белому

Я смотрел на слепое людское строенье,
Под крышей медленно зажигалось окно.
Кто-то сверху услыхал приближенье
И думал о том, что было давно.

Занавески шевелились и падали.
Поднимались от невидимой руки.
На лестнице тени прядали.
И осторожные начинались звонки.

Еще никто не вошел на лестницу,
А уж заслышали счет ступень.
И везде проснулись, кричали, поджидая вестницу,
И седые головы наклонялись в тень.

Думали: за утром наступит день.

Выше всех кричащих и всклокоченных
Под крышей медленно загоралось окно.
Там кто-то на счетах позолоченных
Сосчитал, что́ никому не дано.

И понял, что будет темно.

5 декабря 1902

* * *

Царица смотрела заставки —
Буквы из красной позолоты.
Зажигала красные лампадки,
Молилась богородице кроткой.

Протекали над книгой Глубинной
Синие ночи царицы.
А к Царевне с вышки голубиной
Прилетали белые птицы.

Рассыпа́ла Царевна зерна,
И плескались белые перья.
Голуби ворковали покорно
В терему — под узорчатой дверью.

Царевна румяней царицы —
Царицы, ищущей смысла.
В книге на каждой странице
Золотые да красные числа.

Отворилось облако́ высо́ко,
И упала Голубиная книга.
А к Царевне из лазурного ока
Прилетела воркующая птица.

Царевне так томно и сладко —
Царевна-Невеста, что лампадка.
У царицы синие загадки —
Золотые да красные заставки.

Поклонись, царица, Царевне,
Царевне золотокудрой:
От твоей глубинности древней —
Голубиной кротости мудрой.

Ты сильна, царица, глубинностью,
В твоей книге раззолочены страницы.
А Невеста одной невинностью
Твои числа замолит, царица.

14 декабря 1902

* * *

Все кричали у круглых столов,
Беспокойно меняя место.
Было тускло от винных паров.
Вдруг кто-то вошел — и сквозь гул голосов
Сказал: «Вот моя невеста».

Никто не слыхал ничего.
Все визжали неистово, как звери.
А один, сам не зная отчего,—
Качался и хохотал, указывая на него
И на девушку, вошедшую в двери.

Она уронила платок,
И все они, в злобном усилье,
Как будто поняв зловещий намек,
Разорвали с визгом каждый клочок
И окрасили кровью и пылью.

Когда все опять подошли к столу,
Притихли и сели на место,
Он указал им на девушку в углу
И звонко сказал, пронизывая мглу:
«Господа! Вот моя невеста».

И вдруг тот, кто качался и хохотал,
Бессмысленно протягивая руки,
Прижался к столу, задрожал,—
И те, кто прежде безумно кричал,
Услышали плачущие звуки.

25 декабря 1902

* * *

Покраснели и гаснут ступени.
Ты сказала сама: «Приду».
У входа в сумрак моленный
Я открыл мое сердце.— Жду.

Что скажу я тебе — не знаю.
Может быть, от счастья умру.
Но огнем вечерним сгорая,
Привлеку и тебя к костру.

Расцветает красное пламя.
Неожиданно сны сбылись.
Ты идешь. Над храмом, над нами —
Беззакатная глубь и высь.

25 декабря 1902

* * *

Запевающий сон, зацветающий цвет,
Исчезающий день, погасающий свет.

Открывая окно, увидал я сирень.
Это было весной — в улетающий день.

Раздышались цветы — и на темный карниз
Передвинулись тени ликующих риз.

Задыхалась тоска, занималась душа,
Распахнул я окно, трепеща и дрожа.

И не помню — откуда дохнула в лицо,
Запевая, сгорая, взошла на крыльцо.

Сентябрь — декабрь 1902

* * *

Андрею Белому

Целый год не дрожало окно,
Не звенела тяжелая дверь;
Всё забылось — забылось давно,
И она отворилась теперь.

Суетились, поспешно крестясь...
Выносили серебряный гроб...
И старуха, за ручку держась,
Спотыкалась о снежный сугроб.

Равнодушные лица толпы,
Любопытных соседей набег...
И кругом протоптали тропы,
Осквернив целомудренный снег.

Но, ложась в снеговую постель,
Услыхал заключенный в гробу,
Как вдали запевала метель,
К небесам подымая трубу.

6 января 1903

* * *

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобой Одною отвечу,
За то, что всю жизнь молчал.

Молчаливые мне понятны,
И люблю обращенных в слух:
За словами — сквозь гул невнятный
Просыпается светлый Дух.

Я выйду на праздник молчанья,
Моего не заметят лица.
Но во мне — потаенное знанье
О любви к Тебе без конца.

14 января 1903

* * *

Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.

Призывал на битву равнинную —
Побороться с дыханьем небес.
Показал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.

Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно вперед,
Впереди с невинными взорами
Мое детское сердце идет.

Пусть глаза утомятся бессонные,
Запоет, заалеет пыль...
Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку — быль.

18 февраля 1903

* * *

Зимний ветер играет терновником,
Задувает в окне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовником.
Я один. Я прощу. Я молчу.

Ты не знаешь, кому ты молишься —
Он играет и шутит с тобой.
О терновник холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.

Но, давно прислушавшись к счастию,
У окна я тебя подожду.
Ты ему отдаешься со страстию.
Всё равно. Я тайну блюду.

Всё, что в сердце твоем туманится,
Станет ясно в моей тишине.
И, когда он с тобой расстанется,
Ты признаешься только мне.

20 февраля 1903

* * *

Снова иду я над этой пустынной равниной.
Сердце в глухие сомненья укрыться не властно.
Что полюбил я в твоей красоте лебединой,—
Вечно прекрасно, но сердце несчастно.

Я не скрываю, что пла́чу, когда поклоняюсь,
Но, перейдя за черту человеческой речи,
Я и молчу, и в слезах на тебя улыбаюсь:
Проводы сердца — и новые встречи.

Снова нахмурилось небо, и будет ненастье.
Сердцу влюбленному негде укрыться от боли.
Так и счастливому страшно, что кончится счастье.
Так и свободный боится неволи.

22 февраля 1903

* * *

— Всё ли спокойно в народе?
— Нет. Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.

— Все ли готовы подняться?
— Нет. Каменеют и ждут.
Кто-то велел дожидаться:
Бродят и песни поют.

— Кто же поставлен у власти?
— Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти:
Слышно, что кто-то идет.

— Кто ж он, народный смиритель?
— Темен, и зол, и свиреп:
Инок у входа в обитель
Видел его — и ослеп.

Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным...
— Боже! Бежим от Суда!

3 марта 1903

* * *

Мне снились веселые думы,
Мне снилось, что я не один...
Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин.

Я думал о сбывшемся чуде...
А там, наточив топоры,
Веселые красные люди,
Смеясь, разводили костры:

Смолили тяжелые челны...
Река, распевая, несла
И синие льдины, и волны,
И тонкий обломок весла...

Пьяна от веселого шума,
Душа небывалым полна...
Со мною — весенняя дума,
Я знаю, что Ты не одна...

11 марта 1903

* * *

Отворяются двери — там мерцанья,
И за ярким окошком — виденья.
Не знаю — и не скрою незнанья,
Но усну — и потекут сновиденья.

В тихом воздухе — тающее, знающее...
Там что-то притаилось и смеется.
Что смеется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?

Весна ли за окнами — розовая, сонная?
Или это Ясная мне улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или всё узнается?

17 марта 1903

* * *

Я вырезал посох из дуба
Под ласковый шопот вьюги.
Одежды бедны и грубы,
О, как недостойны подруги!

Но найду, и нищий, дорогу,
Выходи, морозное солнце!
Проброжу весь день ради бога,
Ввечеру постучусь в оконце...

И откроет белой рукою
Потайную дверь предо мною
Молодая, с золотой косою,
С ясной, открытой душою.

Месяц и звезды в косах...
«Входи, мой царевич приветный...»
И бедный дубовый посох
Заблестит слезой самоцветной...

25 марта 1903

* * *

С. Соловьеву

У забытых могил пробивалась трава.
Мы забыли вчера... И забыли слова...
И настала кругом тишина...

Этой смертью отшедших, сгоревших дотла,
Разве Ты не жива? Разве Ты не светла?
Разве сердце Твое — не весна?

Только здесь и дышать, у подножья могил,
Где когда-то я нежные песни сложил
О свиданьи, быть может, с Тобой...

Где впервые в мои восковые черты
Отдаленною жизнью повеяла Ты,
Пробиваясь могильной травой...

1 апреля 1903

* * *

Я был весь в пестрых лоскутьях,
Белый, красный, в безобразной маске.
Хохотал и кривлялся на распутьях,
И рассказывал шуточные сказки.

Развертывал длинные сказанья
Бессвязно, и долго, и звонко —
О стариках, и о странах без названья,
И о девушке с глазами ребенка.

Кто-то долго, бессмысленно смеялся,
И кому-то становилось больно.
И когда я внезапно сбивался,
Из толпы кричали: «Довольно!»

Апрель 1903

* * *

По городу бегал черный человек.
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.

Медленный, белый подходил рассвет,
Вместе с человеком взбирался на лестницу.

Там, где были тихие, мягкие тени —
Желтые полоски вечерних фонарей,—

Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались в занавески, в щели дверей.

Ах, какой бледный город на заре!
Черный человечек плачет на дворе.

Апрель 1903

* * *

Просыпаюсь я — и в поле туманно,
Но с моей вышки — на солнце укажу.
И пробуждение мое безжеланно,
Как девушка, которой я служу.

Когда я в сумерки проходил по дороге,
Заприметился в окошке красный огонек.
Розовая девушка встала на пороге
И сказала мне, что я красив и высок.

В этом вся моя сказка, добрые люди.
Мне больше не надо от вас ничего:
Я никогда не мечтал о чуде —
И вы успокойтесь — и забудьте про него.

2 мая 1903

* * *

Когда я стал дряхлеть и стынуть,
Поэт, привыкший к седина́м,
Мне захотелось отодвинуть
Конец, сужденный старикам.
И я опять, больной и хилый,
Ищу счастливую звезду.
Какой-то образ, прежде милый,
Мне снится в старческом бреду.
Быть может, память изменила,
Но я не верю в эту ложь,
И ничего не пробудила
Сия пленительная дрожь.
Все эти россказни далече —
Они пленяли с юных лет,
Но старость мне согнула плечи,
И мне смешно, что я поэт...
Устал я верить жалким книгам
Таких же розовых глупцов!
Проклятье снам! Проклятье мигам
Моих пророческих стихов!
Наедине с самим собою

Дряхлею, сохну, душит злость,
И я морщинистой рукою
С усильем поднимаю трость...
Кому поверить? С кем мириться?
Врачи, поэты и попы...
Ах, если б мог я научиться
Бессмертной пошлости толпы!

4 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

Скрипка стонет под горой.
В сонном парке вечер длинный,
Вечер длинный — Лик Невинный,
Образ девушки со мной.

Скрипки стон неутомимый
Напевает мне: «Живи...»
Образ девушки любимой —
Повесть ласковой любви.

Июнь 1903. Bad Nauheim

* * *

Ей было пятнадцать лет. Но по стуку
Сердца — невестой быть мне могла.
Когда я, смеясь, предложил ей руку,
Она засмеялась и ушла.

Это было давно. С тех пор проходили
Никому не известные годы и сроки.
Мы редко встречались и мало говорили,
Но молчанья были глубоки.

И зимней ночью, верен сновиденью,
Я вышел из людных и ярких зал,
Где душные маски улыбались пенью,
Где я ее глазами жадно провожал.

И она вышла за мной, покорная,
Сама не ведая, что́ будет через миг.
И видела лишь ночь городская, черная,
Как прошли и скрылись: невеста и жених.

И в день морозный, солнечный, красный —
Мы встретились в храме — в глубокой тишине:
Мы поняли, что годы молчанья были ясны,
И то, что свершилось,— свершилось в вышине.

Этой повестью долгих, блаженных исканий
Полна моя душная, песенная грудь.
Из этих песен создал я зданье,
А другие песни — спою когда-нибудь.

16 июня 1903. Bad Nauheim

ДВОЙНИК

Вот моя песня — тебе, Коломбина.
Это — угрюмых созвездий печать:
Только в наряде шута-Арлекина
Песни такие умею слагать.

Двое — мы тащимся вдоль по базару,
Оба — в звенящем наряде шутов.
Эй, полюбуйтесь на глупую пару,
Слушайте звон удалых бубенцов!

Мимо идут, говоря: «Ты, прохожий,
Точно такой же, как я, как другой;
Следом идет на тебя не похожий
Сгорбленный нищий с сумой и клюкой».

Кто, проходя, удостоит нас взора?
Кто угадает, что мы с ним — вдвоем?
Дряхлый старик повторяет мне: «Скоро».
Я повторяю: «Пойдем же, пойдем».

Если прохожий глядит равнодушно,
Он улыбается; я трепещу;
Злобно кричу я: «Мне скучно! Мне душно!»
Он повторяет: «Иди. Не пущу».

Там, где на улицу, в звонкую давку,
Взглянет и спрячется розовый лик,—
Там мы войдем в многолюдную лавку,—
Я — Арлекин, и за мною — старик.

О, если только заметят, заметят,
Взглянут в глаза мне за пестрый наряд! —
Может быть, рядом со мной они встретят
Мой же — лукавый, смеющийся взгляд!

Там — голубое окно Коломбины,
Розовый вечер, уснувший карниз...
В смертном веселье — мы два Арлекина —
Юный и старый — сплелись, обнялись!..

О, разделите! Вы видите сами:
Те же глаза, хоть различен наряд!..
Старый — он тупо глумится над вами,
Юный — он нежно вам преданный брат!

Та, что в окне,— розовей навечерий,
Та, что вверху,— ослепительней дня!
Там Коломбина! О, люди! О, звери!
Будьте, как дети. Поймите меня.

30 июля 1903. С. Шахматово

ВЕРБНАЯ СУББОТА

Вечерние люди уходят в дома.
Над городом синяя ночь зажжена.
Боярышни тихо идут в терема.
По улице веет, гуляет весна.

На улице праздник, на улице свет,
И свечки, и вербы встречают зарю.
Дремотная сонь, неуловленный бред —
Заморские гости приснились царю...

Приснились боярам...— «Проснитесь, мы тут...»
Боярышня сонно склонилась во мгле...
Там тени идут и виденья плывут...
Что было на небе — теперь на земле...

Весеннее утро. Задумчивый сон.
Влюбленные гости заморских племен
И, может быть, поздних, веселых времен.

Прозрачная тучка. Жемчужный узор.
Там было свиданье. Там был разговор...

И к утру лишь бледной рукой отперлась,
И розовой зорькой душа занялась.

1 сентября 1903. С.-Петербург

* * *

Мой месяц в царственном зените.
Ночной свободой захлебнусь
И там — в серебряные нити
В избытке счастья завернусь.

Навстречу страстному безволью
И только будущей Заре —
Киваю синему раздолью,
Ныряю в темном серебре!..

На площадях столицы душной
Слепые люди говорят:
«Что над землею? Шар воздушный.
Что под луной? Аэростат».

А я — серебряной пустыней
Несусь в пылающем бреду.
И в складки ризы темно-синей
Укрыл Любимую Звезду.

1 октября 1903

* * *

Иммануил Кант

Сижу за ширмой. У меня
Такие крохотные ножки...
Такие ручки у меня,
Такое темное окошко...
Тепло и тёмно. Я гашу
Свечу, которую приносят,
Но благодарность приношу...
Меня давно развлечься просят,
Но эти ручки... Я влюблен
В мою морщинистую кожу...
Могу увидеть сладкий сон,
Но я себя не потревожу:
Не потревожу забытья,
Вот этих бликов на окошке...
И ручки скрещиваю я,
И также скрещиваю ножки.
Сижу за ширмой. Здесь тепло.
Здесь кто-то есть. Не надо свечки.
Глаза бездонны, как стекло.
На ручке сморщенной — колечки.

18 октября 1903

* * *

Когда я уйду на покой от времен,
Уйду от хулы и похвал,
Ты вспомни ту нежность, тот ласковый сон,
Которым я цвел и дышал.

Я знаю, не вспомнишь Ты, Светлая, зла,
Которое билось во мне,
Когда подходила Ты, стройно-бела,
Как лебедь, к моей глубине.

Не я возмущал Твою гордую лень —
То чуждая сила его.
Холодная туча смущала мой день,—
Твой день был светлей моего.

Ты вспомнишь, когда я уйду на покой,
Исчезну за синей чертой,—
Одну только песню, что пел я с Тобой,
Что Ты повторяла за мной.

1 ноября 1903

* * *

Андрею Белому

Так. Я знал. И ты задул
Яркий факел, изнывая
В дымной мгле.
В бездне — мрак, а в небе — гул.
Милый друг! Звезда иная
Нам открылась на земле.

Неразлучно — будем оба
Клятву Вечности нести.
Поздно встретимся у гроба
На серебряном пути.

Там — сжимающему руки
Руку нежную сожму.
Молчаливому от муки
Шею крепко обниму.

Так. Я слышал весть о новом!
Маска траурной души!
В Оный День — знакомым словом
Снова сердце оглуши!

И тогда — в гремящей сфере
Небывалого огня —
Светлый меч нам вскроет двери
Ослепительного Дня.

1 ноября 1903

* * *

Ты у камина, склонив седины,
Слушаешь сказки в стихах.
Мы за тобою — незримые сны —
Чертим узор на стенах.

Дочь твоя — в креслах — весны розовей,
Строже вечерних теней.
Мы никогда не стучали при ней,
Мы не шалили при ней.

Как у тебя хорошо и светло —
Нам за стеною темно...
Дай пошалим, постучимся в стекло,
Дай-ка — забьемся в окно!

Скажешь ты, тихо подняв седины:
«Стукнуло где-то, дружок?»
Дочка твоя, что румяней весны,
Скажет: «Там серый зверок».

1 ноября 1903

* * *

Крыльцо Ее словно паперть.
Вхожу — и стихает гроза.
На столе — узорная скатерть.
Притаились в углу образа.

На лице Ее — нежный румянец,
Тишина озаренных теней.
В душе — кружащийся танец
Моих улетевших дней.

Я давно не встречаю румянца,
И заря моя — мутно тиха.
И в каждом кружении танца
Я вижу пламя греха.

Только в дар последним похмельям
Эта тихая радость дана.
Я пришел к ней с горьким весельем
Осушить мой кубок до дна.

7 ноября 1903

* * *

М. А. Олениной д'Альгейм

Темная, бледно-зеленая
Детская комнатка.
Нянюшка бродит сонная.
«Спи, мое дитятко».

В углу — лампадка зеленая.
От нее — золотые лучики.
Нянюшка над постелькой склоненная..
«Дай заверну твои ноженьки и рученьки».

Нянюшка села и задумалась.
Лучики побежали — три лучика.
«Нянюшка, о чем ты задумалась?
Расскажи про святого мученика».

Три лучика. Один тоненький...
«Святой мученик, дитятко, преставился...
Закрой глазки, мой мальчик сонненький.
Святой мученик от мученья избавился».

23 ноября 1903

ФАБРИКА

В соседнем доме окна жолты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на́ спины кули.
И в жолтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

24 ноября 1903

* * *

Мы шли на Лидо в час рассвета
Под сетью тонкого дождя.
Ты отошла, не дав ответа,
А я уснул, к волнам сойдя.

Я чутко спал, раскинув руки,
И слышал мерный плеск волны.
Манили страстной дрожью звуки,
В колдунью-птицу влюблены.

И чайка — птица, чайка — дева
Всё опускалась и плыла
В волнах влюбленного напева,
Которым ты во мне жила.

11 декабря 1903. С.-Петербург

* * *

Мне гадалка с морщинистым ликом
Ворожила под темным крыльцом.
Очарованный уличным криком,
Я бежал за мелькнувшим лицом.

Я бежал и угадывал лица,
На углах останавливал бег.
Предо мною ползла вереница
Нагруженных, скрипящих телег.

Проползала змеей меж домами —
Я не мог площадей перейти...
А оттуда взывало: «За нами!»
Раздавалось: «Безумный! Прости!»

Там — бессмертною волей томима,
Может быть, призывала Сама...
Я бежал переулками мимо —
И меня поглотили дома.

11 декабря 1903

* * *

Е. П. Иванову

Плачет ребенок. Под лунным серпом
Тащится по́ полю путник горбатый.
В роще хохочет над круглым горбом
Кто-то косматый, кривой и рогатый.

В поле дорога бледна от луны.
Бледные девушки прячутся в травы.
Руки, как травы, бледны и нежны.
Ветер колышет их влево и вправо.

Шепчет и клонится злак голубой.
Пляшет горбун под луною двурогой.
Кто-то зовет серебристой трубой.
Кто-то бежит озаренной дорогой.

Бледные девушки встали из трав.
Подняли руки к познанью, к молчанью.
Ухом к земле неподвижно припав,
Внемлет горбун ожиданью, дыханью.

В роще косматый беззвучно дрожит.
Месяц упал в озаренные злаки.
Плачет ребенок. И ветер молчит.
Близко труба. И не видно во мраке.

14 декабря 1903

* * *

Среди гостей ходил я в черном фраке.
Я руки жал. Я, улыбаясь, знал:
Пробьют часы. Мне будут делать знаки.
Поймут, что я кого-то увидал...

Ты подойдешь. Сожмешь мне больно руку.
Ты скажешь: «Брось. Ты возбуждаешь смех».
Но я пойму — по голосу, по звуку,
Что ты меня боишься больше всех.

Я закричу, беспомощный и бледный,
Вокруг себя бесцельно оглянусь.
Потом — очнусь у двери с ручкой медной.
Увижу всех... и слабо улыбнусь.

18 декабря 1903

ИЗ ГАЗЕТ

Встала в спяньи. Крестила детей.
И дети увидели радостный сон.
Положила, до полу клонясь головой,
Последний земной поклон.

Коля проснулся. Радостно вздохнул,
Голубому сну еще рад наяву.
Прокатился и замер стеклянный гул:
Звенящая дверь хлопнула внизу.

Прошли часы. Приходил человек
С оловянной бляхой на теплой шапке.
Стучал и дожидался у двери человек.
Никто не открыл. Играли в прятки.

Были веселые морозные Святки.

Прятали мамин красный платок.
В платке уходила она по утрам.
Сегодня оставила дома платок:
Дети прятали его по углам.

Подкрались сумерки. Детские тени
Запрыгали на стене при свете фонарей.
Кто-то шел по лестнице, считая ступени.
Сосчитал. И заплакал. И постучал у дверей.

Дети прислушались. Отворили двери.
Толстая соседка принесла им щей.
Сказала: «Кушайте». Встала на колени
И, кланяясь, как мама, крестила детей.

Мамочке не больно, розовые детки.
Мамочка сама на рельсы легла.
Доброму человеку, толстой соседке,
Спасибо, спасибо. Мама не могла...

Мамочке хорошо. Мама умерла.

27 декабря 1903

СТАТУЯ

Лошадь влекли под уздцы на чугунный
Мост. Под копытом чернела вода.
Лошадь храпела, и воздух безлунный
Храп сохранял на мосту навсегда.

Песни воды и хрипящие звуки
Тут же вблизи расплывались в хаос.
Их раздирали незримые руки.
В черной воде отраженье неслось.

Мерный чугун отвечал однотонно.
Разность отпала. И вечность спала.
Черная ночь неподвижно, бездонно —
Лопнувший в бездну ремень увлекла.

Всё пребывало. Движенья, страданья —
Не было. Лошадь храпела навек.
И на узде в напряженьи молчанья
Вечно застывший висел человек.

28 декабря 1903

* * *

По берегу плелся больной человек.
С ним рядом ползла вереница телег.

В дымящийся город везли балаган,
Красивых цыганок и пьяных цыган.

И сыпали шутки, визжали с телег.
И рядом тащился с кульком человек.

Стонал и просил подвезти до села.
Цыганочка смуглую руку дала.

И он подбежал, ковыляя, как мог,
И бросил в телегу тяжелый кулек.

И сам надорвался, и пена у губ.
Цыганка в телегу взяла его труп.

С собой усадила в телегу рядком,
И мертвый качался и падал ничком.

И с песней свободы везла до села.
И мертвого мужа жене отдала.

28 декабря 1903

* * *

Ветер хрипит на мосту меж столбами,
Черная нить под снегами гудёт.

Чудо ползет под моими санями,
Чудо мне сверху поет и поет...

Всё мне, певучее, тяжко и трудно,
Песни твои, и снега, и костры...

Чудо, я сплю, я устал непробудно...
Чудо, ложись в снеговые бугры!

28 декабря 1903

* * *

Светлый сон, ты не обманешь,
Ляжешь в утренней росе,
Алой пылью тихо встанешь
На закатной полосе.

Солнце небо опояшет,
Вот и вечер — весь в огне.
Зайчик розовый запляшет
По цветочкам на стене.

На балконе, где алеют
Мхи старинных балюстрад,
Деды дремлют и лелеют
Сны французских баррикад.

Мы внимаем ветхим дедам,
Будто статуям из ниш:
Сладко вспомнить за обедом
Старый пламенный Париж,

Протянув больную руку,
Сладко юным погрозить.
Сладко гладить кудри внуку,
О минувшем говорить.

И в алеющем закате
На балконе подремать,
В мягком стеганом халате
Перебраться на кровать...

Скажут: «Поздно, мы устали...»
Разойдутся на заре,
Я с тобой останусь в зале,
Лучик ляжет на ковре.

Милый сон, вечерний лучик...
Тени бархатных ресниц...
В золотистых перьях тучек
Танец нежных вечерниц...

25 февраля 1904

* * *

Мой любимый, мой князь, мой жених,
Ты печален в цветистом лугу.
Повиликой средь нив золотых
Завилась я на том берегу.

Я ловлю твои сны на лету
Бледно-белым прозрачным цветком,
Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конем.

Ах, бессмертье мое растопчи,—
Я огонь для тебя сберегу.
Робко пламя церковной свечи
У заутрени бледной зажгу.

В церкви станешь ты, бледен лицом,
И к царице небесной придешь,—
Колыхнусь восковым огоньком,
Дам почуять знакомую дрожь...

Над тобой — как свеча — я тиха,
Пред тобой — как цветок — я нежна.
Жду тебя, моего жениха,
Всё невеста — и вечно жена.

26 марта 1904

МОЛИТВЫ

Наш Арго!
Андрей Белый

1

Сторожим у входа в терем,
Верные рабы.
Страстно верим, выси мерим,
Вечно ждем трубы.

Вечно — завтра. У решотки
Каждый день и час
Славословит голос четкий
Одного из нас.

Воздух полон воздыханий,
Грозовых надежд,
Высь горит от несмыканий
Воспаленных вежд.

Ангел розовый укажет,
Скажет: «Вот она:
Бисер нижет, в нити вяжет —
Вечная Весна».

В светлый миг услышим звуки
Отходящих бурь.
Молча свяжем вместе руки,
Отлетим в лазурь.

2. УТРЕННЯЯ

До утра мы в комнатах спорим,
На рассвете один из нас
Выступает к розовым зорям —
Золотой приветствовать час.

Высоко́ он стоит над нами —
Тонкий профиль на бледной заре.
За плечами его, за плечами —
Все поля и леса в серебре.

Так стоит в кругу серебристом,
Величав, милосерд и строг.
На челе его бледно-чистом
Мы читаем, что близок срок.

3. ВЕЧЕРНЯЯ

Солнце сходит на запад. Молчанье.
Задремала моя суета.
Окружающих мерно дыханье.
Впереди — огневая черта.

Я зову тебя, смертный товарищ!
Выходи! Расступайся, земля!
На золе прогремевших пожарищ
Я стою, мою жизнь утоля.

Приходи, мою сонь исповедай,
Причасти и уста оботри...
Утоли меня тихой победой
Распылавшейся алой зари.

4. НОЧНАЯ

Они Ее видят!
В. Брюсов

Тебе, Чей Сумрак был так ярок,
Чей Голос тихостью зовет,—
Приподними небесных арок
Всё опускающийся свод.
Мой час молитвенный недолог —
Заутра обуяет сон.
Еще звенит в душе осколок
Былых и будущих времен.
И в этот час, который краток,
Душой измученной зову:
Явись! продли еще остаток
Минут, мелькнувших наяву!
Тебе, Чья Тень давно трепещет
В закатно-розовой пыли!
Пред Кем томится и скрежещет
Суровый маг моей земли!
Тебя — племен последних Знамя,
Ты, Воскрешающая Тень!
Зову Тебя! Склонись над нами!
Нас ризой тихости одень!

5. НОЧНАЯ

Спи. Да будет твой сон спокоен.
Я молюсь. Я дыханью внéмлю.
Я грущу, как заоблачный воин,
Уронивший панцырь на землю.

Бесконечно легко мое бремя.
Тяжелы только эти миги.
Всё снесет золотое время:
Мои цепи, думы и книги.

Кто бунтует,— в том сердце щедро,
Но безмерно прав молчаливый.
Я томлюсь у Ливанского кедра,
Ты — в тени под мирной оливой.

Я безумец! Мне в сердце вонзили
Красноватый уголь пророка!
Ветви мира тебя осенили...
Непробудная... Спи до срока.

Март — апрель 1904

* * *

Дали слепы, дни безгневны,
Сомкнуты уста.
В непробудном сне царевны,
Синева пуста.

Были дни — над теремами
Пламенел закат.
Нежно белыми словами
Кликал брата брат.

Брата брат из дальних келий
Извещал: «Хвала!»
Где-то голуби звенели,
Расплескав крыла.

С золотистых ульев пчелы
Приносили мед.
Наполнял весельем долы
Праздничный народ.

В пестрых бусах, в алых лентах
Девушки цвели...
Кто там скачет в позументах
В голубой пыли?

Всадник в битвенном наряде,
В золотой парче,
Светлых ку́дрей бьются пряди,
Искры на мече,

Белый конь, как цвет вишневый...
Блещут стремена...
На кафтан его парчевый
Пролилась весна.

Пролилась — он сгинет в тучах,
Вспыхнет за холмом.
На зеленых встанет кручах
В блеске заревом,

Где-то перьями промашет,
Крикнет: «Берегись!»
На коне селом пропляшет,
К ночи канет ввысь...

Ночью девушкам приснится,
Прилетит из туч
Конь — мгновенная зарница,
Всадник — беглый луч...

И, как луч, пройдет в прохладу
Узкого окна,
И Царевна, гостю рада,
Встанет с ложа сна...

Или, в злые дни ненастий,
Глянет в сонный пруд,
И его, дрожа от страсти,
Руки заплетут.

И потом обманут — вскинут
Руки к серебру,
Рыбьим плёсом отодвинут
В струйную игру...

И душа, летя на север
Золотой пчелой,
В алый сон, в медовый клевер
Ляжет на покой...

И опять в венках и росах
Запоет мечта,
Засверкает на откосах
Золото щита,

И поднимет щит девица,
И опять вдали
Всадник встанет, конь вздыбится
В голубой пыли...

Будут вёсны в вечной смене
И падений гнет.
Вихрь, исполненный видений,—
Голубиный лёт...

Что́ мгновенные бессилья?
Время — легкий дым...
Мы опять расплещем крылья,
Снова отлетим!

И опять, в безумной смене
Рассекая твердь,
Встретим новый вихрь видений,
Встретим жизнь и смерть!

22 апреля — 20 мая 1904. С. Шахматово

* * *

В час, когда пьянеют нарциссы,
И театр в закатном огне,
В полутень последней кулисы
Кто-то ходит вздыхать обо мне...

Арлекин, забывший о роли?
Ты, моя тихоокая лань?
Ветерок, приносящий с поля
Дуновений легкую дань?

Я, паяц, у блестящей рампы
Возникаю в открытый люк.
Это — бездна смотрит сквозь лампы —
Ненасытно-жадный паук.

И, пока пьянеют нарциссы,
Я кривляюсь, крутясь и звеня...
Но в тени последней кулисы
Кто-то плачет, жалея меня.

Нежный друг с голубым туманом,
Убаюкан качелью снов.
Сиротливо приникший к ранам
Легкоперстный запах цветов.

26 мая 1904. С. Шахматово

* * *

Вот он — ряд гробовых ступенéй.
И меж нас — никого. Мы вдвоем.
Спи ты, нежная спутница дней,
Залитых небывалым лучом.

Ты покоишься в белом гробу.
Ты с улыбкой зовешь: не буди.
Золотистые пряди на лбу.
Золотой образок на груди.

Я отпраздновал светлую смерть,
Прикоснувшись к руке восковой,
Остальное — бездонная твердь
Схоронила во мгле голубой.

Спи — твой отдых никто не прервет.
Мы — окрай неизвестных дорог.
Всю ненастную ночь напролет
Здесь горит осиянный чертог.

18 июня 1904. С. Шахматово

КНИГА ВТОРАЯ

(1904—1908)

ВСТУПЛЕНИЕ

Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копья заката
Протянули ко мне острие.

Лишь к Твоей золотой свирели
В черный день устами прильну.
Если все мольбы отзвенели,
Угнетенный, в поле усну.

Ты пройдешь в золотой порфире —
Уж не мне глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть в этом сонном мире,
Целовать излучённый путь...

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу
Неподвижно тонкой Рукой!

16 апреля 1905

Земля, как и вода, содержит газы,
И это были пузыри земли.

Макбет

* * *

На перекрестке,
Где даль поставила,
В печальном веселье встречаю весну.

На земле еще жесткой
Пробивается первая травка.
И в кружеве березки —
Далеко — глубоко —
Лиловые скаты оврага.

Она взманила,
Земля пустынная!

На западе, рдея от холода,
Солнце — как медный шлем воина,
Обращенного ликом печальным
К иным горизонтам,
К иным временам...

И шишак — золотое облако —
Тянет ввысь белыми перьями
Над дерзкой красою
Лохмотий вечерних моих!

И жалкие крылья мои —
Крылья вороньего пугала —
Пламенеют, как солнечный шлем,
Отблеском вечера...
Отблеском счастия...

И кресты — и далекие окна —
И вершины зубчатого леса —
Всё дышит ленивым
И белым размером
Весны.

5 мая 1904

БОЛОТНЫЕ ЧЕРТЕНЯТКИ

А. М. Ремизову

Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты,
Чтоб дождаться здесь вдвоем
Тихой пустоты.

Вот — сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий — месяц наверху —
Искривил свой рот.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав —
Захудалый чорт.

На дурацком колпаке
Бубенец разлук.
За плечами — вдалеке —
Сеть речных излук...

И сидим мы, дурачки,—
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы — забытые следы
Чьей-то глубины...

Январь 1905

* * *

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листы.
Выхожу — и стою на мосту,
И смотрю на речные цветы.

Вот — предчувствие белой зимы:
Тишина колокольных высот...
Та, что нынче читала псалмы,—
Та монахиня, верно, умрет.

Безначально свободная ширь,
Слишком радостной вестью дыша,
Подошла — и покрыла Псалтирь,
И в страницах осталась душа.

Как свеча, догорала она,
Вкруг лица улыбалась печаль.
Долетали слова от окна,
Но сквозила за окнами даль...

Уплывали два белых цветка —
Эта легкая матовость рук...
Мне прозрачная дева близка
В золотистую осень разлук...

Но живу я в далеком скиту
И не знаю для счастья границ.
Тишиной провожаю мечту.
И мечта воздвигает Царицу.

Январь 1905

ТВАРИ ВЕСЕННИЕ

(Из альбома «Kindisch»[1] *Т. Н. Гиппиус)*

Золотисты лица купальниц.
Их стебель влажен.
Это вышли молчальницы
Поступью важной
В лесные душистые скважины.

Там, где проталины,
Молчать повелено,
И весной непомерной взлелеяны
Поседелых туманов развалицы.

Окрестности мхами завалены.
Волосы ночи натянуты туго на срубы
И пни.
Мы в листве и в тени
Издали начинаем вникать в отдаленные трубы.
Приближаются новые дни.
Но пока мы одни,
И молчаливо открыты бескровные губы.

Чуда! о, чуда!
Тихонько дым
Поднимается с пруда...
Мы еще помолчим.

Утро сонной тропою пустило стрелу,
Но одна — на руке, опрокинутой в гысь.
Ладонью в стволистую мглу —
Светляка подняла... Оглянись:
Где ты скроешь зеленого света ночную иглу?

Нет, светись,
Светлячок, молчаливой понятный!
Кусочек света,
Клочочек рассвета...

---

[1] «Детское» *(нем.).— Ред.*

Будет вам день беззакатный!
С ночкой вы не радели —
Вот и всё ушло...
Ночку вы не жалели —
И становится слишком светло.
Будете маяться, каяться,
И кусаться, и лаяться,
Вы, зеленые, крепкие, малые,
Твари милые, небывалые.

Туман клубится, проносится
По седым прудам.
Скоро каждый чортик запросится
Ко Святым Местам.

19 февраля 1905

БОЛОТНЫЙ ПОПИК

На весенней проталинке
За вечерней молитвою — маленький
Попик болотный виднеется.

Ветхая ряска над кочкой
Чернеется
Чуть заметною точкой.

И в безбурности зорь красноватых
Не видать чертенят бесноватых,
Но вечерняя прелесть
Увила вкруг него свои тонкие руки...
Предзакатные звуки,
Легкий шелест.

Тихонько он молится,
Улыбается, клонится,
Приподняв свою шляпу.

И лягушке хромой, ковыляющей,
Травой исцеляющей
Перевяжет болящую лапу.

Перекрестит и пустит гулять:
«Вот, ступай в родимую гать.
Душа моя рада
Всякому гаду
И всякому зверю
И о всякой вере».

И тихонько молится,
Приподняв свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За больную звериную лапу,
И за римского папу.

Не бойся пучины тряской —
Спасет тебя черная ряска.

17 апреля 1905

* * *

На весеннем пути в теремок
Перелетный вспорхнул ветерок,
Прозвенел золотой голосок.

Постояла она у крыльца,
Поискала дверного кольца,
И поднять не посмела лица.

И ушла в синеватую даль,
Где дымилась весенняя таль,
Где кружилась над лесом печаль.

Там — в березовом дальнем кругу —
Старикашка сгибал из березы дугу
И приметил ее на лугу.

Закричал и запрыгал на пне:
«Ты, красавица, верно, ко мне!
Стосковалась в своей тишине!»

За корявые пальцы взялась,
С бородою зеленой сплелась
И с туманом лесным поднялась.

Так тоскуют они об одном,
Так летают они вечерком,
Так венчалась весна с колдуном.

24 апреля 1905

* * *

Полюби эту вечность болот:
Никогда не иссякнет их мощь.
Этот злак, что сгорел,— не умрет.
Этот куст — без истления — тощ.

Эти ржавые кочки и пни
Знают твой отдыхающий плен.
Неизменно предвечны они,—
Ты пред Вечностью полон измен.

Одинокая участь светла.
Безначальная доля свята.
Это Вечность Сама снизошла
И навеки замкнула уста.

3 июня 1905

* * *

Белый конь чуть ступает усталой ногой,
Где бескрайная зыбь залегла.
Мне болотная схима — желанный покой,
Будь ночлегом, зеленая мгла!

Алой ленты Твоей надо мной полоса,
Бьется в ноги коня змеевик,
На горе безмятежно поют голоса,
Всё о том, как закат Твой велик.

Закатилась Ты с мертвым Твоим женихом,
С палачом раскаленной земли.
Но сквозь ели прощальный Твой луч мне знаком,
Тишина Твоя дремлет вдали.

Я с Тобой — навсегда, не уйду никогда,
И осеннюю волю отдам.
В этих впадинах тихая дремлет вода,
Запирая ворота безумным ключам.

О, Владычица дней! алой лентой Твоей
Окружила Ты бледно-лазоревый свод!
Знаю, ведаю ласку Подруги моей —
Старину озаренных болот.

3 июня 1905. Новоселки

* * *

Болото — глубокая впадина
Огромного ока земли.
Он плакал так долго,
Что в слезах изошло его око
И чахлой травой поросло.
Но сквозь травы и злаки
И белый пух смежённых ресниц —
Пробегает зеленая искра,
Чтобы снова погаснуть в болоте.
И тогда говорят в деревнях
Неизвестно откуда пришедшие
Колдуны и косматые ведьмы:
«Это шутит над вами болото.
Это манит вас темная сила».
И когда они так говорят,
Старики осеняются знаменьем крестным,
Пожилые — смеются,
А у девушек — ясно видны
За плечами белые крылья.

3 июня 1905

СТАРУШКА И ЧЕРТЕНЯТА

Григорию Е.

Побывала старушка у Троицы
И всё дальше идет, на восток.
Вот сидит возле белой околицы,
Обвевает ее вечерок.

Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются в кустах
На костыль, на мешок, на сухарики,
На усталые ноги в лаптях.

«Эта странница, верно, не рада нам —
Приложилась к мощам — и свята;
Надышалась божественным ладаном,
Чтобы видеть Святые Места.

Чтоб идти ей тропинками злачными,
На зеленую травку присесть...
Чтоб высóко над елями мрачными
Пронеслась золотистая весть...»

И мохнатые, малые каются,
Умиленно глядят на костыль,
Униженно в траве кувыркаются,
Поднимают копытцами пыль:

«Ты прости нас, старушка ты божия,
Не бери нас в Святые Места!
Мы и здесь лобызаем подножия
Своего, полевого Христа.

Занимаются села пожарами,
Грозовая над нами весна,
Но за майскими тонкими чарами
Затлевает и нам Купина...»

Июль 1905

* * *

Осень поздняя. Небо открытое,
И леса сквозят тишиной.
Прилегла на берег размытый
Голова русалки больной.

Низко ходят туманные полосы,
Пронизали тень камыша.
На зеленые длинные волосы
Упадают листы, шурша.

И опушками отдаленными
Месяц ходит с легким хрустом и глядит,
Но, запутана узлами зелеными,
Не дышит она и не спит.

Бездыханный покой очарован.
Несказа́нная боль улеглась.
И над миром, холодом скован,
Пролился звонко-синий час.

Август 1905

ЭХО

К зеленому лугу, взывая, внимая,
Иду по шуршащей листве.
И месяц холодный стоит, не сгорая,
Зеленым серпом в синеве.

Листва кружевная!
Осеннее злато!
Зову — и трикраты
Мне издали звонко
Ответствует нимфа, ответствует Эхо,
Как будто в поля золотого заката
Гонимая богом-ребенком
И полная смеха...

Вот, богом настигнута, падает Эхо,
И страстно круженье, и сладко паденье,
И смех ее в длинном
Звучит повторенье
Под небом невинным...
И страсти и смерти,
И смерти и страсти —
Печальные ветви
Осенних убранств и запястий...

Там — в синем раздолье — мой голос пророчит
Возвратить, опрокинуть весь мир на меня!
Но, сверкнув на крыле пролетающей ночи,
Томной свирелью вечернего дня
Ускользнувшая нимфа хохочет.

4 октября 1905

ПЛЯСКИ ОСЕННИЕ

Волновать меня снова и снова —
В этом тайная воля твоя,
Радость ждет сокровенного слова,
И уж ткань золотая готова,
Чтоб душа засмеялась моя.

Улыбается осень сквозь слезы,
В небеса улетает мольба,
И за кружевом тонкой березы
Золотая запела труба.

Так волнуют прозрачные звуки,
Будто милый твой голос звенит,
Но молчишь ты, поднявшая руки,
Устремившая руки в зенит.

И округлые руки трепещут,
С белых плеч ниспадают струи,
За тобой в хороводах расплещут
Осенницы одежды свои.

Осененная реющей влагой,
Распустила ты пряди волос.
Хороводов твоих по оврагу
Золотое кольцо развилось.

Очарованный музыкой влаги,
Не могу я не петь, не плясать,
И не могут луга и овраги
Под стопою твоей не сгорать.

С нами, к нам — легкокрылая младость,
Нам воздушная участь дана...
И откуда приходит к нам Радость,
И откуда плывет Тишина?

Тишина умирающих злаков —
Это светлая в мире пора:
Сон, заветных исполненный знаков,
Что сегодня пройдет, как вчера,

Что полеты времен и желаний —
Только всплески девических рук —
На земле, на зеленой поляне,
Неразлучный и радостный круг.

И безбурное солнце не будет
Нарушать и гневить Тишину,
И лесная трава не забудет,
Никогда не забудет весну.

И снежинки по склонам оврага
Заметут, заровняют края,
Там, где им заповедала влага,
Там, где пляска, где воля твоя.

1 октября 1905

СОН

(1906)

Миновали случайные дни
И равнодушные ночи,
И, однако, памятно мне
То, что хочу рассказать вам,
То, что случилось во сне.

Город вечерний остался за мною.
Дождь начинал моросить.
Далеко, у самого края,
Там, где небо, устав прикрывать
Поступки и мысли сограждан моих,
Упало в болото,—
Там краснела полоска зари.

Город покинув,
Я медленно шел по уклону
Малозастроенной улицы,
И, кажется, друг мой со мной.
Но если и шел он,
То молчал всю дорогу.
Я ли просил помолчать,
Или сам он был грустно настроен,
Только, друг другу чужие,
Разное видели мы:
Он видел извощичьи дрожки,
Где молодые и лысые франты
Обнимали раскрашенных женщин.
Также не были чужды ему

Девицы, смотревшие в окна
Сквозь желтые бархатцы...
Но всё посерело, померкло,
И зренье у спутника — также,
И, верно, другие желанья
Его одолели,
Когда он исчез за углом,
Нахлобучив картуз,
И оставил меня одного.
(Чем я был несказа́нно доволен,
Ибо что же приятней на свете,
Чем утрата лучших друзей?)

Прохожих стало всё меньше.
Только тощие псы попадались навстречу,
Только пьяные бабы ругались вдали.
Над равниною мокрой торчали
Кочерыжки капусты, березки и вербы,
И пахло болотом.

И пока прояснялось сознанье,
Умолкали шаги, голоса,
Разговоры о тайнах различных религий,
И заботы о плате за строчку,—
Становилось ясней и ясней,
Что когда-то я был здесь и видел
Всё, что вижу во сне,— наяву.

Опустилась дорога,
И не стало видно строений.
На болоте, от кочки до кочки,
Над стоячей и ржавой водой
Перекинуты мостики были,
И тропинка вилась
Сквозь лилово-зеленые сумерки
В сон, и в дрёму, и в лень,
Где внизу и вверху,
И над кочкою чахлой,
И под красной полоской зари,—
Затаил ожидание воздух
И как будто на страже стоял,
Ожидая расцвета

Нежной дочери струй
Водяных и воздушных.

И недаром всё было спокойно
И торжественной встречей полно́:
Ведь никто не слыхал никогда
От родителей смертных,
От наставников школьных,
Да и в книгах никто не читал,
Что вблизи от столицы,
На болоте глухом и пустом,
В час фабричных гудков и журфиксов,
В час забвенья о зле и добре,
В час разгула родственных чувств
И развратно длинных бесед
О дурном состоянии желудка
И о новом совете министров,
В час презренья к лучшим из нас,
Кто, падений своих не скрывая,
Без стыда продает свое тело
И на пыльно-трескучих троттуарах
С наглой скромностью смотрит в глаза,–
Что в такой оскорбительный час
Всем доступны виденья.
Что такой же бродяга, как я,
Или, может быть, ты, кто читаешь
Эти строки, с любовью иль злобой,—
Может видеть лилово-зеленый
Безмятежный и чистый цветок,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так я знал про себя,
Проходя по болоту,
И увидел сквозь сетку дождя
Небольшую избушку.
Сам не зная, куда я забрел,
Приоткрыл я тяжелую дверь
И смущенно встал на пороге.

В длинной, низкой избе по стенам
Неуклюжие лавки стояли.
На одной — перед длинным столом —
Молчаливо сидела за пряжей,

Опустив над работой пробор,
Некрасивая девушка
С неприметным лицом.
Я не знаю, была ли она
Молода иль стара,
И какого цвета волосы были,
И какие черты и глаза.
Знаю только, что тихую пряжу пряла,
И потом, отрываясь от пряжи,
Долго, долго сидела, не глядя,
Без забот и без дум.
И еще я, наверное, знаю,
Что когда-то уж видел ее,
И была она, может быть, краше
И, пожалуй, стройней и моложе,
И, быть может, грустили когда-то,
Припадая к подножьям ее,
Короли в седина́х голубых.

И запомнилось мне,
Что в избе этой низкой
Веял сладкий дурман,
Оттого, что болотная дрёма
За плечами моими текла,
Оттого, что пронизан был воздух
Зацветаньем Фиалки Ночной,
Оттого, что на праздник вечерний
Я не в брачной одежде пришел.
Был я нищий бродяга,
Посетитель ночных ресторанов,
А в избе собрались короли;
Но запомнилось ясно,
Что когда-то я был в их кругу
И устами касался их чаши
Где-то в скалах, на фьордах,
Где уж нет ни морей, ни земли,
Только в сумерках снежных
Чуть блестят золотые венцы
Скандинавских владык.

Было тяжко опять приступить
К исполненью сурового долга,
К поклоненью забытым венцам,

Но они дожидались,
И, грустя, засмеялась душа
Запоздалому их ожиданью.

Обходил я избу,
Руки жал я товарищам прежним,
Но они не узнали меня.
Наконец, за огромною бочкой
(Верно, с пивом), на узкой скамье
Я заметил сидящих
Старика и старуху.
И глаза различили венцы,
Потускневшие в воздухе ржавом,
На зеленых и древних кудрях.
Здесь сидели веками они,
Дожидаясь привычных поклонов,
Чуть кивая пришельцам в ответ.
Обойдя всех сидевших на лавках,
Я отвесил поклон королям;
И по старым, глубоким морщинам
Пробежала усталая тень;
И привычно торжественным жестом
Короли мне велели остаться.
И тогда, обернувшись,
Я увидел последнюю лавку
В самом темном углу.

Там, на лавке неровной и шаткой,
Неподвижно сидел человек,
Опершись на колени локтями,
Подпирая руками лицо.
Было видно, что он, не старея,
Не меняясь, и думая думу одну,
Прогрустил здесь века,
Так что члены одеревенели,
И теперь, обреченный, сидит
За одною и тою же думой
И за тою же кружкой пивной,
Что стоит рядом с ним на скамейке.

И когда я к нему подошел,
Он не поднял лица, не ответил
На поклон, и не двинул рукой.

Только понял я, тихо вглядевшись
В глубину его тусклых очей,
Что и мне, как ему, суждено
Здесь сидеть — у недóпитой кружки,
В самом темном углу.
Суждена мне такая же дума,
Так же руки мне надо сложить,
Так же тусклые очи направить
В дальний угол избы,
Где сидит под мерцающим светом,
За дремотой четы королевской,
За уснувшей дружиной,
За бесцельною пряжей —
Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так сижу я в избе.
Рядом — кружка пивная
И печальный владелец ее.
Понемногу лицо его никнет,
Скоро тихо коснется колен,
Да и руки, не в силах согнуться,
Только брякнут костями,
Упадут и повиснут.
Этот нищий, как я,— в старину
Был, как я, благородного рода,
Стройным юношей, храбрым героем,
Обольстителем северных дев
И певцом скандинавских сказаний.
Вот обрывки одежды его:
Разноцветные полосы тканей,
Шитых золотом красным
И поблекших.

Дальше вижу дружину
На огромных скамьях:
Кто владеет в забвеньи
Рукоятью меча;
Кто, к щиту прислонясь,
Увязил долговязую шпору
Под скамьей;
Кто свой шлем уронил,— и у шлема,
На истлевшем полу,

Пробивается бледная травка,
Обреченная жить без весны
И дышать стариной бездыханной.

Дальше — чинно, у бочки пивной,
Восседают старик и старуха,
И на них догорают венцы,
Озаренные узкой полоской
Отдаленной зари.
И струятся зеленые кудри,
Обрамляя морщин глубину,
И глаза под навесом бровей
Огоньками болотными дремлют.

Дальше, дальше — беззвучно прядет,
И прядет, и прядет королевна,
Опустив над работой прибор.
Сладким сном одурманила нас,
Опоила нас зельем болотным,
Окружила нас сказкой ночной,
А сама всё цветет и цветет,
И болотами дышит Фиалка,
И беззвучная кружится прялка,
И прядет, и прядет, и прядет.

Цепенею, и сплю, и грущу,
И таю мою долгую думу,
И смотрю на полоску зари.
И проходят, быть может, мгновенья,
А быть может,— столетья.

Слышу, слышу сквозь сон
За стенами раскаты,
Отдаленные всплески,
Будто дальний прибой,
Будто голос из родины новой,
Будто чайки кричат,
Или стонут глухие сирены,
Или гонит играющий ветер
Корабли из веселой страны.
И нечаянно Радость приходит,
И далекая пена бушует,
Зацветают далёко огни.

Вот сосед мой склонился на кружку,
Тихо брякнули руки,
И приникла к скамье голова.
Вот рассыпался меч, дребезжа.
Щит упал. Из-под шлема
Побежала веселая мышка.
А старик и старуха на лавке
Прислонились тихонько друг к другу,
И над старыми их головами
Больше нет королевских венцов.

И сижу на болоте.
Над болотом цветет,
Не старея, не зная измены,
Мой лиловый цветок,
Что зову я — Ночною Фиалкой.

За болотом остался мой город,
Тот же вечер и та же заря.
И, наверное, друг мой, шатаясь,
Не однажды домой приходил
И ругался, меня проклиная,
И мертвецким сном засыпал.

Но столетья прошли,
И продумал я думу столетий.
Я у самого края земли,
Одинокий и мудрый, как дети.
Так же тих догорающий свод,
Тот же мир меня тягостный встретил.
Но Ночная Фиалка цветет,
И лиловый цветок ее светел.
И в зеленой ласкающей мгле
Слышу волн круговое движенье,
И больших кораблей приближенье,
Будто вести о новой земле.
Так заветная прялка прядет
Сон живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придет
И пребудет она совершенной.

И Ночная Фиалка цветет.

18 ноября 1905 — 6 мая 1906

* * *

Л. Семенову

Жду я смерти близ денницы.
Ты пришла издалека.
Здесь исполни долг царицы
В бледном свете ночника.

Я готов. Мой саван плотен.
Смертный венчик вкруг чела.
На снегу моих полотен
Ты лампадный свет зажгла.

Опусти прозрачный полог
Отходящего царя.
На вершинах колких елок
Занимается заря.

Путь неровен. Ветви гибки.
Ими путь мой устели.
Царски-каменной улыбки
Не нарушу на земли.

Январь 1904

* * *

Я восходил на все вершины,
Смотрел в иные небеса,
Мой факел был и глаз совиный,
И утра божия роса.

За мной! За мной! Ты молишь взглядом,
Ты веришь брошенным словам,
Как будто дважды чашу с ядом
Я поднесу к своим губам!

О, нет! Я сжег свои приметы,
Испепелил свои следы!
Всё, что забыто, недопето,
Не возвратится до Звезды —

До Той Звезды, которой близость
Познав,— сторицей отплачу
За всё величие и низость,
Которых тяжкий груз влачу!

15 марта 1904

* * *

Ты оденешь меня в серебро,
И когда я умру,
Выйдет месяц — небесный Пьеро,
Встанет красный паяц на юру.

Мертвый месяц беспомощно нем,
Никому ничего не открыл.
Только спросит подругу — зачем
Я когда-то ее полюбил?

В этот яростный сон наяву
Опрокинусь я мертвым лицом.
И паяц испугает сову,
Загремев под горой бубенцом...

Знаю — сморщенный лик его стар
И бесстыден в земной наготе.
Но зловещий восходит угар —
К небесам, к высоте, к чистоте.

14 мая 1904

* * *

Фиолетовый запад гнетет,
Как пожатье десницы свинцовой.
Мы летим неизменно вперед —
Исполнители воли суровой.

Нас немного. Все в дымных плащах.
Брыжжут искры и блещут кольчуги.
Поднимаем на севере прах,
Оставляем лазурность на юге.

Ставим троны иным временам —
Кто воссядет на темные троны?
Каждый душу разбил пополам
И поставил двойные законы.

Никому не известен конец.
И смятенье сменяет веселье.
Нам открылось в гаданьи: *мертвец*
Впереди рассекает ущелье.

14 мая 1904

ВЗМОРЬЕ

Сонный вздох онемелой волны
Дышит с моря, где серый маяк
Указал морякам быстрины,
Растрепал у поднéбесья флаг.

Там зажегся последний фонарь,
Озаряя таинственный мол.
Там корабль возвышался, как царь,
И вчера в океан отошел.

Чуть серели его паруса,
Унося торжество в океан.
Я покорно смотрел в небеса,
Где Она расточала туман.

Я увидел Глядящую в твердь —
С неземным очертанием рук.
Издали́ мне привиделась Смерть,
Воздвигавшая тягостный звук.

Там поют среди серых камней,
В отголосках причудливых пен —
Переплески далеких морей,
Голоса корабельных сирен.

26 мая 1904

* * *

Я живу в глубоком покое.
Рою днем могилы корням.
Но в туманный вечер — нас двое.
Я вдвоем с Другим по ночам.

Обычайный — у входа в сени,
Где мерцают мои образа.
Лоб закрыт тенями растений.
Чуть тускнеют в тени глаза.

Из угла серебрятся латы,
Испуская жалобный скрип.
В дальних залах — говор крылатый
Тех, с кем жил я и с кем погиб.

Одинок — в конце вереницы —
Я — последний мускул земли.
Не откроет уст Темнолицый,
Будто ждет, чтобы все прошли.

Раздавив похоронные звуки
Равномерно-жутких часов,
Он поднимет тяжкие руки,
Что висят, как петли веков.

Заскрипят ли тяжкие латы?
Или гроб их, как страх мой, пуст?
Иль Он вдунет звук хриповатый
В этот рог из смердящих уст?

Или я, как месяц двурогий,
Только жалкий сон серебрю,
Что приснился в долгой дороге
Всем бессильным встретить зарю?

15 июня 1904

* * *

Поет, краснея, медь. Над горном
Стою — и карлик служит мне;
Согбенный карлик в платье черном,
Какой являлся мне во сне.

Сбылось немного — слишком много,
И в гроб переплавляю медь.
Я сам открыл себе дорогу,
Не в силах зной преодолеть.

Последним шествием украшен,
Склонюсь под красный балдахин.
И прогремят останки башен
С моих довременных вершин.

И вольно — смуглая гадалка,
Спеша с потехи площадной,
Швырнет под сени катафалка
Свой воскрешающий запой.

Тогда — огромен бледным телом —
Я красной медью зазвучу.
И предо мною люди в белом
Поставят бледную свечу.

4 июля 1904

* * *

Зажигались окна узких комнат,
Возникали скудные лучи,
Там, где люди сиротливо берегут и помнят
Царствия небесного ключи.

В этот час и Ты прошла к вечерне,
Свой задумчивый и строгий сон храня.
На закате поднимался занавес вечерний,
Открывалось действие огня.

Так, как я, тонуть в небесном равнодушном взгляде
Не умел никто, Свободная, поверь!
Кто-то ласковый рассыпал золотые пряди,
Луч проник в невидимую дверь.

И, вступив на звонкий ряд ступеней,
Я стоял преображенный на горе —
Там, где стая тускло озаренных привидений
Простирала руки к догорающей заре.

Осень 1904

* * *

Всё бежит, мы пребываем,
Вервий ночи вьем концы,
Заплетаем, расплетаем
Белых ландышей венцы.
Всё кружится, круторогий
Месяц щурится вверху.
Мы, расчислив все дороги,
Утром верим петуху.

Вот — из кельи Вечной Пряхи
Нити кажут солнцу путь.
Утром сходятся монахи,
Прикрывая рясой грудь.
«Всю ли ночь молились в нишах?
Всю ли ночь текли труды?» —
«Нет, отец, на светлых крышах
Ждали Утренней Звезды.
Мы молчали, колдовали,
Ландыш пел, Она цвела,
Мы над прялкой тосковали
В ночь, когда Звезда пряла».

Сентябрь 1904

* * *

Федору Смородскому

Нежный! У ласковой речки
Ты — голубой пастушок.
Белые бродят овечки,
Круто загнут посошок.

Ласковы желтые мели,
Где голубеет вода.
Голосу тихой свирели
Грустно покорны стада.

Грусть несказа́нных намеков
В долгом журчаньи волны.
О, береги у истоков
Эти мгновенные сны.

Люди придут и растратят
Золоторунную тишь.
Тяжкие камни прикатят,
Нежный растопчат камыш.

Но высоко́ — в изумрудах
Облаки-овцы бредут.
В тихих и темных запрудах
Их отраженья плывут.

Пусть и над городом встанет
Стадо вечернее. Пусть
Людям предстанет в тумане
Золоторунная грусть.

18 октября 1904

* * *

Гроб невесты легкой тканью
Скрыт от глаз в соборной мгле.
Пресвятая тонкой дланью
Охраняет на земле.

Кто у гроба в час закатный?
Мать и солнечная сень.
Третий с ними — благодатный
Несмежающийся день.

Над ее бессмертной дрёмой
Нить Свершений потекла...
Это — Третий — Незнакомый
Кротко смотрит в купола.

5 ноября 1904

* * *

Тяжко нам было под вьюгами
Зиму холодную спать...
Землю промерзлую плугами
Не было мочи поднять!

Ранними летними росами
Выйдем мы в поле гулять...
Будем звенящими косами
Сочные травы срезать!

Настежь ворота тяжелые!
Ветер душистый в окно!
Песни такие веселые
Мы не певали давно!

5 ноября 1904

НОЧЬ

Маг, простерт над миром брений,
В млечной ленте — голова.
Знаки поздних поколений —
Счастье дольнего волхва.

Поднялась стезею млечной,
Осиянная — плывет.
Красный шлем остроконечный
Бороздит небесный свод.

В длинном черном одеяньи,
В сонме черных колесниц,
В бледно-фосфорном сиянье —
Ночь плывет путем цариц.

Под луной мерцают пряжки
До лица закрытых риз.
Оперлась на циркуль тяжкий,
Равнодушно смотрит вниз.

Застилая всю равнину,
Косы скрыли полчела.
Тенью крылий — половину
Всей подлунной обняла.

Кто Ты, зельями ночными
Опоившая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?

19 ноября 1904

* * *

Вот — в изнурительной работе
Вы духу выковали меч.
Вы — птицы. Будьте на отлете,
Готовьте дух для новых встреч.

Весенних талей вздохи томны,
Звездясь, синеет тонкий лед.
О, разгадай под маской скромной,
Какая женщина зовет!

Вам перепутья даль откроют,
Призывно засинеет мгла.
Вас девы падшие укроют
В приюты света и тепла...

Открытый путь за далью вольной,
Но берегитесь, в даль стремясь,
Чтоб голос меди колокольной
Не опрокинулся на вас!

Ноябрь 1904

ЕЕ ПРИБЫТИЕ

1. РАБОЧИЕ НА РЕЙДЕ

Окаймлен летучей пеной,
Днем и ночью дышит мол.
Очарованный сиреной,
Труд наш медленный тяжел.
Океан гудит под нами,
В порте блещут огоньки,
Кораблей за бурунами
Чутко ищут маяки.
И шатают мраки в море
Эти тонкие лучи,

Как испуганные зори,
Проскользнувшие в ночи.
Широки ночей объятья,
Тяжки вздохи темноты!
Все мы близки, все мы братья –
Там, на рейде, в час мечты!
Далеко за полночь — в дали
Неизведанной земли —
Мы печально провожали
Голубые корабли.
Были странны очертанья
Черных труб и тонких рей,
Были темные названья
Нам неведомых зверей.
«Птица Пен» ходила к югу,
Возвратясь, давала знак:
Через бурю, через вьюгу
Различали красный флаг...
Что за тайну мы хранили,
Чьи богатства стерегли?
Золотые ль слитки плыли
В наши темные кули?
Не чудесная ли птица
В клетке плечи нам свела?
Или черная царица
В ней пугливо замерла?..
Но, как в сказке, люди в море:
Тяжкой ношей каждый горд.
И, туманным песням вторя,
Грохотал угрюмый порт.

2. ТАК БЫЛО

Жизнь была стремленьем.
Смерть была причиной
Не свершенных в мире
Бесконечных благ.

Небо закрывалось
Над морской равниной
В час, когда являлся
Первый светлый флаг.

Ночи укрывали
От очей бессонных
Всё, что совершалось
За чертой морей.

Только на закате
В зорях наклоненных
Мчались отраженья,
Тени кораблей.

Но не все читали
Заревые знаки,
Да и зори гасли,
И — лицом к луне —

Бледная планета,
Разрывая мраки,
Знала о грядущем
Безнадежном дне.

3. ПЕСНЯ МАТРОСОВ

Подарило нам море
Обручальное кольцо!
Целовало нас море
В загорелое лицо!
Приневестилась
Морская глубина!
Неневестная
Морская быстрина!
С ней жизнь вольна,
С ней смерть не страшна,
Она, матушка, свободна, холодна!
С ней погуляем
На вольном просторе!
Синее море!
Красные зори!
Ветер, ты, пьяный,
Трепли волоса!
Ветер соленый,
Неси голоса!
Ветер, ты, вольный,
Раздуй паруса!

4. ГОЛОС В ТУЧАХ

Нас море примчало к земле одичалой
В убогие кровы, к недолгому сну,
А ветер крепчал, и над морем звучало,
И было тревожно смотреть в глубину.

Больным и усталым — нам было завидно,
Что где-то в морях веселилась гроза,
А ночь, как блудница, смотрела бесстыдно
На темные лица, в больные глаза.

Мы с ветром боролись и, брови нахмуря,
Во мраке с трудом различали тропу...
И вот, как посол нарастающей бури,
Пророческий голос ударил в толпу.

Мгновенным зигзагом на каменной круче
Торжественный профиль нам брызнул в глаза
И в ясном разрыве испуганной тучи
Веселую песню запела гроза:

«Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что радость близка!
Туда, где моря запевают о чуде,
Туда направляется свет маяка!

Он рыщет, он ищет веселых открытий
И зорким лучом стережет буруны,
И с часу на час ожидает прибытий
Больших кораблей из далекой страны!

Смотрите, как ширятся полосы света,
Как радостен бег закипающих пен!
Как море ликует! Вы слышите — где-то —
За ночью, за бурей — взыванье сирен!»

Казалось, вверху разметались одежды,
Гремящую даль осенила рука...
И мы пробуждались для новой надежды,
Мы знали: нежданная Радость близка!..

А там — горизонт разбудили зарницы,
Как будто пылали вдали города,
И к порту всю ночь, как багряные птицы,
Летели, шипя и свистя, поезда.

Гудел океан, и лохмотьями пены
Швырялись моря на стволы маяков.
Протяжной мольбой завывали сирены:
Там буря настигла суда рыбаков.

5. КОРАБЛИ ИДУТ

О, светоносные стебли морей, маяки!
Ваш прожектор — цветок!
Ваша почва — созданье волненья,
Песчаные косы!

Ваши стебли, о, цвет океана, крепки,
И силен электрический ток!
И лучи обещают спасенье
Там, где гибнут матросы!

Утро скажет: взгляни: утомленный работой,
Ты найдешь в бурунáх
Обессиленный труп,
Не спасенный твоею заботой,

С остывающим смехом на синих углах
Искривившихся губ...
Избежавший твоих светоносных лучей,
Преступивший последний порог...

Невидúм для очей,
Через полог ночей
На челе начертал примпряющий Рок:
«Ничей».

Ты нам мстишь, электрический свет!
Ты — не свет от зари, ты — мечта от земли,
Но в туманные дни ты пронзаешь лучом
Безначальный обман океана...

И надежней тебя нам товарища нет:
Мы сквозь зимнюю вьюгу ведем корабли,
Мы заморские тайны несем,
Мы под игом ночного тумана...

Трюмы полны сокровищ!
Отягченные мчатся суда!..
Пусть хранит от подводных чудовищ
Электричество — наша звезда!

Через бурю, сквозь вьюгу — вперед!
Электрический свет не умрет!

6. КОРАБЛИ ПРИШЛИ

Океан дремал зеркальный,
Злые бури отошли.
В час закатный, в час хрустальный
Показались корабли.

Шли, как сказочные феи,
Вымпелами даль пестря.
Тяжело согнулись реи,
Наготове якоря.

Пели гимн багряным зорям,
Вся горя, смеялась даль.
С голубым прощальным морем
Разлучаться было жаль.

А уж там — за той косою —
Неожиданно светла,
С затуманенной красою
Их красавица ждала...

То — земля, о, дети страсти,
Дети бурь,— она за вас! —
Тяжело упали снасти.
Весть ракетой понеслась.

7. РАССВЕТ

Тихо рассыпалась в небе ракета,
Запад погас, и вздохнула земля.
Стали на рейде и ждали рассвета,
Ночь возвращенья мечте уделя.

Сумерки близятся. В утренней дрёме
Что-то безмерно-печальное есть.
Там — в океане — в земном водоеме —
Бродит и плещет пугливая весть...

Белый, как белая птица, далёко
Мерит и выси и глуби — и вдруг
С первой стрелой, прилетевшей с востока,
Сонный в морях пробуждается звук.

Смерть или жизнь тяготеет над морем,
Весть о победе — в полете стрелы.
Смертные мы и о солнце не спорим,
Знаем, что время готовить хвалы.

Кто не проснулся при первом сиянье —
Сумрачно помнит, что гимн отзвучал,
Чует сквозь сон, что утратил познанье
Ранних и светлых и мудрых начал...

Но с кораблей, испытавших ненастье,
Весть о рассвете достигла земли:
Буйные толпы, в предчувствии счастья,
Вышли на берег встречать корабли.

Кто-то гирлянду цветочную бросил,
Лодки помчались от пестрой земли.
Сильные юноши сели у весел,
Скромные девушки взяли рули.

Плыли и пели, и море пьянело...
. . . . . .

16 декабря 1904

МОЕЙ МАТЕРИ

Помнишь думы? Они улетели.
Отцвели завитки гиацинта.
Мы провидели светлые цели
В отдаленных краях лабиринта.

Нам казалось: мы кратко блуждали.
Нет, мы прожили долгие жизни...
Возвратились — и нас не узнали,
И не встретили в милой отчизне.

И никто не спросил о Планете,
Где мы близились к юности вечной...
Пусть погибнут безумные дети
За стезей ослепительно млечной!

Но в бесцельном, быть может, круженьи –
Были мы, как избранники, нищи.
И теперь возвратились в сомненьи
В дорогое, родное жилище...

Так. Не жди изменений бесцельных,
Не смущайся забвеньем. Не числи.
Пусть к тебе — о краях запредельных
Не придут и спокойные мысли.

Но, прекрасному прошлому радо,—
Пусть о будущем сердце не плачет.
Тихо ведаю: будет награда:
Ослепительный Всадник прискачет.

4 декабря 1904

* * *

Все отошли. Шумите, сосны,
Гуди, стальная полоса.
Над одиноким веют вёсны
И торжествуют небеса.

Я не забыл на пире хме́льном
Мою заветную свирель.
Пошлю мечту о запредельном
В Его Святую колыбель...

Над ней синеет вечный полог,
И слишком тонки кружева.
Мечты пронзительный осколок
Свободно примет синева.

Не о спасеньи, не о Слове...
И мне ли — падшему в пыли?
Но дым всходящих славословий
Вернется в сад моей земли.

14 декабря 1904
У полотна Финл. ж. д.

* * *

Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.
Кто-то крикнул: «Будь прославлен!»
Кто-то шепчет: «Не забудь!»

Рядом пал, всплеснув руками,
И над ним сомкнулась рать.
Кто-то бьется под ногами,
Кто — не время вспоминать...

Только в памяти веселой
Где-то вспыхнула свеча.
И прошли, стопой тяжелой
Тело теплое топча...

Ведь никто не встретит старость —
Смерть летит из уст в уста...
Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста...

Что же! громче будет скрежет,
Слаще боль и ярче смерть!
И потом — земля разнежит
Перепуганную твердь.

Январь 1905

* * *

Вот на тучах пожелтелых
Отблеск матовой свечи.
Пробежали в космах белых
Черной ночи трубачи.

Пронеслась, бесшумно рея,
Птицы траурной фата.
В глуби меркнущей аллеи
Зароилась чернота.

Разметались в тучах пятна,
Заломились руки Дня.
Бездыханный, необъятный
Истлевает без огня.

Кто там встанет с мертвым глазом
И серебряным мечом?
Невидимкам черномазым
Кто там будет трубачом?

28 мая 1905

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Королевна жила на высокой горе,
И над башней дымились прозрачные сны облаков.
Темный рыцарь в тяжелой кольчуге шептал о любви на заре,
В те часы, когда Рейн выступал из своих берегов.

Над зелеными рвами текла, розовея, весна.
Непомерность ждала в синевах отдаленной черты.
И влюбленность звала — не дала отойти от окна,
Не смотреть в роковые черты, оторваться от светлой мечты.

«Подними эту розу»,— шепнула — и ветер донес
Тишину улетающих лат, бездыханный ответ.
«В синем утреннем небе найдешь Купину расцветающих роз»,—
Он шепнул, и сверкнул, и взлетел, и она полетела вослед.

И за облаком плыло и пело мерцание тьмы,
И влюбленность в погоне забыла, забыла свой щит.
И она, окрылясь, полетела из отчей тюрьмы —
На воздушном пути королевна полет свой стремит.

Уж в стремнинах туман, и рога созывают стада,
И заветная мгла протянула плащи и скрестила мечи,
И вечернюю грусть тишиной отражает вода,
И над лесом погасли лучи.

Не смолкает вдали властелинов борьба,
Распри дедов над ширью земель.
Но различна Судьба: здесь — мечтанье раба,
Там — воздушной Влюбленности хмель.

И в воздушный покров улетела на зов
Навсегда... О, Влюбленность! Ты строже Судьбы!
Повелительней древних законов отцов!
Слаще звука военной трубы!

3 июня 1905

* * *

Она веселой невестой была.
Но смерть пришла. Она умерла.

И старая мать погребла ее тут.
Но церковь упала в зацветший пруд.

Над зыбью самых глубоких мест
Плывет один неподвижный крест.

Миновали сотни и сотни лет.
А в старом доме юности нет.

И в доме, уставшем юности ждать,
Одна осталась старая мать.

Старуха вдевает нити в иглу.
Тени нитей дрожат на светлом полу.

Тихо, как будет. Светло, как было.
И счет годин старуха забыла.

Как мир, стара, как лунь, седа.
Никогда не умрет, никогда, никогда...

А вдоль комодов, вдоль старых кресел
Мушиный танец всё так же весел,

И красные нити лежат на полу,
И мышь щекочет обои в углу.

В зеркальной глуби — еще покой
С такой же старухой, как лунь, седой.

И те же нити, и те же мыши,
И тот же образ смотрит из ниши —

В окладе темном — темней пруда,
Со взором скромным — всегда, всегда...

Давно потухший взгляд безучастный,
Клубок из нитей веселый, красный...

И глубже, и глубже покоев ряд,
И в окна смотрит всё тот же сад,

Зеленый, как мир; высокий, как ночь;
Нежный, как отошедшая дочь...

«Вернись, вернись. Нить не хочет тлеть.
Дай мне спокойно умереть».

3 июня 1905

* * *

Г. Чулкову

Не строй жилищ у речных излучин,
Где шумной жизни заметен рост.
Поверь, конец всегда однозвучен,
Никому не понятен и торжественно прост.

Твоя участь тиха, как рассказ вечерний,
И душой одинокой ему покорись.
Ты иди себе, молча, к какой хочешь вечерне,
Где душа твоя просит, там молись.

Кто придет к тебе, будь он, как ангел, светел,
Ты прими его просто, будто видел во сне,
И молчи без конца, чтоб никто не заметил,
Кто сидел на скамье, промелькнул в окне.

И никто не узнает, о чем молчанье,
И о чем спокойных дум простота.
Да. Она придет. Забелеет сиянье.
Без вины прижмет к устам уста.

Июнь 1905

* * *

Потеха! Рокочет труба,
Кривляются белые рожи,
И видит на флаге прохожий
Огромную надпись: «Судьба».

Палатка. Разбросаны карты.
Гадалка, смуглее июльского дня,
Бормочет, монетой звеня,
Слова слаще звуков Моцарта.

Кругом — возрастающий крик,
Свистки и нечистые речи,
И ярмарки гулу — далече
В полях отвечает зеленый двойник.

В палатке всё шепчет и шепчет,
И скоро сливаются звуки,
И быстрые смуглые руки
Впиваются крепче и крепче...

Гаданье! Мгновенье! Мечта!..
И, быстро поднявшись, презрительным жестом
Встряхнула одеждой над прóклятым местом,
Гадает... и шепчут уста.

И вновь завывает труба,
И в памяти пыльной взвиваются речи,
И руки... и плечи...
И быстрая надпись: «Судьба»!

Июль 1905

БАЛАГАНЧИК

Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,
Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.
И звучит эта адская музыка,
Завывает унылый смычок.
Страшный чорт ухватил карапузика,
И стекает клюквенный сок.

Мальчик

Он спасется от черного гнева
Мановением белой руки.
Посмотри: огоньки
Приближаются слева...
Видишь факелы? видишь дымки?
Это, верно, сама королева...

Девочка

Ах, нет, зачем ты дразнишь меня?
Это — адская свита...
Королева — та ходит средь белого дня,

Вся гирляндами роз перевита,
И шлейф ее носит, мечами звеня,
Вздыхающих рыцарей свита.

Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпицей!
На голове моей — картонный шлем!
А в руке — деревянный меч!»

Заплакали девочка и мальчик,
И закрылся веселый балаганчик.

Июль 1905

ПОЭТ

Сидят у окошка с папой.
Над берегом вьются галки.

— Дождик, дождик! Скорей закапай!
У меня есть зонтик на палке!

— Там весна. А ты — зимняя пленница,
Бедная девочка в розовом капоре...
Видишь, море за окнами пенится?
Полетим с тобой, девочка, за́ море.

— А за морем есть мама?

— Нет.

— А где мама?

— Умерла.

— Что это значит?

— Это значит: вон идет глупый поэт:
Он вечно о чем-то плачет.

— О чем?

— О розовом капоре.

— Так у него нет мамы?

— Есть. Только ему нипочем:
Ему хочется за́ море,
Где живет Прекрасная Дама.

— А эта Дама — добрая?

— Да.

— Так зачем же она не приходит?

— Она не придет никогда:
Она не ездит на пароходе.

Подошла ночка,
Кончился разговор папы с дочкой.

Июль 1905

У МОРЯ

Стоит полукруг зари.
Скоро солнце совсем уйдет.
— Смотри, папа, смотри,
Какой к нам корабль плывет!

— Ах, дочка, лучше бы нам
Уйти от берега прочь...
Смотри: он несет по волнам
Нам светлым — темную ночь...

— Нет, папа, взгляни разок,
Какой на нем пестрый флаг!
Ах, как его голос высок!
Ах, как освещен маяк!

— Дочка, то сирена поет.
Берегись, пойдем-ка домой...
Смотри: уж туман ползет:
Корабль стал совсем голубой...

Но дочка плачет навзрыд,
Глубь морская ее манит,
И хочет пуститься вплавь,
Чтобы сон обратился в явь.

Июль 1905

МОЕЙ МАТЕРИ

Тихо. И будет всё тише.
Флаг бесполезный опущен.
Только флюгарка на крыше
Сладко поет о грядущем.

Ветром в полнебе раскинут,
Дымом и солнцем взволнован,
Бедный петух очарован,
В синюю глубь опрокинут.

В круге окна слухового
Лик мой, как нимбом, украшен.
Профиль лица воскового
Правилен, прост и нестрашен.

Смолы пахучие жарки,
Дали извечно туманны...
Сладки мне песни флюгарки:
Пой, петушок оловянный!

Июль 1905

* * *

Старость мертвая бродит вокруг,
В зеленях утонула дорожка.
Я пилю наверху полукруг —
Я пилю слуховое окошко.

Чую дали — и капли смолы
Проступают в сосновые жилки.
Прорываются визги пилы,
И летят золотые опилки.

Вот последний свистящий раскол —
И дощечка летит в неизвестность...
В остром запахе тающих смол
Подо мной распахнулась окрестность...

Всё закатное небо — в дремé,
Удлиняются дольние тени,
И на розовой гаснет корме
Уплывающий кормщик весенний...

Вот — мы с ним уплываем во тьму,
И корабль исчезает летучий...
Вот и кормщик — звездою падучей —
До свиданья!.. летит за корму...

Июль 1905

* * *

В туманах, над сверканьем рос,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я в старом парке дедов рос,
И солнце золотило кудри.

Не погасал лесной пожар,
Но, гарью солнечной влекомый,
Стрелой бросался я в угар,
Целуя воздух незнакомый.

И проходили сонмы лиц,
Всегда чужих и вечно взрослых,
Но я любил взлетанье птиц,
И лодку, и на лодке весла.

Я уплывал один в затон
Бездонной заводи и мутной,
Где утлый остров окружен
Стеною ельника уютной.

И там в развесистую ель
Я доску клал и с нею реял,
И таяла моя качель,
И сонный ветер тихо веял.

И было как на Рождестве,
Когда игра давалась даром,
А жизнь всходила синим паром
К сусально-звездной синеве.

Июль 1905

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или — каменным путем влекомый
Нищий, распевающий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званый,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Много нас — свободных, юных, статных –
Умирает, не любя...
Приюти ты в далях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Июль 1905. Рогачевское шоссе

* * *

Не мани меня ты, воля,
Не зови в поля!
Пировать нам вместе, что ли,
Матушка-земля?
Кудри ветром растрепала
Ты издалека,
Но меня благословляла
Белая рука...
Я крестом касался персти,
Целовал твой прах,
Нам не жить с тобою вместе
В радостных полях!
Лишь на миг в воздушном мире
Оглянусь, взгляну,
Как земля в зеленом пире
Празднует весну,—
И пойду путем-дорогой,
Тягостным путем —
Жить с моей душой убогой
Нищим бедняком.

Июль 1905

* * *

Оставь меня в моей дали́.
Я неизменен. Я невинен.
Но темный берег так пустынен,
А в море ходят корабли.

Порою близок парус встречный,
И зажигается мечта;
И вот — над ширью бесконечной
Душа чудесным занята.

Но даль пустынна и спокойна —
И я всё тот же — у руля,
И я пою, всё так же стройно,
Мечту родного корабля.

Оставь же парус воли бурной
Чужой, а не твоей судьбе:
Еще не раз в тиши лазурной
Я буду плакать о тебе.

Август 1905

* * *

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам,— плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905

* * *

В лапах косматых и страшных
Колдун укачал весну.
Вспомнили дети о снах вчерашних,
Отошли тихонько ко сну.

Мама крестила рукой усталой,
Никому не взглянула в глаза.
На закате полоской алой
Покатилась к земле слеза.

«Мама, красивая мама, не плачь ты!
Золотую птицу мы увидим во сне.
Всю вчерашнюю ночь она пела с мачты,
А корабль уплывал к весне.

Он плыл и качался, плыл и качался,
А бедный матросик смотрел на юг:
Он друга оставил и в слезах надрывался,—
Верно, есть у тебя печальный друг?»

«Милая девочка, спи, не тревожься,
Ты сегодня другое увидишь во сне.
Ты к вчерашнему сну никогда не вернешься:
Одно и то же снится лишь мне...»

Август 1905

* * *

Там, в почной завывающей стуже,
В поле звезд отыскал я кольцо.
Вот лицо возникает из кружев,
Возникает из кружев лицо.

Вот плывут ее вьюжные трели,
Звезды светлые шлейфом влача,
И взлетающий бубен метели,
Бубенцами призывно брепча.

С легким треском рассыпался веер,–
Ах, что значит — не пить и не есть!
Но в глазах, обращенных на север,
Мне холодному — жгучая весть...

И над мигом свивая покровы,
Вся окутана звездами вьюг,
Уплываешь ты в сумрак снеговый,
Мой от века загаданный друг.

Август 1905

* * *

Утихает светлый ветер,
Наступает серый вечер,
Ворон канул на сосну,
Тронул сонную струну.

В стороне чужой и темной
Как ты вспомнишь обо мне?
О моей любови скромной
Закручинишься ль во сне?

Пусть душа твоя мгновенна —
Над тобою неизменна
Гордость юная твоя,
Верность женская моя.

Не гони летящий мимо
Призрак легкий и простой,
Если будешь, мой любимый,
Счастлив с девушкой другой...

Ну, так с богом! Вечер близок,
Быстрый лёт касаток низок,
Надвигается гроза,
Ночь глядит в твои глаза.

21 августа 1905

* * *

В голубой далекой спаленке
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Всё, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоем — туманная
Только улица страшна.

Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая.
Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.

И потом, едва заметная,
Тонкий полог подняла.
И, как время безрассветная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо в дальней спаленке —
Синий сумрак и покой,
Оттого, что карлик маленький
Держит маятник рукой.

4 октября 1905

* * *

Евгению Иванову

Вот он — Христос — в цепях и розах
За решеткой моей тюрьмы.
Вот агнец кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.
Убогий художник создал небо.
Но лик и синее небо — одно.

Единый, светлый, немного грустный —
За ним восходит хлебный злак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

И всё так близко и так далёко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего ока,
Пока не станешь сам как стезя...

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый злак.

10 октября 1905

* * *

Так. Неизменно всё, как было.
Я в старом ласковом бреду.
Ты для меня остановила
Времен живую череду.

И я пришел, плющом венчанный,
Как в юности,— к истокам рек.
И над водой, за мглой туманной,—
Мне улыбнулся тот же брег.

И те же явственные звуки
Меня зовут из камыша.
И те же матовые руки
Провидит вещая душа.

Как будто время позабыло
И ничего не унесло,
И неизменным сохранило
Певучей юности русло.

И так же вечен я и мирен,
Как был давно, в годину сна.
И тяжким золотом кумирен
Моя душа убелена.

10 октября 1905

* * *

Прискакала дикой степью
На вспенённом скакуне.
«Долго ль будешь лязгать цепью?
Выходи плясать ко мне!»

Рукавом в окно мне машет,
Красным криком зажжена,
Так и манит, так и пляшет,
И ласкает скакуна.

«А, не хочешь! Ну, так с богом!»
Пыль клубами завилась...
По тропам и по дорогам
В чистом поле понеслась...

Не меня ты любишь, Млада,
Дикой вольности сестра!
Любишь краденые клады,
Полупочный свист костра!

И в степях, среди тумана,
Ты страшна своей красой —
Разметавшейся у стана
Рыжей спутанной косой.

31 октября 1905

БРЕД

Я знаю, ты близкая мне...
Больному так нужен покой...
Прильнувши к седой старине,
Торжественно брежу во сне...

С тобою, мой свет, говорю...
Пьяни, весели меня, боль! —
Ты мне обещаешь зарю?
Нет, с этой свечой догорю!

Так слушай, как память остра,—
Недаром я в смертном бреду...
Вчера еще были, вчера
Заветные лес и гора...

Я Белую Деву искал —
Ты слышишь? Ты веришь? Ты спишь?
Я Древнюю Деву искал,
И рог мой раскатом звучал.

Вот инеи мне кудри покрыл,
Дыханье спирала зима...
И ветер мне очи слепил,
И рог мой неверно трубил...

Но слушай, как слушал тогда
Я голос пронзительных вьюг!
Что было со мной в те года,—
Тому не бывать никогда!..

Я твердой стопою всхожу —
О, слушай предсмертный завет!..
В последний тебе расскажу:
Я Белую Деву бужу!

Вот спит Она в облаке мглы
На темной вершине скалы,
И звонко взывают орлы,
Свои расточая хвалы...

Как странен мой траурный бред!
То — бред обнищалой души...
Ты — свет мой, единственный свет.
Другой — в этом трауре нет.

Уютны мне черные сны.
В них память свежеет моя:
В виденьях седой старины,
Бывалой, знакомой страны...

Мы были,— но мы отошли,
И помню я звук похорон:
Как гроб мой тяжелый несли,
Как сыпались комья земли.

4 ноября 1905

СКАЗКА
О ПЕТУХЕ И СТАРУШКЕ

Петуха упустила старушка,
Золотого, как день, петуха!
Не сама отворилась клетушка,
Долго ль в зимнюю ночь до греха!

И на белом узорном крылечке
Промелькнул золотой гребешок...
А старуха спускается с печки,
Всё не может найти посошок...

Вот — ударило светом в оконце,
Загорелся старушечий глаз...
На дворе — словно яркое солнце,
Деревенька стоит напоказ.

Эх, какая беда приключилась,
Впопыхах не нащупать клюки...
Ишь, проклятая, где завалилась!..
А у страха глаза велики:

Вон стоит он в углу, озаренный,
Из-под шапки таращит глаза...
А на улице снежной и сонной
Суматоха, возня, голоса...

Прибежали к старухину дому,
Захватили ведро, кто не глуп...
А уж в кучке золы — незнакомый
Робко съежился маленький труп...

Долго, бабушка, верно, искала,
Не сыскала ты свой посошок...
Петушка своего потеряла,
Ан, нашел тебя сам петушок!

Зимний ветер гуляет и свищет,
Всё играет с торчащей трубой...
Мертвый глаз будто всё еще ищет,
Где пропал петушок... золотой.

А над кучкой золы разметенной,
Где гулял и клевал петушок,
То погаснет, то вспыхнет червонный
Золотой, удалой гребешок.

11 января 1906

* * *

Милый брат! Завечерело.
Чуть слышны колокола.
Над равниной побелело —
Сонноокая прошла.

Проплыла она — и стала,
Незаметная, близка.
И опять нам, как бывало,
Ноша тяжкая легка.

Меж двумя стенами бора
Редкий падает снежок.
Перед нами — семафора
Зеленеет огонек.

Небо — в зареве лиловом,
Свет лиловый на снегах,
Словно мы — в пространстве новом,
Словно — в новых временах.

Одиноко вскрикнет птица,
Отряхнув крылами ель,
И засыплет нам ресницы
Белоснежная метель...

Издали́ — локомотива
Поступь тяжкая слышна...
Скоро Финского залива
Нам откроется страна.

Ты поймешь, как в этом море
Облегчается душа,
И какие гаснут зори
За грядою камыша.

Возвратясь, уютно ляжем
Перед печкой на ковре
И тихонько перескажем
Всё, что видели, сестре...

Кончим. Тихо встанет с кресел,
Молчалива и строга.
Скажет каждому: «Будь весел.
За окном лежат снега».

13 января 1906

* * *

Ты придешь и обнимешь.
И в спокойной мгле
Мне лицо опрокинешь
Встречу новой земле.

В новом небе забудем,
Что прошло,— навсегда.
Тихо молвят люди:
«Вот еще звезда».

И, мерцая, задремлем
На туманный век,
Посылая землям
Среброзвездный снег.

На груди из рая —
Твой небесный цвет.
Я пойму, мерцая,
Твой спокойный свет.

24 января 1906

* * *

Мы подошли — и воды синие,
Как две расплеснутых стены.
И вот — вдали белеет скиния,
И дали мутные видны.

Но уж над горными провалами
На дымно блещущий утес
Ты не взбежишь, звеня кимвалами,
В венке из диких красных роз.

Так — и чудесным очарованы —
Не избежим своей судьбы,
И, в цепи новые закованы,
Бредем, печальные рабы.

25 января 1906

ВЕРБОЧКИ

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.

Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!

В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

1—10 февраля 1906

ИВАНОВА НОЧЬ

Мы выйдем в сад с тобою, скромной,
И будем странствовать одни.
Ты будешь за травою темной
Искать купальские огни.

Я буду ждать с глубокой верой
Чудес, желаемых тобой:
Пусть вспыхнет папоротник серый
Под встрепенувшейся рукой.

Ночь полыхнет зеленым светом,—
Ведь с нею вместе вспыхнешь ты,
Упоена в волшéбстве этом
Двойной отравой красоты!

Я буду ждать, любуясь втайне,
Ночных желаний не будя.
Твоих девичьих очертаний —
Не бойся — не спугну, дитя!

Но если ночь, встряхнув ветвями,
Захочет в небе изнемочь,
Я загляну в тебя глазами
Туманными, как эта ночь.

И будет миг, когда ты снидешь
Еще в иные небеса.
И в новых небесах увидишь
Лишь две звезды — мои глаза.

Миг! В этом небе глаз упорных
Ты вся отражена — смотри!
И под навес ветвей узорных
Проникло таинство зари.

12 февраля 1906

СОЛЬВЕЙГ

Сергею Городецкому

Сольвейг прибегает на лыжах.
Ибсен. «Пер Гюнт»

Со́львейг! Ты прибежала на лыжах ко мне,
Улыбнулась пришедшей весне!

Жил я в бедной и темной избушке моей
Много дней, меж камней, без огней.

Но веселый, зеленый твой глаз мне блеснул —
Я топор широко размахнул!

Я смеюсь и крушу вековую сосну,
Я встречаю невесту — весну!

Пусть над новой избой
Будет свод голубой —
Полно соснам скрывать синеву!

Это небо — твое!
Это небо — мое!
Пусть недаром я гордым слыву!

Жил в лесу как во сне,
Пел молитвы сосне,
Надо мной распростершей красу.

Ты пришла — и светло,
Зимний сон разнесло,
И весна загудела в лесу!

Слышишь звонкий топор? Видишь радостный взор,
На тебя устремленный в упор?

Слышишь песню мою? Я крушу и пою
Про весеннюю Со́львейг мою!

Под моим топором, распевая хвалы,
Раскачнулись в лазури стволы!

Голос твой — он звончей песен старой сосны!
Со́львейг! Песня зеленой весны!

20 февраля 1906

* * *

Г. Гюнтеру

Ты был осыпан звездным цветом
Ее торжественной весны,
И были пышно над поэтом
Восторг и горе сплетены.

Открылось небо над тобою,
Ты слушал пламенный хорал,
День белый с ночью голубою
Зарею алой сочетал.

Но в мирной безраздумной сини
Очарованье доцвело,
И вот — осталась нежность линий
И в нимбе пепельном чело.

Склонясь на цвет полуувядший,
Стремиться не устанешь ты,
Но заглядишься, ангел падший,
В двойные, нежные черты.

И, может быть, в бреду ползучем,
Межу не в силах обойти,
Ты увенчаешься колючим
Венцом запретного пути.

Так,— не забудь в венце из терний,
Кому молился в первый раз,
Когда обманет свет вечерний
Расширенных и светлых глаз.

19 марта 1906

* * *

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года.
Тютчев

Прошли года, но ты — всё та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.

А я — склонен над грудой книжной,
Высокий, сгорбленный старик,—
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.

Да. Нас года не изменили.
Живем и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Те *баснословные года*...

Их светлый пепел — в длинной урне.
Наш светлый дух — в лазурной мгле.
И всё чудесней, всё лазурней —
Дышать прошедшим на земле.

30 мая 1906

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле.
Во мгле, что со мною всегда на земле.

За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.

За то, что нам долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы — муж и жена!

За цепи мои и заклятья твои.
За то, что над нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищих и бедных скорблю.

За то, что не можем согласно мы жить.
За то, что хочу и не смею убить —

Отмстить малодушным, кто жил без огня,
Кто так унижал мой народ и меня!

Кто запер свободных и сильных в тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.

Кто хочет за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у меня...

За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои — поколенье рабов,

И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнем сожжено и свинцом залито —
Того разорвать не посмеет никто!

С тобою смотрел я на эту зарю —
С тобой в эту черную бездну смотрю.

И двойственно нам приказанье судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма — впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?
Вдвоем — неразрывно — навеки вдвоем!

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

17 августа 1906

* * *

Есть лучше и хуже меня,
И много людей и богов,
И в каждом — метанье огня,
И в каждом — печаль облаков.

И каждый другого зажжет
И снова потушит костер,
И каждый печально вздохнет,
Взглянувши другому во взор...

Да буду я — царь над собой,
Со мною — да будет мой гнев,
Чтоб видеть над бездной глухой
Черты ослепительных дев!

Я сам свою жизнь сотворю,
И сам свою жизнь погублю.
Я буду смотреть на Зарю
Лишь с теми, кого полюблю.

Сентябрь 1906

* * *

Шлейф, забрызганный звездáми,
Синий, синий, синий взор.
Меж землей и небесами
Вихрем поднятый костер.

Жизнь и смерть в круженьи вечном,
Вся — в шелках тугих —
Ты — путям открыта млечным,
Скрыта в тучах грозовых.

Пали душные туманы.
Гасни, гасни свет, пролейся мгла...
Ты — рукою узкой, белой, странной
Факел-кубок в руки мне дала.

Кубок-факел брошу в купол синий —
Расплеснется млечный путь.
Ты одна взойдешь над всей пустыней
Шлейф кометы развернуть.

Дай серебряных коснуться складок,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сладок,
Как легко и ясно умирать.

Сентябрь 1906

РУСЬ

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — ты почиешь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.

Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

Где буйно заметает вьюга
До крыши — утлое жилье,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвее.

Где все пути и все распутья
Живой клюкой изможденны,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины...

Так — я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище ночуя,
Подолгу песни распевал.

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого бога страстно верил,
Какую девушку любил.

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,
И вот — она не запятнала
Первопачальной чистоты.

Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь,
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснусь.

24 сентября 1906

СЫН И МАТЬ

Моей матери

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришел прославленный,
Только б радость перенесть!

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле,
Дух свой предал небожителям,
Сердце — матери-земле.

Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов,
Метят взорами совиными
В стаю легких облаков...

Вот он, сын мой, в светлом облаке,
В шлеме утренней зари!
Сыплет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..

Веет ветер очистительный
От небесной синевы.
Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.

Точит грудь его пронзенная
Кровь и горние хвалы:
Здравствуй, даль, освобожденная
От ночной туманной мглы!

В сердце матери оставленной
Золотая радость есть:
Вот он, сын мой, окровавленный!
Только б радость перенесть!

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.

4 октября 1906

* * *

Нет имени тебе, мой дальний.

Вдали лежала мать, больна.
Над ней склонялась всё печальней
Ее сиделка — тишина.

Но счастье было безначальней,
Чем тишина. Была весна.

Ты подходил к стеклянной двери
И там стоял, в саду, маня
Меня, задумчивую Мэри,
Голубоокую меня.

Я проходила тихой залой
Сквозь дрёму, шелесты и сны...
И на балконе тень дрожала
Ее сиделки — тишины...

Мгновенье — в зеркале старинном
Я видела себя, себя...
И шелестила платьем длинным
По ступеням — встречать тебя.

И жали руку эти руки...
И трепетала в них она...
Но издали летели звуки:
Там... задыхалась тишина,

И миг еще — в оконной раме
Я видела — уходишь ты...

И в окна к бедной, бедной маме
С балкона кланялись цветы...

К ней прилегла в опочивальне
Ее сиделка — тишина...

Я здесь, в моей девичьей спальне,
И рук не разомкнуть... одна...

Нет имени тебе, весна.
Нет имени тебе, мой дальний.

Октябрь 1906

Заплетаем, расплетаем
Нити дьявольской Судьбы,
Звуки ангельской трубы.
Будем счастьем, будем раем,
Только знайте: вы — рабы.

Мы ребенку кудри чешем,
Песни длинные поем,
Поиграем и потешим —
Будет маленьким царем,
Царь повырастет потом...

Вот ребенок засыпает
На груди твоей, сестра...
Слышишь, он во сне вздыхает,—
Видит красный свет костра:
На костер идти пора!

Положи венок багряный
Из удушливых углей
В завитки его кудрей:
Пусть он грезит в час румяный,
Что на нем — венец царей...

Пойте стройную стихиру:
Царь отходит почивать!
Песня носится по миру —
Будут ангелы вздыхать,
Над костром, кружа, рыдать.

Тихо в сонной колыбели
Успокоился царек.
Девы-сестры улетели —
Сизый стелется дымок,
Рдеет красный уголек.

Октябрь 1906

ТИШИНА ЦВЕТЕТ

Здесь тишина цветет и движет
Тяжелым кораблем души,
И ветер, пес послушный, лижет
Чуть приґнутые камыши.

Здесь в заводь праздную желанье
Свои приводит корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальних ропотах земли.

Здесь легким образам и думам
Я отдаю стихи мои,
И томным их встречают шумом
Реки согласные струи.

И, томно опустив ресницы,
Вы, девушки, в стихах прочли,
Как от страницы до страницы
В даль потянули журавли.

И каждый звук был вам намеком
И несказа́нным — каждый стих.
И вы любили на широком
Просторе легких рифм моих.

И каждая навек узнала
И не забудет никогда,
Как обнимала, целовала,
Как пела тихая вода.

Октябрь 1906

* * *

Так окрыленно, так напевно
Царевна пела о весне.
И я сказал: «Смотри, царевна,
Ты будешь плакать обо мне».

Но руки мне легли на плечи,
И прозвучало: «Нет. Прости.
Возьми свой меч. Готовься к сече.
Я сохраню тебя в пути.

Иди, иди, вернешься молод
И долгу верен своему.
Я сохраню мой лед и холод,
Замкнусь в хрустальном терему.

И будет радость в долгих взорах,
И тихо протекут года.
Вкруг замка будет вечный шорох,
Во рву — прозрачная вода...

Да, я готова к поздней встрече,
Навстречу руки протяну
Тебе, несущему из сечи
На острие копья — весну».

Даль опустила синий полог
Над замком, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой долог.
Иду за огненной весной.

Октябрь 1906

* * *

Ты можешь по траве зеленой
Всю церковь обойти,
И сесть на паперти замшёной,
И кружево плести.

Ты можешь опустить ресницы,
Когда я прохожу,
Поправить кофточку из ситца,
Когда я погляжу.

Твои глаза еще невинны,
Как цветик голубой,
И эти косы слишком длинны
Для шляпки городской.

Но ты гуляешь с красным бантом
И семячки лущишь,
Телеграфисту с желтым кантом
Букетики даришь.

И потому — ты будешь рада
Сквозь мокрую траву
Прийти в туман чужого сада,
Когда я позову.

Октябрь 1906

* * *

Ищу огней — огней попутных
В твой черный, ведовскóй предел.
Меж темных заводей и мутных
Огромный месяц покраснел.

Его двойник плывет над лесом
И скоро станет золотым.
Тогда — простор болотным бесам,
И водяным, и лесовым.

Вертлявый бес верхушкой ели
Проткнет небесный золотой,
И долго будут петь свирели,
И стадо звякать за рекой...

И дальше путь, и месяц выше,
И звезды меркнут в серебре.
И тихо озарились крыши
В ночной деревне, на горе.

Иду, и холодеют росы,
И серебрятся о тебе,
Всё о тебе, расплетшей косы
Для друга тайного, в избе.

Дай мне пахучих, душных зелий
И ядом сладким заморочь,
Чтоб, раз вкусив твоих веселий,
Навеки помнить эту ночь.

Октябрь 1906

ПРОКЛЯТЫЙ КОЛОКОЛ

Вёсны и зимы меняли убранство.
Месяц по небу катился — зловещий фонарь.
Вы, люди, рождались с желаньем скорей умереть,
Страхом ночным обессилены.

А над болотом — проклятый звонарь
Бил и будил колокольную медь.
Звуки летели, как филины,
В ночное пространство.

Колокол самый блаженный,
Самый большой и святой,
Тот, что утром скликал прихожан,
По ночам расточал эти звуки.

Кто рассеет болотный туман,
Хоронясь за ночной темнотой?
Чьи качают проклятые руки
Этот колокол пленный?

В час угрюмого звона я был
Под стеной, средь болотной травы,
Я узнал тебя, черный звонарь,
Но не мне укротить твою медь!

Я в туманах бродил.
Люди спали. О, люди! Пока не пробудитесь вы,—
Месяц будет вам — красный, зловещий фонарь,
Страшный колокол будет вам петь!

7 ноября 1906

* * *

О жизни, догоревшей в хоре
На темном клиросе твоем.
О Деве с тайной в светлом взоре
Над осиянным алтарем.

О томных девушках у двери,
Где вечный сумрак и хвала.
О дальной Мэри, светлой Мэри,
В чьих взорах — свет, в чьих косах — мгла.

Ты дремлешь, боже, на иконе,
В дыму кадильниц голубых.
Я пред тобою, на амвоне,
Я — сумрак улиц городских.

Со мной весна в твой храм вступила,
Она со мной обручена.
Я — голубой, как дым кадила,
Она — туманная весна.

И мы под сводом веем, веем,
Мы стелемся над алтарем,
Мы над народом чары деем
И Мэри светлую поем.

И девушки у темной двери,
На всех ступенях алтаря —
Как засветлевшая от Мэри
Передзакатная заря.

И чей-то душный, тонкий волос
Скользит и веет вкруг лица,
И на амвоне женский голос
Поет о Мэри без конца.

О розах над ее иконой,
Где вечный сумрак и хвала,
О деве дальней, благосклонной,
В чьих взорах — свет, в чьих косах — мгла.

Ноябрь 1906

* * *

В синем небе, в темной глуби
Над собором — тишина.
Мы одну и ту же любим,
Легковейная весна.

Как согласны мы мечтами,
Благосклонная весна!
Не шелками, не речами
Покорила нас она.

Удивленными очами
Мы с тобой покорены,
Над округлыми плечами
Косы в узел сплетены.

Эта девушка узнала
Чары легкие весны,
Мгла весенняя сплетала
Ей задумчивые сны.

Опустила покрывало,
Руки нежные сплела,
Тонкий стан заколдовала,
В храм вечерний привела,

Обняла девичьи плечи,
Поднялась в колокола,
Погасила в храме свечи,
Осенила купола,

И за девушкой — далече
В синих улицах — весна,
Смолкли звоны, стихли речи,
Кротко молится она...

В синем небе, в темной глуби
Над собором — тишина.
Мы с тобой так нежно любим,
Тиховейная весна!

Ноябрь 1906

БАЛАГАН

Ну, старая кляча, пойдем
ломать своего Шекспира!
Кин

Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, покряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро.
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, сшитые пестро...

Тащитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!

В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.

Ноябрь 1906

* * *

Твоя гроза меня умчала
И опрокинула меня.
И надо мною тихо встала
Синь умирающего дня.

Я на земле грозою смятый
И опрокинутый лежу.
И слышу дальние раскаты,
И вижу радуги межу.

Взойду по ней, по семицветной
И незапятнанной стезе —
С улыбкой тихой и приветной
Смотреть в глаза твоей грозе.

Ноябрь 1906

* * *

В час глухой разлуки с морем,
С тихо ропщущим прибоем,
С отуманенною далью —

Мы одни, с великим горем,
Седины́ свои закроем
Белым саваном — печалью.

Протекут еще мгновенья,
Канут в темные века.

Будут новые виденья,
Будет старая тоска.

И, в печальный саван кроясь,
Предаваясь тайно горю,
Не увидим мы тогда,—

Как горит твой млечный пояс!
Как летит к родному морю
Серебристая звезда!

Ноябрь 1906

* * *

Со́львейг! О, Со́львейг! О, Солнечный Путь!
Дай мне вздохнуть, освежить мою грудь!

В темных провалах, где дышит гроза,
Вижу зеленые злые глаза.

Ты ли глядишь, иль старуха — сова?
Чьи раздаются во мраке слова?

Чей ослепительный плащ на лету
Путь открывает в твою высоту?

Знаю — в горах распевают рога,
Волей твоей зацветают луга.

Дай отдохнуть на уступе скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!

Чтобы лохматые тролли, визжа,
Вниз сорвались, как потоки дождя,

Чтоб над омытой душой в вышине
День золотой был всерадостен мне!

Декабрь 1906

* * *

В серебре росы трава.
Холодна ты, не жива.
Слышишь нежные слова?

Я склонился. Улыбнись.
Я прошу тебя: очнись.
Месяц залил светом высь.

Вдалеке поют ручьи.
Руки белые твои —
Две холодные змеи.

Шевельни смолистый злак.
Ты открой твой мертвый зрак.
Ты подай мне тихий знак.

Декабрь 1906

УСТАЛОСТЬ

Кому назначен темный жребий,
Над тем не властен хоровод.
Он, как звезда, утонет в небе,
И новая звезда взойдет.

И краток путь средь долгой ночи.
Друзья, близка ночная твердь!
И даже рифмы нет короче
Глухой, крылатой рифмы: *смерть*.

И есть ланит живая алость,
Печаль свиданий и разлук...
Но есть паденье, и усталость,
И торжество предсмертных мук.

14 февраля 1907

* * *

Придут незаметные белые ночи.
И душу вытравят белым светом.
И бессонные птицы выклюют очи.
И буду ждать я с лицом воздетым,

Я буду мертвый — с лицом подъятым.
Придет, кто больше на свете любит:
В мертвые губы меня поцелует,
Закроет меня благовонным платом.

Придут другие, разрыхлят глыбы,
Зароют,— уйдут беспокойно прочь:
Они обо мне помолиться могли бы,
Да вот — помешала белая ночь!

18 марта 1907

* * *

Зачатый в ночь, я в ночь рожден,
И вскрикнул я, прозрев:
Так тяжек матери был стон,
Так черен ночи зев.

Когда же сумрак поредел,
Унылый день повлек
Клубок однообразных дел,
Безрадостный клубок.

Что быть должно — то быть должно,
Так пела с детских лет
Шарманка в низкое окно,
И вот — я стал поэт.

Влюбленность расцвела в кудрях
И в ранней грусти глаз.
И был я в розовых цепях
У женщин много раз.

И всё, *как быть должно*, пошло:
Любовь, стихи, тоска;
Всё приняла в свое русло
Спокойная река.

Как ночь слепа, так я был слеп,
И думал жить слепой...
Но раз открыли темный склеп,
Сказали: *Бог с тобой.*

В ту ночь был белый ледоход,
Разлив осенних вод.
Я думал: «Вот, река идет».
И я пошел вперед.

В ту ночь река во мгле была,
И в ночь и в темноту
Та — незнакомая — пришла
И встала на мосту.

Она была — живой костер
Из снега и вина.
Кто раз взглянул в желанный взор,
Тот знает, кто она.

И тихо за руку взяла
И глянула в лицо.
И маску белую дала
И светлое кольцо.

«Довольно жить, оставь слова,
Я, как метель, звонка,
Иною жизнию жива,
Иным огнем ярка».

Она зовет. Она мани́т.
В снегах земля и твердь.
Что́ мне поет? Что́ мне звенит?
Иная жизнь? Глухая смерть?

12 апреля 1907

* * *

С каждой весною пути мои круче,
Мертвенней сумрак очей.
С каждой весною ясней и певучей
Таинства белых ночей.

Месяц ладью опрокинул в последней
Бледной могиле,— и вот
Стертые лица и пьяные бредни...
Карты... Цыганка поет.

Смехом волнуемый черным и громким,
Был у нас пламенный лик.
Свет набежал. Промелькнули потемки.
Вот он: бесстрастен и дик.

Видишь, и мне наступила на горло,
Душит красавица ночь...
Краски последние смыла и стерла...
Что ж? Если можешь, пророчь...

Ласки мои неумелы и грубы.
Ты же — нежнее, чем май.
Что же? Целуй в помертвелые губы.
Пояс печальный снимай.

7 мая 1907

ДЕВУШКЕ

Ты перед ним — что стебель гибкий,
Он пред тобой — что лютый зверь.
Не соблазняй его улыбкой,
Молчи, когда стучится в дверь.

А если он ворвется силой,
За дверью стань и стереги:
Успеешь — в горнице немилой
Сухие стены подожги.

А если близок час позорный,
Ты повернись лицом к углу,
Свяжи узлом платок свой черный
И в черный узел спрячь иглу.

И пусть игла твоя вонзится
В ладони грубые, когда
В его руках ты будешь биться,
Крича от боли и стыда...

И пусть в угаре страсти грубой
Он не запомнит, сгоряча,
Твои оттиснутые зубы
Глубоким шрамом вдоль плеча!

6 июня 1907

* * *

Когда я создавал героя,
Кремень дробя, пласты деля,
Какого вечного покоя
Была исполнена земля!
Но в зацветающей лазури
Уже боролись свет и тьма,
Уже металась в синей буре
Одежды яркая кайма...
Щит ослепительно сверкучий
Сиял в разрыве синих туч,
И светлый меч, пронзая тучи,
Разил, как неуклонный луч...
Еще не явлен лик чудесный,
Но я провижу лик — зарю,
И в очи молнии небесной
С чудесным трепетом смотрю!

3 октября 1907

* * *

Всюду ясность божия,
Ясные поля,
Девушки пригожие,
Как сама земля.

Только верить хочешь всё,
Что на склоне лет
Ты, душа, воротишься
В самый ясный свет.

3 октября 1907

* * *

Она пришла с заката.
Был плащ ее заколот
Цветком нездешних стран.

Звала меня куда-то
В бесцельный зимний холод
И в северный туман.

И был костер в полно́чи,
И пламя языками
Лизало небеса.

Сияли ярко очи.
И черными змея́ми
Распуталась коса.

И змеи окрутили
Мой ум и дух высокий
Распяли на кресте.

И в вихре снежной пыли
Я верен черноокой
Змеиной красоте.

8 ноября 1907

* * *

Я миновал закат багряный,
Ряды строений миновал,
Вступил в обманы и туманы,—
Огнями мне сверкнул вокзал...

Я сдавлен давкой человечьей,
Едва не оттеснен назад...
И вот — ее глаза и плечи,
И черных перьев водопад...

Проходит в час определенный,
За нею — карлик, шлейф влача...
И я смотрю вослед, влюбленный,
Как пленный раб — на палача...

Она проходит — и не взглянет,
Пренебрежением казня...
И только карлик не устанет
Глядеть с усмешкой на меня.

Февраль 1908

* * *

Твое лицо мне так знакомо,
Как будто ты жила со мной.
В гостях, на улице и дома
Я вижу тонкий профиль твой.
Твои шаги звенят за мною,
Куда я ни войду, ты там.
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночам?
Не ты ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь в двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна виденному сну?
Я часто думаю, не ты ли
Среди погоста, за гумном,
Сидела, молча, на могиле
В платочке ситцевом своем?
Я приближался — ты сидела,
Я подошел — ты отошла,
Спустилась к речке и запела...
На голос твой колокола
Откликнулись вечерним звоном...
И плакал я, и робко ждал...
Но за вечерним перезвоном
Твой милый голос затихал...
Еще мгновенье — нет ответа,
Платок мелькает за рекой...
Но знаю горестно, что где-то
Еще увидимся с тобой.

1 августа 1908

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Ранним утром, когда люди ленились шевелиться,
Серый сон предчувствуя последних дней зимы,
Пробудились в комнате мужчина и блудница,
Медленно очнулись среди угарной тьмы.

Утро копошилось. Безнадежно догорели свечи,
Оплывший огарок маячил в оплывших глазах.
За холодным окном дрожали женские плечи,
Мужчина перед зеркалом расчесывал пробор в волосах.

Но серое утро уже не обмануло:
Сегодня была она, как смерть, бледна.
Еще вечером у фонаря ее лицо блеснуло;
В этой самой комнате была влюблена.

Сегодня безобразно повисли складки рубашки,
На всем был серый постылый налет.
Углами торчала мебель, валялись окурки, бумажки,
Всех ужасней в комнате был красный комод.

И вдруг влетели звуки. Верба, раздувшая почки,
Раскачнулась под ветром, осыпая снег,
В церкви ударил колокол. Распахнулись форточки,
И внизу стал слышен торопливый бег.

Люди суетливо выбегали за ворота
(Улицу скрывал дощатый забор).
Мальчишки, женщины, дворники заметили что-то,
Махали руками, чертя незнакомый узор.

Бился колокол. Гудели крики, лай и ржанье.
Там, на грязной улице, где люди собрались,
Женщина-блудница — от ложа пьяного желанья –
На коленях, в рубашке, поднимала руки ввысь...

Высоко — над домами — в тумане снежной бури,
На месте полуденных туч и полунощных звезд,
Розовым зигзагом в разверстой лазури
Тонкая рука распластала тонкий крест.

3 февраля 1904

ПЕТР

Евг. Иванову

Он спит, пока закат румян.
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится Змей, копытом сжатый.

Сойдут глухие вечера,
Змей расклубится над домами.
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей,
Блеснут витрины и троттуары.
В мерцаньи тусклых площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в манящем взгляде.
Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!

Там, на скале, веселый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящий облачила!

Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов
Мужских — крикливых, женских — струнных!

Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
В руке простертой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.

22 февраля 1904

ПОЕДИНОК

Дни и ночи я безволен,
Жду чудес, дремлю без сна.
В песнях дальних колоколен
Пробуждается весна.

Чутко веет над столицей
Угнетенного Петра.
Вечерница льнет к деннице,
Несказа́нней вечера.

И зарей — очам усталым
Предстоит, озарена,
За прозрачным покрывалом
Лучезарная Жена...

Вдруг летит с отвагой ратной —
В бранном шлеме голова —
Ясный, Кроткий, Златолатный,
Кем возвысилась Москва!

Ангел, Мученик, Посланец
Поднял звонкую трубу...
Слышу ко́ней тяжкий танец,
Вижу смертную борьбу...

Светлый Муж ударил Деда!
Белый — черного коня!..
Пусть последняя победа
Довершится без меня!..

Я бегу на воздух вольный,
Жаром битвы утомлен...
Бейся, колокол раздольный,
Разглашай весенний звон!

Чуждый спорам, верный взорам
Девы алых вечеров,
Я опять иду дозором
В тень узорных теремов:

Не мелькнет ли луч в светлице?
Не зажгутся ль терема?
Не сойдет ли от божницы
Лучезарная Сама?

22 февраля 1904

ОБМАН

В пустом переулке весенние воды
Бегут, бормочут, а девушка хохочет.
Пьяный красный карлик не дает проходу,
Пляшет, брызжет воду, платье мочит.

Девушке страшно. Закрылась платочком.
Темный вечер ближе. Солнце за трубой.
Карлик прыгнул в лужицу красным комочком,
Гонит струйку к струйке сморщенной рукой.

Девушку манит и пугает отраженье.
Издали мигнул одинокий фонарь.
Красное солнце село за строенье.
Хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь.

Будто издали невнятно доносятся звуки...
Где-то каплет с крыши... где-то кашель старика...
Безжизненно цепляются холодные руки...
В расширенных глазах не видно зрачка...

. . . . . .

Как страшно! Как бездомно! Там, у забора,
Легла некрасивым мокрым комком.
Плачет, чтобы ночь протянулась не скоро —
Стыдно возвратиться с дьявольским клеймом...

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки.
В светлых струйках весело пляшет синева.
По улицам ставят красные рогатки.
Шлепают солдатики: раз! два! раз! два!

В переулке у мокрого забора над телом
Спящей девушки — трясется, бормочет голова;
Безобразный карлик занят делом:
Спускает в ручеек башмаки: раз! два!

Башмаки, крутясь, несутся по теченью,
Стремительно обгоняет их красный колпак...
Хохот. Всплески. Брызги. Еще мгновенье —
Плывут собачьи уши, борода и красный фрак...

Пронеслись,— и струйки шепчут невнятно.
Девушка медленно очнулась от сна:
В глазах ее красно-голубые пятна.
Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна.

5 марта 1904

* * *

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят.

Всё бессилье гаданья
У меня на плечах.
В окнах фабрик — преданья
О разгульных ночах.

Оловянные кровли —
Всем безумным приют.
В этот город торговли
Небеса не сойдут.

Этот воздух так гулок,
Так заманчив обман.
Уводи, переулок,
В дымно-сизый туман...

26 июня 1904

* * *

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.

Стены фабрик, стекла окон,
Грязно-рыжее пальто,
Развевающийся локон —
Всё закатом залито.

Блещут искристые гривы
Золотых, как жар, коней,
Мчатся бешеные дива
Жадных облачных грудей,

Красный дворник плещет ведра
С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной,

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык.

28 июня 1904

* * *

Я жалобной рукой сжимаю свой костыль.
Мой друг — влюблен в луну — живет ее обманом.
Вот — третий на пути. О, милый друг мой, ты ль
В измятом картузе над взором оловянным?

И — трое мы бредем. Лежит пластами пыль.
Всё пусто — здесь и там — под зноем неустанным.
Заборы — как гроба. В канавах преет гниль.
Всё, всё погребено в безлюдьи окаянном.

Стучим. Печаль в домах. Покойники в гробах.
Мы робко шепчем в дверь: «Не умер — спит ваш
близкий...»
Но старая, в чепце, наморщив лоб свой низкий,
Кричит: «Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!»

И дальше мы бредем. И видим в щели зданий
Старинную игру вечерних содроганий.

3 июля 1904

ГИМН

В пыльный город небесный кузнец прикатил
Огневой переменчивый диск.
И по улицам — словно бесчисленных пил
Смех и скрежет и визг.

Вот в окно, где спокойно текла
Пыльно-серая мгла,
Луч вонзился в прожженное сердце стекла,
Как игла.

Все испуганно пьяной толпой
Покидают могилы домов...
Вот — всем телом прижат под фабричной трубой
Незнакомый с весельем разгульных часов...

Он вонзился ногтями в кирпич
В унизительной позе греха...
Но небесный кузнец раздувает меха,
И свистит раскаленный, пылающий бич.

Вот — на груде горячих камней
Распростерта не смевшая пасть...
Грудь раскрыта — и бродит меж темных бровей
Набежавшая страсть...

Вот — монах, опустивший глаза,
Торопливо идущий вперед...
Но и тех, кто безумно обеты дает,
Кто бесстрастные гимны поет,
Настигает гроза!

Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую грудь
На распутьях, в подвалах, на башнях — хвала!
Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь,—
Наши гимны, и песни, и сны — без числа!..

Золотая игла!
Исполинским лучом пораженная мгла!

Опаленным, сметенным, сожженным дотла —
Хвала!

27 августа 1904

* * *

Поднимались из тьмы погребов.
Уходили их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Словеса незнакомых наречий.

Скоро прибыли то́лпы других,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камням мостовых,
Из земли воздвигали палаты.

Встала улица, серым полна,
Заткалась паутинною пряжей.
Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя проток экипажей.

Скоро день глубоко отступил,
В небе дальнем расставивший зори.
А незримый поток шелестил,
Проливаясь в наш город, как в море.

Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!
В тех же муках рождала их мать,
Так же нежно кормила у груди...

В пелене отходящего дня
Нам была эта участь понятна...
Нам последний закат из огня
Сочетал и соткал свои пятна.

Не стерег исступленный дракон,
Не пылала под нами геенна.
Затопили нас волны времен,
И была наша участь — мгновенна.

10 сентября 1904

* * *

В высь изверженные дымы
Застилали свет зари.
Был театр окутан мглою.
Ждали новой пантомимы,
Над вечернею толпою
Зажигались фонари.

Лица плыли и сменились,
Утонули в темной массе
Прибывающей толпы.
Сквозь туман лучи дробились,
И мерцали в дальней кассе
Золоченые гербы.

Гулкий город, полный дрожи,
Вырастал у входа в зал.
Звуки бешено ломились...
Но, взлетая к двери ложи,
Рокот смутно замирал,
Где поклонники толпились...

В темном зале свет заёмный
Мог мерцать и отдохнуть.
В ложе — вещая сибилла,
Облачась в убор нескромный,
Черный веер распустила,
Черным шелком оттенила
Бледно-матовую грудь.

Лишь в глазах таился вызов,
Но в глаза вливался мрак...
И от лож до темной сцены,
С позолоченных карнизов,
Отраженный, переменный —
Свет мерцал в глазах зевак...

Я покину сон угрюмый,
Буду первый пред толпой:
Взору смерти — взор ответный!
Ты пьяна вечерней думой,
Ты на очереди смертной:
Встану в очередь с тобой!

25 сентября 1904

* * *

Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте.
Прильнуло к дрожащему сердцу.
Красный с ко́зел спрыгну́л — и на светлой черте
Распахнул каретную дверцу.

Нищий поднял дрожащий фонарь:
Афиша на мокром столбе...
Ступила на светлый троттуар,
Исчезла в толпе.

Луч дождливую мглу пронизал —
Богиня вступила в склеп...
Гори, маскарадный зал!
Здесь нищий во мгле ослеп.

Сентябрь 1904

* * *

День поблек, изящный и невинный.
Вечер заглянул сквозь кружева.
И над книгою старинной
Закружилась голова.

Встала в легкой полутени,
Заструилась вдоль перил...
В голубых сетях растений
Кто-то медленный скользил.

Тихо дрогнула портьера.
Принимала комната шаги
Голубого кавалера
И слуги.

Услыхала об убийстве —
Покачнулась — умерла.
Уронила матовые кисти
В зеркала.

24 декабря 1904

* * *

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву.

Были улицы пьяны от криков.
Были солнца в сверканьи витрин.
Красота этих женственных ликов!
Эти гордые взоры мужчин!

Это были цари — не скитальцы!
Я спросил старика у стены:
«Ты украсил их тонкие пальцы
Жемчугами несметной цены?

Ты им дал разноцветные шубки?
Ты зажег их снопами лучей?
Ты раскрасил пунцовые губки,
Синеватые дуги бровей?»

Но старик ничего не ответил,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно светел,
Эту музыку блеска впивать...

А они проходили всё мимо,
Смутно каждая в сердце тая,
Чтоб навеки, ни с кем не сравнимой,
Отлететь в голубые края.

И мелькала за парою пара...
Ждал я светлого ангела к нам,
Чтобы здесь, в ликованьи троттуара,
Он одну приобщил небесам...

А вверху — на уступе опасном —
Тихо съежившись, карлик приник,
И казался нам знаменем красным
Распластавшийся в небе язык.

Декабрь 1904

* * *

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.

Песни и тревога
На пустой реке.
Входит кто-то сильный
В сером армяке.
Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил
И багор закинул,
Грудью надавил.
Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.
Вот они далёко,
Весело плывут.
Только нас с собою,
Верно, не возьмут!

Декабрь 1904

* * *

Улица, улица...
Тени беззвучно спешащих
Тело продать,
И забвенье купить,
И опять погрузиться
В сонное озеро города — зимнего холода...

Спите. Забудьте слова лучезарных.

О, если б не было в окнах
Светов мерцающих!
Штор и пунцовых цветочков!
Лиц, наклоненных над скудной работой!

Всё тихо.
Луна поднялась.
И облачных перьев ряды
Разбежались далёко.

Январь 1905

ПОВЕСТЬ

Г. Чулкову

В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли,
Темный профиль женщины наклонился вниз.
Серые прохожие усердно проносили
Груз вечерних сплетен, усталых стертых лиц.

Прямо перед окнами — светлый и упорный —
Каждому прохожему бросал лучи фонарь.
И в дождливой сети — не белой, не черной —
Каждый скрывался — не молод и не стар.

Были как виденья неживой столицы —
Случайно, нечаянно вступающие в луч.
Исчезали спины, возникали лица,
Робкие, покорные унынью низких туч.

И — нежданно резко — раздались проклятья,
Будто рассекая полосу дождя:
С головой открытой — кто-то в красном платье
Поднимал на воздух малое дитя...

Светлый и упорный, луч упал бессменный —
И мгновенно женщина, ночных веселий дочь,
Бешено ударилась головой о стену,
С криком исступленья, уронив ребенка в ночь...

И столпились серые виденья мокрой скуки.
Кто-то громко ахал, качая головой.
А она лежала на спине, раскинув руки,
В грязно-красном платье, на кровавой мостовой.

Но из глаз открытых — взор упорно-дерзкий
Всё искал кого-то в верхних этажах...
И нашел — и встретился в окне у занавески
С взором темной женщины в узорных кружевах.

Встретились и замерли в беззвучном вопле взоры,
И мгновенье длилось... Улица ждала...
Но через мгновенье наверху упали шторы,
А внизу — в глазах открытых — сила умерла...

Умерла — и вновь в дождливой сети топкой
Зычные, нестройные звучали голоса.
Кто-то поднял на́ руки кричащего ребенка
И, крестясь, украдкой утирал глаза...

Но вверху сомнительно молчали стекла окон.
Плотно-белый занавес пустел в сетях дождя.
Кто-то гладил бережно ребенку мокрый локон.
Уходил тихонько. И плакал, уходя.

Январь 1905

* * *

Иду — и всё мимолетно.
Вечереет — и газ зажгли.
Музыка ведет бесповоротно,
Куда глядят глаза мои.

Они глядят в по́дворотни,
Где шарманщик вздыхал над тенью своей...
Не встречу ли оборотня?
Не увижу ли красной подруги моей?

Смотрю и смотрю внимательно,
Может быть, слишком упорно еще...
И — внезапно — тенью гадательной —
Вольная дева в огненном плаще!..

В огненном! Выйди за поворот:
На глазах твоих повязка лежит еще...
И она тебя кольцом неразлучным сожмет
В змеином ло́говище.

9 марта 1905

ПЕСЕНКА

Она поет в печной трубе.
Ее веселый голос тонок.
Мгла опочила на тебе.
За дверью плачет твой ребенок.

Весна, весна! Как воздух пуст!
Как вечер непомерно скуден!
Вон — тощей вербы голый куст —
Унылый призрак долгих буден.

Вот вечер кутает окно
Сплошными белыми тенями.
Мое лицо освещено
Твоими страшными глазами.

Но не боюсь смотреть в упор,
В душе — бездумность и беспечность!
Там — вихрем разметен костер,
Но искры улетели в вечность...

Глаза горят, как две свечи.
О чем она тоскует звонко?
Поймем. Не то пронзят ребенка
Безумных глаз твоих мечи.

9 апреля 1905

ЛЕГЕНДА

Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли? –
Весна плыла высоко в синеве.
На глухую улицу в полночь вышли
Веселые девушки. Было — две.

Но Третий за ними — за ними следом
Мелькал, неслышный, в луче фонаря.
Он был неведом... одной неведом:
Ей казалось... казалось, близка заря.

Но синей и синее полночь мерцала,
Тая, млея, сгорая полношумной весной.
И одна сказала... «Ты слышишь? — сказала.—
О, как страшно, подруга... быть с тобой».

И была эта девушка в белом... в белом,
А другая — в черном... Твоя ли дочь?
И одна — дрожала слабеньким телом,
А другая — смеялась, бежала в ночь...

Ты слышишь, господи? Сжалься! О, сжалься!
Другая, смеясь, убежала прочь...
И на улице мертвой, пустынной остались...
Остались... Третий, она и ночь.

Но, казалось, близко... Казалось, близко
Трепетно бродит, чуть белеет заря...
Но синий полог упал так низко
И задернул последний свет фонаря.

Был синий полог. Был сумрак долог.
И ночь прошла мимо них, пьяна.
И когда в траве заблестел осколок,
Она осталась совсем одна.

И первых лучей протянулись нити,
И слабые руки схватили нить...
Но уж город, гудя чредою событий,
Где-то там, далеко, начал жить...

Был любовный напиток — в красной пачке кредиток,
И заря испугалась. Но рукою Судьбы
Кто-то городу дал непомерный избыток,
И отравленной пыли полетели столбы.

Подходили соседи и шептались докучно.
Дымно-сизый старик оперся на костыль —
И кругом стало душно... А в полях однозвучно
Хохотал Невидимка — и разбрасывал пыль.

В этом огненном смерче обняла она крепче
Пыльно-грязной земли раскаленную печь...
Боже правый! Соделай, чтобы твердь стала легче!
Отвратн твой разящий и карающий меч!

И откликнулось небо: среди пыли и давки
Появился архангел с убеленной рукой:
Всем казалось — он вышел из маленькой лавки,
И казалось, что был он — переначкан мукой...

Но уж твердь разрывало. И земля отдыхала.
Под дождем умолкала песня дальних колес...
И толпа грохотала. И гроза хохотала.
Ангел белую девушку в дом свой унес.

15 апреля 1905

* * *

Я вам поведал неземное.
Я всё сковал в воздушной мгле.
В ладье — топор. В мечте — герои.
Так я причаливал к земле.

Скамья ладьи красна от крови
Моей растерзанной мечты,
Но в каждом доме, в каждом крове
Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши девы слепы,
У юношей безогнен взор.
Назад! Во мглу! В глухие склепы!
Вам нужен бич, а не топор!

И скоро я расстанусь с вами,
И вы увидите меня
Вон там, за дымными горами,
Летящим в облаке огня!

16 апреля 1905

НЕВИДИМКА

Веселье в ночном кабаке.
Над городом синяя дымка.
Под красной зарей вдалеке
Гуляет в полях Невидимка.

Танцует над топью болот,
Кольцом окружающих домы,
Протяжно зовет и поет
На голос, на голос знакомый.

Вам сладко вздыхать о любви,
Слепые, продажные твари?
Кто небо запачкал в крови?
Кто вывесил красный фонарик?

И воет, как брошенный пес,
Мяучит, как сладкая кошка,
Пучки вечереющих роз
Швыряет блудницам в окошко...

И ломится в черный притон
Ватага веселых и пьяных,
И каждый во мглу увлечен
Толпой проституток румяных...

В тени гробовой фонари,
Смолкает над городом грохот...
На красной полоске зари
Беззвучный качается хохот...

Вечерняя надпись пьяна
Над дверью, отво́ренной в лавку...
Вмешалась в безумную давку
С расплеснутой чашей вина
На Звере Багряном — Жена.

16 апреля 1905

МИТИНГ

Он говорил умно и резко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и без блеска
Слепые огоньки.

А снизу устремлялись взоры
От многих тысяч глаз,
И он не чувствовал, что скоро
Пробьет последний час.

Его движенья были верны,
И голос был суров,
И борода качалась мерно
В такт запыленных слов.

И серый, как ночные своды,
Он знал всему предел.
Цепями тягостной свободы
Уверенно гремел.

Но те, внизу, не понимали
Ни чисел, ни имен,
И знаком долга и печали
Никто не заклеймен.

И тихий ропот поднял руку,
И дрогнули огни.
Пронесся шум, подобный звуку
Упавшей головни.

Как будто свет из мрака брызнул,
Как будто был намек...
Толпа проснулась. Дико взвизгнул
Пронзительный свисток.

И в звоны стекол перебитых
Ворвался стон глухой,
И человек упал на плиты
С разбитой головой.

Не знаю, кто ударом камня
Убил его в толпе,
И струйка крови, помню ясно,
Осталась на столбе.

Еще свистки ломали воздух,
И крик еще стоял,
А он уж лег на вечный отдых
У входа в шумный зал...

Но огонек блеснул у входа...
Другие огоньки...
И звонко брякнули у свода
Взведенные курки.

И промелькнуло в беглом свете,
Как человек лежал,
И как солдат ружье над мертвым
Наперевес держал.

Черты лица бледней казались
От черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
И строились в ряды.

И в тишине, внезапно вставшей,
Был светел круг лица,
Был тихий ангел пролетавший,
И радость — без конца.

И были строги и спокойны
Открытые зрачки,
Над ними вытянулись стройно
Блестящие штыки.

Как будто, спрятанный у входа
За черной пастью дул,
Ночным дыханием свободы
Уверенно вздохнул.

10 октября 1905

* * *

Вися над городом всемирным,
В пыли прошедшей заточен,
Еще монарха в утре лирном
Самодержавный клонит сон.

И предок царственно-чугунный
Всё так же бредит на змее,
И голос черни многострунный
Еще не властен на Неве.

Уже на до́мах веют флаги,
Готовы новые птенцы,
Но тихи струи невской влаги,
И слепы темные дворцы.

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

18 октября 1905

* * *

Еще прекрасно серое небо,
Еще безнадежна серая даль.
Еще несчастных, просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жаль!

И над заливами голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: «Свергни! О, свергни!»
Не будят жалости в сонной волне...

И в небе сером холодные светы
Одели Зимний дворец царя,
И латник в черном[1] не даст ответа,
Пока не застигнет его заря.

Тогда, алея над водной бездной,
Пусть он угрюмей опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной
За древнюю сказку мертвым лечь...

18 октября 1905

* * *

Ты проходишь без улыбки,
Опустившая ресницы,
И во мраке над собором
Золотятся купола.

[1] Статуя на кровле Зимнего дворца.

Как лицо твое похоже
На вечерних богородиц,
Опускающих ресницы,
Пропадающих во мгле...

Но с тобой идет кудрявый
Кроткий мальчик в белой шапке,
Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть.

Я стою в тени портала,
Там, где дует резкий ветер,
Застилающий слезами
Напряженные глаза.

Я хочу внезапно выйти
И воскликнуть: «Богоматерь!
Для чего в мой черный город
Ты Младенца привела?»

Но язык бессилен крикнуть.
Ты проходишь. За тобою
Над священными следами
Почивает синий мрак.

И смотрю я, вспоминая,
Как опущены ресницы,
Как твой мальчик в белой шапке
Улыбнулся на тебя.

29 октября 1905

ПЕРСТЕНЬ-СТРАДАНЬЕ

Шел я по улице, горем убитый.
Юность моя, как печальная ночь,
Бледным лучом упадала на плиты,
Гасла, плелась и шарахалась прочь.

Горькие думы — лохмотья печалей —
Нагло просили на чай, на ночлег,
И пропадали средь уличных далей,
За вереницей зловонных телег.

Господи боже! Уж утро клубится,
Где, да и как этот день проживу?..
Узкие окна. За ними — девица.
Тонкие пальцы легли на канву.

Локоны пали на нежные ткани —
Верно, работала ночь напролет...
Щеки бледны от бессонных мечтаний,
И замирающий голос поет:

«Что́ я сумела, когда полюбила?
Бросила мать и ушла от отца...
Вот я с тобою, мой милый, мой милый...
Перстень-Страданье нам свяжет сердца.

Что́ я могу? Своей алой кровью
Нежность мою для тебя украшать..
Верностью женской, вечной любовью
Перстень-Страданье тебе сковать».

30 октября 1905

СЫТЫЕ

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.

И вот — в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных —
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах — желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так — негодует всё, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!

Пусть доживут свой век привычно –
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям — неприлично
Их старой скуке подражать.

10 ноября 1905

* * *

Лазурью бледной месяц плыл
Изогнутым перстом.
У всех, к кому я приходил,
Был алый рот крестом.

Оскал зубов являл печаль,
И за венцом волос
Качалась мерно комнат даль,
Где властвовал хаос.

У женщин взор был тускл и туп,
И страшен был их взор:
Я знал, что судороги губ
Открыли их позор,

Что пили ночь и забытье,
Но день их опалил...
Как страшно мирное жилье
Для тех, кто изменил!

Им смутно помнились шаги,
Падений тайный страх,
И плыли красные круги
В измученных глазах.

Меня сжимал, как змей, диван,
Пытливый гость — я знал,
Что комнат бархатный туман
Мне душу отравлял.

Но, душу нежную губя,
В себя вонзая нож,
Я в муках узнавал тебя,
Блистательная ложь!

О, запах пламенный духов!
О, шелестящий миг!
О, речи магов и волхвов!
Пергамент желтых книг!

Ты, безымянная! Волхва
Неведомая дочь!
Ты нашептала мне слова,
Свивающие ночь.

Январь 1906

* * *

Твое лицо бледней, чем было
В тот день, когда я подал знак,
Когда, замедлив, торопила
Ты легкий, предвечерний шаг.

Вот я стою, всему покорный,
У немерцающей стены.
Что́ сердце? Свиток чудотворный,
Где страсть и горе сочтены!

Поверь, мы оба небо знали:
Звездой кровавой ты текла,
Я измерял твой путь в печали,
Когда ты падать начала.

Мы знали знаньем несказа́нным
Одну и ту же высоту
И вместе пали за туманом,
Чертя уклонную черту.

Но я нашел тебя и встретил
В неосвещенных воротах,
И этот взор — не меньше светел,
Чем был в туманных высотах!

Комета! Я прочел в светилах
Всю повесть раннюю твою,
И лживый блеск созвездий милых
Под черным шелком узнаю!

Ты путь свершаешь предо мною,
Уходишь в тени, как тогда,
И то же небо за тобою,
И шлейф влачишь, как та звезда!

Не медли, в темных те́нях кроясь,
Не бойся вспомнить и взглянуть.
Серебряный твой узкий пояс —
Сужденный магу млечный путь.

Март 1906

НЕЗНАКОМКА

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирён и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» [1] кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

---

[1] «Истине в вине!» *(лат.).— Ред.*

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906. Озерки

* * *

Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остер —
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.

Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Недостижимая заря.

Там, где скучаю так мучительно,
Ко мне приходит иногда
Она — бесстыдно упоительна
И унизительно горда.

За толстыми пивными кружками,
За сном привычной суеты
Сквозит вуаль, покрытый мушками,
Глаза и мелкие черты.

Чего же жду я, очарованный
Моей счастливою звездой,
И оглушенный и взволнованный
Вином, зарею и тобой?

Вздыхая древними поверьями,
Шелками черными шумна,
Под шлемом с траурными перьями
И ты вином оглушена?

Средь этой пошлости таинственной,
Скажи, что́ делать мне с тобой —
Недостижимой и единственной,
Как вечер дымно-голубой?

Апрель 1906 — 28 апреля 1911

* * *

Передвечернею порою
Сходил я в сумерки с горы,
И вот передо мной — за мглою —
Черты печальные сестры.

Она идет неслышным шагом.
За нею шевели́тся мгла,
И по долинам, по оврагам
Вздыхают груди без числа.

«Сестра, откуда в дождь и холод
Идешь с печальною толпой,
Кого бичами выгнал голод
В могилы жизни кочевой?»

Вот подошла, остановилась
И факел подняла во мгле,
И тихим светом озарилось
Всё, что незримо на земле.

И там, в канавах придорожных,
Я, содрогаясь, разглядел
Черты мучений невозможных
И корчи ослабевших тел.

И вновь опущен факел душный,
И, улыбаясь мне, прошла —
Такой же дымной и воздушной,
Как окружающая мгла.

Но я запомнил эти лица
И тишину пустых орбит,
И обреченных вереница
Передо мной всегда стоит.

Сентябрь 1906

ХОЛОДНЫЙ ДЕНЬ

Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду.

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.

И вот пошли туда, где будем
Мы жить под низким потолком,
Где проклинали друг друга люди,
Убитые своим трудом.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла меж спящих на полу;
Но самый сон их был проклятье,
Вон там — в заплеванном углу...

Ты обернулась, заглянула
Доверчиво в мои глаза...
И на щеке моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нет! Счастье — праздная забота,
Ведь молодость давно прошла.
Нам скоротает век работа,
Мне — молоток, тебе — игла.

Сиди, да шей, смотри в окошко,
Людей повсюду гонит труд,
А те, кому трудней немножко,
Те песни длинные поют.

Я близ тебя работать стану,
Авось, ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Тоня отчаянье в вине.

Сентябрь 1906

В ОКТЯБРЕ

Открыл окно. Какая хмурая
Столица в октябре!
Забитая лошадка бурая
Гуляет на дворе.

Снежинка легкою пушинкою
Порхает на ветру,
И елка слабенькой вершинкою
Мотает на юру.

Жилось легко, жилось и молодо —
Прошла моя пора.
Вон — мальчик, посинев от холода,
Дрожит среди двора.

Всё, всё по старому, бывалому,
И будет как всегда:
Лошадке и мальчишке малому
Не сладки холода.

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.

А всё хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более
С тех пор, как запил я!

Давно звезда в стакан мой канула,—
Ужели навсегда?..
И вот душа опять воспрянула:
Со мной моя звезда!

Вот, вот — в глазах плывет манящая,
Качается в окне...
И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!

И даже всё мое имущество
С собою захвачу!
Познал, познал свое могущество!..
Вот вскрикнул... и лечу!

Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...
Всё, всё по старому, бывалому,
Да только — без меня!

Октябрь 1906

* * *

К вечеру вышло тихое солнце,
И ветер понес дымки́ из труб.
Хорошо прислониться к дверному косяку
После ночной попойки моей.

Многое миновалось
И много будет еще,
Но никогда не перестанет радоваться сердце
Тихой радостью
О том, что вы придете,
Сядете на этом старом диване
И скажете простые слова
При тихом вечернем солнце,
После моей ночной попойки.

Я люблю ваше тонкое имя,
Ваши руки и плечи
И черный платок.

Октябрь 1906

* * *

Ночь. Город угомонился.
За большим окном
Тихо и торжественно,
Как будто человек умирает.

Но там стоит просто грустный,
Расстроенный неудачей,
С открытым воротом,
И смотрит на звезды.

«Звезды, звезды,
Расскажите причину грусти!»

И на звезды смотрит.

«Звезды, звезды,
Откуда такая тоска?»

И звезды рассказывают.
Всё рассказывают звезды.

Октябрь 1906

* * *

Я в четырех стенах — убитый
Земной заботой и нуждой.
А в небе — золотом расшитый
Наряд бледнеет голубой.

Как сладко, и светло, и больно,
Мой голубой, далекий брат!
Душа в слезах,— она довольна
И благодарна за наряд.

Она — такой же голубою
Могла бы стать, как в небе — ты,
Не удрученный тяготою
Дух глубины и высоты.

Но и в стенах — моя отрада
Лазурию твоей гореть,
И думать, что близка награда,
Что суждено мне умереть...

И в бледном небе — тихим дымом
Голубоватый дух певца
Смешается с тобой, родимым,
На лоне Строгого Отца.

Октябрь 1906

ОКНА ВО ДВОР

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светает. Белеет одежда
В рассеянном свете утра.

Я слышу — старинные речи
Проснулись глубоко на дне.
Вон теплятся желтые свечи,
Забытые в чьем-то окне.

Голодная кошка прижалась
У жолоба утренних крыш.
Заплакать — одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь.

Ты спишь, а на улице тихо,
И я умираю с тоски,
И злое, голодное Лихо
Упорно стучится в виски...

Эй, малый, взгляни мне в оконце!..
Да нет, не заглянешь — пройдешь...
Совсем я на зимнее солнце,
На глупое солнце похож.

Октябрь 1906

* * *

Хожу, брожу понурый,
Один в своей норе.
Придет шарманщик хмурый,
Заплачет на дворе...

О той свободной доле,
Что мне не суждена,
О том, что ветер в поле,
А на дворе — весна.

А мне — какое дело?
Брожу один, забыт.
И свечка догорела,
И маятник стучит.

Одна, одна надежда
Вон там, в ее окне.
Светла ее одежда,
Она придет ко мне.

А я, нахмурив брови,
Ей в сотый передам,
Как много портил крови
Знакомым и друзьям.

Опять нам будет сладко,
И тихо, и тепло...
В углу горит лампадка,
На сердце отлегло...

Зачем она приходит
Со мною говорить?
Зачем в иглу проводит
Веселенькую нить?

Зачем она роняет
Веселые слова?
Зачем лицо склоняет
И прячет в кружева?

Как холодно и тесно,
Когда ее здесь нет!
Как долго неизвестно,
Блеснет ли в окнах свет...

Лицо мое белее,
Чем белая стена...
Опять, опять сробею,
Когда придет она...

Ведь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказаться?
Но можно ли сказать?

И что́ ей молвить — нежной?
Что сердце расцвело?
Что ветер веет снежный?
Что в комнате светло?

7 декабря 1906

ПОЖАР

Понеслись, блеснули в очи
Огневые языки,
Золотые брызги ночи,
Городские мотыльки.

Зданье дымом затянуло,
То́лпы темные текут...
Но вдали несутся гулы,
Светы новые бегут...

Крики брошены горстями
Золотых монет.
Над вспененными конями
Факел стелет красный свет.

И, крутя живые спицы,
Мчатся вихрем колесницы,
Впереди — скакун с трубой
Над испуганной толпой.

Скок по камню тяжко звонок,
Голос хриплой меди тонок,
Расплеснулась, широка,
Гулкой улицы река.

На блистательные шлемы
Каплет снежная роса...
Дети ночи черной — где мы?..
Чьи взывают голоса?..

Нет, опять погаснут зданья,
Нет, опять он обманул,—
Отдаленного восстанья
Надвигающийся гул...

Декабрь 1906

* * *

На серые камни ложилась дремота,
Но прялкой вилась городская забота.
Где храмы подъяты и выступы круты,—

Я видел вас, женщины в темных одеждах,
С молитвой в глазах и с изменой в надеждах –
О, женщины помнят такие минуты!

Сходились, считая ступень за ступенью,
И вновь расходились, томимые тенью,
Сияя очами, сливаясь с тенями...

О, город! О, ветер! О, снежные бури!
О, бездна разорванной в клочья лазури!
Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!

Декабрь 1906

* * *

Ты смотришь в очи ясным зорям,
А город ставит огоньки,
И в переулках пахнет морем,
Поют фабричные гудки.

И в суете непобедимой
Душа туманам предана...
Вот красный плащ, летящий мимо,
Вот женский голос, как струна.

И помыслы твои несмелы,
Как складки современных риз...
И женщины ресницы-стрелы
Так часто опускают вниз.

Кого ты в скользкой мгле заметил?
Чьи окна светят сквозь туман?
Здесь ресторан, как храмы, светел,
И храм открыт, как ресторан...

На безысходные обманы
Душа напрасно понеслась:
И взоры дев, и рестораны
Погаснут все — в урочный час.

Декабрь 1906

НА ЧЕРДАКЕ

Что́ на свете выше
Светлых чердаков?
Вижу трубы, крыши
Дальних кабаков.

Путь туда заказан,
И на что — теперь?
Вот — я с ней лишь связан...
Вот — закрыта дверь...

А она не слышит —
Слышит — не глядит,
Тихая — не дышит,
Белая — молчит...

Уж не просит кушать...
Ветер свищет в щель.
Как мне любо слушать
Вьюжную свирель!

Ветер, снежный север,
Давний друг ты мне!
Подари ты веер
Молодой жене!

Подари ей платье
Белое, как ты!
Нанеси в кровать ей
Снежные цветы!

Ты дарил мне горе,
Тучи, да снега...
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!

Чтоб была нарядна
И, как снег, бела!
Чтоб глядел я жадно
Из того угла!..

Слаще пой ты, вьюга,
В снежную трубу,
Чтоб спала подруга
В ледяном гробу!

Чтоб она не встала,
Не скрипи, доска...
Чтоб не испугала
Милого дружка!

Декабрь 1906

КЛЕОПАТРА

Открыт паноптикум печальный
Один, другой и третий год.
Толпою пьяной и нахальной
Спешим... В гробу царица ждет.

Она лежит в гробу стеклянном,
И не мертва и не жива,
А люди шепчут неустанно
О ней бесстыдные слова.

Она раскинулась лениво —
Навек забыть, навек уснуть...
Змея легко, неторопливо
Ей жалит восковую грудь...

Я сам, позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,
Пришел взглянуть на профиль важный,
На воск, открытый напоказ...

Тебя рассматривает каждый,
Но, если б гроб твой не был пуст,
Я услыхал бы не однажды
Надменный вздох истлевших уст:

«Кадите мне. Цветы рассыпьте.
Я в незапамятных веках
Была царицею в Египте.
Теперь — я воск. Я тлен. Я прах».—

«Царица! Я пленен тобою!
Я был в Египте лишь рабом,
А ныне суждено судьбою
Мне быть поэтом и царем!

Ты видишь ли теперь из гроба,
Что Русь, как Рим, пьяна тобой?
Что я и Цезарь — будем оба
В веках равны перед судьбой?»

Замолк. Смотрю. Она не слышит.
Но грудь колышется едва
И за прозрачной тканью дышит...
И слышу тихие слова:

«Тогда я исторгала грозы.
Теперь исторгну жгучей всех
У пьяного поэта — слезы,
У пьяной проститутки — смех».

16 декабря 1907

НЕ ПРИШЕЛ НА СВИДАНЬЕ

Поздним вечером ждала
У кисейного окна
Вплоть до раннего утра.

Нету милого — ушла.
Нету милого — одна.
Даль мутна, светла, сыра.

Занавесила окно,
Засветила огонек,
Наклонилась над столом...

Загляни еще в окно!
Загляни еще разок!
Загляни одним глазком!

Льется, льется холодок.
Догорает огонек.

«Как он в губы целовал...
Как невестой называл...»

Рано, холодно, светло.
Ветер ломится в стекло.

Посмотри одним глазком,
Что там с миленьким дружком?..

Белый саван — снежный плат.
А под платом — голова...
Тяжело проспать в гробу.

Ноги вытянулись в ряд...
Протянулись рукава...
Ветер ломится в трубу...

Выйди, выйди из ворот...
Лейся, лейся, ранний свет,
Белый саван, распухай...

Приподымешь белый край —
И сомнений больше нет:
Провалился мертвый рот.

Февраль 1908. Ревель

Посвящается Н. Н. В.

СНЕГА

СНЕЖНОЕ ВИНО

И вновь, сверкнув из чаши винной,
Ты поселила в сердце страх
Своей улыбкою невинной
В тяжелозмейных волосах.

Я опрокинут в темных струях
И вновь вдыхаю, не любя,
Забытый сон о поцелуях,
О снежных вьюгах вкруг тебя.

И ты смеешься дивным смехом,
Змеишься в чаше золотой,
И над твоим собольим мехом
Гуляет ветер голубой.

И как, глядясь в живые струи,
Не увидать себя в венце?
Твои не вспомнить поцелуи
На запрокинутом лице?

29 декабря 1906

СНЕЖНАЯ ВЯЗЬ

Снежная мгла взвила́сь.
Легли сугробы кругом.

Да. Я с тобой незнаком.
Ты — стихов моих пленная вязь.

И, тайно сплетая вязь,
Нити снежные тку и плету.

Ты не первая мне предалась
На темном мосту.

Здесь — электрический свет.
Там — пустота морей,
И скована льдами злая вода.

Я не открою тебе дверей.
Нет.
Никогда.

И снежные брызги влача за собой,
Мы летим в миллионы бездн...
Ты смотришь всё той же пленной душой
В купол всё тот же — звездный...

И смотришь в печали,
И снег синей...

Темные дали,
И блистательный бег саней...

И когда со мной встречаются
Неизбежные глаза,—

Глуби снежные вскрываются,
Приближаются уста...

Вышина. Глубина. Снеговая тишь.
И ты молчишь.
И в душе твоей безнадежной
Та же легкая, пленная грусть.

О, стихи зимы сребристо-снежной!
Я читаю вас наизусть.

3 января 1907

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

В снежной пене — предзакатная —
Ты встаешь за мной вдали,
Там, где в дали невозвратные
Повернули корабли.

Не видать ни мачт, ни паруса,
Что манил от снежных мест,
И на дальнем храме безрадостно
Догорел последний крест.

И на этот путь оснéженный
Если встанешь — не сойдешь.
И душою безнадежной
Безотзывное поймешь.

Ты услышишь с белой пристани
Отдаленные рога.
Ты поймешь растущий издали
Зов закованной в снега.

3 января 1907

НА СТРАЖЕ

Я — непокорный и свободный.
Я правлю вольною судьбой.
А Он — простерт над бездной водной
С подъятой к небесам трубой.

Он видит все мои измены,
Он исчисляет все дела.
И за грядой туманной пены
Его труба всегда светла.

И, опустивший меч на струи,
Он не смежит упорный взор.
Он стережет все поцелуи,
Паденья, клятвы и позор.

И Он потребует ответа,
Подъемля засветлевший меч.
И канет темная комета
В пучины новых темных встреч.

3 января 1907

ВТОРОЕ КРЕЩЕНЬЕ

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещеньем я.

И, в новый мир вступая, знаю,
Что люди есть, и есть дела,
Что путь открыт наверно к раю
Всем, кто идет путями зла.

Я так устал от ласк подруги
На застывающей земле.
И драгоценный камень вьюги
Сверкает льдиной на челе.

И гордость нового крещенья
Мне сердце обратила в лед.
Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придет?

Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет — Смерть.

3 января 1907

НАСТИГНУТЫЙ МЕТЕЛЬЮ

Вьюга пела.
И кололи снежные иглы.
И душа леденела.
Ты меня настигла.

Ты запрокинула голову в высь.
Ты сказала: «Глядись, глядись,
Пока не забудешь
Того, что любишь».

И указала на дальние города линии,
На поля снеговые и синие,
На бесцельный холод.

И снежных вихрей подъятый молот
Бросил нас в бездну, где искры неслись,
Где снежинки пугливо вились...

Какие-то искры,
Каких-то снежинок неверный полет...
Как быстро — так быстро
Ты надо мной
Опрокинула свод
Голубой...

Метель взвила́сь,
Звезда сорвалась,
За ней другая...

И звезда за звездой
Понеслась,
Открывая
Вихрям звездным
Новые бездны.

В небе вспыхнули темные очи
Так ясно!
И я позабыл приметы
Страны прекрасной —
В блеске твоем, комета!
В блеске твоем, среброснежная ночь!

И неслись опустошающие
Непомерные года,
Словно сердце застывающее
Закатилось навсегда.

Но бредет за дальним полюсом
Солнце сердца моего,
Льдяным скованное поясом
Безначалья твоего.

Так взойди ж в морозном инее,
Непомерный свет — заря!
Подними над далью синей
Жезл померкшего царя!

3 января 1907

НА ЗОВ МЕТЕЛЕЙ

Белоснежней не было зим
И перистей тучек.
Ты дала мне в руки
Серебряный ключик,
И владел я сердцем твоим.
Тихо всходил над городом дым,
Умирали звуки.

Белые встали сугробы,
И мраки открылись.
Выплыл серебряный серп.
И мы уносились,
Обреченные оба
На ущерб.

Ветер взвихрил снега.
Закатился серп луны.
И пронзительным взором
Ты измерила даль страны,
Откуда звучали рога
Снежным, метельным хором.

И мгла заломила руки,
Заломила руки в высь.
Ты опустила очи,
И мы понеслись.

И навстречу вставали новые звуки:
Летели снега,
Звенели рога
Налетающей ночи.

3 января 1907

ЕЕ ПЕСНИ

Не в земной темнице душной
Я гублю.
Душу вверь ладье воздушной —
Кораблю.
Ты пойми душой послушной,
Что люблю.

Взор твой ясный к выси звездной
Обрати.
И в руке твой меч железный
Опусти.
Сердце с дрожью бесполезной
Укроти.
Вихри снежные над бездной
Закрути.

Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселий
Оглушу.
На воздушной карусели
Закружу.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

4 января 1907

КРЫЛЬЯ

Крылья легкие раскину,
Стены воздуха раздвину,
Страны дольние покину.

Вейтесь, искристые нити,
Льдинки звездные, плывите,
Вьюги дольние, вздохните!

В сердце — легкие тревоги,
В небе — звездные дороги,
Среброснежные чертоги.

Сны метели светлозмейной,
Песни вьюги легковейной,
Очи девы чародейной.

И какие-то печали
Издали,
И туманные скрижали
От земли.
И покинутые в дали
Корабли.
И какие-то за мысом
Паруса.
И какие-то над морем
Голоса.

И расплеснут меж мирами,
Над забытыми пирами —
Кубок долгой страстной ночи,
Кубок темного вина.

4 января 1907

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

И опять твой сладкий сумрак, влюбленность.
И опять: «Навеки. Опусти глаза твои».
И дней туманность, и ночная бессонность,
И вдали, в волнах, вдали — пролетевшие ладьи.

И чему-то над равнинами снежными
Улыбнувшаяся задумчиво заря.
И ты, осенившая крылами белоснежными
На вечный покой отходящего царя.

Ангел, гневно брови изламывающий,
Два луча — два меча скрестил в вышине.
Но в гневах стали звенящей и падающей
Твоя улыбка струится во мне.

4 января 1907

НЕ НАДО

Не надо кораблей из дали,
Над мысом почивает мрак.
На снежно-синем покрывале
Читаю твой условный знак.

Твой голос слышен сквозь метели,
И звезды сыплют снежный прах.
Ладьи ночные пролетели,
Ныряя в ледяных струях.

И нет моей завидней доли —
В снегах забвенья догореть,
И на прибрежном снежном поле
Под звонкой вьюгой умереть.

Не разгадать живого мрака,
Которым стан твой окружен.
И не понять земного знака,
Чтоб не нарушить снежный сон.

4 января 1907

ТРЕВОГА

Сердце, слышишь
Легкий шаг
За собой?

Сердце, видишь:
Кто-то подал знак,
Тайный знак рукой?

Ты ли? Ты ли?
Вьюги плыли,
Лунный серп застыл...

Ты ль нисходишь?
Ты ль уводишь,—
Ты, кого я полюбил?

Над бескрайными снегами
Возлетим!
За туманными морями
Догорим!

Птица вьюги
Темнокрылой,
Дай мне два крыла!

Чтоб с тобою, сердцу милой,
В серебристом лунном круге
Вся душа изнемогла!

Чтоб огонь зимы палящей
Сжег грозящий
Дальний крест!

Чтоб лететь стрелой звенящей
В пропасть черных звезд!

1 января 1907

ПРОЧЬ!

И опять открыли солнца
Эту дверь.
И опять влекут от сердца
Эту тень.

И опять, остерегая,
Знак дают,
Чтобы медленный растаял
В келье лед.

«Кто ты? Кто ты?
Скован дрёмой,
Пробудись!

От дремоты
Незнакомой
Исцелись!

Мы — целители истомы,
Нашей медленной заботе
Покорись!

В златоверхие хоромы,
К созидающей работе
Воротись!»

— Кто вы? Кто вы?
Рая дщери!
Прочь! Летите прочь!

Кто взломал мои засовы?
Ты кому открыла двери,
Задремав, служанка-ночь?

Стерегут мне келью совы,—
Вам забвенью и потере
Не помочь!

На груди — снегов оковы,
В ледяной моей пещере —
Вихрей северная дочь!

Из очей ее крылатых
Светит мгла.
Трехвенечная тиара
Вкруг чела.
Золотистый уголь в сердце
Мне вожгла!

Трижды северное солнце
Обошло подвластный мир!
Трижды северные фьорды
Знали тихий лёт ночей!
Трижды красные герольды
На кровавый звали пир!
Мне — мое открыло сердце
Снежный мрак ее очей!

Прочь лети, святая стая,
К старой двери
Умирающего рая!
Стерегите, злые звери,
Чтобы ангелам самим
Не поднять меня крылами,
Не вскружить меня хвалами,
Не пронзить меня Дарами
И Причастием своим!

У меня в померкшей келье —
Два меча.

У меня над ложем — знаки
Черных дней.

И струит мое веселье
Два луча.

То горят и дремлют маки
Злых очей.

8 января 1907

И ОПЯТЬ СНЕГА

И опять, опять снега
Замели следы...

Над пустыней снежных мест
Дремлют две звезды.

И поют, поют рога.
Над парами злой воды
Вьюга строит белый крест,
Рассыпает снежный крест,
Одинокий смерч.

И вдали, вдали, вдали,
Между небом и землей
Веселится смерть.

И за тучей снеговой
Задремали корабли —
Опрокинутые в твердь
Станы снежных матч.

И в полях гуляет смерть —
Снеговой трубач...

И вздымает вьюга смерч,
Строит белый, снежный крест,
Заметает твердь...

Разрушает снежный крест
И бежит от снежных мест...
И опять глядится смерть
С беззакатных звезд...

8 января 1907

ГОЛОСА

(Двое проносятся в сфере метелей)

Он

Нет исхода вьюгам певучим!
Нет заката очам твоим звездным!
Рукою, подъятой к тучам,
Ты влечешь меня к безднам!

Она

О, настигай! О, догони!
Померкли дни.
Столетья мйнут.
Земля остынет.
Луна опрокинет
Свой лик к земле!

Он

Кто жребий мой вынет,
Тот опрокинут
В бездонной мгле!

Она

Оставь тревоги,
Метель в дороге
Тебя застигла.
Ласкают вьюги,
Ты — в лунном круге,
Тебя пронзили снежные иглы!

Он

Сердце — громада
Горной лавины —
Катится в бездны...
Ты гибели рада,
Дева пучины
Звездной!

Она

Я укачала
Царей и героев...
Слушай снега!
Из снежного зала,
Из надзвездных покоев
Поют боевые рога!

Он

Меч мой железный
Утонул в серебряной вьюге...
Где меч мой? Где меч мой!

Она

Внимай! Внимай! Я — ветер встречный!
Мы — в лунном круге!
Мы — в бездне звездной!

Он

Прости, отчизна!
Здравствуй, холод!
Отвори мне застывшие руки!

Она

Слушай, слушай трубные звуки!
Кто молод,—
Расстанься с дольнею жизнью!

Он

Прости! Прости!
Остыло сердце!
Где ты, солнце?

(Вьюга вздымает белый крест)

8 января 1907

И я затянут
Лентой млечной!
Тобой обманут,
О, Вечность!

Подо мной растянут
В дали бесконечной
Твой узор, Бескопечность,
Темница мира!

Узкая лира,
Звезда богини,
Снежно стонет
Мне.

И корабль закатный
Тонет
В нежно-синей
Глубине.

9 января 1907

МАСКИ

ПОД МАСКАМИ

А под маской было звездно.
Улыбалась чья-то повесть,
Короталась тихо ночь.

И задумчивая совесть,
Тихо плавая над бездной,
Уводила время прочь.

И в руках, когда-то строгих,
Был бокал стеклянных влаг.
Ночь сходила на чертоги,
Замедляя шаг.

И позвякивали миги,
И звенела влага в сердце,
И дразнил зеленый зайчик
В догоревшем хрустале.

А в шкапу дремали книги.
Там — к резной старинной дверце
Прилепился голый мальчик
На одном крыле.

9 января 1907

БЛЕДНЫЕ СКАЗАНЬЯ

— Посмотри, подруга, эльф твой
Улетел!
— Посмотри, как быстролетны
Времена!

Так смеется маска маске,
Злая маска, к маске скромной
Обратясь:
— Посмотри, как темный рыцарь
Скажет сказки третьей маске...

Темный рыцарь вкруг девицы
Заплетает вязь.

Тихо шепчет маска маске,
Злая маска — маске скромной...
Третья — смущена...

И еще темней — на темной
Завесе окна
Темный рыцарь — только мнится...

И стрельчатые ресницы
Опускает маска вниз.
Снится маске, снится рыцарь...
— Темный рыцарь, улыбнись...

Он рассказывает сказки,
Опершись на меч.

И она внимает в маске.
И за ними — тихий танец
Отдаленных встреч...

Как горит ее румянец!
Странен профиль темных плеч!
А за ними — тихий танец
Отдаленных встреч.

И на завесе оконной
Золотится
Луч, протянутый от сердца —
Тонкий цепкий шнур.

И потерянный, влюбленный
Не умеет прицепиться
Улетевший с книжной дверцы
Амур.

9 января 1907

СКВОЗЬ ВИННЫЙ ХРУСТАЛЬ

В длинной сказке
Тайно кроясь,
Бьет условный час.

В темной маске
Прорезь
Ярких глаз.

Нет печальней покрывала,
Тоньше стана нет...

— Вы любезней, чем я знала,
Господин поэт!

— Вы не знаете по-русски,
Госпожа моя...

На плече за тканью тусклой,
На конце ботинки узкой
Дремлет тихая змея.

9 января 1907

В УГЛУ ДИВАНА

Но в камине дозвенели
Угольки.

За окошком догорели
Огоньки.

И на вьюжном море тонут
Корабли.

И над южным морем стонут
Журавли.

Верь мне, в этом мире солнца
Больше нет.

Верь лишь мне, ночное сердце,
Я — поэт!

Я какие хочешь сказки
Расскажу,

И какие хочешь маски
Приведу.

И пройдут любые тени
При огне,

Странных очерки видений
На стене.

И любой колени склонит
Пред тобой...

И любой цветок уронит
Голубой...

9 января 1907

ТЕНИ НА СТЕНЕ

Вот прошел король с зубчатым
Пляшущим венцом.

Шут прошел в плаще крылатом
С круглым бубенцом.

Дамы с шлейфами, пажами,
В розовых тенях.

Рыцарь с темными цепями
На стальных руках.

Ах, к походке вашей, рыцарь,
Шел бы длинный меч!

Под забралом вашим, рыцарь,
Нежный взор желанных встреч!

Ах, петуший гребень, рыцарь,
Ваш украсил шлем!

Ах, скажите, милый рыцарь,
Вы пришли зачем?

К нашим сказкам, милый рыцарь,
Приклоните слух...

Эти розы, милый рыцарь,
Подарил мне друг.

Эти розаны — мне, рыцарь,
Милый друг принес...

Ах, вы сами в сказке, рыцарь!
Вам не надо роз...

9 января 1907

НАСМЕШНИЦА

Подвела мне брови красным,
Поглядела и сказала:
«Я не знала:
Тоже можешь быть прекрасным,
Темный рыцарь, ты!»

И, смеясь, ушла с другими.
А под сводами ночными
Плыли тени пустоты,
Догорали хрустали.

Тени плыли, колдовали,
Струйки винные дремали,
И вдали
Заливалось утро криком
Петуха...
И летели тройки с гиком...

И она пришла опять
И сказала: «Рыцарь, что́ ты?
Это — сны твоей дремоты...
Что́ ты хочешь услыхать?
Ночь глуха.
Ночь не может понимать
Петуха».

10 января 1907

ОНИ ЧИТАЮТ СТИХИ

Смотри: я спутал все страницы,
Пока глаза твои цвели.
Большие крылья снежной птицы
Мой ум метелью замели.

Как странны были речи маски!
Понятны ли тебе? — Бог весть!
Ты твердо знаешь: в книгах — сказки,
А в жизни — только проза есть.

Но для меня неразделимы
С тобою — ночь, и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм веселых огоньки.

Не будь и ты со мною строгой
И маской не дразни меня,
И в темной памяти не трогай
Иного — страшного — огня.

10 января 1907

НЕИЗБЕЖНОЕ

Тихо вывела из комнат,
Затворила дверь.

Тихо. Сладко. Он не вспомнит,
Не запомнит, что́ теперь.

Вьюга память похоронит,
Навсегда затворит дверь.

Сладко в очи поглядела
Взором как стрела.

Слушай, ветер звезды гонит,
Слушай, пасмурные кони
Топчут звездные пределы
И кусают удила...

И под маской — так спокойно
Расцвели глаза.

Неизбежно и спокойно
Взор упал в ее глаза.

13 января 1907

ЗДЕСЬ И ТАМ

Ветер звал и гнал погоню,
Черных масок не догнал...
Были верны наши кони,
Кто-то белый помогал...

Заметал снегами сани,
Ко́ней иглами дразнил,
Строил башни из тумана,
И кружил, и пел в тумане,
И из снежного бурана
Оком темным сторожил.

И метался ветер быстрый
По бурьянам,
И снопами мчались искры
По туманам,—
Ветер масок не догнал,
И с высот сереброзвездных
Тучу белую сорвал...

И в открытых синих безднах
Обозначились две тени,
Улетающие в дали
Незнакомой стороны...

Странных очерки видений
В черных масках танцовали —
Были влюблены.

13 января 1907

СМЯТЕНИЕ

Мы ли — пляшущие тени?
Или мы бросаем тень?
Снов, обманов и видений
Догоревший полон день.

Не пойму я, что нас манит,
Не поймешь ты, что со мной,
Чей под маской взор туманит
Сумрак вьюги снеговой?

И твои мне светят очи
Наяву или во сне?
Даже в полдне, даже в дне
Разметались космы ночи...

И твоя ли неизбежность
Совлекла меня с пути?
И моя ли страсть и нежность
Хочет вьюгой изойти?

Маска, дай мне чутко слушать
Сердце темное твое,
Возврати мне, маска, душу,
Горе светлое мое!

13 января 1907

ОБРЕЧЕННЫЙ

Тайно сердце просит гибели.
Сердце легкое, скользи...
Вот меня из жизни вывели
Снежным серебром стези...

Как над тою дальней прорубью
Тихий пар струит вода,
Так своею тихой поступью
Ты свела меня сюда.

Завела, сковала взорами
И рукою обняла,
И холодными призорами
Белой смерти предала...

И в какой иной обители
Мне влачиться суждено,
Если сердце хочет гибели,
Тайно просится на дно?

12 января 1907

НЕТ ИСХОДА

Нет исхода из вьюг,
И погибнуть мне весело.
Завела в очарованный круг,
Серебром своих вьюг занавесила...

Тихо смотрит в меня,
Темноокая.

И, колеблемый вьюгами Рока,
Я взвиваюсь, звеня,
Пропадаю в метелях...

И на снежных постелях
Спят цари и герои
Минувшего дня
В среброснежном покое —
О, Твои, Незнакомая, снежные жертвы!

И приветно глядят на меня:
«Восстань из мертвых!»

13 января 1907

СЕРДЦЕ ПРЕДАНО МЕТЕЛИ

Сверкни, последняя игла,
В снегах!

Встань, огнедышащая мгла!
Взмети твой снежный прах!

Убей меня, как я убил
Когда-то близких мне!

Я всех забыл, кого любил,
Я сердце вьюгой закрутил,
Я бросил сердце с белых гор,
Оно лежит на дне!

Я сам иду на твой костер!
Сжигай меня!

Пронзай меня,
Крылатый взор,
Иглою снежного огня!

13 января 1907

НА СНЕЖНОМ КОСТРЕ

И взвился костер высокий
Над распятым на кресте.
Равнодушны, снежнооки,
Ходят ночи в высоте.

Молодые ходят ночи,
Сестры — пряхи снежных зим,
И глядят, открывши очи,
Завивают белый дым.

И крылатыми очами
Нежно смотрит высота.
Вейся, легкий, вейся, пламень,
Увивайся вкруг креста!

В снежной маске, рыцарь милый,
В снежной маске ты гори!
Я ль не пела, не любила,
Поцелуев не дарила
От зари и до зари?

Будь и ты моей любовью,
Милый рыцарь, я стройна,
Милый рыцарь, снежной кровью
Я была тебе верна.

Я была верна три ночи,
Завивалась и звала,
Я дала глядеть мне в очи,
Крылья легкие дала...

Так гори, и яр и светел,
Я же — легкою рукой
Размету твой легкий пепел
По равнине снеговой.

13 января 1907

* * *

Вот явилась. Заслонила
Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.

И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забытьи.

Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь черным шелками,
Распахнула соболя...

И о той ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,
И звенят, и гаснут в поле
Бубенцы, да огоньки?

Золотой твой пояс стянут,
Нагло скромен дикий взор!
Пусть мгновенья все обманут,
Канут в пламенный костер!

Так пускай же ветер будет
Петь обманы, петь шелка!
Пусть навек не знают люди,
Как узка твоя рука!

Как за темною вуалью
Мне на миг открылась даль...
Как над белой, снежной далью
Пала темная вуаль...

Декабрь 1906

* * *

Я был смущенный и веселый.
Меня дразнил твой темный шелк.
Когда твой занавес тяжелый
Раздвинулся — театр умолк.

Живым огнем разъединило
Нас рампы светлое кольцо,
И музыка преобразила
И обожгла твое лицо.

И вот — опять сияют свечи,
Душа одна, душа слепа...
Твои блистательные плечи,
Тобою пьяная толпа...

Звезда, ушедшая от мира,
Ты над равниной — вдалеке...
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке...

Декабрь 1906

* * *

Н. Н. В.

Я в дольний мир вошла, как в ложу.
Театр взволнованный погас.
И я одна лишь мрак тревожу
Живым огнем крылатых глаз.

Они поют из темной ложи:
«Найди. Люби. Возьми. Умчи».
И все, кто властен и ничтожен,
Опустят предо мной мечи.

И все придут, как волны в море,
Как за грозой идет гроза.
Пылайте, траурные зори,
Мои крылатые глаза!

Взор мой — факел, к высям кинут,
Словно в небо опрокинут
Кубок темного вина!
Тонкий стан мой шелком схвачен.
Темный жребий вам назначен,
Люди! Я стройна!

Я — звезда мечтаний нежных,
И в венце метелей снежных
Я плыву, скользя...
В серебре метелей кроясь,
Ты горишь, мой узкий пояс —
Млечная стезя!

1 января 1907

* * *

Ушла. Но гиацинты ждали,
И день не разбудил окна,
И в легких складках женской шали
Цвела ночная тишина.

В косых лучах вечерней пыли,
Я знаю, ты придешь опять
Благоуханьем нильских лилий
Меня пленять и опьянять.

Мне слабость этих рук знакома,
И эта шепчущая речь,
И стройной талии истома,
И матовость покатых плеч.

Но в имени твоем — безмерность,
И рыжий сумрак глаз твоих
Таит змеиную неверность
И ночь преданий грозовых.

И, миру дольнему подвластна,
Меж всех — не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
Какою верой крещена.

Войди, своей не зная воли,
И, добрая, в глаза взгляни,
И темным взором острой боли
Живое сердце полосни.

Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши.

31 марта 1907

* * *

За холмом отзвенели упругие латы,
И копье потерялось во мгле.
Не сняет и шлем — золотой и пернатый —
Всё, что было со мной на земле.

Встанет утро, застанет раскинувшим руки,
Где я в небо ночное смотрел.
Солнцебоги, смеясь, напрягут свои луки,
Обольют меня тучами стрел.

Если близкое утро пророчит мне гибель,
Неужели твой голос молчит?
Чую, там, под холмами, на горном изгибе
Лик твой молнийный гневом горит!

Воротясь, ты направишь копье полуночи
Солнцебогу веселому в грудь.
Я увижу в змеиных кудрях твои очи,
Я услышу твой голос: «Забудь».

Надо мною ты в синем своем покрывале,
С исцеляющим жалом — змея...
Мы узнаем с тобою, что прежде знавали,
Под неверным мерцаньем копья!

2 апреля 1907

* * *

Моей матери

Я насадил мой светлый рай
И оградил высоким тыном,
И в синий воздух, в дивный край
Приходит мать за милым сыном.

«Сын, милый, где ты?» — Тишина.
Над частым тыном солнце зреет,
И медленно и верно греет
Долину райского вина.

И бережно обходит мать
Мои сады, мои заветы,
И снова кличет: «Сын мой! Где ты?»,
Цветов стараясь не измять...

Всё тихо. Знает ли она,
Что сердце зреет за оградой?
Что прежней радости не надо
Вкусившим райского вина?

Апрель 1907

* * *

В этот серый летний вечер,
Возле бедного жилья,
По тебе томится ветер,
Черноокая моя!

Ты в каких степях гуляла,
Дожидалась до звезды,
Не дождавшись, обнимала
Прутья ивы у воды?

Разлюбил тебя и бросил,
Знаю — взял, чего хотел,
Бросил, вскинул пару весел,
Уплывая, не запел...

Долго ль песни заунывной
Ты над берегом ждала,
И какой реке разливной
Душу-бурю предала?

25 июня 1907

ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

1

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалеет гроздь,—
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь,—

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте,—

Тогда — просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.

В глазах — такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И челн твой — будет ли причален
К моей распятой высоте?

2

И вот уже ветром разбиты, убиты
Кусты облетелой ракиты.

И прахом дорожным
Угрюмая старость легла на ланитах.
Но в темных орбитах
Взглянули, сверкнули глаза невозможным...

И радость, и слава —
Всё в этом сияньи бездонном,
И дальном.

Но смятые травы
Печальны,
И листья крутя́тся в лесу обнаженном...

И снится, и снится, и снится:
Бывалое солнце!
Тебя мне всё жальче и жальче...

О, глупое сердце,
Смеющийся мальчик,
Когда перестанешь ты биться?

3

Под ветром холодные плечи
Твои обнимать так отрадно:
Ты думаешь — нежная ласка,
Я знаю — восторг мятежа!

И теплятся очи, как свечи
Ночные, и слушаю жадно —
Шевелится страшная сказка,
И звездная дышит межа...

О, в этот сияющий вечер
Ты будешь всё так же прекрасна,
И, верная темному раю,
Ты будешь мне светлой звездой!

Я знаю, что холоден ветер,
Я верю, что осень бесстрастна!
Но в темном плаще не узнают,
Что ты пировала со мной!..

И мчимся в осенние дали,
И слушаем дальние трубы,
И мерим ночные дороги,
Холодные выси мои...

Часы торжества миновали —
Мои опьяненные губы
Целуют в предсмертной тревоге
Холодные губы твои.

3 октября 1907.

* * *

В те ночи светлые, пустые,
Когда в Неву глядят мосты,
Они встречались как чужие,
Забыв, что есть простое *ты*.

И каждый был красив и молод,
Но, окрыляясь пустотой,
Она таила странный холод
Под одичалой красотой.

И, сердцем вечно строгим меря,
Он не умел, не мог любить.
Она любила только зверя
В нем раздразнить — и укротить.

И чуждый — чуждой жал он руки,
И север сам, спеша помочь
Красивой нежности и скуке,
В день превращал живую ночь.

Так в светлоте ночной пустыни,
В объятья ночи не спеша,
Гляделась в купол бледно-синий
Их обреченная душа.

10 октября 1907

СНЕЖНАЯ ДЕВА

Она пришла из дикой дали —
Ночная дочь иных времен.
Ее родные не встречали,
Не просиял ей небосклон.

Но сфинкса с выщербленным ликом
Над исполинскою Невой
Она встречала легким вскриком
Под бурей ночи снеговой.

Бывало, вьюга ей осыпет
Звездами плечи, грудь и стан,—
Всё снится ей родной Египет
Сквозь тусклый северный туман.

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство, приняла.

Ей стали нравиться громады,
Уснувшие в ночной глуши,
И в окнах тихие лампады
Слились с мечтой ее души.

Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома —
Весь город мой непостижимый —
Непостижимая сама.

Она дарит мне перстень вьюги
За то, что плащ мой полон звезд,
За то, что я в стальной кольчуге,
И на кольчуге — строгий крест.

Она глядит мне прямо в очи,
Хваля неробкого врага.
С полей ее холодной ночи
В мой дух врываются снега.

Но сердце Снежной Девы немо
И никогда не примет меч,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою страстною рассечь.

И я, как вождь враждебной рати,
Всегда закованный в броню,
Мечту торжественных объятий
В священном трепете храню.

17 октября 1907

* * *

И я провел безумный год
У шлейфа черного. За муки,
За дни терзаний и невзгод
Моих волос касались руки,
Смотрели темные глаза,
Дышала синяя гроза.

И я смотрю. И синим кругом
Мои глаза обведены.
Она зовет печальным другом.
Она рассказывает сны.
И в темный вечер, в долгий вечер
За окнами кружится ветер.

Потом она кончает прясть
И тихо складывает пряжу.
И перешла за третью стражу
Моя нерадостная страсть.
Смотрю. Целую черный волос,
И в сердце льется темный голос.

Так провожу я ночи, дни
У шлейфа девы, в тихой зале.
В камине умерли огни,
В окне быстрее заплясали
Снежинки быстрые — и вот
Она встает. Она уйдет.

Она завязывает туго
Свой черный шелковый платок,
В последний раз ласкает друга,
Бросая ласковый намек,
Идет... Ее движенья быстры,
В очах, тускнея, гаснут искры.

И я прислушиваюсь к стуку
Стеклянной двери вдалеке,
И к замирающему звуку
Углей в потухшем камельке...
Потом — опять бросаюсь к двери,
Бегу за ней... В морозном сквере

Вздыхает по дорожкам ночь.
Она тихонько огибает
За клумбой клумбу; отступает;
То подойдет, то прянет прочь...
И дальний шум почти не слышен,
И город спит, морозно пышен...

Лишь в воздухе морозном — гулко
Звенят шаги. Я узнаю
В неверном свете переулка
Мою прекрасную змею:
Она ползет из света в светы,
И вьется шлейф, как хвост кометы...

И, настигая, с новым жаром
Шепчу ей нежные слова,
Опять кружится голова...
Далеким озарен пожаром,
Я перед ней, как дикий зверь...
Стучит зевающая дверь,—

И, словно в бездну, в лоно ночи
Вступаем мы... Подъем наш крут...
И бред. И мрак. Сияют очи.
На плечи волосы текут
Волной свинца — черпее мрака...
О, ночь мучительного брака!..

Мятеж мгновений. Яркий сон.
Напрасных бешенство объятий,—
И звонкий утренний трезвон:
Толпятся ангельские рати
За плотной завесой окна,
Но с нами ночь — буйна, хмельна...

Да! с нами ночь! И новой властью
Дневная ночь объемлет нас,
Чтобы мучительною страстью
День обессиленный погас,—
И долгие часы над нами
Она звенит и бьет крылами...

И снова вечер...

21 октября 1907

ЗАКЛЯТИЕ ОГНЕМ И МРАКОМ

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне.
Лермонтов

1

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабьих трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Всё равно: принимаю тебя!

24 октября 1907

2

Принявший мир, как звонкий дар,
Как злата горсть, я стал богат.
Смотрю: растет, шумит пожар —
Глаза твои горят.

Как стало жутко и светло!
Весь город — яркий сноп огня,
Река — прозрачное стекло,
И только — нет меня...

Я здесь, в углу. Я там, распят.
Я пригвожден к стене — смотри!
Горят глаза твои, горят,
Как черных две зари!

Я буду здесь. Мы все сгорим:
Весь город мой, река, и я...
Крести крещеньем огневым,
О, милая моя!

26 октября 1907

3

Я неверную встретил у входа:
Уронила платок — и одна.
Никого. Только ночь и свобода.
Только жутко стоит тишина.

Говорил ей несвязные речи,
Открывал ей все тайны с людьми,
Никому не поведал о встрече,
Чтоб она прошептала: возьми...

Но она ускользающей птицей
Полетела в ненастье и мрак,
Где взвился огневой багряницей
Засыпающий праздничный флаг.

И у светлого дома, тревожно,
Я остался вдвоем с темнотой.
Невозможное было возможно,
Но возможное — было мечтой.

23 октября 1907

4

Перехожу от казни к казни
Широкой полосой огня.
Ты только невозможным дразнишь,
Немыслимым томишь меня...

И я, как темный раб, не смею
В огне и мраке потонуть.
Я только робкой тенью вею,
Не смея в небо заглянуть...

Как ветер, ты целуешь жадно,
Как осень, шлейфом шелестя,
Храня в темнице безотрадной
Меня, как бедное дитя...

Рабом безумным и покорным
До времени таюсь и жду
Под этим взором, слишком черным,
В моем пылающем бреду...

Лишь утром смею покидать я
Твое высокое крыльцо,
А ночью тонет в складках платья
Мое безумное лицо...

Лишь утром во́ронам бросаю
Свой хмель, свой сон, свою мечту...
А ночью снова — знаю, знаю
Твою земную красоту!

Что́ быть бесстрастным! Что́ — крылатым?
Сто раз бичуй и укори,
Чтоб только быть на миг проклятым
С тобой — в огне ночной зари!

Октябрь 1907

5

Пойми же, я спутал, я спутал
Страницы и строки стихов,
Плащом твои плечи окутал,
Остался с тобою без слов...

Пойми, в этом сумраке — магом
Стою над тобою и жду
Под бьющимся праздничным флагом,
На страже, под ветром, в бреду...

И ветер поет и пророчит
Мне в будущем — сон голубой...
Он хочет смеяться, он хочет,
Чтоб ты веселилась со мной!

И розы, осенние розы
Мне снятся на каждом шагу
Сквозь мглу, и огни, и морозы,
На белом, на легком снегу!

О будущем ветер не скажет,
Не скажет осенний цветок,
Что милая тихо развяжет
Свой шелковый, черный платок...

Что только звенящая снится
И душу палящая тень...
Что сердце — летящая птица...
Что в сердце — щемящая лень...

21 октября 1907

6

В бесконечной дали́ корридоров
Не она ли там пляшет вдали?
Не меня ль этой музыкой споров
От нее в этот час отвели?

Ничего вы не скажете, люди,
Не поймете, что темен мой храм.
Трепетанья, вздыхания груди
Воспаленным открыты глазам.

Сердце — легкая птица забвений
В золотой пролетающий час:
То она, в опьяненьи кружений,
Пляской тризну справляет о вас.

Никого ей не надо из скромных,
Ей не ум и не глупость нужны,
И не любит, наверное, темных,
Прислоненных, как я, у стены...

Сердце, взвейся, как легкая птица,
Полети ты, любовь разбуди,
Истоми ты истомой ресницы,
К бледно-смуглым плечам припади!

Сердце бьется, как птица томится –
То вдали закружилась она —
В легком танце, летящая птица,
Никому, ничему не верна...

23 октября 1907

7

По улицам метель метет,
Свивается, шатается.
Мне кто-то руку подает
И кто-то улыбается.

Ведет — и вижу: глубина,
Гранитом темным сжатая.
Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая.

Я подхожу и отхожу,
И замер в смутном трепете:
Вот только перейду межу —
И буду в струйном лепете.

И шепчет он — не отогнать
(И воля уничтожена):
«Пойми: уменьем умирать
Душа облагорожена.

Пойми, пойми, ты одинок,
Как сладки тайны холода...
Взгляни, взгляни в холодный ток,
Где всё навеки молодо...»

Бегу. Пусти, проклятый, прочь!
Не мучь ты, не испытывай!
Уйду я в поле, в снег и в ночь,
Забьюсь под куст ракитовый!

Там воля всех вольнее воль
Не приневолит вольного,
И болей всех больнее боль
Вернет с пути окольного!

26 октября 1907

О, что́ мне закатный румянец,
Что́ злые тревоги разлук?
Всё в мире — кружащийся танец
И встречи трепещущих рук!

Я бледные вижу ланиты,
Я поступь лебяжью ловлю,
Я слушаю говор открытый,
Я тонкое имя люблю!

И новые сны, залетая,
Тревожат в усталом пути...
А всё пелена снеговая
Не может меня занести...

Неситесь, кружитесь, томите,
Снежинки — холодная весть...
Души моей тонкие нити,
Порвитесь, развейтесь, сгорите...

Ты, холод, мой холод, мой зимний,
В душе моей — страстное есть...
Стань, сердце, вздыхающий схимник,
Умрите, умрите, вы, гимны...

Вновь летит, летит, летит,
Звенит, и снег крутит, крутит,
Налетает вихрь
Снежных искр...

Ты виденьем, в пляске нежной,
Посреди подруг
Обошла равниной снежной
Быстротечный
Бесконечный круг...

Слышу говор твой открытый,
Вижу бледные ланиты,
В ясный взор гляжу...

Всё, что не скажу,
Передам одной улыбкой...
Счастье, счастье! С нами ночь!
Ты опять тропою зыбкой
Улетаешь прочь...
Заметая, запевая,
Стан твой гибкий
Вихрем туча снеговая
Обдала,
Отняла...

И опять метель, метель
Вьет, поет, кружи́т...
Всё — виденья, всё — измены...
В снежном кубке, полном пены,
Хмель
Звенит...
Заверти, замчи,
Сердце, замолчи,
Замети девичий след —
Смерти нет!
В темном поле
Бродит свет!
Горькой доле —
Много лет...

И вот опять, опять в возвратный
Пустилась пляс...
Метель поет. Твой голос — внятный.
Ты понеслась
Опять по кругу,
Земному другу
Сверкнув на миг...

Какой это танец? Каким это светом
Ты дразнишь и ма́нишь?
В кружении этом
Когда ты устанешь?
Чьи песни? И звуки?
Чего я боюсь?
Щемящие звуки
И — вольная Русь?

И словно мечтанье, и словно круженье,
Земля убегает, вскрывается твердь,
И словно безумье, и словно мученье,
Забвенье и удаль, смятенье и смерть,—
Ты мчишься! Ты мчишься!
Ты бросила руки
Вперед...
И песня встает...
И странным сиянъем сияют черты...
Уда́лая пляска!
О, песня! О, удаль! О, гибель! О, маска...
Гармоника — ты?

1 ноября 1907

9

Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, желтенькие лютики,
Весенние цветки!

Там с посвистом да с присвистом
Гуляют до зари,
Кусточки тихим шелестом
Кивают мне: смотри.

Смотрю я — руки вскинула,
В широкий пляс пошла,
Цветами всех осыпала
И в песне изошла...

Неверная, лукавая,
Коварная — пляши!
И будь навек отравою
Растраченной души!

С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты — ночь, и вся ты — тьма,
И вся ты — во хмелю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!..

9 ноября 1907

10

Работай, работай, работай:
Ты будешь с уродским горбом
За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом.

Под праздник — другим будет сладко,
Другой твои песни споет,
С другими лихая солдатка
Пойдет, подбочась, в хоровод.

Ты знай про себя, что не хуже
Другого плясал бы — вон как!
Что мог бы стянуть и потуже
Свой золотом шитый кушак!

Что ростом и станом ты вышел
Статнее и краше других,
Что та молодица — повыше
Других молодиц удалых!

В ней сила играющей крови,
Хоть смуглые щеки бледны,
Тонки ее черные брови,
И строгие речи хмельны...

Ах, сладко, как сладко, так сладко
Работать, пока рассветет,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!

26 октября 1907

11

И я опять затих у ног —
У ног давно и тайно милой,
Заносит вьюга на порог
Пожар метели белокрылой...

Но имя тонкое твое
Твердить мне дивно, больно, сладко...
И целовать твой шлейф украдкой,
Когда метель поет, поет...

В хмельной и злой своей темнице
Заночевало, сердце, ты,
И тихие твои ресницы
Смежили снежные цветы.

Как будто, на средине бега,
Я под метелью изнемог,
И предо мной возник из снега
Холодный, неживой цветок...

И с тайной грустью, с грустью нежной,
Как снег спадает с лепестка,
Живое имя Девы Снежной
Еще слетает с языка...

8 ноября 1907

ИНОК

Никто не скажет: я безумен.
Поклон мой низок, лик мой строг.
Не позовет меня игумен
В ночи на строгий свой порог.

Я грустным братьям — брат примерный,
И рясу черную несу,
Когда с утра походкой верной
Сметаю с бледных трав росу.

И, подходя ко всем иконам,
Как строгий и смиренный брат,
Творю поклон я за поклоном
И за обрядами обряд.

И кто поймет, и кто узнает,
Что ты сказала мне: молчи...
Что воск души блаженной тает
На яром пламени свечи...

Что никаких молитв не надо,
Когда ты ходишь по реке
За монастырскою оградой
В своем монашеском платке.

Что вот — меня цветистым хмелем
Безумно захлестнула ты,
И потерял я счет неделям
Моей преступной красоты.

6 ноября 1907

ПЕСНЯ ФАИНЫ

Когда гляжу в глаза твои
Глазами узкими змеи
И руку жму, любя,

Эй, берегись! Я вся — змея!
Смотри: я миг была твоя,
И бросила тебя!

Ты мне постыл! Иди же прочь!
С другим я буду эту ночь!
Ищи свою жену!

Ступай, она разгонит грусть,
Ласкает пусть, целует пусть,
Ступай — бичом хлестну!

Попробуй кто, приди в мой сад,
Взгляни в мой черный, узкий взгляд,
Сгоришь в моем саду!

Я вся — весна! Я вся — в огне!
Не подходи и ты ко мне,
Кого люблю и жду!

Кто стар и сед и в цвете лет,
Кто больше звонких даст монет,
Приди на звонкий клич!

Над красотой, над сединой,
Над вашей глупой головой —
Свисти, мой тонкий бич!

Декабрь 1907

* * *

Всю жизнь ждала. Устала ждать.
И улыбнулась. И склонилась.
Волос распущенная прядь
На плечи темные спустилась.

Мир не велик и не богат —
И не глядеть бы взором черным!
Ведь только люди говорят,
Что надо ждать и быть покорным...

А здесь — какая-то свирель
Поет надрывно, жалко, тонко:
«Качай чужую колыбель,
Ласкай немилого ребенка...»

Я тоже — здесь. С моей судьбой,
Над лирой, гневной, как секира,
Такой приниженный и злой,
Торгуюсь на базарах мира...

Я верю мгле твоих волос
И твоему великолепью.
Мой сирый дух — твой верный пес,
У ног твоих грохочет цепью...

И вот опять, и вот опять,
Встречаясь с этим темным взглядом,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить с тобою рядом...

Мечта! Что́ жизни сон глухой?
Отрава — вслед иной отраве...
Я изменю тебе, как той,
Не изменяя, не лукавя...

Забавно жить! Забавно знать,
Что под луной ничто не ново!
Что мертвому дано рождать
Бушующее жизнью слово!

И никому заботы нет,
Что́ людям дам, что́ ты дала мне,
А люди — на могильном камне
Начертят прозвище: *Поэт.*

13 января 1908

* * *

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства

И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий всё по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Всё же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюбленный
Имеет право на звание человека.

6 февраля 1908

* * *

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на́ пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Всё это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Макбе́та».

Едва дойдя до *пузырей земли,*
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

6 февраля 1908

* * *

Я помню длительные муки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А там, как призрак возрастая,
День обозначил купола;

И под окошком участились
Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;

И утро длилось, длилось, длилось...
И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез.

4 марта 1908
Москва

* * *

Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...

Опять звала бесчеловечным,
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром встречным
Твое лицо опалено...

Опять — бессильно и напрасно —
Ты отстранялась от огня...
Но даже небо было страстно,
И небо было за меня!..

И стало всё равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

И всё равно, чей вздох, чей шепот,—
Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот,
Как бы с далекой высоты...

Так — сведены с ума мгновеньем —
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем,
Твоим превратностям, любовь!

Теперь, когда мне звезды ближе,
Чем та неистовая ночь,
Когда еще безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,

Когда один с самим собою
Я проклинаю каждый день,—
Теперь проходит предо мною
Твоя *развенчанная тень*...

С благоволеньем? Иль с укором?
Иль ненавидя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне приговором? —
Не знаю: я забыл тебя.

20 ноября 1908

(Посв. Г. Чулкову)

О СМЕРТИ

Всё чаще я по городу брожу.
Всё чаще вижу смерть — и улыбаюсь
Улыбкой рассудительной. Ну, что же?
Так я хочу. Так свойственно мне знать,
Что и ко мне придет она в свой час.

Я проходил вдоль скачек по шоссе.
День золотой дремал на грудах щебня,
А за глухим забором — ипподром
Под солнцем зеленел. Там стебли злаков
И одуванчики, раздутые весной,
В ласкающих лучах дремали. А вдали
Трибуна придавила плоской крышей
Толпу зевак и модниц. Маленькие флаги
Пестрели там и здесь. А на заборе
Прохожие сидели и глазели.

Я шел и слышал быстрый гон коней
По грунту легкому. И быстрый топот
Копыт. Потом — внезапный крик:
«Упал! Упал!» — кричали на заборе,
И я, вскочив на маленький пенёк,
Увидел всё зараз: вдали летели
Жокеи в пестром — к тонкому столбу.
Чуть-чуть отстав от них, скакала лошадь
Без седока, взметая стремена.
А за листвой кудрявеньких березок,
Так близко от меня — лежал жокей,

Весь в желтом, в зеленя́х весенних злаков,
Упавший навзничь, обратив лицо
В глубокое ласкающее небо.
Как будто век лежал, раскинув руки
И ногу подогнув. Так хорошо лежал.
К нему уже бежали люди. Издали́,
Поблескивая медленными спицами, ландо
Катилось мягко. Люди подбежали
И подняли его...

И вот повисла
Беспомощная желтая нога
В обтянутой рейтузе. Завалилась
Им на́ плечи куда-то голова...
Ландо подъехало. К его подушкам
Так бережно и нежно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человек
Вскочил неловко на подножку, замер,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучер повернул назад.
И так же медленно вертелись спицы,
Поблескивали козла, оси, крылья...

Так хорошо и вольно умереть.
Всю жизнь скакал — с одной упорной мыслью,
Чтоб первым доскакать. И на скаку
Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Уж силсй ног не удержать седла,
И утлые взмахнулись стремена,
И полетел, отброшенный толчком...
Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую землю,
И в этот миг — в мозгу прошли все мысли,
Единственные нужные. Прошли —
И умерли. И умерли глаза.
И труп мечтательно глядит наверх.

Так хорошо и вольно.

Однажды брел по набережной я.
Рабочие возили с барок в тачках
Дрова, кирпич и уголь. И река
Была еще сине́й от белой пены.

В отстегнутые вороты рубах
Глядели загорелые тела,
И светлые глаза привольной Руси
Блестели строго с почерневших лиц.
И тут же дети голыми ногами
Месили груды желтого песку,
Таскали — то кирпичик, то полено,
То бревнышко. И прятались. А там
Уже сверкали грязные их пятки,
И матери — с отвислыми грудями
Под грязными платьем — ждали их, ругались
И, надавав затрещин, отбирали
Дрова, кирпичики, бревёшки. И тащили,
Согнувшись под тяжелой ношей, вдаль.
И снова, воротясь гурьбой веселой,
Ребятки начинали воровать:
Тот бревнышко, другой — кирпичик...

И вдруг раздался всплеск воды и крик:
«Упал! Упал!» — опять кричали с барки.
Рабочий, ручку тачки отпустив,
Показывал рукой куда-то в воду,
И пестрая толпа рубах неслась
Туда, где на траве, в камнях булыжных,
На самом берегу — лежала сотка.
Один тащил багор.

А между свай,
Забитых возле набережной в воду,
Легко покачивался человек
В рубахе и в разорванных портках.
Один схватил его. Другой помог,
И длинное растянутое тело,
С которого ручьем лилась вода,
Втащили на́ берег и положили.
Городовой, гремя о камни шашкой,
Зачем-то щеку приложил к груди
Намокшей, и прилежно слушал,
Должно быть, сердце. Собрался́ народ,
И каждый вновь пришедший задавал
Одни и те же глупые вопросы:
Когда упал, да сколько пролежал
В воде, да сколько выпил?

Потом все стали тихо отходить,
И я пошел своим путем, и слушал,
Как истовый, но выпивший рабочий
Авторитетно говорил другим,
Что губит каждый день людей вино.

Пойду еще бродить. Покуда солнце,
Покуда жар, покуда голова
Тупа, и мысли вялы...

Сердце!
Ты будь вожатаем моим. И смерть
С улыбкой наблюдай. Само устанешь,
Не вынесешь такой веселой жизни,
Какую я веду. Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

Хочу,
Всегда хочу смотреть в глаза людские,
И пить вино, и женщин целовать,
И яростью желаний полнить вечер,
Когда жара мешает днем мечтать
И песни петь! И слушать в мире ветер!

НАД ОЗЕРОМ

С вечерним озером я разговор веду
Высоким ладом песни. В тонкой чаще
Высоких сосен, с выступов песчаных,
Из-за могил и склепов, где огни
Лампад и сумрак дымно-сизый —
Влюбленные ему я песни шлю.

Оно меня не видит — и не надо.
Как женщина усталая, оно
Раскинулось внизу и смотрит в небо,
Туманится, и даль поит туманом,
И отняло у неба весь закат.
Все исполняют прихоти его:
Та лодка узкая, ласкающая гладь,

И тонкоствольный строй сосновой рощи,
И семафор на дальнем берегу,
В нем отразивший свой огонь зеленый —
Как раз на самой розовой воде.
К нему ползет трехглазая змея
Своим единственным стальным путем,
И, прежде свиста, озеро доносит
Ко мне — ее ползучий, хриплый шум.
Я на уступе. Надо мной — могила
Из темного гранита. Подо мной —
Белеющая в сумерках дорожка.
И кто посмотрит снизу на меня,
Тот испугается: такой я неподвижный,
В широкой шляпе, средь ночных могил,
Скрестивший руки, стройный и влюбленный в мир.

Но некому взглянуть. Внизу идут
Влюбленные друг в друга: нет им дела
До озера, которое внизу,
И до меня, который наверху.
Им нужны человеческие вздохи,
Мне нужны вздохи сосен и воды.
А озеру — красавице — ей нужно,
Чтоб я, никем не видимый, запел
Высокий гимн о том, как ясны зори,
Как стройны сосны, как вольна душа.

Прошли все пары. Сумерки синей,
Белей туман. И девичьего платья
Я вижу складки легкие внизу.
Задумчиво прошла она дорожку
И одиноко села на ступеньки
Могилы, не заметивши меня...
Я вижу легкий профиль. Пусть не знает,
Что знаю я, о чем пришла мечтать
Тоскующая девушка... Светлеют
Все окна дальних дач: там — самовары,
И синий дым сигар, и плоский смех...
Она пришла без спутников сюда...
Наверное, наверное прогонит
Затянутого в китель офицера
С вихляющимся задом и ногами,
Завернутыми в трубочки штанов!

Она глядит как будто за туманы,
За озеро, за сосны, за холмы,
Куда-то так далёко, так далёко,
Куда и я не в силах заглянуть...

О, нежная! О, тонкая! — И быстро
Ей мысленно приискиваю имя:
Будь Аделиной! Будь Марией! Теклой!
Да, Теклой!.. — И задумчиво глядит
В клубящийся туман... Ах, как прогонит!..
А офицер уж близко: белый китель,
Над ним усы и пуговица-нос,
И плоский блин, приплюснутый фуражкой...
Он подошел... он жмет ей руку!.. смотрят
Его гляделки в ясные глаза!..
Я даже выдвинулся из-за склепа...
И вдруг... протяжно чмокает ее,
Дает ей руку и ведет на дачу!

Я хохочу! Взбегаю вверх. Бросаю
В них шишками, песком, визжу, пляшу
Среди могил — незримый и высокий...
Кричу: «Эй, Фёкла! Фёкла!» — И они
Испуганы, сконфужены, не знают,
Откуда шишки, хохот и песок...
Он ускоряет шаг, не забывая
Вихлять проворно задом, и она,
Прижавшись крепко к кителю, почти
Бегом бежит за ним...

Эй, доброй ночи!
И, выбегая на крутой обрыв,
Я отражаюсь в озере... Мы видим
Друг друга: «Здравствуй!» — я кричу...
И голосом красавицы — леса
Прибрежные ответствуют мне: «Здравствуй!»
Кричу: «Прощай!» — они кричат: «Прощай!»
Лишь озеро молчит, влача туманы,
Но явственно на нем отражены
И я, и все союзники мои:
Ночь белая, и бог, и твердь, и сосны...

И белая задумчивая ночь
Несет меня домой. И ветер свищет
В горячее лицо. Вагон летит...
И в комнате моей белеет утро.
Оно на всем: на книгах и столах,
И на постели, и на мягком кресле:
И на письме трагической актрисы:
«Я вся усталая. Я вся больная.
Цветы меня не радуют. Пишите...
Простите и сожгите этот бред...»

И томные слова... И длинный почерк,
Усталый, как ее усталый шлейф...
И томностью пылающие буквы,
Как яркий камень в черных волосах.

Шувалово

В СЕВЕРНОМ МОРЕ

Что́ сделали из берега морского
Гуляющие модницы и франты?
Наставили столов, дымят, жуют,
Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями. Потом
Погонщики вывозят их в кибитках,
Кокетливо закрытых парусиной,
На мелководье. Там, переменив
Забавные тальеры и мундиры
На легкие купальные костюмы,
И дряблость мускулов и гру́дей обнажив,
Они, визжа, влезают в воду. Шарят
Неловкими ногами дно. Кричат,
Стараясь показать, что веселятся.

А там — закат из неба сотворил
Глубокий многоцветный кубок. Руки
Одна заря закинула к другой,
И сестры двух небес прядут один —
То розовый, то голубой туман.

в море утопающая туча
В предсмертном гневе мечет из очей
То красные, то синие огни.

И с длинного, протянутого в море,
Подгнившего, сереющего мола,
Прочтя все надписи: «Навек с тобой»,
«Здесь были Коля с Катей», «Диодор
Иеромонах и послушник Исидор
Здесь были. Дивны божии дела»,—
Прочтя все надписи, выходим в море
В пузатой и смешной моторной лодке.

Бензин пыхтит и пахнет. Два крыла
Бегут в воде за нами. Вьется быстрый след,
И, обогнув скучающих на пляже,
Рыбачьи лодки, узкий мыс, маяк,
Мы выбегаем многоцветной рябью
В просторную ласкающую соль.

На горизонте, за спиной, далёко
Безмолвным заревом стоит пожар.
Рыбачий Вольный остров распростерт
В воде, как плоская спина морского
Животного. А впереди, вдали —
Огни судов и сноп лучей бродячих
Прожектора таможенного судна.
И мы уходим в голубой туман.
Косым углом торчат над морем вехи,
Метелками фарватер оградив.
И далеко́ — от вехи и до вехи —
Рыбачьих шхун маячат паруса...

Над морем — штиль. Под всеми парусами
Стоит красавица — морская яхта.
На тонкой мачте — маленький фонарь,
Что камень драгоценный фероньеры,
Горит над матовым челом небес.

На острогрудой, в полной тишине,
В причудливых сплетениях снастей,
Сидят, скрестивши руки, люди в светлых
Панамах, сдвинутых на строгие черты.

А посреди, у самой мачты, молча,
Стоит матрос, весь темный, и глядит.

Мы огибаем яхту, как прилично,
И вежливо и тихо говорит
Один из нас: «Хотите на буксир?»
И с важной простотой нам отвечает
Суровый голос: «Нет. Благодарю».

И, снова обогнув их, мы глядим
С молитвенной и полною душою
На тихо уходящий силуэт
Красавицы под всеми парусами..
На драгоценный камень форпьеры,
Горящий в смуглых сумерках чела.

Сестрорецкий курорт

В ДЮНАХ

Я не люблю пустого словаря
Любовных слов и жалких выражений:
«Ты мой», «Твоя», «Люблю», «Навеки твой».
Я рабства не люблю. Свободным взором
Красивой женщине смотрю в глаза
И говорю: «Сегодня ночь. Но завтра —
Сияющий и новый день. Приди.
Бери меня, торжественная страсть.
А завтра я уйду — и запою».

Моя душа поэта. Соленый ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал. И в ней — всё те же знаки,
Что на моем обветренном лице.
И я прекрасен — нищей красотою
Зыбучих дюн и северных морей.

Так думал я, блуждая по границе
Финляндии, вникая в темный говор
Небритых и зеленоглазых финнов,
Стояла тишина. И у платформы
Готовый поезд разводил пары.

И русская таможенная стража
Лениво отдыхала на песчаном
Обрыве, где кончалось полотно.
Там открывалась новая страна —
И русский бесприютный храм глядел
В чужую, незнакомую страну.

Так думал я. И вот она пришла
И встала на откосе. Были рыжи
Ее глаза от солнца и песка.
И волосы, смолистые как сосны,
В отливах синих падали на плечи.
Пришла. Скрестила свой звериный взгляд
С моим звериным взглядом. Засмеялась
Высоким смехом. Бросила в меня
Пучок травы и золотую горсть
Песку. Потом — вскочила
И, прыгая, помчалась под откос...

Я гнал ее далёко. Исцарапал
Лицо о хвои, окровавил руки
И платье изорвал. Кричал и гнал
Ее, как зверя, вновь кричал и звал,
И страстный голос был как звуки рога.
Она же оставляла легкий след
В зыбучих дюнах, и пропала в соснах,
Когда их заплела ночная синь.

И я лежу, от бега задыхаясь,
Один, в песке. В пылающих глазах
Еще бежит она — и вся хохочет:
Хохочут волосы, хохочут ноги,
Хохочет платье, вздутое от бега...
Лежу и думаю: «Сегодня ночь
И завтра ночь. Я не уйду отсюда,
Пока не затравлю ее, как зверя,
И голосом, зовущим, как рога,
Не прегражу ей путь. И не скажу:
«Моя! Моя!» — И пусть она мне крикнет:
«Твоя! Твоя!»

Дюны
Июнь — июль 1907

КНИГА ТРЕТЬЯ

(1907—1916)

К МУЗЕ

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастия есть.

И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазняя своей красотой...

И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.

Зла, добра ли? — Ты вся — не отсюда.
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты — и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и ад.

Я не знаю, зачем на рассвете,
В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
И твоих утешений просил?

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами —
Всё проклятье своей красоты?

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любови цыганской короче
Были страшные ласки твои...

И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как полынь!

29 декабря 1912

* * *

Под шум и звон однообразный,
Под городскую суету
Я ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.

Я обрываю нить сознанья
И забываю, что́ и как...
Кругом — снега, трамваи, зданья,
А впереди — огни и мрак.

Что́, если я, завороженный,
Сознанья оборвавший нить,
Вернусь домой уничиженный,—
Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

2 февраля 1909

* * *

В эти желтые дни меж домами
Мы встречаемся только на миг.
Ты меня обжигаешь глазами
И скрываешься в темный тупик...

Но очей молчаливым пожаром
Ты недаром меня обдаешь,
И склоняюсь я тайно недаром
Пред тобой, молчаливая ложь!

Ночи зимние бросят, быть может,
Нас в безумный и дьявольский бал,
И меня, наконец, уничтожит
Твой разящий, твой взор, твой кинжал!

6 октября 1909

* * *

Из хрустального тумана,
Из невиданного сна
Чей-то образ, чей-то странный...
(В кабинете ресторана
За бутылкою вина.)

Визг цыганского напева
Налетел из дальних зал,
Дальних скрипок вопль туманный...
Входит ветер, входит дева
В глубь исчерченных зеркал.

Взор во взор — и жгуче-синий
Обозначился простор.
Магдалина! Магдалина!
Веет ветер из пустыни,
Раздувающий костер.

Узкий твой бокал и вьюга
За глухим стеклом окна —
Жизни только половина!
Но за вьюгой — солнцем юга
Опаленная страна!

Разрешенье всех мучений,
Всех хулений и похвал,
Всех змеящихся улыбок,
Всех просительных движений.
Жизнь разбей, как мой бокал!

Чтоб на ложе долгой ночи
Не хватило страстных сил!
Чтоб в пустынном вопле скрипок
Перепуганные очи
Смертный сумрак погасил.

6 октября 1909

ДВОЙНИК

Однажды в октябрьском тумане
Я брел, вспоминая напев.
(О, миг непродажных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот — в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.

И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится.
А ты-то, вернешься ли ты?)

Вдруг вижу — из ночи туманной,
Шатаясь, подходит ко мне
Стареющий юноша (странно,
Не снился ли мне он во сне?),
Выходит из ночи туманной
И прямо подходит ко мне.

И шепчет: «Устал я шататься,
Промозглым туманом дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать...»
И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять...

Вдруг — он улыбнулся нахально,
И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной?

Октябрь 1909

ПЕСНЬ АДА

День догорел на сфере той земли,
Где я искал путей и дней короче.
Там сумерки лиловые легли.

Меня там нет. Тропой подземной ночи
Схожу, скользя, уступом скользких скал.
Знакомый Ад глядит в пустые очи.

Я на земле был брошен в яркий бал,
И в диком танце масок и обличий
Забыл любовь и дружбу потерял.

Где спутник мой? — О, где ты, Беатриче? —
Иду один, утратив правый путь,
В кругах подземных, как велит обычай,

Средь ужасов и мраков потонуть.
Поток несет друзей и женщин трупы,
Кой-где мелькнет молящий взор, иль грудь;

Пощады вопль, иль возглас нежный — скупо
Сорвется с уст; здесь умерли слова;
Здесь стянута бессмысленно и тупо

Кольцом железной боли голова;
И я, который пел когда-то нежно, —
Отверженец, утративший права!

Все к пропасти стремятся безнадежной,
И я вослед. Но вот, в прорыве скал,
Над пеною потока белоснежной,

Передо мною бесконечный зал.
Сеть кактусов и роз благоуханье,
Обрывки мрака в глубине зеркал;

Далеких утр неясное мерцанье
Чуть золотит поверженный кумир;
И душное спирается дыханье.

Мне этот зал напомнил страшный мир,
Где я бродил слепой, как в дикой сказке,
И где застиг меня последний пир.

Там — брошены зияющие маски;
Там — старцем соблазненная жена,
И наглый свет застал их в мерзкой ласке...

Но заалелся переплет окна
Под утренним холодным поцелуем,
И странно розовеет тишина.

В сей час в стране блаженной мы ночуем,
Лишь здесь бессилен наш земной обман,
И я смотрю, предчувствием волнуем,

В глубь зеркала сквозь утренний туман.
Навстречу мне, из паутины мрака,
Выходит юноша. Затянут стан;

Увядшей розы цвет в петлице фрака
Бледнее уст на лике мертвеца;
На пальце — знак таинственного брака —

Сияет острый аметист кольца;
И я смотрю с волненьем непонятным
В черты его отцветшего лица

И вопрошаю голосом чуть внятным:
«Скажи, за что томиться должен ты
И по кругам скитаться невозвратным?»

Пришли в смятенье тонкие черты,
Сожженный рот глотает воздух жадно,
И голос говорит из пустоты:

«Узнай: я предан муке беспощадной
За то, что был на горестной земле
Под тяжким игом страсти безотрадной.

Едва наш город скроется во мгле,—
Томим волной безумного напева,
С печатью преступленья на челе,

Как падшая униженная дева,
Ищу забвенья в радостях вина...
И пробил час карающего гнева:

Из глубины невиданного сна
Всплеснулась, ослепила, засияла
Передо мной — чудесная жена!

В вечернем звоне хрупкого бокала,
В тумане хме́льном встретившись на миг
С единственной, кто ласки презирала,

Я ликованье первое постиг!
Я утопил в ее зеницах взоры!
Я испустил впервые страстный крик!

Так этот миг настал, нежданно скорый.
И мрак был глух. И долгий вечер мглист.
И странно встали в небе метеоры.

И был в крови вот этот аметист.
И пил я кровь из плеч благоуханных,
И был напиток душен и смолист...

Но не кляни повествований странных
О том, как длился непонятный сон...
Из бездн ночных и пропастей туманных

К нам доносился погребальный звон;
Язык огня взлетел, свистя, над нами,
Чтоб сжечь ненужность прерванных времен!

И — сомкнутых безмерными цепями —
Нас некий вихрь увлек в подземный мир!
Окованной навек глухими снами,

Дано ей чуять боль и помнить пир,
Когда, что ночь, к плечам ее атласным
Тоскующий склоняется вампир!

Но мой удел — могу ль не звать ужасным?
Едва холодный и больной рассвет
Исполнит Ад сияньем безучастным,

Из зала в зал иду свершать завет,
Гоним тоскою страсти безначальной.—
Так сострадай и помни, мой поэт:

Я обречен в далеком мраке спальной,
Где спит она и дышит горячо,
Склонясь над ней влюбленно и печально,

Вонзить свой перстень в белое плечо!»

31 октября 1909

* * *

Поздней осенью из гавани
От заметенной снегом земли
В предназначенное плаванье
Идут тяжелые корабли.

В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснеженном берегу.

И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Всё потеряно, всё выпито!
Довольно — больше не могу...

А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?

14 ноября 1909

НА ОСТРОВАХ

Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой — с пленной — с ней.

Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?

Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту,

И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...

Ведь со свечой в тревоге давней
Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной ставней
Ее не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Всё только — продолженье бала,
Из света в сумрак переход...

22 ноября 1909

* * *

С мирным счастьем покончены счеты,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустыню зовут.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,
Да, я в это поверил с тех пор,
Как пропел мне сиреной влюбленной
Тот, сквозь ночь пролетевший, мотор.

11 февраля 1910

* * *

Седые сумерки легли
Весной на город бледный.
Автомобиль пропел вдали
В рожок победный.

Глядись сквозь бледное окно,
К стеклу прижавшись плотно...
Глядись. Ты изменил давно,
Бесповоротно.

11 февраля 1910

* * *

Дух пряный марта был в лунном круге,
Под талым снегом хрустел песок.
Мой город истаял в мокрой вьюге,
Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног.

Ты прижималась всё суеверней,
И мне казалось — сквозь храп коня —
Венгерский танец в небесной черни
Звенит и плачет, дразня меня.

А шалый ветер, носясь над далью,—
Хотел он выжечь душу мне,
В лицо швыряя твоей вуалью
И заневая о старине...

И вдруг — ты, дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь вступая,
Безумно плачет о прошлых снах.

6 марта 1910
Часовня на Крестовском острове

В РЕСТОРАНЕ

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблен».

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Исступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: «Лови!..»
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

19 апреля 1910

ДЕМОН

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я — блуждал средь чужих...
О, сон мой! Я новое вижу
В бреду поцелуев твоих!

В томленьи твоем исступленном
Тоска небывалой весны
Горит мне лучом отдаленным
И тянется песней зурны.

На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.

И в горном закатном пожаре,
В разливах синеющих крыл,
С тобою, с мечтой о Тамаре,
Я, горний, навеки без сил...

И снится — в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
Тоскливо к нам в небо плеснули
Ненужные складки чадры...

Там стелется в пляске и плачет,
Пыль вьется и стонет зурна...
Пусть скачет жених — не доскачет!
Чеченская пуля верна.

19 апреля 1910

* * *

Там человек сгорел.
Фет

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!

10 мая 1910

* * *

Я коротаю жизнь мою,
Мою безумную, глухую:
Сегодня — трезво торжествую,
А завтра — плачу и пою.

Но если гибель предстоит?
Но если за моей спиною
Тот — необъятною рукою
Покрывший зеркало — стоит?..

Блеснет в глаза зеркальный свет,
И в ужасе, зажмуря очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращенья нет...

27 сентября 1910

* * *

Идут часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы,
Рассеять сумерки времен...

Там кто-то машет, дразнит светом
(Так зимней ночью, на крыльцо
Тень чья-то глянет силуэтом,
И быстро спрячется лицо).

Вот меч. Он — был. Но он — не нужен.
Кто обессилил руку мне? —
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне,

Больная, жалобная стужа,
И моря снеговая гладь...
Из-под ресниц сверкнувший ужас —
Старинный ужас (дай понять)...

Слова? — Их не было.— Что ж было?—
Ни сон, ни явь. Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли...

И умерло. А губы пели.
Прошли часы, или года...
(Лишь телеграфные звенели
На черном небе провода...)

И вдруг (как памятно, знакомо!)
Отчетливо, издалека
Раздался голос: *Ecce homo!* [1]
Меч выпал. Дрогнула рука...

И перевязан шелком душным
(Чтоб кровь не шла из черных жил),
Я был веселым и послушным,
Обезоруженный — служил.

Но час настал. Припоминая,
Я вспомнил: *Нет, я не слуга.*
Так падай, перевязь цветная!
Хлынь, кровь, и обагри снега!

4 октября 1910

УНИЖЕНИЕ

В черных сучьях дерев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком.)

Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука *подлеца* нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот — дом в самом деле?
Разве *так* суждено меж людьми?

[1] Се — человек! *(лат.)— Ред.*

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве *это* мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел — твой свист замогильный...
Чу! опять — бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашней!
Я — не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце — острый французский каблук!

6 декабря 1911

АВИАТОР

Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.

Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...

Уж в вышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петь...

Потом — напрасно ищет око:
На небе не найдешь следа:
В бинокле, вскинутом высоко,
Лишь воздух — ясный, как вода...

А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, всё земное —
Как бы придавлено к земле...

Но снова в золотом тумане
Как будто — неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!

Всё ниже спуск винтообразный,
Всё круче лопастей извив,
И вдруг... нелепый, безобразный
В однообразьи перерыв...

И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!

Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетеньи проволок машины
Рука — мертвее рычага...

Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?

Или восторг самозабвенья
Губительный изведал ты,
Безумно возалкал паденья
И сам остановил винты?

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

1910 — январь 1912

* * *

Моей матери

Повеселясь на буйном пире,
Вернулся поздно я домой;
Ночь тихо бродит по квартире,
Храня уютный угол мой.

Слились все лица, все обиды
В одно лицо, в одно пятно;
И ветр ночной поет в окно
Напевы сонной панихиды...

Лишь соблазнитель мой не спит;
Он льстиво шепчет: «Вот твой скит.
Забудь о временном, о пошлом
И в песнях свято лги о прошлом».

6 января 1912

ПЛЯСКИ СМЕРТИ

1

Как тяжко мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.

Мертвец весь день трудится над докладом.
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабрезный анекдот...

Уж вечер. Мелкий дождь заплевал грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор...
А мертвеца — к другому безобразью
Скрежещущий несет таксомотор.

В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем — изящный фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной
Хозяйка — дура и супруг — дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей музыкой заглушен...
Он крепко жмет приятельские руки —
Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны встретится очами
С подругою — она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова:

«Усталый друг, мне странно в этом зале». —
«Усталый друг, могила холодна». —
«Уж полночь». — «Да, но вы не приглашали
На вальс NN. Она в вас влюблена...»

А там — NN уж ищет взором страстным
Его, его — с волненьем в крови...
В ее лице, девически прекрасном,
Бессмысленный восторг живой любви...

Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
Как на плечо склонилась голова...

И острый яд привычно-светской злости
С нездешней злостью расточает он...
«Как он умен! Как он в меня влюблен!»

В ее ушах — нездешний, странный звон:
То кости лязгают о кости.

19 февраля 1912

2

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

10 октября 1912

3

Пустая улица. Один огонь в окне.
Еврей-аптекарь охает во сне.

А перед шкапом с надписью *Venena*[1],
Хозяйственно согнув скрипучие колена,

Скелет, до глаз закутанный плащом,
Чего-то ищет, скалясь черным ртом...

Нашел... Но ненароком чем-то звякнул,
И череп повернул... Аптекарь крякнул,

Привстал — и на другой свалился бок...
А гость меж тем — заветный пузырек

Сует из-под плаща двум женщинам безносым
На улице, под фонарем белёсым.

Октябрь 1912

---

[1] Яд *(лат.).— Ред.*

4

Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут — куда?
Там — лишь черная вода,
Там — забвенье навсегда.

Тень скользит из-за угла,
К ней другая подползла.
Плащ распахнут, грудь бела,
Алый цвет в петлице фрака.

Тень вторая — стройный латник,
Иль невеста от венца?
Шлем и перья. Нет лица.
Неподвижность мертвеца.

В воротáх гремит звонок,
Глухо щелкает замок.
Переходят за порог
Проститутка и развратник...

Воет ветер леденящий,
Пусто, тихо и темно.
Наверху горит окно.
Всё равно.

Как свинец, черна вода.
В ней забвенье навсегда.
Третий призрак. Ты куда,
Ты, из тени в тень скользящий?

7 февраля 1914

5

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад
Смотрит месяц бледный,

Насылает тишину,
Оттеняет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов...

Всё бы это было зря,
Если б не было царя,
Чтоб блюсти законы.

Только не ищи дворца,
Добродушного лица,
Золотой короны.

Он — с далеких пустырей
В свете редких фонарей
Появляется.

Шея скручена платком,
Под дырявым козырьком
Улыбается.

7 февраля 1914

* * *

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастии твердишь,— который раз?

Что́ счастие? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные, порочные услады
Вина, страстей, погибели души?

Что́ счастие? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за́ сердце хватающий полет...

Вздохнул, глядишь — опасность миновала...
Но в этот самый миг — опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон,—
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманных причин, пространств, времен...

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно всё! Как дико! — Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

2 июля 1912

* * *

Ночь без той, зовут кого
Светлым именем: *Ленора.*
Эдгар По

Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный
Решал всё тот же я — мучительный вопрос,
Когда в мой кабинет, огромный и туманный,
Вошел тот джентльмен. За ним — лохматый пес.

На кресло у огня уселся гость устало,
И пес у ног его разлегся на ковер.
Гость вежливо сказал: «Ужель еще вам мало?
Пред Геннем Судьбы пора смириться, сёр».

«Но в старости — возврат и юности, и жара...» —
Так начал я... но он настойчиво прервал:
«Она — всё та ж: *Линор безумного Эдгара.*
Возврата нет.— Еще? Теперь я всё сказал».

И странно: жизнь была — восторгом, бурей, адом,
А здесь — в вечерний час — с чужим наедине —
Под этим деловым, давно спокойным взглядом,
Представилась она гораздо проще мне...

Тот джентльмен ушел. Но пес со мной бессменно.
В час горький на меня уставит добрый взор,
И лапу жесткую положит на колено,
Как будто говорит: *Пора смириться, сёр.*

2 ноября 1912

* * *

Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.

Как бы ни был нечуток и груб
Человек, за которым следят,—
Он почувствует пристальный взгляд
Хоть в углах еле дрогнувших губ.

А другой — точно сразу поймет:
Вздрогнут плечи, рука у него;
Обернется — и нет ничего;
Между тем — беспокойство растет.

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят.

Не корысть, не влюбленность, не месть;
Так — игра, как игра у детей:
И в собрании каждом людей
Эти тайные *сыщики* есть.

Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придешь,
А уйдешь от людей — не собой.

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил...

О, тоска! Через тысячу лет
Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полет всех планет,
Громовые раскаты в тиши...

А пока — в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...

18 декабря 1913

* * *

Как растет тревога к ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совесть мучит, жизнь хлопочет.
На луну взглянуть нет мочи
Сквозь морозное окно.

Что-то в мире происходит.
Утром страшно мне раскрыть
Лист газетный. Кто-то хочет
Появиться, кто-то бродит.
Иль — раздумал, может быть?

Гость бессонный, пол скрипучий?
Ах, не всё ли мне равно!
Вновь сдружусь с кабацкой скрипкой,
Монотонной и певучей!
Вновь я буду пить вино!

Всё равно не хватит силы
Дотащиться до конца
С трезвой, лживою улыбкой,
За которой — страх могилы,
Беспокойство мертвеца.

30 декабря 1913

* * *

Ну, что же? Устало заломлены слабые руки,
И вечность сама загляделась в погасшие очи,
И муки утихли. А если б и были высокие муки,—
Что ну́жды? — Я вижу печальное шествие ночи.

Ведь солнце, положенный круг обойдя, закатилось.
Открой мои книги: там сказано всё, что свершится.
Да, был я пророком, пока это сердце молилось,—
Молилось и пело тебя, но ведь ты — не царица.

Царем я не буду: ты власти мечты не делила.
Рабом я не стану: ты власти земли не хотела.
Вот новая ноша: пока не откроет могила
Сырые объятья,— тащиться без важного дела...

Но я — человек. И, паденье свое признавая,
Тревогу свою не смирю я: она всё сильнее.
То *ревность по дому,* тревогою сердце снедая,
Твердит неотступно: *Что делаешь, делай скорее.*

21 февраля 1914

ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ

1

Весь день — как день: трудов исполнен малых
И мелочных забот.
Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывет.

Волнуешься,— а в глубине покорный:
Не выгорит — и пусть.
На дне твоей души, безрадостной и черной,
Безверие и грусть.

И к вечеру отхлынет вереница
Твоих дневных забот.
Когда ж в морозный мрак засмотрится столица
И полночь пропоет,—

И рад бы ты уснуть, но — страшная минута!
Средь всяких прочих дум —
Бессмысленность всех дел, безрадостность уюта
Придут тебе на ум.

И тихая тоска сожмет так нежно горло:
Ни охнуть, ни вздохнуть,
Как будто ночь на всё проклятие простерла,
Сам дьявол сел на грудь!

Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие,
Но некому помочь:
Куда ни повернись — глядит в глаза пустые
И провожает — ночь.

Там ветер над тобой на сквозняках простонет
До бледного утра;
Городовой, чтоб не заснуть, отгонит
Бродягу от костра...

И, наконец, придет желанная усталость,
И станет всё равно...
Что́? Совесть? Правда? Жизнь? Какая это малость!
Ну, разве не смешно?

11 февраля 1914

2

Поглядите, вот бессильный,
Не умевший жизнь спасти,
И она, как дух могильный,
Тяжко дремлет взаперти.

В голубом морозном своде
Так приплюснут диск больной,
Заплевавший всё в природе
Нестерпимой желтизной.

Уходи и ты. Довольно
Ты терпел, несчастный друг,
От его тоски невольной,
От его невольных мук.

То, что было, миновалось,
Ваш удел на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь.

30 декабря 1913

3

Всё свершилось по писаньям:
Остудился юный пыл,
И конец очарованьям
Постепенно наступил.

Был в чаду, не чуя чада,
Утешался *мукой ада*,
Перечислил все слова,
Но — болела голова...

Долго, жалобно болела,
Тело тихо холодело,
Пробудился: тридцать лет.
Хвать-похвать,— а сердца нет.

Сердце — крашеный мертвец.
И, когда настал конец,
Он нашел весьма банальной
Смерть души своей печальной.

30 декабря 1913

4

Когда невзначай в воскресенье
Он душу свою потерял,
В сыскное не шел отделенье,
Свидетелей он не искал.

А было их, впрочем, не мало:
Дворовый щенок голосил,
В воротах старуха стояла,
И дворник на чай попросил.

Когда же он медленно вышел,
Подняв воротник, из ворот,
Таращил сочувственно с крыши
Глазищи обмызганный кот.

Ты думаешь, тоже свидетель?
Так он и ответит тебе!
В такой же гульбе
Его добродетель!

30 декабря 1913

5

Пристал ко мне нищий дурак,
Идет по пятам, как знакомый.
«Где деньги твои?» — «Снес в кабак».—
«Где сердце?» — «Закинуто в омут».

«Чего ж тебе надо?» — «Того,
Чтоб стал ты, как я, откровенен,
Как я, в униженьи, смиренен,
А больше, мой друг, ничего».

«Что лезешь ты в сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!» —
«Ты думаешь, милый, нас двое?
Напрасно: смотри, оглянись...»

И правда (ну, задал задачу!),
Гляжу — близь меня никого...
В карман посмотрел — ничего...
Взглянул в свое сердце... и пла́чу.

30 декабря 1913

6

День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом.
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
О службе рассказывал друг,
Другой — о Христе,
О газете — четвертый.
Два стихотворца *(поклонники Пушкина)*

Книжки прислали
С множеством рифм и размеров.
Курсистка прислала
Рукопись с тучей эпиграфов
(Из Надсона и символистов).
После — под звон телефона —
Посыльный конверт подавал,
Надушённый чужими духами.
Розы поставьте на стол —
Написано было в записке,
И приходилось их ставить на стол...
После — собрат по перу,
До глаз в бороде утонувший,
О причитаньях у южных хорватов
Рассказывал долго.
Критик, громя *футуризм*,
Символизмом шпынял,
Заключив *реализмом.*
В кинематографе вечером
Знатный барон целовался под пальмой
С барышней низкого званья,
Ее до себя возвышая...
Всё было в отменном порядке.

Он с вечера крепко уснул
И проснулся в другой стране.
Ни холод утра,
Ни слово друга,
Ни дамские розы,
Ни манифест футуриста,
Ни стихи пушкиньянца,
Ни лай собачий,
Ни грохот тележный —
Ничто, ничто
В мир возвратить не могло...

И что поделаешь, право,
Если отменный порядок
Милого дольнего мира
В сны иногда погрузит,
И в снах этих многое снится...
И не всегда в них такой,
Как в мире, отменный порядок...

Нет, очнешься порой,
Взволнован, встревожен
Воспоминанием смутным,
Предчувствием тайным...
Буйно забьются в мозгу
Слишком светлые мысли...
И, укрощая их буйство,
Словно пугаясь чего-то,— *не лучше ль,*
Думаешь ты, *чтоб и новый*
День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом?

24 мая 1914

7

ГОВОРЯТ ЧЕРТИ:

Греши, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховные стихи.

На утешенье, на забаву
Пей искрометное вино,
Пока вино тебе по нраву,
Пока не тягостно оно.

Сверкнут ли дерзостные очи —
Ты их сверканий не отринь,
Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное «аминь».

Ведь всё равно — очарованье
Пройдет, и в сумасшедший час
Ты, в исступленном покаяньи,
Проклясть замыслишь бедных, нас.

И станешь падать — но толпою
Мы все, как ангелы, чисты,
Тебя подхватим, чтоб пятою
О камень не преткнулся ты...

10 декабря 1915

8

ГОВОРИТ СМЕРТЬ:

Когда осилила тревога,
И он в тоске обезумéл,
Он разучился славить бога
И песни грешные запел.

Но, оторопью обуянный,
Он прозревал, и смутный рой
Былых видений, образ странный
Его преследовал порой.

Но он измучился — и ранний
Жар юности простыл — и вот
Тщета святых воспоминаний
Пред ним медлительно встает.

Он больше ни во что не верит,
Себя лишь хочет обмануть,
А сам — к моей блаженной двери
Отыскивает вяло путь.

С него довольно славить бога —
Уж он — не голос, только — стон.
Я отворю. Пускай немного
Еще помучается он.

10 декабря 1915

ЧЕРНАЯ КРОВЬ

1

В пол-оборота ты встала ко мне,
Грудь и рука твоя видится мне.

Мать запрещает тебе подходить,
Мне — искушенье тебя оскорбить!

Нет, опустил я напрасно глаза,
Дышит, преследует, близко — гроза...

Взор мой горит у тебя на щеке,
Трепет бежит по дрожащей руке...

Ширится круг твоего мне огня,
Ты, и не глядя, глядишь на меня!

Пеплом подернутый бурный костер —
Твой не глядящий, скользящий твой взор!

Нет! Не смирит эту черную кровь
Даже — свидание, даже — любовь!

2 января 1914

2

Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне
Притаился, глядит.
Каждый демон в тебе сторожит,
Притаясь в грозовой тишине...

И вздымается жадная грудь...
Этих демонов страшных вспугнуть?
Нет! Глаза отвратить, и не сметь, и не сметь
В эту страшную пропасть глядеть!

22 марта 1914

3

Даже имя твое мне презренно,
Но, когда ты сощуришь глаза,
Слышу, воет поток многопенный,
Из пустыни подходит гроза.

Глаз молчит, золотистый и карий,
Горла тонкие ищут персты...
Подойди. Подползи. Я ударю —
И, как кошка, ощеришься ты...

30 января 1914

4

О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой
В объятья страшные. Чтоб долго длились муки,
Когда — ни расплести сцепившиеся руки,
Ни разомкнуть уста — нельзя во тьме ночной!

Я слепнуть не хочу от молньи грозовой,
Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!),
Ни испытать прибой неизреченной скуки,
Зарывшись в пепел твой горящей головой!

Как первый человек, божественным сгорая,
Хочу вернуть навек на синий берег рая
Тебя, убив всю ложь и уничтожив яд...

Но ты меня зовешь! Твой ядовитый взгляд
Иной пророчит рай! — Я уступаю, зная,
Что твой змеиный рай — бездонной скуки ад.

Февраль 1912

5

Вновь у себя... Унижен, зол и рад.
Ночь, день ли там, в окне?
Вон месяц, как паяц, над кровлями громад
Гримасу корчит мне...

Дневное солнце — прочь, раскаянье — прочь!
Кто смеет мне помочь?
В опустошенный мозг ворвется только ночь,
Ворвется только ночь!

В пустую грудь один, один проникнет взгляд,
Вопьется жадный взгляд...
Всё отойдет навек, настанет *никогда*,
Когда ты крикнешь: *Да!*

29 января 1914

6

Испугом схвачена, влекома
В водоворот...
Как эта комната знакома!
И всё навек пройдет?

И, в ужасе, несвязно шепчет...
И, скрыв лицо,
Пугливых рук свивает крепче
Певучее кольцо...

...И утра первый луч звенящий
Сквозь желтых штор...
И чертит бог на теле спящей
Свой световой узор.

2 января 1914

7

Ночь — как века, и томный трепет,
И страстный бред,
Уст о блаженно-странном лепет,
В окне — старинный, слабый свет.

Несбыточные уверенья,
Нет, не слова —
То, что теряет всё значенье,
Забрежжит бледный день едва...

Тогда — во взгляде глаз усталом —
Твоя в нем ложь!
Тогда мой рот извивом алым
На твой таинственно похож!

27 декабря 1913

8

Я ее победил, наконец!
Я завлек ее в мой дворец!

Три свечи в бесконечной дали.
Мы в тяжелых коврах, в пыли.

И под смуглым огнем трех свеч
Смуглый бархат открытых плеч,

Буря спутанных кос, тусклый глаз,
На кольце — померкший алмаз,

И обугленный рот в крови
Еще просит пыток любви...

А в провале глухих окóн
Смутный шелест многих знамен,

Звон, и трубы, и конский топ,
И качается тяжкий гроб.

— О, любимый, мы не одни!
О, несчастный, гаси огни!..

— Отгони непонятный страх —
Это кровь прошумела в ушах.

Близок вой похоронных труб,
Смутен вздох охладевших губ:

— Мой красавец, позор мой, бич...
Ночь бросает свой мглистый клич,

Гаснут свечи, глаза, слова...
— Ты мертва, наконец, мертва!

Знаю, выпил я кровь твою...
Я кладу тебя в гроб и пою,—

Мглистой ночью о нежной весне
Будет петь твоя кровь во мне!

Октябрь 1909

Над лучшим созданием божьим
Изведал я силу презренья.
Я палкой ударил ее.

Поспешно оделась. Уходит.
Ушла. Оглянулась пугливо
На сизые окна мои.

И нет ее. В сизые окна
Вливается вечер ненастный,
А дальше, за мраком ненастья,
Горит заревая кайма.

Далекие, влажные долы
И близкое, бурное счастье!
Один я стою и внимаю
Тому, что мне скрипки поют.

Поют они дикие песни
О том, что свободным я стал!
О том, что на лучшую долю
Я низкую страсть променял!

13 марта 1910

ДЕМОН

Иди, иди за мной — покорной
И верною моей рабой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.

Я пронесу тебя над бездной,
Ее бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный —
Лишь вдохновеньем для меня.

Я от дождя эфирной пыли
И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?

Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой,—

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездою,
Землею кажется звезда.

И, онемев от удивленья,
Ты у́зришь новые миры —
Невероятные виденья,
Создания моей игры...

Дрожа от страха и бессилья,
Тогда шепнешь ты: отпусти...
И, распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.

И под божественной улыбкой,
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту...

9 июня 1910

ГОЛОС ИЗ ХОРА

Как часто плачем — вы и я —
Над жалкой жизнию своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

Теперь ты милой руку жмешь,
Играешь с нею, шутя,
И плачешь ты, заметив ложь,
Или в руке любимой нож,
Дитя, дитя!

Лжи и коварству меры нет,
А смерть — далека.
Всё будет чернее страшный свет,
И всё безумней вихрь планет
Еще века, века!

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.
Всё небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

Весны, дитя, ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень, канет...

Будьте ж довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы!
О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!

6 июня 1910 — 27 февраля 1914

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Всё миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

30 декабря 1908

И час настал. Свой плащ скрутило время,
И меч блеснул, и стены разошлись.
И я пошел с толпой — туда, за всеми,
В туманную и злую высь.

За кручами опять открылись кручи,
Народ роптал, вожди лишились сил.
Навстречу нам шли грозовые тучи,
Их молний сноп дробил.

И руки повисали, словно плети,
Когда вокруг сжимались кулаки,
Грозящие громам, рыдали дети,
И жены кутались в платки.

И я, без сил, отстал, ушел из строя,
За мной — толпа сопутников моих,
Нам не сияло небо голубое,
И солнце — в тучах грозовых.

Скитались мы, беспомощно роптали,
И прежних хижин не могли найти,
И, у ночных костров сходясь, дрожали,
Надеясь отыскать пути...

Напрасный жар! Напрасные скитанья!
Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так — суждена безрадостность мечтанья
Забывшему Тебя.

1 августа 1908

* * *

Она, как прежде, захотела
Вдохнуть дыхание свое
В мое измученное тело,
В мое холодное жилье.

Как небо, встала надо мною,
А я не мог навстречу ей
Пошевелить больной рукою,
Сказать, что тосковал о ней...

Смотрел я тусклыми глазами,
Как надо мной она грустит,
И больше не было меж нами
Ни слов, ни счастья, ни обид...

Земное сердце уставало
Так много лет, так много дней...
Земное счастье запоздало
На тройке бешеной своей!

Я, наконец, смертельно болен,
Дышу иным, иным томлюсь,
Закатом солнечным доволен
И вечной ночи не боюсь...

Мне вечность заглянула в очи,
Покой на сердце низвела,
Прохладной влагой синей ночи
Костер волненья залила...

30 июля 1908

* * *

Ночь — как ночь, и улица пустынна.
Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?

Лишь сырая каплет мгла с карнизов.
Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.

Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет!

И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День — как день; ведь решена задача:
Все умрут.

4 ноября 1908

* * *

Я сегодня не помню, что было вчера,
По утрам забываю свои вечера,
В белый день забываю огни,
По ночам забываю дни.

Но все ночи и дни наплывают на нас
Перед смертью, в торжественный час.
И тогда — в духоте, в тесноте
Слишком больно мечтать
О былой красоте
И не мочь:
Хочешь встать —
И ночь.

3 февраля 1909

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

Когда под заступом холодным
Скрипел песок и яркий снег,
Во мне, печальном и свободном,
Еще смирялся человек.

Пусть эта смерть была понятна —
В душе, под песни панихид,
Уж проступали злые пятна
Незабываемых обид.

Уже с угрозою сжималась
Доселе добрая рука.
Уж подымалась и металась
В душе отравленной тоска...

Я подавлю глухую злобу,
Тоску забвенью предам.
Святому маленькому гробу
Молиться буду по ночам.

Но — быть коленопреклоненным,
Тебя благодарить, скорбя? —
Нет. Над младенцем, над *блаженным,*
Скорбеть я буду без Тебя.

Февраль 1909

* * *

Когда я прозревал впервые,
Навстречу жаждущей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.

Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубым смехом исказила
Всё, чем жива была мечта.

Замолкли ангельские трубы,
Немотствует дневная ночь.
Верни мне, жизнь, хоть смех беззубый,
Чтоб в тишине не изнемочь!

Март 1909

* * *

Дохнула жизнь в лицо могилой —
Мне страстной бурей не вздохнуть.
Одна мечта с упрямой силой
Последний открывает путь:

Пои, пои свои творенья
Незримым ядом мертвеца,
Чтоб гневной зрелостью презренья
Людские отравлять сердца.

Март 1909

* * *

Евг. Иванову

Когда, вступая в мир огромный,
Единства тщетно ищешь ты;
Когда ты смотришь в угол темный
И смерти ждешь из темноты;

Когда ты злобен, или болен,
Тоской иль страстию палим,
Поверь: тогда еще ты волен
Гордиться счастием своим!

Когда ж ни скукой, ни любовью,
Ни страхом уж не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью,—

Тогда — ограблен ты и наг:
Смерть невозможна без томленья,
А жизнь, не зная истребленья,
Так — только замедляет шаг.

Март 1909

* * *

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окнах шторы?
День догорел в душе давно.

Март 1909

* * *

Какая дивная картина
Твоя, о, север мой, твоя!
Всегда бесплодная равнина,
Пустая, как мечта моя!

Здесь дух мой, злобный и упорный,
Тревожит смехом тишину;
И, откликаясь, ворон черный
Качает мертвую сосну;

Внизу клокочут водопады,
Точа гранит и корни древ;
И на камнях поют наяды
Бесполый гимн безмужних дев;

И в этом гуле вод холодных,
В постылом крике воронья,
Под рыбьим взором дев бесплодных
Тихонько тлеет жизнь моя!

Март 1909

* * *

Ты в комнате один сидишь.
Ты слышишь?
Я знаю: ты теперь не спишь...
Ты дышишь и не дышишь.

Зачем за дверью свет погас?
Не бойся!
Я твой давно забытый час,
Стучусь — откройся.

Я знаю, ты теперь в бреду,
Мятежный!
Я всё равно к тебе войду,
Старинный друг и нежный...

Не бойся вспоминать меня:
Ты был так молод...
Ты сел на белого коня,
И щеки жег осенний холод!

Ты полетел туда, туда —
В янтарь закатный!
Немудрый, знал ли ты тогда
Свой нищий путь возвратный?

Теперь ты мудр: не прекословь —
Что толку в споре?
Ты помнишь первую любовь
И зори, зори, зори?

Зачем склонился ты лицом
Так низко?
Утешься: ветер за окном —
То трубы смерти близкой!

Открой, ответь на мой вопрос:
Твой день был ярок?
Я саван царственный принес
Тебе в подарок!

Март 1909

* * *

Кольцо существованья тесно:
Как все пути приводят в Рим,
Так нам заранее известно,
Что всё мы рабски повторим.

И мне, как всем, всё тот же жребий
Мерещится в грядущей мгле:
Опять — любить Ее на небе
И изменить ей на земле.

Июнь 1909

* * *

Чем больше хочешь отдохнуть,
Тем жизнь страшней, тем жизнь страшней,
Сырой туман ползет с полей,
Сырой туман вползает в грудь
По бархату ночей...

Забудь о том, что жизнь была,
О том, что будет жизнь, забудь...
С полей ползет ночная мгла...
Одно, одно —
Уснуть, уснуть...
Но всё равно —
Разбудит кто-нибудь.

27 августа 1909

ШАГИ КОМАНДОРА

В. А. Зоргенфрею

Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном — туман.
Что́ теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.

Что́ изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ — победно и влюбленно —
В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор,
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бой ночных часов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..»

На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа — тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

В час рассвета холодно и странно,
В час рассвета — ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! — Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час.

Сентябрь 1910 — 16 февраля 1912

* * *

Мой бедный, мой далекий друг!
Поймн, хоть в час тоски бессонной,
Таинственно и неуклонно
Снедающий меня недуг...
Зачем в моей стесненной груди
Так много боли и тоски?
И так ненужны маяки,
И так давно постыли люди,
Уныло ждущие Христа...
Лишь дьявола они находят...
Их лишь к отчаянью приводят
Извечно лгущие уста...
Все, кто намеренно щадит,
Кто без желанья ранит больно...
Иль — порываний нам довольно,
И лишь недуг — надежный щит?

29 декабря 1912

* * *

Как свершилось, как случилось?
Был я беден, слаб и мал.
Но Величий неких тайна
Мне до времени открылась,
Я Высокое познал.

Недостойный раб, сокровищ,
Мне врученных, не храня,
Был я царь и страж случайный.
Сонмы лютые чудовищ
Налетели на меня.

Приручил я чарой лестью
Тех, кто первые пришли.
Но не счесть нам вражьей силы!
Ощетинившейся местью
Остальные поползли.

И, покинув стражу, к ночи
Я пошел во вражий стан.
Ночь курилась, как кадило.
Ослепительные очи
Повлекли меня в туман.

Падший ангел, был я встречен
В стане их, как юный бог.
Как прекрасный небожитель,
Я царицей был замечен,
Я входил в ее чертог,

В тот чертог, который в пепел
Обратится на земле.
Но не спал мой грозный Мститель:
Лик Его был гневно-светел
В эти ночи на скале.

И рассвет мне в очи глянул,
Наступил мой скудный день.
Только крыл раздался трепет,
Кто-то мимо в небо канул,
Как разгневанная тень.

Было долгое томленье.
Думал я: не будет дня.
Бред безумный, страстный лепет,
Клятвы, пени, уверенья
Доносились до меня.

Но, тоской моей гонима,
Не́жить сгинула,— и вдруг
День жестокий, день железный
Вкруг меня неумолимо
Очертил замкнутый круг.

Нет конца и нет начала,
Нет исхода — сталь и сталь.
И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
Прежде милая мне даль.

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня:
Я стою среди пожарищ,
Обожженный языками
Преисподнего огня.

Где же ты? не медли боле.
Ты, как я, не ждешь звезды.
Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
Невеселые труды.

19 декабря 1913

Fecit indignatio versum.
Juven. Sat. I, 79[1]

Посвящается памяти
моей покойной сестры
Ангелины Александровны Блок

* * *

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне,—
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

5 февраля 1914

* * *

Я ухо приложил к земле.
Я муки криком не нарушу.
Ты слишком хриплым стоном душу
Бессмертную томишь во мгле!

[1] Негодование рождает стих. Ювенал. Сатиры, I, 79 *(лат.).— Ред.*

Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!
Ты роешься, подземный крот!
Я слышу трудный, хриплый голос...
Не медли. Помни: слабый колос
Под их секирой упадет...
Как зерна, злую землю рой
И выходи на свет. И ведай:
За их случайною победой
Роится сумрак гробовой.
Лелей, пои, таи ту новь,
Пройдет весна — над этой повью,
Вспоенная твоею кровью,
Созреет новая любовь.

3 июня 1907

* * *

Тропами таїнными, ночными,
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над ними встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый перей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит *времен величье*
И *розоперстая судьба!*
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!
Всё, всё — да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!

3 июня 1907

* * *

В голодной и больной неволе
И день не в день, и год не в год.
Когда же всколосится поле,
Вздохнет униженный народ?

Что лето, шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь
Всю ночь под тайным ветром, злаки;
Пора цветенья началась.

Народ — венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не миновать господня лета
Благоприятного — и нам.

15 февраля 1909

* * *

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданьем,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страданьем
Трезвонят до потери сил...

Над мировою чепухою;
Над всем, чему нельзя помочь;
Звонят над шубкой меховою,
В которой ты была в ту ночь.

30 марта 1909
Ревель

* * *

О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас
За то, что тихими стихами
Мы громко обличили вас!
Но мы — всё те же. Мы, поэты,
За вас, о вас тоскуем вновь,
Храня священную любовь,
Твердя старинные обеты...
И так же прост наш тихий храм,
Мы на стенах читаем сроки...
Так смейтесь, и не верьте нам,
И не читайте наши строки
О том, что под землей струи
Поют, о том, что бродят светы...

Но помни Тютчева заветы:
Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...

Январь 1911

* * *

Я — Га́млет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.

6 февраля 1914

* * *

Так. Буря этих лет прошла.
Мужик поплелся бороздою
Сырой и черной. Надо мною
Опять звенят весны крыла...

И страшно, и легко, и больно;
Опять весна мне шепчет: *встань*...
И я целую богомольно
Ее невидимую ткань...

И сердце бьется слишком скоро,
И слишком молодеет кровь,
Когда за тучкой легкоперой
Сквозит мне первая любовь...

Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...
Нет, не один я был на пире!
Нет, не забуду никогда!

14 февраля 1909

* * *

Да, так велит мне вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.
И я люблю сей мир ужасный:
За ним сквозит мне мир иной,
Обетованный и прекрасный,
И человечески-простой.
И если ты не жнешь, не сеешь,
Коль ты «так просто — человек»,
То что́ ты знаешь? Что ты смеешь
Судить в безумный этот век?
Ты был когда-нибудь унижен
Болезнью, голодом, нуждой?
Ты видел ли детей в Париже?

Иль нищих на мосту зимой? —
На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне,
И пусть разит твой гордый гнев
Не тех, кто тащит жизни бремя...
Иной и злое сеял семя,
Но не бесплоден был посев...
Он прав хоть тем, что жизни этой
Румяна жирные отверг,
Что, как пугливый крот, от света
Зарылся в землю, там померк,
Всю жизнь жестоко ненавидя
И проклиная этот свет,
Пускай грядущего не видя,
Дням настоящим молвив: *Нет!*

Сентябрь 1911

* * *

Когда мы встретились с тобой,
Я был больной, с душою ржавой.
Сестра, сужденная судьбой,
Весь мир казался мне Варшавой!
Я помню: днем я был «поэт»,
А ночью (призрак жизни вольной!) -
Над черной Вислой — черный бред...
Как скучно, холодно и больно!
Когда б из памяти моей
Я вычеркнуть имел бы право
Сырой притон тоски твоей
И скуки, мрачная Варшава!
Лишь ты, сестра, твердила мне
Своей волнующей тревогой
О том, что мир — жилище бога,
О холоде и об огне.

1910 — 6 февраля 1914

* * *

Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.

Но за любовью — зреет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья, иль избранья.

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!
Уюта — нет. Покоя — нет.

1911 — 6 февраля 1914

* * *

В огне и холоде тревог —
Так жизнь пройдет. Запомним оба,
Что встретиться судил нам бог
В час искупительный — у гроба.

Я верю: новый век взойдет
Средь всех несчастных поколений.
Недаром славит каждый род
Смертельно оскорбленный гений.

И все, как он, оскорблены
В своих сердцах, в своих певучих.
И всем — священный меч войны
Сверкает в неизбежных тучах.

Пусть день далек — у нас всё те ж
Заветы юношам и девам:
Презренье созревает гневом,
А зрелость гнева — есть мятеж.

Разыгрывайте жизнь, как фант.
Сердца поэтов чутко внемлют,
В их беспокойстве — воли дремлют;
Так точно — черный бриллиант

Спит сном неведомым и странным,
В очарованьи бездыханном,
Среди глубоких недр,— пока
В горах не запоет кирка.

1910 — 6 февраля 1914

Sic finit occulte sic multos decipit aetas
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet
Heu heu praeteritum non est revocabile tempus
Heu propius tacito mors venit ipsa pede [1].

Надпись под часами в церкви Santa Maria Novella (Флоренция)

РАВЕННА

Всё, что минутно, всё, что бренно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.

Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаи́к.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.

От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожег.

Так незаметно многих уничтожают годы,
Так приходит к концу всё сущее в мире;
Увы, увы, невозвратимо минувшее время,
Увы, торопится смерть неслышным шагом. *(Лат.).— Ред.*

Военной брани и обиды
Забыт и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.

Далёко отступило море,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.

А виноградные пустыни,
Дома и люди — всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

Май — июнь 1909

* * *

Почиет в мире Теодорих,
И Дант не встанет с ложа сна.
Где прежде бушевало море,
Там — виноград и тишина.
В ласкающем и тихом взоре
Равеннских девушек — весна.

Здесь голос страсти невозможен,
Ответа нет моей мольбе!
О, как я пред тобой ничтожен!
Завидую твоей судьбе,
О, Галла! — страстию к тебе
Всегда взволнован и встревожен!

Июнь 1909

ДЕВУШКА ИЗ SPOLETO

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой — мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи —
Дай, как монаху, взойти на костер!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду,
Где ты срываешь цветы,— и люблю!

Мимо, всё мимо — ты ветром гонима —
Солнцем палима — Мария! Позволь
Взору — прозреть над тобой херувима,
Сердцу — изведать сладчайшую боль!

Тихо я в темные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник спящих глаз.

3 июня 1909

ВЕНЕЦИЯ

1

С ней уходил я в море,
С ней покидал я берег,
С нею я был далёко,
С нею забыл я близких...

О, красный парус
В зеленой да́ли!
Черный стеклярус
На темной шали!

Идет от сумрачной обедни,
Нет в сердце крови...
Христос, уставший крест нести...

Адриатической любови —
Моей последней —
Прости, прости!

9 мая 1909

2

Евг Иванову

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь — больной и юный —
Простерт у львиного столба.

На башне, с песнию чугунной,
Гиганты бьют полночный час.
Марк утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.

В тени дворцовой галлереи,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой.

Всё спит — дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользящий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный мрак.

Август 1909

3

Слабеет жизни гул упорный.
Уходит вспять прилив забот.
И некий ветр сквозь бархат черный
О жизни будущей поет.

Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне?

Кто даст мне жизнь? Потомок дожа,
Купец, рыбак иль перей
В грядущем мраке делит ложе
С грядущей матерью моей?

Быть может, венецейской девы
Канцоной нежной слух пленя,
Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня?

И неужель в грядущем веке
Младенцу мне — велит судьба
Впервые дрогнувшие веки
Открыть у львиного столба?

Мать, что́ поют глухие струны?
Уж ты мечтаешь, может быть,
Меня от ветра, от лагуны
Священной шалью оградить?

Нет! Всё, что есть, что было,— живо!
Мечты, виденья, думы — прочь!
Волна возвратного прилива
Бросает в бархатную ночь!

26 августа 1909

ПЕРУДЖИЯ

День полувеселый, полустрадный,
Голубая даль от Умбрских гор.
Вдруг — минутный ливень, ветр прохладный,
За окном открытым — громкий хор.

Там — в окне, под фреской Перуджино,
Черный глаз смеется, дышит грудь:
Кто-то смуглою рукой корзину
Хочет и не смеет дотянуть...

На корзине — белая записка:
«Questa sera... [1] монастырь Франциска...»

Июнь 1909

[1] Нынче вечером *(итал.).— Ред.*

ФЛОРЕНЦИЯ

1

Умри, Флоренция, Иуда,
Исчезни в сумрак вековой!
Я в час любви тебя забуду,
В час смерти буду не с тобой!

О, Bella [1], смейся над собою,
Уж не прекрасна больше ты!
Гнилой морщиной гробовою
Искажены твои черты!

Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дома,
Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!

Звенят в пыли велосипеды
Там, где святой монах сожжен,
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон!

Ты пышных Ме́дичей тревожишь,
Ты топчешь лилии свои,
Но воскресить себя не можешь
В пыли торговой толчеи!

Гнусавой мессы стон протяжный
И трупный запах роз в церквах —
Весь груз тоски многоэтажный —
Сгинь в очистительных веках!

Май — июнь 1909

2

Флоренция, ты прис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашин?

---

[1] Прекрасная *(итал.)* — распространенное в Италии название Флоренции.— *Ред.*

О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить в твоей глуши;
Уйти в твой древний зной и в нежность
Своей стареющей души...

Но суждено нам разлучиться,
И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя.

Июнь 1909

3

Страстью длинной, безмятежной
Занялась душа моя,
Ирис дымный, ирис нежный,
Благовонная струя,
Переплыть велит все реки
На воздушных парусах,
Утонуть велит навеки
В тех вечерних небесах,
И когда предамся зною,
Голубой вечерний зной
В голубое голубою
Унесет меня волной...

Июнь 1909

4

Жгут раскаленные камни
Мой лихорадочный взгляд.
Дымные ирисы в пламени,
Словно сейчас улетят.
О, безысходность печали,
Знаю тебя наизусть!
В черное небо Италии
Черной душою гляжусь.

Июнь 1909

5

Окна ложные на́ небе черном,
И прожектор на древнем дворце.
Вот проходит она — вся в узорном
И с улыбкой на смуглом лице.

А вино уж мутит мои взоры
И по жилам огнем разлилось...
Что мне спеть в этот вечер, синьора?
Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось?

Июнь 1909

6

Под зноем флорентийской лени
Еще беднее чувством ты:
Молчат церковные ступени,
Цветут нерадостно цветы.

Так береги остаток чувства,
Храни хоть творческую ложь:
Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.

17 мая 1909

7

Голубоватым дымом
Вечерний зной возносится,
Долин тосканских царь...

Он мимо, мимо, мимо
Летучей мышью бросится
Под уличный фонарь...

И вот уже в долинах
Несметный сонм огней,

И вот уже в витринах
Ответный блеск камней,
И город скрыли горы
В свой сумрак голубой,
И тешатся синьоры
Канцоной площадной.

Дымится пыльный ирис,
И легкой пеной пенится
Бокал Христовых Слез...

Пляши и пой на пире,
Флоренция, изменница,
В венке спаленных роз!..

Сведи с ума канцоной
О преданной любви,
И сделай ночь бессонной,
И струны оборви,
И бей в свой бубен гулкий,
Рыдания тая!
В пустынном переулке
Скорбит душа твоя...

Август 1909

* * *

Вот девушка, едва развившись,
Еще не потупляясь, не краснея,
Непостижимо черным взглядом
Смотрит мне навстречу.
Была бы на то моя воля,
Просидел бы я всю жизнь в Сеттиньяно,
У выветрившегося камня Септимия Севéра.
Смотрел бы я на камни, залитые солнцем,
На красивую загорелую шею и спину
Некрасивой женщины под дрожащими тополями.

15 мая 1909
Settignano

MADONNA DA SETTIGNANO

Встретив на горном тебя перевале,
Мой прояснившийся взор
Понял тосканские дымные дали
И очертания гор.

Желтый платок твой разубран цветами —
Сонный то маковый цвет.
Смотришь большими, как небо, глазами
Бедному страннику вслед.

Дашь ли запреты забыть вековые
Вечному путнику — мне?
Страстно твердить твое имя, Мария,
Здесь, на чужой стороне?

3 июня 1909

ФЬЁЗОЛЕ

Стучит топор, и с кампанил
К нам флорентийский звон долинный
Плывет, доплыл и разбудил
Сон золотистый и старинный...

Не так же ли стучал топор
В нагорном Фьёзоле когда-то,
Когда впервые взор Беато
Флоренцию приметил с гор?

Июнь 1909

СИЕНА

В лоне площади пологой
Пробивается трава.
Месяц острый, круторогий,
Башни — свечи божества.

О, лукавая Сиена,
Вся — колчан упругих стрел!
Вероломство и измена —
Твой таинственный удел!

От соседних лоз и пашен
Оградясь со всех сторон,
Острия церквей и башен
Ты вонзила в небосклон!

И томленьем дух влюбленный
Исполняют образа,
Где коварные мадонны
Щурят длинные глаза:

Пусть грозит младенцу буря,
Пусть грозит младенцу враг,
Мать глядится в мутный мрак,
Очи влажные сощуря!..

7 июня 1909

СИЕНСКИЙ СОБОР

Когда страшишься смерти скорой,
Когда твои неярки дни,—
К плитам Сиенского собора
Свой натруженный взор склони.

Скажи, где место вечной ночи?
Вот здесь — Сивиллины уста
В безумном трепете пророчат
О воскресении Христа.

Свершай свое земное дело,
Довольный возрастом своим.
Здесь под резцом оцепенело
Всё то, над чем мы ворожим.

Вот — мальчик над цветком и с птицей,
Вот — муж с пергаментом в руках,
Вот — дряхлый старец над гробницей
Склоняется на двух клюках.

Молчи, душа. Не мучь, не трогай,
Не понуждай и не зови:
Когда-нибудь придет он, строгий,
Кристально-ясный час любви.

Июнь 1909

* * *

Искусство — ноша на плечах,
Зато как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!
Как сладостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах кровь
Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь
Поймать за тучкою летучей,
И грезить, будто жизнь сама
Встает во всем шампанском блеске
В мурлыкающем нежно треске
Мигающего cinéma! [1]
А через год — в чужой стране:
Усталость, город неизвестный,
Толпа,— и вновь на полотне
Черты француженки прелестной!..

Июнь 1909
Foligno

* * *

Глаза, опущенные скромно,
Плечо, закрытое фатой...
Ты многим кажешься святой,
Но ты, Мария, вероломна...

Быть с девой — быть во власти ночи,
Качаться на морских волнах...
И не напрасно эти очи
К мирянам ревновал монах:

[1] Кинематограф *(франц.).— Ред.*

Он в нише сумрачной церковной
Поставил с братией ее —
Подальше от мечты греховной,
В молитвенное забытье...

Однако, братьям надоело
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Конец преданьям и туманам!
Теперь — во всех церквах она
Равно — монахам и мирянам
На поруганье предана...

Но есть один вздыхатель тайный
Красы божественной — поэт...
Он видит твой необычайный,
Немеркнущий, Мария, свет!

Он на коленях в нише темной
Замолит страстные грехи,
Замолит свой восторг нескромный,
Свои греховные стихи!

И ты, чье сердце благосклонно,
Не гневайся и не дивись,
Что взглянет он порой влюбленно
В твою ласкающую высь!

12 июня 1909

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

С детских лет — видения и грезы,
Умбрии ласкающая мгла.
На оградах вспыхивают розы,
Тонкие поют колокола.

Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый взор.
Лишь она одна в предвечном круге
Ткет и ткет свой шелковый узор.

Робкие томят ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.
И внезапно — красные одежды
Дрогнули на золоте стены.

Всем лицом склонилась над шелками,
Но везде — сквозь золото ресниц —
Вихрь ли с многоцветными крылами
Или ангел, распростертый ниц...

Темноликий ангел с дерзкой ветвью
Молвит: «Здравствуй! Ты полна красы!»
И она дрожит пред страстной вестью,
С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет — ближе, ближе,
Уж над ней — шумящих крыл шатер...
И она без сил склоняет ниже
Потемневший, помутневший взор...

Трепеща, не верит: «Я ли, я ли?»
И рукою закрывает грудь...
Но чернеют пламенные дали —
Не уйти, не встать и не вздохнуть...

И тогда — незнаемою болью
Озарился светлый круг лица...
А над ними — символ своеволья —
Перуджийский гриф когтит тельца.

Лишь художник, занавесью скрытый,—
Он провидит страстной муки крест
И твердит: «Profani, procul ite,
Hic amoris locus sacer est» [1].

Май — июнь 1909
Perudgia — Spoleto

---

[1] Идите прочь, непосвященные: здесь свято место любви *(лат.).— Ред.*

УСПЕНИЕ

Ее спеленутое тело
Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.

Уже не шумный и не ярый,
С волненьем, в сжатые персты
В последний раз архангел старый
Влагает белые цветы.

Златит далекие вершины
Прощальным отблеском заря,
И над туманами долины
Встают усопших три царя.

Их привела, как в дни былые,
Другая, поздняя звезда.
И пастухи, уже седые,
Как встарь, сгоняют с гор стада.

И стражей вечному покою
Долины заступила мгла.
Лишь меж звездою и зарею
Златятся нимбы без числа.

А выше, по крутым оврагам
Поет ручей, цветет миндаль,
И над открытым саркофагом
Могильный ангел смотрит в даль.

4 июня 1909
Spoleto

ЭПИТАФИЯ ФРА ФИЛИППО ЛИППИ[1]

Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный,
Дивная прелесть моей кисти — у всех на устах.
Душу умел я вдохнуть искусными пальцами в краски,
Набожных душ умел — голосом бога смутить.

[1] Эпитафия сочинена Полицианом и вырезана на могильной плите художника в Сполетском соборе по повелению Лаврентия Великолепного.

Даже природа сама, на мои заглядевшись созданья,
Принуждена меня звать мастером равным себе.

В мраморном этом гробу меня упокоил Лаврентий
Ме́дичи, прежде чем я в низменный прах обращусь.

17 марта 1914

CONDITUS HIC EGO SUM PICTURE FAMA PHILIPPUS
NULLI IGNOTA MEE GRATIA MIRA MANUS
ARTIFICIS POTUI DIGITIS ANIMARE COLORES
SPERATAQUE ANIMOS FALLERE VOCE DIU
IPSA MEIS STUPUIT NATURA EXPRESSA FIGURIS
MEQUE SUIS FASSA EST ARTIBUS ESSE PAREM

MARMOREO TUMULO MEDICES LAURENTIUS HIC ME
CONDIDIT ANTE HUMILI PULVERE TECTUS ERAM

ЗА ГРОБОМ

Божья матерь *Утоли мои печали*
Перед гробом шла, светла, тиха.
А за гробом — в траурной вуали
Шла невеста, провожая жениха...

Был он только литератор модный,
Только слов кощунственных творец...
Но мертвец — родной душе народной:
Всякий свято чтит она конец.

И навстречу кланялись, крестили
Многодумный, многотрудный лоб.
А друзья и близкие пылили
На икону, на нее, на гроб...

И с какою бесконечной грустью
(Не о нем — бог весть о ком?)
Приняла она слова сочувствий
И венок случайный за венком...

Этих фраз избитых повторенья,
Никому не нужные слова —
Возвела она в венец творенья,
В тайную улыбку божества...

Словно здесь, где пели и кадили,
Где и грусть не может быть тиха,
Убралась она фатой от пыли
И ждала Иного Жениха...

6 июля 1908

ДРУЗЬЯМ

Молчите, проклятые струны!
А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что́ делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы приклонить!

Что́ делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что́ делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля — так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

24 июля 1908

ПОЭТЫ

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты,— и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть,— хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно всё это!..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала,—
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

24 июля 1908

* * *

Когда замрут отчаянье и злоба,
Нисходит сон. И крепко спим мы оба
На разных полюсах земли.

Ты обо мне, быть может, грезишь в эти
Часы. Идут часы походкою столетий,
И сны встают в земной дали.

И вижу в снах твой образ, твой прекрасный,
Каким он был до ночи злой и страстной,
Каким являлся мне. Смотри:

Всё та же ты, какой цвела когда-то,
Там, над горой туманной и зубчатой,
В лучах немеркнущей зари.

1 августа 1908

* * *

Ты так светла, как снег невинный.
Ты так бела, как дальний храм.
Не верю этой ночи длинной
И безысходным вечерам.

Своей душе, давно усталой,
Я тоже верить не хочу.
Быть может, путник запоздалый,
В твой тихий терем постучу.

За те погибельные муки
Неверного сама простишь,
Изменнику протянешь руки,
Весной далекой наградишь.

8 ноября 1908

* * *

Всё это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?

Иль в ночь на Пасху, над Невою,
Под ветром, в стужу, в ледоход —
Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнет?

Иль на возлюбленной поляне
Под шелест осени седой
Мне тело в дождевом тумане
Расклюет коршун молодой?

Иль просто в час тоски беззвездной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
Усну на белых простынях?

И в новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,
И буду так же помнить дожей,
Как нынче помню Калиту?

Но верю — не пройдет бесследно
Всё, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!

Август 1909

СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он — немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад.
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет — нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Созданья хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что́ в вас толку?
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка — душа...

25 ноября 1909

СОН

Моей матери

Я видел сон: мы в древнем склепе
Схоронены; а жизнь идет
Вверху — всё громче, всё нелепей;
И день последний настает.

Чуть брежжит утро Воскресенья.
Труба далекая слышна.
Над нами — красные каменья
И мавзолей из чугуна.

И он идет из дымной дали;
И ангелы с мечами — с ним;
Такой, как в книгах мы читали,
Скучая и не веря им.

Под аркою того же свода
Лежит спокойная жена;
Но ей не дорога свобода:
Не хочет воскресать она...

И слышу, мать мне рядом шепчет:
«Мой сын, ты в жизни был силен:
Нажми рукою свод покрепче,
И камень будет отвален».—

«Нет, мать. Я задохнулся в гробе,
И больше нет бывалых сил.
Молитесь и просите обе,
Чтоб ангел камень отвалил».

20 июня 1910

КОМЕТА

Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда!
Но наши девы — по атласам
Выводят шелком миру: да!
Но будят ночь всё тем же гласом —
Стальным и ровным — поезда!

Всю ночь льют свет в твои селенья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
Следя твой путь сквозь стекла крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звезд разносится матчиш!

Наш мир, раскинув хвост павлиний,
Как ты, исполнен буйством грез:
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу — стремят отныне
Полет — стада стальных стрекоз!

Грозись, грозись над головою,
Звезды ужасной красота!
Смолкай сердито за спиною,
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!

Сентябрь 1910

* * *

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала́ зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг — суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям,— и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

1911 — 6 февраля 1914
Aber'Wrach, Finistère

* * *

Благословляю всё, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал!

Пускай и счастие и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой скуке –
Я не утратил прежний свет.

И ты, кого терзал я новым,
Прости меня. Нам быть — вдвоем.
Всё то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоем.

Глядят внимательные очи,
И сердце бьет, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.

15 января 1912

ПОСЛАНИЯ

ЮРИЮ ВЕРХОВСКОМУ

(При получении «Идиллий и элегий»)

Дождь мелкий, разговор неспешный,
Из-под цилиндра прядь волос,
Смех легкий и немножко грешный —
Ведь так при встречах повелось?

Но вот — какой-то светлый гений
С туманным факелом в руке
Занес ваш дар в мой дом осенний,
Где я — в тревоге и в тоске.

И в шуме осени суровом
Я вспомнил вас, люблю уже
За каждый ваш намек о новом
В старинном, грустном чертеже.

Мы посмеялись, пошутили,
И всем придется, может быть,
Сквозь резвость томную идиллий
В ночь скорбную элегий плыть.

Сентябрь 1910

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

(При получении «Зеркала теней»)

И вновь, и вновь твой дух таинственный
В глухой ночи́, в ночи́ пустой
Велит к твоей мечте единственной
Прильнуть и пить напиток твой.

Вновь причастись души неистовой,
И яд, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в зеркало тене́й...

Пусть, несказа́нной мукой мучая,
Здесь бьется страсть, змеится грусть,
Восторженная буря случая
Сулит конец, убийство — пусть!

Что жизнь пытала, жгла, коверкала,
Здесь стало легкою мечтой,
И поле траурного зеркала
Прозрачной стынет красотой...

А красотой без слов повелено:
«Гори, гори. Живи, живи.
Пускай крыло души прострелено —
Кровь обагрит алтарь любви».

20 марта 1912

ВЛАДИМИРУ БЕСТУЖЕВУ

(Ответ)

Да, знаю я: пронзили ночь отвека
Незримые лучи.
Но меры нет страданью человека,
Ослепшего в ночи!

Да, знаю я, что в тайне — мир прекрасен
(Я знал Тебя, Любовь!),
Но этот шар над льдом жесток и красен,
Как гнев, как месть, как кровь!

Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля всё до дна,
Что ищет нас, что в свисте ветра длится
Иная тишина...

Но страннику, кто снежной ночью полон,
Кто загляделся в тьму,
Приснится, что не в вечный свет вошел он,
А луч сошел к нему.

23 марта 1912

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Был скрипок вой в разгаре бала.
Вином и кровью дыша,
В ту ночь нам судьбы диктовала
Восстанья страшная душа.

Из стран чужих, из стран далеких
В наш огнь вступивши снеговой,
В кругу безумных, томнооких
Ты золотою встал главой.

Слегка согбен, не стар, не молод,
Весь — излученье тайных сил,
О, скольких душ пустынный холод
Своим ты холодом пронзил!

Был миг — неведомая сила,
Восторгом разрывая грудь,
Сребристым звоном оглушила,
Секучим снегом ослепила,
Блаженством исказила путь!

И в этот миг, в слепящей вьюге,
Не ведаю, в какой стране,
Не ведаю, в котором круге,
Твой странный лик явился мне...

И я, дичившийся доселе
Очей пронзительных твоих,
Взглянул... И наши души спели
В те дни один и тот же стих.

Но миновалась ныне вьюга.
И горькой складкой те года
Легли на сердце мне. И друга
В тебе не вижу, как тогда.

Как в годы юности, не знаю
Бездонных чар твоей души...
Порой, как прежде, различаю
Песнь соловья в твоей глуши...

И много чар, и много песен,
И древних ликов красоты...
Твой мир, поистине, чудесен!
Да, царь самодержавный — ты.

А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,
Теперь на пыльном перекрестке
На царский поезд твой смотрю.

18 апреля 1912

АННЕ АХМАТОВОЙ

«Красота страшна» — Вам скажут,—
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан — в волосах.

«Красота проста» — Вам скажут,—
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан — на полу.

Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».

16 декабря 1913

* * *

И вновь — порывы юных лет,
И взрывы сил, и крайность мнений...
Но счастья не было — и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений!

Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел — тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,

И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на полжизни не хватило,

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь,—

И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастием привыкли звать!

19 июня 1912

ХУДОЖНИК

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе не слышанный звон.

Вот он — возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или спрыны райские
В листьях поют? Или время стоит?
Или осыпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Шпрятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого — нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил,—
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил — убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка — стальная, тяжелая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду — и скучаю опять.

12 декабря 1913

* * *

О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестию, ни красотой, ни словом.
Я буду для тебя чужим и новым,
Всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты.

И ты уйдешь. И некий саван белый
Прижмешь к губам ты, пребывая в снах.
Всё будет сном: что ты хоронишь тело,
Что ты стоишь три ночи в головах.

Упоена *красивыми* мечтами,
Ты укоризны будешь слать судьбе.
Украсишь ты нежнейшими цветами
Могильный холм, приснившийся тебе.

И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день и в день сороковой —
Неузнанной, *красивой,* неживою.
Такой ведь ты искала? — Да, такой.

Когда же грусть твою погасит время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не теми...
И ты *простой* возжаждешь красоты.

И *он* придет, знакомый, долгожданный,
Тебя будить от *неземного* сна.
И в мир другой, на миг благоуханный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой новый друг,
В тот самый миг, когда твой смех жемчужный
Ему расскажет, что прошел *недуг*.

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг — очнешься: пусто; нет огня;
И в этот час, под ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь — меня!

Как исступленно ты протянешь руки
В глухую ночь, о, бедная моя!
Увы! Не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

15 декабря 1913

ЖЕНЩИНА

Памяти Августа Стриндберга

Да, я изведала все муки,
Мечтала жадно о конце...
Но нет! Остановились руки,
Живу — с печалью на лице...

Весной по кладбищу бродила
И холмик маленький нашла.
Пусть неизвестная могила
Узнает всё, чем я жила!

Я принесла цветов любимых
К могиле на закате дня...
Но кто-то ходит, ходит мимо
И взглядывает на меня.

И этот взгляд случайно встретя,
Я в нем вниманье прочла...
Нет, я одна на целом свете!..
Я отвернулась и прошла.

Или мой вид внушает жалость?
Или понравилась ему
Лица печального усталость?
Иль просто — скучно одному?..

Нет, лучше я глаза закрою:
Он строен, он печален; пусть
Не ляжет между ним и мною
Соединяющая грусть...

Но чувствую: он за плечами
Стоит, он подошел в упор...
Ему я гневными речами
Уже готовлюсь дать отпор,—

И вдруг, с мучительным усильем,
Чуть слышно произносит он:
«О, не пугайтесь. Здесь в могиле
Ребенок мой похоронен».

Я извинилась, выражая
Печаль наклоном головы;
А он, цветы передавая,
Сказал: «Букет забыли вы».—

«Цветы я в память встречи с вами
Ребенку вашему отдам...»
Он, холодно пожав плечами,
Сказал: «Они нужнее вам».

Да, я виновна в своей ошибке,
Но... не прощу до смерти (нет!)
Той снисходительной улыбки,
С которой он смотрел мне вслед!

Август 1914

ПЕРЕД СУДОМ

Что́ же ты потупилась в смущеньи?
Погляди, как прежде, на меня.
Вот какой ты стала — в униженьи,
В резком, неподкупном свете дня!

Я и сам ведь не такой — не прежний,
Недоступный, гордый, чистый, злой.
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.

Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам сужденный путь...

Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе — ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...

Что же делать, если́ обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала.—
Всё-таки, когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь — такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

11 октября 1915

АНТВЕРПЕН

Пусть это время далекó,
Антверпен! — И за морем крови
Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.

И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
И пахнет снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
В широко стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер:
Ему на Конго курс держать...

А ты — во мглу веков глядись
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;
Там в складки платья Саломеи
Цветы из золота вплелись...

Но всё — притворство, всё — обман:
Взгляни наверх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружащийся аэроплан.

5 октября 1914

* * *

Похоронят, зароют глубоко,
Бедный холмик травой порастет,
И услышим: далёко, высоко
На земле где-то дождик идет.

Ни о чем уж мы больше не спросим,
Пробудясь от ленивого сна.
Знаем: если не громко — там осень,
Если бурно — там, значит, весна.

Хорошо, что в дремотные звуки
Не вступают восторг и тоска,
Что от муки любви и разлуки
Упасла гробовая доска.

Торопиться не надо, уютно;
Здесь, пожалуй, надумаем мы,
Что́ под жизнью беспутной и путной
Разумели людские умы.

18 октября 1915

* * *

На улице — дождик и слякоть,
Не знаешь, о чем горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.

Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка, наколем лучины,
Раздуем себе самовар!

Авось, хоть за чайным похмельем
Ворчливые речи мои
Затеплят случайным весельем
Сонливые очи твои.

За верность старинному чину!
За то, чтобы жить не спеша!
Авось, и распарит кручину
Хлебнувшая чаю душа!

10 декабря 1915

* * *

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал дух,
Не для дружб я боролся с судьбой.

Ты и сам был когда-то мрачней и смелей,
По звездáм прочитать ты умел,
Что грядущие ночи — темней и темней,
Что ночам неизвестен предел.

Вот — свершилось. Весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк.
И тому, кто не понял вещания звезд,—
Нестерпим окружающий мрак.

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста,—
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста...

Было время надежды и веры большой —
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и детской душой,
Не пугаясь людской клеветы...

А теперь — тех надежд не отыщешь следа,
Всё к далеким звездам унеслось.
И к кому шел с открытой душою тогда,
От того отвернуться пришлось.

И сама та душа, что, пылая, ждала,
Треволненьям отдаться спеша,—
И враждой, и любовью она изошла,
И сгорела она, та душа.

И остались — улыбкой сведенная бровь,
Сжатый рот и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую кровь,
Зажигая звериную страсть...

Не стучись же напрасно у плотных дверей,
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участья у бедных зверей,
Называвшихся прежде людьми.

Ты — железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.

9 июня 1916

* * *

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.

Свирель поет: взошла звезда,
Пастух, гони стада...
И под мостом поет вода:
Смотри, какие быстрины,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видел никогда...
Такой глубокой тишины
Не слышал никогда...

Смотри, какие быстрины,
Когда ты видел эти сны?..

22 мая 1908

* * *

Душа! Когда устанешь верить?
Весна, весна! Она томна,
Как тайна приоткрытой двери
В кумирню золотого сна...

Едва, подругу покидая,
Ушел я в тишину и тень,
И вот опять — зовет другая,
Другая вызывает день...

Но мглой весеннею повито
Всё, что кипело здесь в груди...
Не пой, не требуй, Маргарита,
В мое ты сердце не гляди...

26 марта 1908

* * *

И я любил. И я изведал
Безумный хмель любовных мук,
И пораженья, и победы,
И имя: *враг;* и слово: *друг.*

Их было много... Что́ я знаю?
Воспоминанья, тени сна...
Я только странно повторяю
Их золотые имена.

Их было много. Но одною
Чертой соединил их я,
Одной безумной красотою,
Чье имя: страсть и жизнь моя.

И страсти таинство свершая,
И поднимаясь над землей,
Я видел, как идет другая
На ложе страсти роковой...

И те же ласки, те же речи,
Постылый трепет жадных уст,
И примелькавшиеся плечи...
Нет! Мир бесстрастен, чист и пуст!

И, наполняя грудь весельем,
С вершины самых снежных скал
Я шлю лавину тем ущельям,
Где я любил и целовал!

30 марта 1908

* * *

Вл. Пясту

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщины с безумными очами,
С вечно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!

Хорошо в лугу широким кру́гом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти,—
Но достойней за тяжелым плугом
В свежих росах по́утру идти!

28 мая 1908

В.

1

Всё помнит о весле вздыхающем
Мое блаженное плечо...
Под этим взором убегающим
Не мог я вспомнить ни о чем...

Твои движения несмелые,
Неверный поворот руля...
И уходящий в ночи белые
Неверный призрак корабля...

И в ясном море утопающий
Печальный стан рыбачьих шхун...
И в золоте восходном тающий
Бесцельный путь, бесцельный вьюн...

28 мая 1908

2

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце — страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем — твоих поцелуев бред,
Темный мо́рок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Февраль 1910

3

Знаю я твое льстивое имя,
Черный бархат и губы в огне,
Но стоит за плечами твоими
Иногда неизвестное мне.

И ложится упорная гневность
У меня меж бровей на челе:
Она жжет меня, черная ревность
По твоей незнакомой земле.

И, готовый на новые муки,
Вспоминаю те вьюги, снега,
Твои дикие слабые руки,
Бормотаний твоих жемчуга.

18 ноября 1910

ВСТРЕЧНОЙ

Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скальда.
А муж твой носит томик Уайльда,
Шотландский плэд, цветной жилет...
Твой муж — презрительный эстет.

Не потому ль насмешлив он,
Что подозрителен без меры?
Следит, кому отдашь поклон...
А я... что́ мне его химеры!
Сегодня я в тебя влюблен!

Ты вероломством, лестью, ложью,
Как ризами, облечена...
Скажи мне, верная жена,
Дрожала ль ты заветной дрожью,
Была ли тайно влюблена?

И неужели этот сонный,
Ревнивый и смешной супруг
Шептал тебе: «Поедем, друг...»,
Тебя закутав в плэд зеленый
От зимних петербургских вьюг?

И неужели после бала
Твой не лукавил томный взгляд,
Когда воздушный свой наряд
Ты с плеч покатых опускала,
Изведав танца легкий яд?

2 июня 1908

МЭРИ

1

Опять у этой двери
Оставила коня
И пухом светлых перий
Овеяла меня,
И профиль прежней Мэри
Горит на склоне дня.

Опять затепли свечи,
Укрась мое жилье,
Пусть будут те же речи
Про вольное житье,
Твои высокие плечи,
Безумие мое!

Последней страсти ярость,
В тебе величье есть:
Стучащаяся старость
И близкой смерти весть...
О, зрелой страсти ярость,
Тебя не перенесть!

2

Жениха к последней двери
Проводив,
О негаданной потере
Погрустив,
Встала Мэри у порога,

Грустно смотрит на дорогу,
Звезды ранние зажглись,
Мэри смотрит ввысь.

Вон о той звезде далекой,
Мэри, спой.
Спой о жизни, одиноко
Прожитой...
Спой о том, что́ не свершил он,
Для чего от нас спешил он
В незнакомый, тихий край,
В песнях, Мэри, вспоминай...

Тихо пой у старой двери,
Нежной песне мы поверим,
Погрустим с тобою, Мэри.

3

Косы Мэри распущены,
Руки опущены,
Слезы уронены,
Мечты похоронены.

И рассыпалась грусть
Жемчугами...
Мы о Мэри твердим наизусть
Золотыми стихами...

Мы о Мэри грустим и поем,
А вверху, в водоеме твоем,
Тихий господи,
И не счесть светлых рос,
Не заплесть желтых кос
Тучки утренней.

17 июля 1908

* * *

Усните блаженно, заморские гости, усните,
Забудьте, что в клетке, где бьемся, темней и темнее...
Что падают звезды, чертя серебристые нити,
Что пляшут в стакане вина золотистые змеи...

Когда эти нити соткутся в блестящую сетку,
И винные змеи сплетутся в одну бесконечность,
Поднимут, закрутят и бросят ненужную клетку
В бездонную пропасть, в какую-то синюю вечность.

30 июля 1908

* * *

Я пригвожден к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне всё — равно.
Вон счастие мое — на тройке
В серебристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло
В снегу времен, в дали веков...
И только душу захлестнуло
Серебристой мглой из-под подков...

В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь светло...
Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастие прошло...

И только сбруя золотая
Всю ночь видна... Всю ночь слышна...
А ты, душа... душа глухая...
Пьяным пьяна... пьяным пьяна...

26 октября 1908

* * *

Не затем величал я себя паладином
Не затем ведь и ты приходила ко мне,
Чтобы только рыдать над потухшим камином,
Чтобы только плясать при умершем огне!

Или счастие вправду неверно и быстро?
Или вправду я слаб уже, болен и стар?
Нет! В золе еще бродят последние искры,
Есть огонь, чтобы вспыхнул пожар!

30 декабря 1908

* * *

Часовая стрелка близится к полно́чи.
Светлою волною всколыхнулись свечи.
Темною волною всколыхнулись думы.
С Новым годом, сердце! Я люблю вас тайно,
Вечера глухие, улицы немые.
Я люблю вас тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни догоревшей.

4 ноября 1908

* * *

Старинные розы
Несу, одинок,
В снега и в морозы,
И путь мой далек.
И той же тропою,
С мечом на плече,
Идет он за мною
В туманном плаще.
Идет он и знает,
Что снег уже смят,
Что там догорает
Последний закат,
Что нет мне исхода
Всю ночь напролет,
Что больше свобода
За мной не пойдет.
И где, запоздалый,
Сыщу я ночлег?

Лишь розы на талый
Падают снег.
Лишь слезы на алый
Падают снег.
Тоскуя смертельно,
Помочь не могу.
Он розы бесцельно
Затопчет в снегу.

4 ноября 1908

* * *

Уже над морем вечереет,
Уж ты мечтой меня томишь,
И с полуночи ветер веет
Через неласковый камыш.

Огни на мачтах зажигая,
Уходят в море корабли,
А ты, ночная, ты, земная,
Опять уносишь от земли.

Ты вся пленительна и лжива,
Вся — в отступающих огнях,
Во мгле вечернего залива,
В легко-туманных пеленах.

Позволь и мне огонь прибрежный
Тебе навстречу развести,
В венок страстно́й и неизбежный –
Цветок влюбленности вплести...

Обетование неложно:
Передо мною — ты опять.
Душе влюбленной невозможно
О сладкой смерти не мечтать.

24 ноября 1908

* * *

Всё б тебе желать веселья,
Сердце, золото мое!
От похмелья до похмелья,
От приволья вновь к приволью —
Беспечальное житье!

Но низка земная келья,
Бледно золото твое!
В час разгульного веселья
Вдруг намашет страстной болью,
Черным крыльем воронье!

Всё размучен я тобою,
Подколодная змея!
Сине-черною косою
Мила друга оплетая,
Ты моя и не моя!

Ты со мной и не со мною —
Рвешься в дальние края!
Оплетешь меня косою
И услышишь, замирая,
Мертвый окрик воронья!

7 декабря 1908

* * *

Я не звал тебя — сама ты
Подошла.
Каждый вечер — запах мяты,
Месяц узкий и щербатый,
Тишь и мгла.

Словно месяц встал из далей,
Ты пришла
В ткани легкой, без сандалий,
За плечами трепетали
Два крыла.

На траве, едва примятой,
Легкий след.
Свежий запах дикой мяты,
Неживой, голубоватый
Ночи свет.

И живу с тобою рядом,
Как во сне.
И живу под бледным взглядом
Долгой ночи,
Словно месяц там, над садом,
Смотрит в очи
Тишине.

7 декабря 1908

* * *

Грустя и плача и смеясь,
Звенят ручьи моих стихов
У ног твоих,
И каждый стих
Бежит, плетет живую вязь,
Своих не зная берегов.

Но сквозь хрустальные струи
Ты далека мне, как была...
Поют и плачут хрустали...
Как мне создать черты твои,
Чтоб ты прийти ко мне могла
Из очарованной дали?

8 декабря 1908

* * *

Опустись, занавеска линялая,
На больные герани мои.
Сгинь, цыганская жизнь небывалая,
Погаси, сомкни очи твои!

Ты ли, жизнь, мою горницу скудную
Убирала степным ковылем!
Ты ли, жизнь, мою сонь непробудную
Зелены́м отравляла вином!

Как цыганка, платками узорными
Расстилалася ты предо мной,
Ой ли косами и́ссиня-черными,
Ой ли бурей страстей огневой!

Что рыдалось мне в шопоте, в за́бытьи,
Неземные ль какие слова?
Сам не свой только был я, без памяти,
И ходила кругом голова...

Спалена́ моя степь, трава сва́лена,
Ни огня, ни звезды, ни пути...
И кого целовал — не моя вина,
Ты, кому обещался,— прости...

30 декабря 1908

* * *

Мой милый, будь смелым
И будешь со мной.

Я вишеньем белым
Качнусь над тобой.

Зеленой звездою
С востока блесну,

Студеной волною
На панцырь плесну,

Русалкою вольной
Явлюсь над ручьем,

Нам вольно, нам больно,
Нам сладко вдвоем.

Нам в темные ночи
Легко умереть

И в мертвые очи
Друг другу глядеть.

1 января 1909

* * *

Не венчал мою голову траурный лавр
В эти годы пиров и скорбей.
Праздный слух был исполнен громами литавр,
Сердце — музыкой буйных страстей.

Светлой ангельской лжи не знавал я отрав,
Не бродил средь божественных чащ.
Сон мой длился века, все виденья собрав
В свой широкий, полунощный плащ.

И когда вам мерцает обманчивый свет,
Знайте — вновь он совьется во тьму.
Беззакатного дня, легковерные, нет.
Я ночного плаща не сниму.

19 января 1909

* * *

Покойник спать ложится
На белую постель.
В окне легко кружится
Спокойная метель.
Пуховым ветром мчится
На снежную постель.

Снежинок легкий пух
Куда летит, куда?
Прошли, прошли года,
Прости, бессмертный дух,
Мятежный взор и слух!
Настало *никогда*.

И отдых, милый отдых
Легко прильнул ко мне.
И воздух, вольный воздух
Вздохнул на простыне.
Прости, крылатый дух!
Лети, бессмертный пух!

3 февраля 1909

* * *

Уж вечер светлой полосою
На хладных рельсах догорал.
Ты, стройная, с тугой косою,
Прошла по черным пятнам шпал.
Твой быстрый взор огнем докучным
Меня обжог и ослепил.
Мгновенье... громом однозвучным
Нас черный поезд разделил...
Когда же чуть дрожащим звоном
Пропели рельсы: не забудь,
И семафор огнем зеленым
Мне указал свободный путь.—
Уж ты далёко уходила,
Уже теряла цвет трава...
Там пыль взвилась, там ночь вступила
В свои туманные права...
Тревожный свист и клубы дыма
За поворотом на горе...
Напрасный миг, проплывший мимо...
Огонь зеленый на заре.

1 марта 1909

* * *

Здесь в сумерки в конце зимы
Она да я — лишь две души.
«Останься, дай посмотрим мы,
Как месяц канет в камыши».

Но в легком свисте камыша,
Под налетевшим ветерком,
Прозрачным синеньким ледком
Подернулась ее душа...
Ушла — и нет другой души,
Иду, мурлычу: тра-ля-ля...
Остались: месяц, камыши,
Да горький запах миндаля.

27 марта 1909

ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

К. М. С.

1

Всё та же озернáя гладь,
Всё так же каплет соль с градирен.
Теперь, когда ты стар и мирен,
О чем волнуешься опять?

Иль первой страсти юный гений
Еще с душой не разлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?

Ты позови — она придет:
Мелькнет, как прежде, профиль важный,
И голос, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывалые шепнет.

Июнь 1909

2

В темном парке под ольхой
В час полуночи глухой

Белый лебедь от весла
Спрятал голову в крыла.

Весь я — память, весь я — слух,
Ты со мной, печальный дух,

Знаю, вижу — вот твой след,
Смытый бурей стольких лет.

В тéнях траурной ольхи
Сладко дышат мне духи,

В листьях матовых шурша,
Шелестит еще душа,

Но за бурей страстных лет
Всё — как призрак, всё — как бред,

Всё, что было, всё прошло,
В прудовой туман ушло.

Июнь 1909

3

Когда мучительно восстали
Передо мной дела и дни,
И сном глубоким от печали
Забылся я в лесной тени,—

Не знал я, что в *лесу девичьем*
Проходит память прежних дней,
И, пробудясь в игре теней,
Услышал ясно в пеньи птичьем:

«Внимай страстям, и верь, и верь,
Зови их всеми голосами,
Стучись полночными часами
В блаженства замкнутую дверь!»

Июнь 1909

4

Синеокая, бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной,

Встал он тихий, дождями омытый,
Запевает осой ядовитой,

Разметает он прошлого след,
Ему легкого имени нет,

Вижу снова я тонкие руки,
Снова слышу гортанные звуки,

И в глубокую глаз синеву
Погружаюсь опять наяву.

1897—1909
Bad Nauheim

5

Бывают тихие минуты:
Узор морозный на стекле;
Мечта невольно льнет к чему-то,
Скучая в комнатном тепле...

И вдруг — туман сырого сада,
Железный мост через ручей,
Вся в розах серая ограда,
И синий, синий плен очей...

О чем-то шепчущие струи,
Кружащаяся голова...
Твои, хохлушка, поцелуи,
Твои гортанные слова...

Июнь 1909

6

В тихий вечер мы встречались
(Сердце помнит эти сны).
Дерева едва венчались
Первой зеленью весны.

Ясным заревом алея,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда.

Эта юность, эта нежность —
Что́ для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?

Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок,
Поздний вечер над прудами,
Раздушенный ваш платок.

23 марта 1910
Елагин остров

7

Уже померкла ясность взора,
И скрипка под смычок легла,
И злая воля дирижера
По арфам ветер пронесла...

Твой очерк страстный, очерк дымный
Сквозь сумрак ложи плыл ко мне.
И тенор пел на сцене гимны
Безумным скрипкам и весне...

Когда внезапно вздох недальный,
Домчавшись, кровь оледенил,
И кто-то бедный и печальный
Мне к сердцу руку прислонил...

Когда в гаданьи, еле зримый,
Встал предо мной, как редкий дым,
Тот призрак, тот непобедимый...
И арфы спели: *улетим.*

Март 1910

8

Всё, что память сберечь мне старается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах.

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.

И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадилом мечтаний сквозит.

23 марта 1910

УТРО В МОСКВЕ

Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидать.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.

Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро — как прелесть твоя.

Июль 1909

* * *

Как прощались, страстно кля́лись
В верности любви...
Вместе таин приобщались,
Пели соловьи...

Взял гитару на прощанье
И у струн исторг
Все признанья, обещанья,
Всей души восторг...

Да тоска заполонила,
Порвала́сь струна...
Не звала б да не манила
Дальня сторона!

Вспоминай же, ради бога,
Вспоминай меня,
Как седой туман из лога
Встанет до плетня...

5 сентября 1909

* * *

Всё на земле умрет — и мать, и младость,
Жена изменит, и покинет друг.
Но ты учись вкушать иную сладость,
Глядясь в холодный и полярный круг.

Бери свой челн, плыви на дальний полюс
В стенах из льда — и тихо забывай,
Как там любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый край.

И к вздрагиваньям медленного хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было *здесь* ей ничего не надо,
Когда *оттуда* ринутся лучи.

7 сентября 1909

НА СМЕРТЬ КОММИССАРЖЕВСКОЙ

Пришла порою полуночной
На крайний полюс, в мертвый край.
Не верили. Не ждали. Точно
Не таял снег, не веял май.

Не верили. А голос юный
Нам пел и плакал о весне,
Как будто ветер тронул струны
Там, в незнакомой вышине,

Как будто отступили зимы,
И буря твердь разорвала,
И струнно плачут серафимы,
Над миром расплескав крыла...

Но было тихо в нашем склепе,
И полюс — в хладном серебре.
Ушла. От всех великолепий —
Вот только: крылья на заре.

Что́ в ней рыдало? Что́ боролось?
Чего она ждала от нас?
Не знаем. Умер вещий голос,
Погасли звезды синих глаз.

Да, слепы люди, низки тучи...
И где нам ведать торжества?
Залег здесь камень бел-горючий,
Растет у ног плакун-трава...

Так спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой...
Теперь ты с нею — с величавой,
С несбыточной твоей мечтой.

А мы — что́ мы на этой тризне?
Что́ можем знать, чему помочь?
Пускай хоть смерть понятней жизни,
Хоть погребальный факел — в ночь...

Пускай хоть в небе — Вера с нами.
Смотри сквозь тучи: там она —
Развернутое ветром знамя,
Обетова́нная весна.

Февраль 1910

ГОЛОСА СКРИПОК

Евг. Иванову

Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим героя,
И буйной музыки волна
Плеснула в море заревое.

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгливый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

Учись вниманью длинных трав,
Разлейся в море зорь бесцельных,
Протяжный голос свой послав
В отчизну скрипок запредельных.

Февраль 1910

НА ПАСХЕ

В сапогах бутылками,
Квасом припомажен,
С новою гармоникой
Стоит под крыльцом.

На крыльце вертлявая,
Фартучек с кружевцом,
Каблучки постукивают,
Румяная лицом.

Ангел мой, барышня,
Что же ты смеешься,
Ангел мой, барышня,
Дай поцеловать!

Вот еще, стану я,
Мужик неумытый,
Стану я, беленькая,
Тебя целовать!

18 апреля 1910 — май 1914

* * *

Когда-то гордый и надменный,
Теперь с цыганкой я в раю,
И вот — прошу ее смиренно:
«Спляши, цыганка, жизнь мою».

И долго длится пляс ужасный,
И жизнь проходит предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой...

То кружится, закинув руки,
То поползет змеей,— и вдруг
Вся замерла в истоме скуки,
И бубен падает из рук...

О, как я был богат когда-то,
Да всё — не стоит пятака:
Вражда, любовь, молва и злато,
А пуще — смертная тоска.

11 июля 1910

* * *

Где отдается в длинных залах
Безумных троек тихий лёт,
Где вина теплятся в бокалах,—
Там возникает хоровод.

Шурша, звеня, виясь, белея,
Идут по медленным кругам;
И скрипки, тая и слабея,
Сдаются бешеным смычкам.

Одна выходит прочь из круга,
Простерши руку в полумглу;
Избрав назначенного друга,
Цветок роняет на полу.

Не поднимай цветка: в нем сладость
Забвенья всех прошедших дней,
И вся неистовая радость
Грядущей гибели твоей!..

Там всё — игра огня и рока,
И только в горький час обид
Из невозвратного далёка
Печальный ангел просквозит...

19 июля 1910

* * *

Сегодня ты на тройке звонкой
Летишь, богач, гусар, поэт,
И каждый, проходя сторонкой,
Завистливо посмотрит вслед...

Но жизнь — проезжая дорога,
Неладно, жутко на душе:
Здесь всякой праздной голи много
Остаться хочет в барыше...

Ямщик — будь он в поддевке темной
С пером павлиньим напоказ,
Будь он мечтой поэта скромной,—
Не упускай его из глаз...

Задремлешь — и тебя в дремоте
Он острым полоснет клинком,
Иль на безлюдном повороте
К версте прикрутит кушаком,

И в час, когда изменит воля,
Тебе мигнет издалека
В кусте темнеющего поля
Лишь бедный светик светляка...

6 августа 1910

* * *

В неуверенном, зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис.
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых вниз.

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О, стальная, бесстрастная птица,
Чем ты можешь прославить творца?

В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гремит,
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце — и винт.

Ноябрь 1910

* * *

Без слова мысль, волненье без названья,
Какой ты шлешь мне знак,
Вдруг взбороздив мгновенной молньей знанья
Глухой декабрьский мрак?

Всё призрак здесь — и праздность, и забота,
И горькие года...
Что б ни было,— ты помни, вспомни что-то,
Душа... (когда? когда?)

Что б ни было, всю ложь, всю мудрость века,
Душа, забудь, оставь...
Снам бытия ты предпочла отвека
Несбыточную явь...

Чтобы сквозь сны бытийственных метаний,
Сбивающих с пути,
Со знаньем несказáнных очертаний,
Как с факелом, пройти.

Декабрь 1911

* * *

Ветр налетит, завоет снег,
И в памяти на миг возникнет
Тот край, тот отдаленный брег...
Но цвет увял, под снегом никнет...

И шелестят травой сухой
Мои старинные болезни...
И ночь. И в ночь — тропой глухой
Иду к прикрытой снегом бездне...

Ночь, лес и снег. И я несу
Постылый груз воспоминаний...
Вдруг — малый домик на поляне,
И девочка поет в лесу.

6 января 1912

* * *

Борису Садовскому

Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч огромный,
И длинный конус тени темной
В пространство бросит шар другой.

Таков наш безначальный мир.
Сей конус — наша ночь земная.
За ней — опять, опять эфир
Планета плавит золотая...

И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.

6 января 1912

* * *

Сквозь серый дым от краю и до краю
Багряный свет
Зовет, зовет к неслыханному раю,
Но рая — нет.

О чем в сей мгле безумной, красно-серой,
Колокола —
О чем гласят с несбыточною верой?
Ведь мгла — всё мгла.

И чем он громче спорит с мглою будней,
Сей праздный звон,
Тем кажется железней, непробудней
Мой мертвый сон.

30 апреля 1912

* * *

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на́ плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без дна...
И над пропастью медленно встанет
Семицветной дугой тишина...

И напев заглушенный и юный
В затаенной затронет тиши
Усыпленные жизнию струны
Напряженной, как арфа, души.

Июль 1912

* * *

Болотистым, пустынным лугом
Летим. Одни.
Вон, точно карты, полукругом
Расходятся огни.

Гадай, дитя, по картам ночи,
Где твой маяк...
Еще смелей нам хлынет в очи
Неотвратимый мрак.

Он морем ночи замкнут — дальный
Простор лугов!
И запах горький и печальный
Туманов и духов,

И кольца сквозь перчатки тонкой,
И строгий вид,
И эхо над пустыней звонкой
От цоканья копыт —

Всё говорит о беспредельном,
Всё хочет нам помочь,
Как этот мир, лететь бесцельно
В сияющую ночь!

Октябрь 1912

ИСПАНКЕ

Не лукавь же, себе признаваясь,
Что на миг ты был полон одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Перед редкой и сытой толпой...

Что была, как печаль, величава
И безумна, как только печаль...
Заревая господняя слава
Исполняла священную шаль...

И в бедро уперлася рукою,
И каблук застучал по мосткам,
Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам...

Но, средь танца волшебств и наитий,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримые нити
Между редкой толпой и собой,

Чтоб неведомый северу танец,
Крик *Handá* и язык кастаньет
Понял только влюбленный испанец
Или видевший бога поэт.

Октябрь 1912

* * *

В небе — день, всех ночей суеверней,
Сам не знает, он — ночь или день.
На лице у подруги вечерней
Золотится неясная тень.

Но рыбак эти сонные струи
Не будил еще взмахом весла...
Огневые ее поцелуи
Говорят мне, что ночь — не прошла...

Легкий ветер повеял нам в очи...
Если можешь, костер потуши!
Потуши в сумасшедшие ночи
Распылавшийся уголь души!

Октябрь 1912

* * *

В сыром ночном тумане
Всё лес, да лес, да лес...
В глухом сыром бурьяне
Огонь блеснул — исчез...
Опять блеснул в тумане,
И показалось мне:
Изба, окно, герани
Алеют на окне...
В сыром ночном тумане
На красный блеск огня,
На алые герани
Направил я коня...
И вижу: в свете красном
Изба в бурьян вросла,
Неведомо несчастным
Быльём поросла...
И сладко в очи глянул
Неведомый огонь,
И над бурьяном прянул
Испуганный мой конь...
«О, друг, здесь цел не будешь,
Скорей отсюда прочь!
Доедешь — всё забудешь,
Забудешь — канешь в ночь!
В тумане да в бурьяне,
Гляди,— продашь Христа
За жадные герани,
За алые уста!»

Декабрь 1912

СЕДОЕ УТРО

Утро туманное, утро седое...
Тургенев

Утреет. С богом! По домам!
Позвякивают колокольцы.
Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольцы,

И я — который раз подряд —
Целую кольцы, а не руки...
В плече, откинутом назад,—
Задор свободы и разлуки,
Но еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной...
И взгляд — как уголь под золой,
И голос утренний и скучный...
Нет, жизнь и счастье до утра
Я находил не в этом взгляде!
Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!..
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает... «До свиданья...»
И звякнул о браслет жетон
(Какое-то воспоминанье)...
Я молча на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться боле...
Что ж на прощанье ей скажу?..
«Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,
Ночь огневая, ночь былая...
Ты, время, память притуши,
А путь снежком запороши».

29 ноября 1913

* * *

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снежный,
И не спасет ни голос нежный,
Ни безмятежный час труда...

Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря — в крови...
Тоскою, страстью, огневицей
Идет безумие любви...

Полсердца — туча грозовая,
Под ней — всё глушь, всё немота,
И эта — прежняя, простая —
Уже другая, уж не та...

Темно, и весело, и душно,
И задыхаясь, не дыша,
Уже во всем другой послушна
Доселе гордая душа!

22 ноября 1913

* * *

Я вижу блеск, забытый мной,
Я различаю на мгновенье
За скрипками — иное пенье,
Тот голос низкий и грудной,

Каким ответила подруга
На первую любовь мою.
Его доныне узнаю
В те дни, когда бушует вьюга,

Когда былое без следа
Прошло, и лишь чужие страсти
Напоминают иногда,
Напоминают мне — о счастьи.

12 декабря 1913

* * *

Ты говоришь, что я дремлю,
Ты унизительно хохочешь.
И ты меня заставить хочешь
Сто раз произнести: *люблю.*

Твой южный голос томен. Стан
Напоминает стан газели,
А я пришел к тебе из стран,
Где вечный снег и вой метели.

Мне странен вальса легкий звон
И душный облак над тобою.
Ты для меня — прекрасный сон,
Сквозящий пылью снеговою...

И я боюсь тебя назвать
По имени. Зачем мне имя?
Дай мне тревожно созерцать
Очами жадными моими

Твой южный блеск, забытый мной,
Напоминающий напрасно
День улетевший, день прекрасный,
Убитый ночью снеговой.

12 декабря 1913

* * *

Ваш взгляд — его мне подстеречь...
Но уклоняете вы взгляды...
Да! Взглядом — вы боитесь сжечь
Меж нами вставшие преграды!

Когда же отойду под сень
Колонны мраморной угрюмо
И пожирающая дума
Мне на лицо нагонит тень,

Тогда — угрюмому скитальцу
Вослед скользнет ваш беглый взгляд,
Тревожно шелк зашевелят
Трепещущие ваши пальцы,

К ланитам хлынувшую кровь
Не скроет море кружев душных,
И я прочту в очах послушных
Уже ненужную любовь.

12 декабря 1913

* * *

Натянулись гитарные струны,
Сердце ждет.
Только тронь его голосом юным —
Запоет!

И старик перед хором
Уже топнул ногой.
Обожги меня голосом, взором,
Ксюша, пой!

И гортанные звуки
Понеслись,
Словно в се́ребре смуглые руки
Обвились...

Бред безумья и страсти,
Бред любви...
Невозможное счастье!
На! Лови!

19 декабря 1913

* * *

Ты — буйный зов рогов призывных,
Влекущий на неверный след,
Ты — серый ветер рек разливных,
Обманчивый болотный свет.

Люблю тебя, как посох — странник,
Как воин — милую в бою,
Тебя провижу, как изгнанник
Провидит родину свою.

Но лик твой мне незрим, неведом,
Твоя непостижима власть:
Ведя меня, как вождь, к победам,
Испепеляешь ты, как страсть.

Декабрь 1913

* * *

Как день, светла, но непонятна,
Вся — явь, но — как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней — всегда весна.

Вот здесь садится и болтает.
Ей нравится дразнить меня
И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.

Но я, не вслушиваясь строго
В ее порывистую речь,
Слежу, как ширится тревога
В сияньи глаз и в дрожи плеч.

Когда ж дойдут до сердца речи,
И опьянят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,
Как в вешний ветер, как в стихи,—

Сверкнет холодное запястье,
И, речь прервав, она сама
Уже твердит, что сила страсти —
Ничто пред холодом ума!..

20 февраля 1914

* * *

Петербургские сумерки снежные.
Взгляд на улице, розы в дому...
Мысли — точно у девушки нежные,
А о чем — и сама не пойму.

Всё гляжусь в мое зеркало сонное...
(Он, должно быть, глядится в окно...)
Вон лицо мое — злое, влюбленное!
Ах, как мне надоело оно!

Запевания низкого голоса,
Снежно-белые руки мои,
Мои тонкие рыжие волосы,—
Как давно они стали ничьи!

Муж ушел. Свет такой безобразный...
Всё же кровь розовеет... на свет...
Посмотрю-ка, он там или нет?
Так и есть... ах, какой неотвязный!

15 марта 1914

* * *

Смычок запел. И облак душный
Над нами встал. И соловьи
Приснились нам. И стан послушный
Скользнул в объятия мои...
Не соловей — то скрипка пела,
Когда ж оборвалась струна,
Кругом рыдала и звенела,
Как в вешней роще, тишина...
Как там, в рыдающие звуки
Вступала майская гроза...
Пугливые сближались руки,
И жгли смеженные глаза...

14 мая 1914

* * *

Ты жил один! Друзей ты не искал
И не искал единоверцев.
Ты острый нож безжалостно вонзал
В открытое для счастья сердце.

«Безумный друг! Ты мог бы счастлив быть!..» –
«Зачем? Средь бурного ненастья
Мы, всё равно, не можем сохранить
Неумирающего счастья!»

26 августа 1914

* * *

Превратила всё в шутку сначала,
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.

И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно всё позабыв.
Вдруг припомнила всё — зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.

Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась
И, должно быть, навеки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое.—
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?

29 февраля 1916

* * *

Та жизнь прошла,
И сердце спит,
Утомлено.
И ночь опять пришла,
Бесстрашная — глядит
В мое окно.

И выпал снег,
И не прогнать
Мне зимних чар...
И не вернуть тех нег,
И странно вспоминать,
Что был пожар.

31 августа 1914

* * *

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...

Что было любимо — всё мимо, мимо,
Впереди — неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!

31 августа 1914

* * *

Разлетясь по всему небосклону,
Огне-красная туча идет.
Я пишу в моей келье мадонну,
Я пишу — моя дума растет.

Вот я вычертил лик ее нежный,
Вот под кистью рука расцвела,
Вот сияют красой белоснежной
Два небесных, два легких крыла...

Огне-красные отсветы ярче
На суровом моем полотне...
Неотступная дума всё жарче
Обнимает, прильнула ко мне...

31 августа 1914

* * *

Он занесен — сей жезл железный —
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной бездной
Среди сгущающейся тьмы.

Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зримей
Сияние Ее лица.

И сквозь круженье вихревое,
Сынам отчаянья сквозя,
Ведет, уводит в голубое
Едва приметная стезя.

3 декабря 1914

* * *

Пусть я и жил, не любя,
Пусть я и клятвы нарушу,—
Всё ты волнуешь мне душу,
Где бы ни встретил тебя!

О, эти дальние руки!
В тусклое это житье
Очарованье свое
Вносишь ты, даже в разлуке!

И в одиноком моем
Доме, пустом и холодном,
В сне, никогда не свободном,
Снится мне брошенный дом.

Старые снятся минуты,
Старые снятся года...
Видно, уж так навсегда
Думы тобою замкнуты!

Кто бы ни звал — не хочу
На суетливую нежность
Я променять безнадежность —
И, замыкаясь, молчу.

8 октября 1915

* * *

Протекли за годами года,
И слепому и глупому мне
Лишь сегодня приснилось во сне,
Что она не любила меня никогда...

Только встречным случайным я был,
Только встречным я был на пути,
Но остыл тот младенческий пыл,
И она мне сказала: прости.

А душа моя — той же любовью полна,
И минуты с другими отравлены мне,
Та же дума — и песня одна
Мне звучала сегодня во сне...

30 сентября 1915

* * *

За горами, лесами,
За дорогами пыльными,
За холмами могильными —
Под другими цветешь небесами...

И когда забелеет гора,
Дол оденется зеленью вешнею,
Вспоминаю с печалью нездешнею
Всё былое мое, как вчера...

В снах печальных тебя узнаю
И сжимаю руками моими
Чародейную руку твою,
Повторяя далекое имя.

30 сентября 1915

Л. А. Д.

* * *

Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет,—
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.

4 марта 1914

* * *

На небе — празелень, и месяца осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер, чуть дыша,
Проходит, и весна, и лед последний колок,
И в сонный входит вихрь смятенная душа...

Что́ месяца нежней, что́ зорь закатных выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не говори:
В последнем этаже, там, под высокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...

24 марта 1914

* * *

Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,
Весь — перламутра переливы.

Но как ночною тьмой сквозит лазурь,
Так этот лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей — червонно-красным,
И голос — рокотом забытых бурь.

24 марта 1914

* * *

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел: *Ценою жизни*
Ты мне заплатишь за любовь!

18 марта 1914

* * *

Среди поклонников Кармен,
Спешащих пестрою толпою,
Ее зовущих за собою,
Один, как тень у серых стен
Ночной таверны Лиллас-Пастья,
Молчит и сумрачно глядит,

Не ждет, не требует участья,
Когда же бубен зазвучит
И глухо зазвенят запястья,—
Он вспоминает дни весны,
Он средь бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит творческие сны.

26 марта 1914

* * *

Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий — таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.
В партере — ночь. Нельзя дышать.
Нагрудник черный близко, близко...
И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...
О, не впервые странных встреч
Я испытал немую жуткость!
Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движеньях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы.)
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не к Вам
Идет влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный,
И не блеснет уж ряд жемчужный
Зубов — несчастному тому...
О, не глядеть, молчать — нет мочи,
Сказать — не надо и нельзя...
И вы уже (звездой средь ночи),
Скользящей поступью скользя,
Идете — в поступи истома,

И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,
Как память об иной отчизне,—
Ваш образ, дорогой навек...

А там: *Уйдем, уйдем от жизни,*
Уйдем от этой грустной жизни!
Кричит погибший человек...

И март наносит мокрый снег.

25 марта 1914

* * *

Вербы — это весенняя таль,
И чего-то нам светлого жаль,
Значит — теплится где-то свеча,
И молитва моя горяча,
И целую тебя я в плеча.

Этот колос ячменный — поля,
И заливистый крик журавля,
Это значит — мне ждать у плетня
До заката горячего дня.
Значит — ты вспоминаешь меня.

Розы — страшен мне цвет этих роз,
Это — рыжая ночь твоих кос?
Это — музыка тайных измен?
Это — сердце в плену у Кармен?

30 марта 1914

* * *

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные, дикие сны,
И твоя одичалая прелесть —
Как гитара, как бубен весны!

И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.

Спишь, змеею склубясь прихотливой,
Спишь в дурмане и видишь во сне
Даль морскую и берег счастливый,
И мечту, недоступную мне.

Видишь день беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.

В том раю тишина бездыханна,
Только в кущe сплетенных ветвей
Дивный голос твой, низкий и странный,
Славит бурю цыганских страстей.

28 марта 1914

* * *

О да, любовь вольна, как птица,
Да, всё равно — я твой!
Да, всё равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как перей, свершу я требу
За твой огонь — звездам!

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.

Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен,—
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

28 марта 1914

* * *

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь.
Вот почему я — твой поклонник и поэт!

Здесь — страшная печать отверженности женской,
За прелесть дивную — постичь ее нет сил.
Там — дикий сплав миров, где часть души вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.

Вот — мой восторг, мой страх в тот вечер в темном зале!
Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!
Вот чьи глаза меня так странно провожали,
Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон — летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе — лишь красный облак дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его — твоя безумна младость...
Всё — музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен.*

31 марта 1914

1

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.

Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу,— и к морю опять
Нас ведут волосатые ноги,
И осел начинает кричать.

И кричит, и трубит он,— отрадно,
Что идет налегке хоть назад.
А у самой дороги — прохладный
И тенистый раскинулся сад.

По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Что-то шепчут ручьи и листы.

Крик осла моего раздается
Каждый раз у садовых ворот,
А в саду кто-то тихо смеется,
И потом — отойдет и поет.

И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Как на берег скалистый и знойный
Опускается синяя мгла.

2

Знойный день догорает бесследно,
Сумрак ночи ползет сквозь кусты;
И осел удивляется, бедный:
«Что́, хозяин, раздумался ты?»

Или разум от зноя мутится,
Замечтался ли в сумраке я?
Только всё неотступнее снится
Жизнь другая — моя, не моя...

И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторяя напев неизвестный,
В соловьином звенящий саду?

Не доносятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной,
В синем сумраке белое платье
За решоткой мелькает резной.

Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот,
И она меня, легкая, манит
И круженьем, и пеньем зовет.

И в призывном круженьи и пенье
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю.

3

Отдыхает осел утомленный,
Брошен лом на песке под скалой,
А хозяин блуждает влюбленный
За ночною, за знойною мглой.

И знакомый, пустой, каменистый,
Но сегодня — таинственный путь
Вновь приводит к ограде тенистой,
Убегающей в синюю муть.

И томление всё безысходней,
И идут за часами часы,
И колючие розы сегодня
Опустились под тягой росы.

Наказанье ли ждет, иль награда,
Если я уклонюсь от пути?
Как бы в дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?

А уж прошлое кажется странным,
И руке не вернуться к труду:
Сердце знает, что гостем желанным
Буду я в соловьином саду...

4

Правду сердце мое говорило,
И ограда была не страшна,
Не стучал я — сама отворила
Неприступные двери она.

Вдоль прохладной дороги, меж лилий,
Однозвучно запели ручьи,
Сладкой песнью меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.

Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запястья
Громче, чем в моей нищей мечте.

Опьяненный вином золотистым,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном своем.

5

Пусть укрыла от дольнего горя
Утонувшая в розах стена,—
Заглушить рокотанье моря
Соловьиная песнь не вольна!

И вступившая в неньe тревога
Рокот волн до меня донесла...
Вдруг — вдeньe: большая дорога
И усталая поступь осла...

И во мгле благовонной и знойной
Обвиваясь горячей рукой,
Повторяет она беспокойно:
«Что́ с тобою, возлюбленный мой?»

Но, вперяясь во мглу сиротливо,
Надышаться блаженством спеша,
Отдаленного шума прилива
Уж не может не слышать душа.

6

Я проснулся на мглистом рассвете
Неизвестно которого дня.
Спит она, улыбаясь, как дети,—
Ей пригрезился сон про меня.

Ка́к под утренним сумраком чарым
Лик, прозрачный от страсти, красив!..
По далеким и мерным ударам
Я узнал, что подходит прилив.

Я окно распахнул голубое,
И почудилось, будто возник
За далеким рычаньем прибоя
Призывающий жалобный крик.

Крик осла был протяжен и долог,
Проникал в мою душу, как стон,
И тихонько задернул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.

И, спускаясь по ка́мням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
Их шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое.

Путь знакомый и прежде недлинный
В это утро кремнист и тяжел.
Я вступаю на берег пустынный,
Где остался мой дом и осел.

Или я заблудился в тумане?
Или кто-нибудь шутит со мной?
Нет, я помню камней очертанье,
Тощий куст и скалу над водой...

Где же дом? — И скользящей ногою
Спотыкаюсь о брошенный лом,
Тяжкий, ржавый, под черной скалою
Затянувшийся мокрым песком...

Размахнувшись движеньем знакомым
(Или всё еще это во сне?),
Я ударил заржавленным ломом
По слоистому камню на дне...

И оттуда, где серые спруты
Покачнулись в лазурной щели,
Закарабкался краб всполохнутый
И присел на песчаной мели.

Я подвинулся,— он приподнялся,
Широко разевая клешни,
Но сейчас же с другим повстречался,
Подрались и пропали они...

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоняя чужого осла.

6 января 1914 — 14 октября 1915

* * *

Ты отошла, и я в пустыне
К песку горячему приник.
Но слова гордого отныне
Не может вымолвить язык.

О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты — родная Галилея
Мне — невоскресшему Христу.

И пусть другой тебя ласкает,
Пусть множит дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где приклонить ему главу.

30 мая 1907

* * *

В густой траве пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня — куст белых роз.
Вот здесь вчера — повилика вилась.
Где был, пропадал? что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь — тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой — зовет и манит...
Только скажет: «Прощай. Вернись ко мне»,-
И опять за травой колокольчик звенит...

12 июля 1907

* * *

Задебренные лесом кручи:
Когда-то там, на высоте,
Рубили деды сруб горючий
И пели о своем Христе.

Теперь пастуший кнут не свистнет,
И песни не споет свирель.
Лишь мох сырой с обрыва виснет,
Как ведьмы сбитая кудель.

Навеки непробудной тенью
Ресницы мхов опущены.
Спят, убаюканные леньем
Людской вражины — тишины.

И человек печальной цапли
С болотной кочки не спугнет,
Но в каждой тихой, ржавой капле —
Зачало рек, озер, болот.

И капли ржавые, лесные,
Родясь в глуши и темноте,
Несут испуганной России
Весть о сжигающем Христе.

Октябрь 1907 — 29 августа 1914

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

7 июня 1908

2

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути — горючий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взыграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

8 июня 1908

3

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с Тобою,—
Разве знала Ты?

Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

С полуно́чи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

Орлий клёкот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

14 июня 1908

4

Опять с вековою тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековою тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мглистой ночной вышине.

Вздымаются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

«Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!»
Вздымается конская грива...
За ветром взывают мечи...

31 июля 1908

5

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молньи боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал.— Молись!

23 декабря 1908

РОССИЯ

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет,—
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

18 октября 1908

* * *

Вот он — ветер,
Звенящий тоскою острожной,
Над бескрайною топью
Огонь невозможный,
Распростершийся призрак
Ветлы придорожной...

Вот — что ты мне сулила:
Могила.

4 ноября 1908

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно — ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За лётом журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что́ плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что́ ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

1 января 1909

* * *

Не уходи. Побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.

Дым от костра струею сизой
Струится в сумрак, в сумрак дня.
Лишь бархат алый алой ризой,
Лишь свет зари — покрыл меня.

Всё, всё обман, седым туманом
Ползет печаль угрюмых мест.
И ель крестом, крестом багряным
Кладет на даль воздушный крест...

Подруга, на вечернем пире,
Помедли здесь, побудь со мной.
Забудь, забудь о страшном мире,
Вздохни небесной глубиной.

Смотри с печальною усладой,
Как в свет зари вползает дым.
Я огражу тебя оградой —
Кольцом из рук, кольцом стальным.

Я огражу тебя оградой —
Кольцом живым, кольцом из рук.
И нам, как дым, струиться надо
Седым туманом — в алый круг.

Август 1909

* * *

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в бога ты верила?
Что́ там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты —
Кинулась и́з степи черная мгла...

За́ море Черное, за́ море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что́ же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

28 февраля 1910

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блёклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною...
Скользнул — и поезд в даль умчало.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что́ — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — всё больно.

14 июня 1910

ПОСЕЩЕНИЕ

Голос

То не ели, не тонкие ели
На закате подъемлют кресты,
То в дали снеговой заалели
Мои нежные, милый, персты.

Унесенная белой метелью
В глубину, в бездыханность мою,—
Вот я вновь над твоею постелью
Наклонилась, дышу, узнаю...
Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
Я сквозь темные ночи — в венце.
Вот они — еще синие очи
На моем постаревшем лице!
В твоем голосе — возгласы моря,
На лице твоем — жала огня,
Но читаю в испуганном взоре,
Что ты помнишь и любишь меня.

Второй голос

Старый дом мой пронизан метелью,
И остыл одинокий очаг.
Я привык, чтоб над этой постелью
Наклонялся лишь пристальный враг.
И душа для видений ослепла,
Если вспомню,— лишь ветр налетит,
Лишь рубин раскаленный из пепла
Мой обугленный лик опалит!
Я не смею взглянуть в твои очи,
Всё, что было,— далёко оно.
Долгих лет нескончаемой ночи
Страшной памятью сердце полно.

Сентябрь 1910
С. Шахматово

* * *

Там неба осветленный край
Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
Так внятен.

Свободен, весел и силен,
В дали любимой
Я слышу непомерный звон
Неуследимый.

Там осень сумрачным пером
Широко реет,
Там старый лес под топором
Редеет.

Сентябрь 1910

* * *

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листы, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от краю до краю,
И окошко твое.

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

2 мая 1912

СНЫ

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз!..
Идет конница... а няня
Тянет свой рассказ...

Внемлю сказке древней, древней
О богатырях,
О заморской, о царевне,
О царевне... ах...

Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня
И манит и мчит куда-то
За собой меня...

За моря, за океаны
Он манит и мчит,
В дымно-синие туманы,
Где царевна спит...

Спит в хрустальной, спит в кроватке
Долгих сто ночей,
И зеленый свет лампадки
Светит в очи ей...

Под парчами, под лучами
Слышно ей сквозь сны,
Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...

С кем там бьется конник гневный,
Бьется семь ночей?
На седьмую — над царевной
Светлый круг лучей...

И сквозь дремные покровы
Стелятся лучи,
О тюремные засовы
Звякают ключи...

Сладко дремлется в кроватке.
Дремлешь? — Внемлю... сплю.
Луч зеленый, луч лампадки,
Я тебя люблю!

Октябрь 1912

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца?

Утопая в глубоком сугробе,
Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь!

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами — кресты, да кресты...

Только ладан твой синий и росный
Просквозит мне порою иным...
Нет, не старческий лик и не постный
Под московским платочком цветным!

Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи —
Шопотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Дальше, дальше... И ветер рванулся,
Черноземным летя пустырем...
Куст дорожный по ветру метнулся,
Словно дьякон взмахнул орарем...

А уж там, за рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горючей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...

Иль опять это — стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...

Нет, не вьются там по́ ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной — без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер,— и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

На пустынном просторе, на диком
Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

12 декабря 1913

* * *

Моей матери

Ветер стих, и слава заревая
Облекла вон те пруды.
Вон и схимник. Книгу закрывая,
Он смиренно ждет звезды.

Но бежит шоссейная дорога,
Убегает вбок...
Дай вздохнуть, помедли, ради бога,
Не хрусти, песок!

Славой золотеет заревою
Монастырский крест издалека.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобука?..

И опять влечет неудержимо
Вдаль из тихих мест
Путь шоссейный, пробегая мимо,
Мимо инока, прудов и звезд...

Август 1914

ПОСЛЕДНЕЕ НАПУТСТВИЕ

Боль проходит понемногу,
Не навек она дана.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.

Ты смежил больные вежды,
Ты не ждешь — она вошла.
Вот она — с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
Светлым кругом обвела.

Слышишь ты сквозь боль мучений,
Точно друг твой, старый друг,
Тронул сердце нежной скрипкой?
Точно легких сновидений
Быстрый рой домчался вдруг?

Это — легкий образ рая,
Это — милая твоя.
Ляг на смертный одр с улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Круг постылый бытия.

Протянуться без желаний,
Улыбнуться навсегда,
Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потомили
Над последним миром ложа
И в иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, злато —
Мимо, мимо, навсегда...
Человеческая тупость —
Всё, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...

И опять — коварство, слава,
Злато, лесть, всему венец —
Человеческая глупость,
Безысходна, величава,
Бесконечна... Что ж, конец?

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

А когда пройдет всё мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Поведет рукой любимой
В Елисейские поля.

14 мая 1914

* * *

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

26 августа 1914

* * *

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизней цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.

И, садясь, запевали *Варяга* одни,
А другие — не в лад — *Ермака,*
И кричали *ура*, и шутили они,
И тихонько крестилась рука.

Вдруг под ветром взлетел опадающий лист,
Раскачнувшись, фонарь замигал,
И под черною тучей веселый горнист
Заиграл к отправленью сигнал.

И военною славой заплакал рожок,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колес и охрипший свисток
Заглушило *ура* без конца.

Уж последние скрылись во мгле буфера,
И сошла тишина до утра,
А с дождливых полей всё неслось к нам *ура,*
В грозном клике звучало: *пора!*

Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это — ясная, твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость — ее заглушает пожар,
Гром орудий и топот коней.
Грусть — ее застилает отравленный пар
С галицийских кровавых полей...

1 сентября 1914

* * *

Я не предал белое знамя,
Оглушенный криком врагов,
Ты прошла ночными путями,
Мы с тобой — одни у валов.

Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.

Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали несется волна.

А вблизи — всё пусто и немо,
В смертном сне — враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

3 декабря 1914

* * *

З. Н. Гиппиус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье,—
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

8 сентября 1914

* * *

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.

Час заутрени пасхальной,
Звон далекий, звон печальный,
Глухота и чернота.
Только ветер, гость нахальный,
Потрясает ворота.

За окном черно и пусто,
Ночь полна шагов и хруста,
Там река ломает лед,
Там меня невеста ждет...

Как мне скинуть злую дрёму,
Как мне гостя отогнать?
Как мне милую — чужому,
Проклятóму не отдать?

Как не бросить всё на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?

Что ж ты, ветер,
Стекла гнешь?
Ставни с петель
Дико рвешь?

22 марта 1916

КОРШУН

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг.—
В избушке мать над сыном тужит:
«На́ хлеба, на́, на́ грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.—
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

22 марта 1916

* * *

Мы забыты, одни на земле.
Посидим же тихонько в тепле.

В этом комнатном, теплом углу
Поглядим на октябрьскую мглу.

За окном, как тогда, огоньки.
Милый друг, мы с тобой старики.

Всё, что было и бурь и невзгод,
Позади. Что ж ты смотришь вперед?

Смотришь, точно ты хочешь прочесть
Там какую-то новую весть?

Точно ангела бурного ждешь?
Всё прошло. Ничего не вернешь.

Только стены, да книги, да дни.
Милый друг мой, привычны они.

Ничего я не жду, не ропщу,
Ни о чем, что прошло, не грущу.

Только, вот, принялась ты опять
Светлый бисер на нитки низать,

Как когда-то, ты помнишь тогда...
О, какие то были года!

Но, когда ты моложе была,
И шелка ты поярче брала,

И ходила рука побыстрей...
Так возьми ж и теперь попестрей,

Чтобы шелк, что вдеваешь в иглу,
Побеждал пестротой эту мглу.

19 октября 1913

* * *

Поет, поет...
Поет и ходит возле дома...
И грусть, и нежность, и истома,
Как прежде, за́ сердце берет...

Нетяжко бремя,
Всей жизни бремя прожитой,
И песнью длинной и простой
Баюкает и нежит время...

Так древни мы,
Так древен мира
Бег,
И лира
Поет нам снег
Седой зимы,
Поет нам снег седой зимы...

Туда, туда,
На снеговую грудь
Последней ночи...
Вздохнуть — и очи
Навсегда
Сомкнуть,
Сомкнуть в объятьях ночи...

Возврата нет
Страстям и думам...
Смотри, смотри:
С полночным шумом
Идет к нам ветер от зари...
Последний свет
Померк. Умри.
Померк последний свет зари.

19 октября 1913

* * *

Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня!

Голоса поют, взывает вьюга,
Страшен мне уют...
Даже за плечом твоим, подруга,
Чьи-то очи стерегут!

За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл...
Бьет в меня светящими очами
Ангел бури — Азраил!

Октябрь 1913

* * *

Из ничего — фонтаном синим
Вдруг брызнул свет,
Мы головы наверх закинем —
Его уж нет,
Рассыпался над черной далью
Златым пучком,

А здесь — опять,— дугой, спиралью,
Шаро́м, волчком,
Зеленый, желтый, синий, красный —
Вся ночь в лучах...
И, всполошив ее напрасно,
Зачах.

Октябрь 1913

* * *

Вспомнил я старую сказку,
Слушай, подруга, меня.
Сказочник добрый и старый
Тихо сидел у огня.

Дождик стучался в окошко,
Ветер в трубе завывал.
«Плохо теперь бесприютным!» —
Сказочник добрый сказал.

В дверь постучались легонько,
Сказочник дверь отворил,
Ветер ворвался холодный,
Дождик порог окатил...

Мальчик стоит на пороге
Жалкий, озябший, нагой,
Мокрый колчан за плечами,
Лук с тетивою тугой.

И, усадив на колени,
Греет бедняжку старик.
Тихо доверчивый мальчик
К старому сердцу приник.

«Что у тебя за игрушки?» —
«Их подарила мне мать».—
«Верно, ты стрелы из лука
Славно умеешь пускать?»

Звонко в ответ засмеялся
Мальчик и на́ пол спрыгнул.
«Вот как умею!» — сказал он
И тетиву натянул...

В самое сердце попал он,
Старое сердце в крови...
Как неожиданно ранят
Острые стрелы любви!

Старик, терпи
Тяжкий недуг,
И ты, мой друг,
Терпи и спи,
Спи, спи,
Не забудешь никогда
Старика,
Провспоминаешь ты года,
Провспоминаешь ты века.
И средь растущей темноты
Припомнишь ты
И то и се,
Всё, что было,
Что манило,
Что цвело,
Что прошло,—
Всё, всё.

Октябрь 1913

* * *

Было то в темных Карпатах,
Было в Богемии дальней...

Впрочем, прости... мне немного
Жутко и холодно стало;
Это — я помню неясно,
Это — отрывок случайный,
Это — из жизни *другой* мне
Жалобный ветер напел...

Верь, друг мой, сказкам: я привык
Вникать
В чудесный их язык
И постигать
В обрывках слов
Туманный ход
Иных миров,
И темный времени полет
Следить,
И вместе с ветром петь;
Так легче жить,
Так легче жизнь терпеть
И уповать,
Что темной думы рост
Нам в вечность перекинет мост,
Надеяться и ждать...

Жди, старый друг, терпи, терпи,
Терпеть недолго, крепче спи,
Всё равно всё пройдет,
Всё равно ведь никто не поймет,
Ни тебя не поймет, ни меня,
Ни что ветер поет
Нам, звеня...

Октябрь 1913

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ, НЕ ВОШЕДШИХ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

(1898—1921)

* * *

Муза в уборе весны постучалась к поэту,
Сумраком ночи покрыта, шептала неясные речи;
Благоухали цветов лепестки, занесенные ветром
К ложу земного царя и посланницы неба;
С первой денницей взлетев, положила она, отлетая,
Желтую розу на темных кудрях человека:
Пусть разрушается тело — душа пролетит над пустыней,
Будешь навеки печален и юн, обрученный с богиней.

Май 1898 (Апрель 1918)

* * *

Пусть рассвет глядит нам в очи,
Соловей поет ночной,
Пусть хоть раз во мраке ночи
Обовью твой стан рукой.

И челнок пойдет, качаясь
В длинных темных камышах,
Ты прильнешь ко мне, лаская,
С жаркой страстью на устах.

Пой любовь, пусть с дивной песней
Голос льется всё сильней,
Ты прекрасней, ты прелестней,
Чем полночный соловей!..

Май 1898

* * *

Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне,
Где-то месяц светит? Где-то светит солнце?
Вон вдали блеснула ясная зарница,
Вспыхнула — погасла, не видать во мраке,
Только сердце чует дальний отголосок
Грянувшего грома, лишь в глазах мелькает
Дальний свет угасший, вспыхнувший мгновенно,
Как в ночном тумане вспыхивают звезды...
И опять — во мраке, в ледяной пустыне...
Где-то светит месяц? Где-то солнце светит?
Только месяц выйдет — выйдет, не обманет,
Только солнце встанет — сердце солнце встретит!..

Июль 1898. Трубицыно (Май 1918)

* * *

Тоску и грусть, страданья, самый ад,
Всё в красоту она преобразила.

Гамлет

Я шел во тьме к заботам и веселью,
Вверху сверкал незримый мир духóв.
За думой вслед лилися трель за трелью
Напевы звонкие пернатых соловьев.
И вдруг звезда полночная упала,
И ум опять ужалила змея...
Я шел во тьме, и эхо повторяло:
«Зачем дитя Офелия моя?»

2 августа 1898

* * *

Ты, может быть, не хочешь угадать,
Как нежно я люблю Тебя, мой гений?
Никто, никто не может так страдать,
Никто из наших робких поколений.

Моя любовь горит огнем порой,
Порой блестит, как звездочка ночная,
Но вечно пламень вечный и живой
Дрожит в душе, на миг не угасая.

О, страсти нет! Но тайные мечты
Для сердца нежного порой бывают сладки,
Когда хочу я быть везде, где Ты,
И целовать Твоей одежды складки.

Мечтаю я, чтоб ни одна душа
Не видела Твоей души нетленной,
И я лишь, смертный, знал, как хороша
Одна она, во всей, во всей вселенной.

21 сентября 1898

* * *

Как мучительно думать о счастьи былом,
Невозвратном, но ярком когда-то,
Что туманная вечность холодным крылом
Унесла, унесла без возврата.

Это счастье сулил мне изнеженный Лель,
Это счастье сулило мне лето.
О, обманчивый голос! певучая трель!
Ты поешь и не просишь ответа!

Я любил и люблю, не устану любить.
Я по-прежнему стану молиться.
Ты, прекрасная, можешь поэта забыть
И своей красотой веселиться.

А когда твои песни польются вдали
Беспокойной, обманчивой клятвой,
Вспомню я, как кричали тогда журавли
Над осенней темнеющей жатвой.

23 сентября 1898. Петербург

* * *

В ночи́, когда уснет тревога,
И город скроется во мгле —
О, сколько музыки у бога,
Какие звуки на земле!

Что́ буря жизни, если розы
Твои цветут мне и горят!
Что́ человеческие слезы,
Когда румянится закат!

Прими, Владычица вселенной,
Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба —
Последней страсти кубок пенный
От недостойного раба!

Сентябрь (?) 1898 (2 июня 1919)

* * *

Жизнь — как море она — всегда исполнена бури.
Зорко смотри, человек: буря бросает корабль.
Если спустится мрачная ночь — управляй им тревожно,
Якорь спасенья ищи — якорь спасенья найдешь...

Если же ты, человек, не видишь конца этой ночи,
Если без якоря ты в море блуждаешь глухом,
Ну, без мысли тогда бросайся в холодное море!
Пусть потонет корабль — вынесут волны тебя!

30 октября 1898 (Май 1918)

* * *

Офелия в цветах, в уборе
Из майских роз и нимф речных
В кудрях, с безумием во взоре,
Внимала звукам дум своих.

Я видел: ива молодая
Томилась, в озеро клонясь,
А девушка, венки сплетая,
Всё пела, плача и смеясь.

Я видел принца над потоком,
В его глазах была печаль.
В оцепенении глубоком
Он наблюдал речную сталь.

А мимо тихо проплывало
Под ветками плакучих ив
Ее девичье покрывало
В сплетеньи майских роз и нимф.

30 ноября 1898 (24 декабря 1914)

* * *

В болезни сердца мыслю о Тебе:
Ты близ меня проходишь в сновиденьях,
Но я покорен року и судьбе,
Не смея высказать горячие моленья.

О, неужели утро жизни вешней
Когда-нибудь взойдет в душе моей?
Могу ли думать я о радости нездешней
Щедрот Твоих и благости Твоей?

Надежды нет: вокруг и ветер бурный,
И ночь, и гребни волн, и дым небесных туч
Разгонят всё, и образ Твой лазурный
Затмят, как всё, как яркий солнца луч...

Но, если туча с молнией и громом
Пройдет, закрыв Тебя от взора моего,
Всё буду я страдать и мыслить о знакомом,
Желанном образе полудня Твоего.

11 декабря 1898

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой объята
Трава некошенной межи.

Ни ветерка, ни крика птицы,
Над рощей — красный диск луны,
И замирает песня жницы
Среди вечерней тишины.

Забудь заботы и печали,
Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

13 декабря 1898 (Июль 1916)

НА ВЕЧЕРЕ В ЧЕСТЬ Л. ТОЛСТОГО

В толпе, родной по вдохновенью,
В тумане, наполнявшем зал,
Средь блеска славы, средь волненья
Я роковой минуты ждал...

Но прежним холодом могилы
Дышали мне Твои уста.
Как прежде, гибли жизни силы,
Любовь, надежда и мечта.

И мне хотелось блеском славы
Зажечь любовь в Тебе на миг,
Как этот старец величавый
Себя кумиром здесь воздвиг!..

20 декабря 1898

* * *

О, не просите скорбных песен!
К чему томиться и вздыхать?..
Взгляните: майский день чудесен,
И в сердце снова благодать.

А вам томиться — тратить время,
Живите, если жизнь дана,
И песни скорби — только бремя,—
Его не выдержит весна!

1898 (?)

ОДИНОЧЕСТВО

Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл.
Из отпылавшего камина
Неясный мрак вечерний плыл.
И он сидел перед камином,
Он отгорел и отстрадал
И взглядом, некогда орлиным,
Остывший пепел наблюдал.
В вечернем сумраке всплывали
Пред ним виденья прошлых дней,
Будя старинные печали
Игрой бесплотною теней.
Один, один, забытый миром,
Безвластный, но еще живой,
Из сумрака былым кумирам
Кивал усталой головой...
Друзей бывалых вереница,
Врагов жестокие черты,
Любивших и любимых лица
Плывут из серой темноты...
Все бросили, забыли всюду,
Не надо мучиться и ждать,
Осталось только пепла груду
Потухшим взглядом наблюдать...
Куда неслись его мечтанья?
Пред чем склонялся бедный ум?

Он вспоминал свои метанья,
Будил тревоги прежних дум...
И было сладко быть усталым,
Отрадно так, как никогда,
Что сердце больше не желало
Ни потрясений, ни труда,
Ни лести, ни любви, ни славы,
Ни просветлений, ни утрат...
Воспоминанья величаво,
Как тучи, обняли закат,
Нагромоздили груду башен,
Воздвигли стены, города,
Где небосклон был желт и страшен,
И грозен в юные года...
Из отпылавшего камина
Неясный сумрак плыл и плыл,
Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл.

25 января 1899 (24 мая 1918)

* * *

Ночной туман застал меня в дороге.
Сквозь чащу леса глянул лунный лик.
Усталый конь копытом бил в тревоге —
Спокойный днем, он к ночи не привык.
Угрюмый, неподвижный, полусонный
Знакомый лес был страшен для меня,
И я в просвет, луной осеребренный,
Направил шаг храпящего коня.
Туман болотный стелется равниной,
Но церковь серебрится на холме.
Там — за холмом, за рощей, за долиной –
Мой дом родной скрывается во тьме.
Усталый конь быстрее скачет к цели,
В чужом селе мерцают огоньки.
По сторонам дороги заалели
Костры пастушьи, точно маяки.

10 февраля 1899

* * *

Мы были вместе, помню я...
Ночь волновалась, скрипка пела...
Ты в эти дни была — моя,
Ты с каждым часом хорошела...
Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки...

9 марта 1899 (Апрель 1918)

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Сирени бледные дождем к земле прибиты...
Замолкла песня соловья;
Немолчно говор слышится сердитый
Разлитого ручья.

Природа ждет лучей обетованных:
Цветы поднимут влажный лик,
И вновь в моих садах благоуханных
Раздастся птичий крик.

1 июня 1899

* * *

Когда я был ребенком,— лес ночной
Внушал мне страх; до боли я боялся
Ночных равнин, болот, одетых белой мглой,
Когда мой конь усталый спотыкался.

Теперь — прошло немного лет с тех пор,
И жизнь сломила дух; я пережил довольно;
Когда опять въезжаю в темный бор
Ночной порой — мне радостно и больно.

18 июня 1899

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Закат горел в последний раз.
Светило дня спустилось в тучи,
И их края в прощальный час
Горели пламенем могучим.

А там, в неведомой дали,
Где небо мрачно и зловеще,
Немые грозы с вихрем шли,
Блестя порой зеницей вещей.

Земля немела и ждала,
Прошло глухое рокотанье,
И по деревьям пронесла
Гроза невольное дрожанье.

Казалось, мир — добыча гроз,
Зеницы вскрылись огневые,
И ветер ночи к нам донес
Впервые — слезы грозовые.

31 июля 1899 (8 октября 1919)

* * *

Вы, бедные, нагие несчастливцы.
Лир

О, как безумно за окном
Ревет, бушует буря злая,
Несутся тучи, льют дождем,
И ветер воет, замирая!
Ужасна ночь! В такую ночь
Мне жаль людей, лишенных крова,
И сожаленье гонит прочь —
В объятья холода сырого!..
Бороться с мраком и дождем,
Страдальцев участь разделяя...
О, как безумно за окном
Бушует ветер, изнывая!

24 августа 1899

ПЕСНЯ ЗА СТЕНОЙ

О, наконец! Былой тревоге
Отдаться мыслью и душой!
Вздыхать у милой на пороге
И слушать песню за стеной...
Но в этой песне одинокой,
Что звонко плачет за стеной...
Один мучительный, глубокий
Тоскливый призрак молодой...
О, кто ужасному поверит
И кто услышит стон живой,
Когда душа внимает, верит,—
А песня смолкла за стеной!..

9 ноября 1899

* * *

За краткий сон, что нынче снится,
А завтра — нет,
Готов и Смерти покориться
Младой поэт.

Я не таков: пусть буду снами
Заворожен,—
В мятежный час взмахну крылами
И сброшу сон.

Опять — тревога, опять — стремленье.
Опять готов
Всей битвы жизни я слушать пенье
До новых снов!

25 декабря 1899 (18 января 1919)

* * *

Как сон молитвенно-бесстрастный,
На душу грешную сошла;
И веют чистым и прекрасным
Ее прозрачные крыла.

Но грех, принявший отраженье,
В среде самих прозрачных крыл
Какой-то призрак искушенья
Греховным помыслам открыл.

25 декабря 1899

* * *

Как мимолетна тень осенних ранних дней,
Как хочется сдержать их раннюю тревогу,
И этот желтый лист, упавший на дорогу,
И этот чистый день, исполненный теней,—

Затем, что тени дня — избытки красоты,
Затем, что эти дни спокойного волненья
Несут, дарят последним вдохновеньям
Избыток отлетающей мечты.

5 января 1900

* * *

Я умирал. Ты расцветала.
И вдруг, взглянув на смертный лик,
В чертах угасших угадала,
Что эта смерть — бессильный крик...

Смири же позднюю тревогу;
И я под осень дней моих,
Как лист, упавший на дорогу,
Смешаюсь с прахом остальных...

27 января 1900

* * *

В те дни, когда душа трепещет
Избытком жизненных тревог,
В каких-то дальних сферах блещет
Мне твой, далекая, чертог.

И я стремлюсь душой тревожной
От бури жизни отдохнуть,
Но это счастье невозможно,
К твоим чертогам труден путь.

Оттуда светит луч холодный,
Сияет купол золотой,
Доступный лишь душе свободной,
Не омраченной суетой.

Ты только ослепишь сверканьем
Отвыкший от видений взгляд,
И уязвленная страданьем
Душа воротится назад

И будет жить, и будет видеть
Тебя, сквозящую вдали,
Чтоб только злее ненавидеть
Пути постылые земли.

7 февраля 1900 (21 мая 1918)

* * *

Ночь теплая одела острова.
Взошла луна. Весна вернулась.
Печаль светла. Душа моя жива.
И вечная холодная Нева
У ног сурово колыхнулась.

Ты, счастие! Ты, радость прежних лет!
Весна моей мечты далекой!
За годом год... Всё резче темный след,
И там, где мне сиял когда-то свет,
Всё гуще мрак... Во мраке — одиноко —

Иду — иду — душа опять жива,
Опять весна одела острова.

11 марта 1900 (12 мая 1918)

* * *

В ночи́, исполненной грозою,
В средине тучи громовой,
Исполнен мрачной красотою,
Витает образ грозовой.

То — ослепленная зарницей,
Внемля раскатам громовым,
Юнона правит колесницей
Перед Юпитером самим.

20 марта 1900 (11 июля 1919)

* * *

К ногам презренного кумира
Слагать божественные сны
И прославлять обитель мира
В чаду убийства и войны,

Вперяясь в сумрак ночи хладной,
В нем прозревать огонь и свет,—
Вот жребий странный, беспощадный
Твой, божьей милостью поэт!

Весна 1900 (24 декабря 1914)

* * *

В фантазии рождаются порою
Немые сны.
Они горят меж солнцем и Тобою
В лучах весны.

О, если б мне владеть их голосами!
Они б могли
И наяву восстать перед сынами
Моей земли!

Но звук один — они свое значенье
Утратят вмиг.
И зазвучит в земном воображеньи
Земной язык.

22 апреля 1900

* * *

Есть много песен в светлых тайниках
Ее души невинной и приветной.
И грусти признак есть в его чертах,
Старинной грусти и заветной.

Им бог один — прозрачная печаль.
Единый бог — залог слиянья.
И, может быть, вдвоем — еще туманней даль
И обаятельней незнанье.

3 мая 1900 (Февраль 1914)

* * *

Бежим, бежим, дитя свободы,
К родной стране!
Я верен голосу природы,
Будь верен мне!
Здесь недоступны неба своды
Сквозь дым и прах!
Бежим, бежим, дитя природы,
Простор — в полях!

Бегут... Уж стогны миновали,
Кругом — поля.
По всей необозримой дали
Дрожит земля.
Бегут навстречу солнца, мая,
Свободных дней...
И приняла земля родная
Своих детей...

И приняла, и обласкала,
И обняла,
И в вешних далях им качала
Колокола...
И, поманив их невозможным,
Вновь предала
Дням быстротечным, дням тревожным,
Злым дням — без срока, без числа...

7 мая 1900 (12 мая 1918)

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Под величавые раскаты
Далеких, медленных громов
Встает трава, грозой примята,
И стебли гибкие цветов.

Последний ветер в содроганье
Приводит влажные листы,
Под ярким солнечным сиянъем
Блестят зеленые кусты.

Всеохранительная сила
В своем неведомом пути
Природу чудно вдохновила
Вернуться к жизни и цвести.

3 июня 1900

* * *

Пророк земли — венец творенья,
Подобный молньям и громам,
Свои земные откровенья
Грядущим отдавал векам.

Толпы́ последних поколений,
Быть может, знать обречены,
О чем не ведал старый гений
Суровой Англи́йской страны.

Но мы,— их предки и потомки,—
Сиянья их ничтожный след,
Земли ненужные обломки
На тайной грани лучших лет.

21 июня 1900

* * *

Они расстались без печали,
Забыты были счастья дни;
Но неутешно тосковали
И снова встретились они.

Над ними плакал призрак юный
Уже увядшей красоты;
И эти жалобные струны
Будили старые мечты.

Но были новые свиданья
Так безмятежно холодны;
Их не согрел огонь желанья,
Ни говор плачущей струны.

Меж ними тайны не лежали,
Всё было пусто и мертво;
Они в скитаньи угасали
И хоронили божество.

10 июля 1900

СМЕРТЬ

Прислушайся к земле в родных полях:
Тебя овеет чуждыми страна́ми,
Но вместе родственный обнимет некий страх:
Ты ощутишь шаги, следящие за нами.

О, друг мой, не беги родной своей земли,
Смотри: я жду таинственной пришлицы
И каждый час могу следящую вдали,
Но близкую всегда, принять в мои темницы.

13 сентября 1900

АМЕТИСТ

К. М. С.

Порою в воздухе, согретом
Воспоминаньем и тобой,
Необычайно хладным светом
Горит прозрачный камень твой.

Гаси, крылатое мгновенье,
Холодный блеск его лучей,
Чтоб он воспринял отраженье
Ее ласкающих очей.

19 сентября 1900

* * *

Не нарушай гармонии моей —
В ней всё светло и всё духовно.
Когда и ты душой ответишь ей,
С тобой мы связаны любовно.

Но если ты погасишь свет,
Смутишь на миг затишье моря,
Тогда — прощай. Любви меж нами нет —
Одно сухое, горестное горе.

18 декабря 1900 (1918)

* * *

Я никогда не понимал
Искусства музыки священной,
А ныне слух мой различал
В ней чей-то голос сокровенный.

Я полюбил в ней ту мечту
И те души моей волненья,
Что всю былую красоту
Волной приносят из забвенья.

Под звуки прошлое встает
И близким кажется и ясным:
То для меня мечта поет,
То веет таинством прекрасным.

17 января 1901

* * *

Часто в мысли гармония спит
И не льется словесной волною.
И молчанье бесцельно таит
Непонятный упрек над собою.

Только чувствовать, верить, узрев,
Но сказать,— не услышишь ответа...
Точно песня, весь мир облетев,
Возвратилась, ничем не согрета.

23 января 1901

* * *

Навстречу вешнему расцвету
Зазеленели острова.
Одна лишь песня недопета,
Забылись вечные слова...

Душа в стремленьи запоздала,
В пареньи смутном замерла,
Какой-то тайны не познала,
Каких-то снов не поняла...

И вот — в завистливом смущеньи –
Глядит — растаяли снега,
И рек нестройное теченье
Свои находит берега.

25 апреля 1901

* * *

В передзакатные часы
Среди деревьев вековых
Люблю неверные красы
Твоих очей и слов твоих.

Прощай, идет ночная тень,
Ночь коротка, как вешний сон,
Но знаю — завтра новый день,
И новый для тебя закон.

Не бред, не призрак ты лесной,
Но старина не знала фей
С такой неверностью очей,
С душой изменчивой такой!

5 мая 1901

* * *

Вечереющий день, догорая,
Отступает в ночные края.
Посещает меня, возрастая,
Неотступная Тайна моя.

Неужели и страстная дума,
Бесконечно земная волна,
Затерявшись средь здешнего шума,
Не исчéрпает жизни до дна?

Неужели в холодные сферы
С неразгаданной тайной земли
Отошли и печали без меры,
И любовные сны отошли?

Умирают мои угнетенья,
Утоляются горести дня,
Только Ты одинокою тенью
Посети на закате меня.

11 июля 1901

* * *

Нас старость грустная настигнет без труда,
Мы немощны теперь, и нет у нас желанья.
С тех пор, как умерла подруга,— никогда
Не полнится душа тревогой ожиданья.
Та жизнь прошла для нас, чудес и бед полна,
Оставив по себе одни воспоминанья.
Печальная, наш мир покинула она,
И в этой пустоте всё памятна весна,
Где каждый вздох хранит ее существованье.

3 августа 1901

* * *

Наступает пора небывалая.
В освященные ризы одет,
Вознесу я хвалы запоздалые,—
Не раздастся ли свыше ответ.

Пламя алое в сумраке носится,
Потухают желанья в крови.
Вижу — к вышнему небу возносится
Безначальная дума Любви.

17 августа 1901

* * *

Глушь родного леса,
Желтые листы.
Яркая завеса
Поздней красоты.

Замерли далече
Поздние слова,
Отзвучали речи —
Память всё жива.

5 сентября 1901
Шахматово

* * *

Мчит меня мертвая сила,
Мчит по стальному пути.
Небо унынъем затмило,
В сердце — твой голос: «Прости».

Да, и в разлуке чиста ты
И непорочно свята.
Вон огневого заката
Ясная гаснет черта.

Нет безнадежного горя!
Сердце — под гнетом труда,
А на небесном просторе —
Ты — золотая звезда.

6 сентября 1901
Между Клином и Тверью
Почтовый поезд

* * *

Смерть и время царят на земле —
Ты владыками их не зови.
Вл. Соловьев

Знаю, бедная, тяжкое бремя
Ты отвека устала нести.
Ропщешь ты на бездушное время,—
Я с открытой душою в пути.

Здесь бушуют неверные бури,
Злые сны пролетают, звеня.
Над тобою — всевластность лазури,
Нет в тебе — лучезарного дня.

Но у тайны немого виденья
Расцветешь, обновленьем горя.
Все мечты мимолетного тленья
Молодая развеет заря.

15—16 сентября 1901

ПОСВЯЩЕНИЕ

Встали надежды пророка —
Близки лазурные дни.
Пусть лучезарность востока
Скрыта в неясной тени.

Но за туманами сладко
Чуется близкий рассвет.
Мне — мировая разгадка
Этот безбрежный поэт.

Здесь — голубыми мечтами
Светлый возвысился храм.
Всё голубое — за Вами
И лучезарное — к Вам.

18 сентября 1901

* * *

Ходит месяц по волне,
Ходит солнце в синей зыби,
Но в неведомом изгибе
Оба зримы не вполне.

Странно бледны лики их,
Отраженья их дробимы.
Ты равно ль с другой палима,
Или пламень твой затих

И неверным отраженьем
На волнах моей мечты
Бродишь мертвым сновиденьем
Отдаленной красоты?

7 октября 1901

ВОРОЖБА

Я могуч и велик ворожбою,
Но тебя уследить — не могу.
Полечу ли в эфир за тобою —
Ты цветешь на земном берегу.
Опускаюсь в цветущие степи —
Ты уходишь в вечерний закат,
И меня оковавшие цепи
На земле одиноко бренчат.

Но моя ворожба не напрасна:
Пусть печально и страшно «вчера»,
Но сегодня — и тайно и страстно
Заалело полнеба с утра.
Я провижу у дальнего края
Разгоревшейся тучи — тебя.
Ты глядишь, улыбаясь и зная,
Ты придешь, трепеща и любя.

5 декабря 1901

* * *

Недосказанной речи тревогу
Хороню до свиданья в ночи.
Окна терема — все на дорогу,
Вижу слабое пламя свечи.

Ждать ли поздней условленной встречи?
Знаю — юная сердцем в пути,—
Ароматом неведомой встречи
Сердце хочет дрожать и цвести.

В эту ночь благовонные ро́сы,
Словно влажные страсти слова,
Тяжко лягут на мягкие косы —
Утром будет гореть голова...

Но неска́занной речи тревогу
До свиданья в ночи — не уйму.
Слабый пламень глядит на дорогу,
Яркий пламень дрожит в терему.

6 декабря 1901

ПРИ ПОСЫЛКЕ РОЗ

Смотрел отвека бог лукавый
На эти душные цветы.
Их вековечною отравой
Дыши и упивайся ты.

С их страстной, с их истомной ленью
В младые сумерки твои
И пламенной и льстивой тенью
Войдут мечтания мои.

Неотвратимы и могучи,
И без свиданий, и без встреч,
Они тебя из душной тучи
Живою молньей будут жечь.

24 декабря 1901

НА МОГИЛЕ ДРУГА

Удалены от мира на кладби́ще,
Мы вновь с тобой, негаданный мертвец.
Ты перешел в последнее жилище,
Я всё в пыли, но вижу свой конец.

Там, в синеве, мы встретим наши зори,
Все наши сны продлятся наяву.
Я за тобой, поверь, мой милый, вскоре
За тем же сном в безбрежность уплыву.

22 января 1902

* * *

Война горит неукротимо,
Но ты задумайся на миг,—
И голубое станет зримо,
И в голубом — Печальный Лик.

Лишь заглянн смиренным оком
В непреходящую лазурь,—
Там — в тихом, в голубом, в широком —
Лазурный дым — не рокот бурь.

Старик-пастух стада покинет,
Лазурный догоняя дым.
Тяжелый щит боец отринет,
Гонясь без устали за ним.

Вот — равные, идут на воле,
На них — одной мечты наряд,
Ведь там, в широком божьем поле,
Нет ни щитов, ни битв, ни стад.

Январь 1902 (25 декабря 1914)

* * *

Вдали мигнул огонь вечерний —
Там расступились облака.
И вновь, как прежде, между терний
Моя дорога нелегка.

Мы разошлись, вкусивши оба
Предчувствий неги и земли.
А сердце празднует до гроба
Зарю, мигнувшую вдали.

Так мимолетно перед нами
Перепорхнула жизнь — и жаль:
Всё мнится — зорь вечерних пламя
В последний раз открыло даль.

Январь 1902

* * *

В пути — глубокий мрак, и страшны высоты.
Миндаль уже цветет, кузнечик тяжелеет,
И каперса осыпались цветы.
Но здешней суеты душа не сожалеет.

Свершай свои круги, о, чадо смертных чад,
Но вечно жди суда у беспощадной двери.
Придет урочный час — и стражи задрожат,
И смолкнут жернова, и смолкнут пенья дщери.

Январь 1902

* * *

Или устал ты до времени,
Просишь забвенья могил,
Сын утомленного племени,
Чуждый воинственных сил?

Ищешь ты кротости, благости,
Где ж молодые огни?
Вот и задумчивой старости
К нам придвигаются дни.

Негде укрыться от времени —
Будет и нам череда...
Бедный из бедного племени!
Ты не любил никогда!

11 февраля 1902

* * *

Всю зиму мы плакали, бедные.
Весна отворила двери.
Мы вышли — грустные, бледные,
На сердце — боль и потери.

И шли навстречу томлению,
Полны предчувствий нестройных.
И было нам дуновение
Весенних струй беспокойных.

В порыве ветра летучего —
Мечта иль воспоминание
Чего-то смутного, чего-то жгучего:
Не этой весны дыхание.

Февраль 1902

* * *

Успокоительны, и чудны,
И странной тайной повиты
Для нашей жизни многотрудной
Его великие мечты.

Туманы призрачные сладки —
В них отражен Великий Свет,
И все суровые загадки
Находят дерзостный ответ —

В одном луче, туман разбившем,
В одной надежде золотой,
В горячем сердце — победившем
И хлад, и сумрак гробовой.

6 марта 1902

* * *

Травы спят красивые,
Полные росы.
В небе — тайно лживые
Лунные красы.

Этих трав дыхания
Нам обманный сон.
Я в твои мечтания
Страстно погружен.

Верится и чудится:
Мы — в согласном сне.
Всё, что хочешь, сбудется —
Наклонись ко мне.

Обними — и встретимся,
Спрячемся в траве,
А потом засветимся
В лунной синеве.

22 марта 1902

* * *

Ловлю дрожащие, хладеющие руки;
Бледнеют в сумраке знакомые черты!..
Моя ты, вся моя — до завтрашней разлуки,
Мне всё равно — со мной до утра ты.

Последние слова, изнемогая,
Ты шепчешь без конца, в неизреченном сне.
И тусклая свеча, бессильно догорая,
Нас погружает в мрак,— и ты со мной, во мне...
Прошли года, и ты — моя, я знаю,
Ловлю блаженный миг, смотрю в твои черты,
И жаркие слова невнятно повторяю...
До завтра ты — моя... со мной до утра ты...

Март 1902

* * *

Я жалок в глубоком бессильи,
Но Ты всё яснеи и прелестнеи.
Там бьются лазурные крылья,
Трепещет знакомая песня.

В порыве безумном и сладком,
В пустыне горящего гнева,
Доверюсь бездонным загадкам
Очей Твоих, Светлая Дева!

Пускай не избегну неволи,
Пускай безнадежна утрата,—
Ты здесь, в неисходной юдоли,
Безгневно взглянула когда-то!

Март 1902

* * *

У окна не ветер бродит,
Задувается свеча.
Кто-то близкий тихо входит,
Встал — и дышит у плеча.

Обернусь и испугаюсь...
И смотрю вперед — в окно:
Вот, шатаясь, извиваясь,
Потянулся на гумно...

Не туман — красивый, белый,
Непонятный, как во сне...
Он — таинственное дело
Нашептать пришел ко мне...

Март 1902

* * *

Ты, отчаянье жизни моей,
Без цветов предо мной и без слез!
В полусумраке дней и ночей
Безответный и страшный вопрос!

Ты, тревога рассветных минут,
Непонятный, торжественный гул,
Где невнятные звуки растут,
Где Незримый Хранитель вздохнул!

Вас лелея, зову я теперь:
Укажите мне, скоро ль рассвет?
Вот уж дрогнула темная дверь,
Набежал исчезающий свет.

1 апреля 1902

* * *

Завтра в сумерки встретимся мы.
Ты протянешь приветливо руки.
Но на памяти — с прежней зимы
Непонятно тоскливые звуки.
Ты, я знаю, запомнила дни

Заблуждений моих и тревог.
И когда мы с тобою одни
И безмолвен соседний порог,
Начинают незримо летать
Одинокие искры твои,
Начинаю тебя узнавать
Под напевами близкой любви,
И на миг ты по-прежнему — ты,
Легкой дрожью даешь вспоминать
О блаженстве протекшей зимы,
Отдаленной, но верной мечты,
Под напевом мороза и тьмы
Начинаешь дрожать и роптать,
И, как прежде, мгновенную речь
Я стараюсь во тьме подстеречь...

13 апреля 1902

* * *

Я тишиною очарован
Здесь — на дорожном полотне.
К тебе я мысленно прикован
В моей певучей тишине.

Там ворон каркает высоко,
И вдруг — в лазури потонул.
Из бледноватого далёка
Железный возникает гул.

Вчера твое я слышал слово,
С тобой расстался лишь вчера,
Но тишина мне шепчет снова:
Не так нам встретиться пора...

Вдали от суетных селений,
Среди зеленой тишины,
Обресть утраченные сны
Иных, несбыточных волнений.

18 апреля 1902
На полотне Финл. жел. дороги

* * *

Ты — молитва лазурная,
Ты — пустынная тишь,
В это небо безбурное
Молчаливо глядишь.

Здесь — пустыня безгранная,
Я замолк, и приник,
И вдыхаю, желанная,
Твой певучий родник.

Мне и мнится и верится
В бездыханной тиши:
В этой жизни измерится
Гнев пустынной души.

27 апреля 1902

* * *

Поздно. В окошко закрытое
Горькая мудрость стучит.
Всё ликованье забытое
Перелетело в зенит.

Поздно. Меня не обманешь ты.
Смейся же, светлая тень!
В небе купаться устанешь ты —
Вечером сменится день.

Сменится мертвенной скукою —
Краски поблекнут твои...
Мудрость моя близорукая!
Темные годы мои!

Май 1902

* * *

Сплетались времена, сплетались страны.
Мы из Венеции на север шли,
Мы видели дождливые туманы.
Оторвались,— и к Лидо подошли.

Но берег пуст, и даль оделась в сети
И долгого и тонкого дождя.
Мы подождем. Мы будем только дети,
В живой игре на север уходя.

Так началось времен изображенье.
Игра веков! О, как ты дорога!
Бесчисленные развернулись звенья,
Летели брызги, искры, жемчуга.

Но кто прошел? кто заглянул в туманы?
Игру, мечту — кто видел издали?..
Сплетались времена, сплетались страны,
Мы, не свершив, на север отошли.

2 июня 1902

* * *

Ушли в туман мечтания,
Забылись все слова.
Вся в розовом сиянии
Воскресла синева.

Умчались тучи грозные,
И пролились дожди.
Великое, бесслезное!..
Надейся, верь и жди.

30 июня 1902

* * *

Вот снова пошатнулись дали,
Бегут, синеющие, в высь.
Открыли всё, что закрывали,
И, засмеявшись, вновь слились...

Пускай же долго без просвета
Клубятся тяжко облака.
Ты неизбежна, Дева Света,
Душа — предчувствием легка.

Она займется в час вечерний,
В прохладном таинстве струи,
И скроет свой восторг безмерный
В одежды белые Твои.

Июнь 1902

* * *

Хоронил я тебя, и, тоскуя,
Я растил на могиле цветы,
Но в лазури, звеня и ликуя,
Трепетала, блаженная, ты.
И к родимой земле я клонился,
И уйти за тобою хотел,
Но, когда я рыдал и молился,
Звонкий смех твой ко мне долетел.
Похоронные слезы напрасны —
Ты трепещешь, смеешься, жива!
И растут на могиле прекрасной
Не цветы — огневые слова!

Июнь 1902 (18 ноября 1920)

* * *

Как сон, уходит летний день,
И летний вечер только снится.
За ленью дальних деревень
Моя задумчивость таится.

Дышу и мыслю и терплю,
Кровавый запад так чудесен...
Я этот час, как сон, люблю,
И силы нет страшиться песен.

Я в этот час перед тобой
Во прахе горестной душою.
Мне жутко с песней громовой
Под этой тучей грозовою.

27 июля 1902

* * *

Давно хожу я под окнами,
Но видел ее лишь раз.
Я в небе слежу за волокнами
И думаю: день погас.

Давно я думу печальную
Всю отдал за милый сон.
Но песню шепчу прощальную
И думаю: где же он?

Она окно занавесила —
Не смотрит ли милый глаз?
Но сердцу, сердцу не весело:
Я видел ее лишь раз.

Погасло небо осеннее
И розовый небосклон.
А я считаю мгновения
И думаю: где же сон?

7 сентября 1902

* * *

Смолкали и говор, и шутки,
Входили, главы обнажив.
Был воздух туманный и жуткий,
В углу раздавался призыв...

Призыв к неизвестной надежде,
За ним — тишина, тишина...
Там женщина в черной одежде
Читала, крестясь, письмена.

А люди, не зная святыни,
Искали на бледном лице
Тоски об утраченном сыне,
Печали о раннем конце...

Она же, собравшись в дорогу,
Узнала, что жив ее сын,
Что где-то он тянется к богу,
Что где-то он плачет один...

И только последняя тягость
Осталась — сойти в его тьму,
Поведать великую радость,
Чтоб стало полегче ему...

11 сентября 1902 (24 мая 1918)

* * *

Как старинной легенды слова,
Твоя тяжкая прелесть чиста.
Побелела, поблекла трава —
Всё жива еще сила листа.

Как трава, изменяя цвета,
Затаилась — а всё не мертва,
Так — сегодня и завтра не та —
Ты меняешь убор — и жива.

Но иная проснется весна,
Напряжется иная струна,—
И уйдешь Ты, умрешь, как трава,
Как старинной легенды слова.

22 сентября 1902

* * *

Я ждал под окнами в тени,
Готовый гибнуть и смеяться.
Они ушли туда — одни —
Любить, мечтать и целоваться.

Рука сжимала тонкий нож.
В лохмотьях, нищий, был я жалок.
Мечтал про счастье и про ложь,
Про белых, девственных русалок.

И, дрогнув, пробегала тень,
Спешил рассеянный прохожий.
Там смутно нарождался день,
С прошедшим схожий и несхожий.

И вот они — вдвоем — одни...
Он шепчет, жмет, целует руки...
И замер я в моей тени,
Раздавлен тайной серой скуки.

Сентябрь 1902

* * *

О легендах, о сказках, о мигах:
Я искал до скончания дней
В запыленных, зачитанных книгах
Сокровенную сказку о Ней.

Об отчаяньи муки напрасной:
Я стою у последних ворот
И не знаю — в очах у Прекрасной
Сокровенный огонь, или лед.

О последнем, о светлом, о зыбком:
Не открою, и дрогну, и жду:
Верю тихим осенним улыбкам,
Золотистому солнцу на льду.

17 октября 1902

СФИНКС

Шевельнулась безмолвная сказка пустынь,
Голова поднялась, высока.
Задрожали слова оскорбленных богинь
И готовы слететь с языка...

Преломилась излучиной гневная бровь,
Зарываются когти в песке...
Я услышу забытое слово *Любовь*
На забытом, живом языке...

Но готовые врыться в сыпучий песок
Выпрямляются лапы его...
И опять предо мной — только тайный намек –
Нераскрытой мечты торжество.

8 ноября 1902 (Апрель 1918)

* * *

Загляжусь ли я в ночь на метелицу,
Загорюсь и погаснуть не в мочь.
Что́ в очах Твоих, красная девица,
Нашептала мне синяя ночь.

Нашепталась мне сказка косматая,
Нагадал заколдованный луг
Про тебя сновиденья крылатые,
Про тебя, неугаданный друг.

Я завьюсь снеговой паутиною,
Поцелуи, что долгие сны.
Чую сердце твое лебединое,
Слышу жаркое сердце весны.

Нагадала Большая Медведица,
Да колдунья, морозная дочь,
Что́ в очах твоих, красная девица,
На челе твоем, синяя ночь.

12 ноября 1902

* * *

Ушел я в белую страну,
Минуя берег возмущенный.
Теперь их голос отдаленный
Не потревожит тишину.

Они настойчиво твердят,
Что мне, как им, любезно братство,
И христианское богатство
Самоуверенно сулят.

Им нет числа. В своих гробах
Они замкнулись неприступно.
Я знаю: больше чем преступно
Будить сомненье в их сердцах.

Я кинул их на берегу.
Они ужасней опьяненных.
И в глубинах невозмущенных
Мой белый светоч берегу.

16 ноября 1902

* * *

Золотит моя страстная осень
Твои думы и кудри твои.
Ты одна меж задумчивых сосен —
И поешь о вечерней любви.

Погружаясь в раздумья лесные,
Ты училась меня целовать.
Эти ласки и песни ночные —
Только ночь — загорятся опять.

Я страстнее и дольше пробуду
В упоенных объятьях твоих
И зарей светозарному чуду
Загорюсь на вершинах лесных.

Ноябрь 1902

* * *

Любопытство напрасно глазело
Из щелей развратных притонов.
Окно наверху потемнело —
Не слышно ни вздохов, ни стонов.

Недовольные, сытые люди,
Завидуйте верхнему счастью!
Вы внизу — безвластные судьи,
Без желаний, без слез, без страсти.

Мы прошли желанья и слезы,
Наши страсти открыли тайны.
И мы с высоты, как грозы,
Опалили и вас — случайно...

13 декабря 1902

ОТШЕДШИМ

Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду
И в этих камышах увижу всё, что мило.
Осиротел мой пруд. Но сердце не остыло.
В нем всё отражено — и возвращений жду.

Качаются и зеленеют травы.
Люблю без слов колеблемый камыш.
Всё, что ты знал, веселый и кудрявый,
Одной мечтой найдешь и возвратишь.

Дождусь ли здесь условленного знака,
Или уйду в ласкающую тень,—
Заря не перейдет, и не погаснет день.

Здесь тихо и светло. В душе не будет мрака.
Она перенесла — и смотрит сквозь листву
В иные времена — к иному торжеству.

22 января 1903

* * *

Днем за нашей стеной молчали,—
Кто-то злой измерял свою совесть.
И к вечеру мы услыхали,
Как раскрылась странная повесть.

Вчера еще были объятья,
Еще там улыбалось и пело.
По крику, по шороху платья
Мы узнали свершенное дело.

Там в книге открылась страница,
И ее пропустить не смели...
А утром узнала столица
То, о чем говорили неделю...

И всё это — здесь за стеною,
Где мы так привыкли к покою!
Какой же нам-то ценою
Досталось счастье с тобою!

29 января 1903

* * *

Разгадал я, какие цветы
Ты растила на белом окне.
Испугалась, наверное, ты,
Что меня увидала во сне:

Как хожу среди белых цветов
И не вижу мерцания дня.
Пусть он радостен, пусть он суров —
Всё равно ты целуешь меня...

Ты у солнца не спросишь, где друг,
Ты и солнце боишься впустить:
Раскаленный блуждающий круг
Не умеет так страстно любить.

Утром я подошел и запел,
И не скроешь — услышала ты,
Только голос ответный звенел,
И, качаясь, белели цветы...

9 февраля 1903

* * *

Никто не умирал. Никто не кончил жить.
Но в звонкой тишине блуждали и сходились.
Вот близятся, плывут... черты определились...
Внезапно отошли — и их не различить.

Они — невдалеке. Одна и та же нить
Связует *здесь* и *там*; лишь два пути открылись:
Один — безбурно ждать и юность отравить,
Другой — скорбеть о том, что пламенно молились...

Внимательно следи. Разбей души таинник:
Быть может, там мелькнет твое же повторенье...
Признаешь ли его, скептический двойник?

Там — в темной глубине — такое же томленье
Таких же нищих душ и безобразных тел:
Гармонии безрадостный предел.

12 марта 1903

* * *

(ПРИ ПОСЫЛКЕ БЕЛОЙ АЗАЛИИ)

Вот они — белые звуки
Девственно-горних селений...
Девушки бледные руки,
Белые сказки забвений...
Медленно шла от вечерни,
Полная думы вчерашней...
У колокольни вечерней
Таяли белые башни...

Белые башни уплыли,
Небо горит на рассвете.
Песню цветы разбудили —
Песню о белом расцвете...

5 апреля 1903. Пасха

* * *

Кто заметил огненные знаки,
Не уйдет безмолвный прочь.
Ты светла — и в светлом зраке
Отражаешь ночь.

Есть молчанье — тягостное горе,
Вздохи сердца у закрытых врат.
Но в моем молчаньи — зори
Тают и горят.

Ты взойдешь в моей немой отчизне
Ярче всех других светил
И — поймешь, какие жизни
Я в Тебе любил.

13 апреля 1903

* * *

Если только она подойдет —
Буду ждать, буду ждать...
Голубой, голубой небосвод...
Голубая спокойная гладь.

Кто прикликал моих лебедей?
Кто над озером бродит, смеясь?
Неужели средь этих людей
Незаметно Заря занялась?

Всё равно — буду ждать, буду ждать...
Я один, я в толпе, я — как все...
Окунусь в безмятежную гладь —
И всплыву в лебединой красе.

3 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

Очарованный вечер мой долог,
И внимаю журчанью струи,
Лег туманов белеющий полог
На зеленые нивы Твои.

Безотрадному сну я не верю,
Погрузив мое сердце в покой...
Скоро жизнь мою бурно измерю
Пред неведомой встречей с Тобой...

Чьи-то очи недвижно и длинно
На меня сквозь деревья глядят.
Всё, что в сердце, по-детски невинно
И не требует страстных наград.

Всё, что в сердце, смежило ресницы,
Но, едва я заслышу: «Лети»,—
Полечу я с восторгами птицы,
Оставляющей перья в пути...

11 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

К. М. С.

Сердито волновались нивы.
Собака выла. Ветер дул.
Ее восторг самолюбивый
Я в этот вечер обманул...

Угрюмо шепчется болото.
Взошла угрюмая луна.
Там в поле бродит, плачет кто-то...
Она! Наверное — она!

Она смутила сон мой странный —
Пусть приютит ее другой:
Надутый, глупый и румяный
Паяц в одежде голубой.

12 июня 1903. Bad Nauheim

* * *

Многое замолкло. Многие ушли.
Много дум уснуло на краю земли.

Но остались песни и остались дни.
Истина осталась: мы с тобой — одни.

Всё, что миновалось, вот оно — смотри:
Бледная улыбка утренней зари.

Сердце всё открыто, как речная гладь,
Если хочешь видеть, можешь увидать.

Июнь 1903. Bad Nauheim

РАССВЕТ

Я встал и трижды поднял руки.
Ко мне по воздуху неслись
Зари торжественные звуки,
Багрянцем одевая высь.

Казалось, женщина вставала,
Молилась, отходя во храм,
И розовой рукой бросала
Зерно послушным голубям.

Они белели где-то выше,
Белея, вытянулись в нить
И скоро пасмурные крыши
Крылами стали золотить.

Над позолотой их заемной,
Высóко стоя на окне,
Я вдруг увидел шар огромный,
Плывущий в красной тишине.

18 ноября 1903

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПОРА

И. Д. Менделееву

Ты кормчий — сам, учитель — сам.
Твой путь суров. Что толку в этом?
А я служу Ее зарям,
Моим звездящимся обетам.
Я изменений сон люблю,
Открытый ветру в час блужданий.
Изменник сам — не истреблю
Моих задумчивых гаданий.
Ты также грезишь над рулем,
Но ветх твой челн, старо кормило,
А мы в урочный час придем —
И упадет твое ветрило.
Скажи, когда в лазури вдруг
Заплещут ангелы крылами,
Кто первый выпустит из рук
Свое трепещущее знамя?

2 декабря 1903

НЕНУЖНАЯ ВЕСНА

1

Отсеребрилась, отзвучала...
И вот из-за домов, пьяна,
В пустую комнату стучала
Ненужно ранняя весна.

Она сера и неумыта,
Она развратна до конца.
Как свиньи тычатся в корыто,
Храпит у моего крыльца.

И над неубранной постелью
Склонилась, давит мне на грудь,
И в сердце, смятое метелью,
Бесстыдно хочет заглянуть.

Ну, что же! Стисну зубы, встречу,
И, выбрав хитрый, ясный миг,
Ее заклятьем изувечу
И вырву пожелтелый клык!

Пускай трясет визгливым рылом:
Зачем непрошеной вошла,
Куда и солнце не входило,
Где ночь метельная текла!

2

В глазах ненужный день так ярок,
Но в сердце — неотлучно ночь.
За красоту мою в подарок
Старуха привела мне дочь.

«Вот, проводи с ней дни и ночи:
Смотри, она стройна, как та.
Она исполнит всё, что хочешь:
Она бесстыдна и проста».

Смотрю. Мой взор — слепой и зоркий:
«Она красива, дочь твоя.
Вот, погоди до Красной Горки:
Тогда с ней повенчаюсь я».

3

Зима прошла. Я болен.
Я вновь в углу, средь книг.
Он, кажется, доволен,
Досужий мой двойник.

Да мне-то нет досуга
Болтать про всякий вздор.
Мы поняли друг друга?
Ну, двери на запор.

Мне гости надоели.
Скажите, что грущу.
А впрочем, на неделе —
Лишь одного впущу:

Того, кто от занятий
Утратил цвет лица,
И умер от заклятий
Волшебного кольца.

18 марта 1907

* * *

В темной комнате ты обесчещена,
Светлой улице ты предана,
Ты идешь, красивая женщина,
Ты пьяна!

Шлейф ползет за тобой и треплется,
Как змея, умирая в пыли...
Видишь ты: в нем жизнь еще теплится!
Запыли!

12 апреля 1907

* * *

Сырое лето. Я лежу
В постели — болен. Что-то подступает
Горячее и жгучее в груди.
А на усадьбе, в тéнях светлой ночи,
Собаки с лаем носятся вкруг дома.
И меж своих — я сам не свой. Меж кровных
Бескровен — и не знаю чувств родства.

И люди опостылели немногим
Лишь меньше, чем убитый мной комар.
И свечкою давно озарено
То место в книжке, где профессор скучный,
Как ноющий комар,— поет мне в уши,
Что женщина у нас угнетена
И потому сходна судьбой с рабочим.
Постой-ка! Вот портрет: седой профессор —
Прилизанный, умытый, тридцать пять
Изданий книги выпустивший! Стой!
Ты говоришь, что угнетен рабочий?
Постой: весной я видел смельчака,
Рабочего, который смело на́ смерть
Пойдет, и с ним — друзья. И горны замолчат,
И остановятся работы разом
На фабриках. И жирный фабрикант
Поклонится рабочим в ноги. Стой!
Ты говоришь, что женщина — раба?
Я знаю женщину. В ее душе
Был сноп огня. В походке — ветер.
В глазах — два моря скорби и страстей.
И вся она была из легкой персти —
Дрожащая и гибкая. Так вот,
Профессор, четырех стихий союз
Был в ней одной. Она могла убить —
Могла и воскресить. А ну-ка, ты
Убей, да воскреси потом! Не можешь?
А женщина с рабочим могут.

20 июня 1907

* * *

Везде — над лесом и над нашей,
И на земле, и на воде —
Такою близкой и вчерашней
Ты мне являешься — везде.

Твой стан под душной летней тучей,
Твой стан, закутанный в меха,
Всегда пою — всегда певучий,
Клубясь туманами стиха.

И через годы, через воды,
И на кресте и во хмелю,
Тебя, Дитя моей свободы,
Подруга Светлая, люблю.

8 июля 1907

* * *

Стучится тихо. Потом погромче.
Потом смеется.
И смех всё ярче, желанней, звонче,
И сердце бьется.

Я сам не знаю,
О чем томится
Мое жилье?

Не сам впускаю
Такую птицу
В окно свое!

И что мне снится
В моей темнице,
Когда поет
Такая птица?

Прочь из темницы
Куда зовет?

24 декабря 1907

* * *

В глубоких сумерках собора
Прочитан мною свиток твой;
Твой голос — только стон из хора,
Стон протяжённый и глухой.

И испытать тебя мне надо;
Их много, ищущих меня,
Неповторяемого взгляда,
Неугасимого огня.

И вот тебе ответный свиток
На том же месте, на стене,
За то, что много страстных пыток
Узнал ты на пути ко мне.

Кто я, ты долго не узнаешь,
Ночами глаз ты не сомкнешь,
Ты, может быть, как воск, истаешь,
Ты смертью, может быть, умрешь.

Твои стенанья и мученья,
Твоя тоска — что́ мне до них?
Ты — только смутное виденье
Миров далеких и глухих.

Смотри, ты многого ль достоин?
Смотри, как жалок ты и слаб,
Трусливый и безвестный воин,
Ленивый и лукавый раб!

И если отдаленным эхом
Ко мне дойдет твой вздох «люблю»,
Я громовым холодным смехом
Тебя, как плетью, опалю!

25 мая 1908

* * *

Их было много — дев прекрасных,
Ущелья гор, хребты холмов
Полны воспоминаний страстных
И потаенных голосов...

Они влеклись в дорожной пыли
Отвека ведомым путем,
Они молили и грозили
Кинжалом, ядом и огнем...

Подняв немые покрывала,
Они пасли стада мои,
Когда я крепко спал, усталый,
А в далях плакали ручьи...

И каждая прекрасной ложью
Со мною связана была,
И каждая заветной дрожью
Меня томила, жгла и жгла...

Но над безумной головою
Я бич занес, собрал стада
И вышел горною тропою,
Чтоб не вернуться — никогда!

Здесь тишина. Здесь ходят тучи.
И ветер шелестит травой.
Я слушаю с заветной кручи
Их дольний ропот под горой.

Когда, топча цветы лазури
Копытом черного коня,
Вернусь, как царь в дыханьи бури,–
Вы не узнаете меня!

Март — июнь 1908

* * *

Не могу тебя не звать,
Счастие мое!
Имя нежное твое
Сладко повторять!

Вся ты — бурная весна,
Вся ты — мной одним пьяна,
Не беги же прочь!
Хочешь дня —
Приходит ночь...
Не избегнешь ты меня!

Золотистая коса, расплетись!
В эти жадные глаза заглядись!
Долгожданная гроза, разразись!

30 ноября 1908

* * *

Ты из шопота слов родилась,
В вечереющий сад забралась
И осыпала вишневый цвет,
Прозвенел твой весенний привет.
С той поры, что ни ночь, что ни день,
Надо мной твоя легкая тень,
Запах белых цветов средь садов,
Шелест легких шагов у прудов,
И тревожной бессонницы прочь
Не прогонишь в прозрачную ночь.

Май 1903 — декабрь 1908

* * *

Как из сумрачной гавани,
От родимой земли
В кругосветное плаванье
Отошли корабли,—
Так и вы, мои
Золотые года —
В невозвратное
Отошли навсегда.

Ноябрь (?) 1909

КОРОЛЕВНА

Не было и нет во всей подлунной
Белоснежней плеч.
Голос нежный, голос многострунный,
Льстивая, смеющаяся речь.

Все певцы полночные напевы
Ей слагают, ей.
Шепчутся завистливые девы
У ее немых дверей.

Темный рыцарь, не подняв забрала,
Жадно рвется в бой;
То она его на смерть послала
Белоснежною рукой.

Но, когда одна, с холодной башни
Всё глядит она
На поля, леса, озера, пашни
Из высокого окна.

И слеза сияет в нежном взоре,
А вдали, вдали
Ходят тучи, да алеют зори,
Да летают журавли...

Да еще — души ее властитель,
Тот, кто навсегда
Путь забыл в далекую обитель,—
Не вернется никогда!

28 ноября 1908 — 16 мая 1914

* * *

Я помню нежность ваших плеч —
Они застенчивы и чутки.
И лаской прерванную речь,
Вдруг, после болтовни и шутки.

Волос червонную руду
И голоса грудные звуки.
Сирени темной в час разлуки
Пятиконечную звезду.

И то, что больше и странней:
Из вихря музыки и света —
Взор, полный долгого привета,
И тайна *верности*... твоей.

1 июля 1914

* * *

Распушилась, раскачнулась
Под окном ветла.
Божья матерь улыбнулась
С красного угла.

Отложила молодица
Зимнюю кудель...
Поглядеть, как веселится
В улице апрель!

Раскрутился над рекою
Красный сарафан,
Счастьем, удалью, тоскою
Задышал туман.

И под ветром заметались
Кончики платка,
А прохожим примечтались
Алых два цветка.

И кто шел путем-дорогой
С дальнего села,
Стал просить весны у бога,
И весна пришла.

25 декабря 1914

* * *

Милая девушка, что́ ты колдуешь
Черным зрачком и плечом?
Так и меня ты, пожалуй, взволнуешь,
Только — я здесь ни при чем.

Знаю, что этой игрою опасной
Будешь ты многих пленять,
Что превратишься из женщины страстной
В умную нежную мать.

Но, испытавши судьбы перемены,—
Сколько блаженств и потерь! —
Вновь ты родишься из розовой пены
Точно такой, как теперь.

9 декабря 1915

З. ГИППИУС

(При получении «Последних стихов»)

Женщина, безумная гордячка!
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневами звенящих строк!

Все слова — как ненависти жала,
Все слова — как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвее целую, глядя в даль...

Но в дали я вижу — море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воет ураган!

Страшно, сладко, неизбежно, надо
Мне — бросаться в многопенный вал,
Вам — зеленоглазою наядой
Петь, плескаться у ирландских скал.

Высоко — над нами — над волнами,—
Как заря над черными скалами —
Веет знамя — Интернацьонал!

1—6 июня 1918

ДВЕ НАДПИСИ НА СБОРНИКЕ «СЕДОЕ УТРО»

1

Вы предназначены не мне.
Зачем я видел Вас во сне?
Бывает сон — всю ночь один:
Так видит Даму паладин,
Так раненому снится враг,
Изгнаннику — родной очаг,
И капитану — океан,
И деве — розовый туман...
Но сон мой был иным, иным,
Неизъясним, неповторим,
И если он приснится вновь,
Не возвратится к сердцу кровь...
И сам не знаю, для чего
Сна не скрываю моего,
И слов, и строк, ненужных Вам,
Как мне,— забвенью не предам.

23 октября 1920

2

Едва в глубоких снах мне снова
Начнет былое воскресать,—
Рука уж вывести готова
Слова, которых не сказать...
Но я руке не позволяю
Писать про виденные сны,
И только книжку посылаю
Царице песен и весны...
В моей душе, как келья, душной,
Все эти песни родились.

Я их любил. И равнодушно
Их отпустил. И понеслись...
Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла,
Но нежной прихоти немного
Иным из вас *она* дала...

23—24 октября 1920

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижном скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что́ за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук –
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

11 февраля 1921

ВОЗМЕЗДИЕ

Юность — это возмездие.
Ибсен

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не чувствуя ни нужды, ни охоты заканчивать поэму, полную революционных предчувствий, в года, когда революция уже произошла, я хочу предпослать наброску последней главы рассказ о том, как поэма родилась, каковы были причины ее возникновения, откуда произошли ее ритмы.

Интересно и небесполезно и для себя и для других припомнить историю собственного произведения. К тому же нам, счастливейшим или несчастливейшим детям своего века, приходится помнить всю свою жизнь; все годы наши резко окрашены для нас, и — увы! — забыть их нельзя,— они окрашены слишком неизгладимо, так что каждая цифра кажется написанной кровью; мы и не можем забыть этих цифр; они написаны на наших собственных лицах.

Поэма «Возмездие» была задумана в 1910 году и в главных чертах набросана в 1911 году. Что это были за годы?

1910 год — это смерть Коммиссаржевской, смерть Врубеля и смерть Толстого. С Коммиссаржевской умерла лирическая нота на сцене; с Врубелем — громадный личный мир художника, безумное упорство, ненасытность исканий — вплоть до помешательства. С Толстым умерла человеческая нежность — мудрая человечность.

Далее, 1910 год — это кризис символизма, о котором тогда очень много писали и говорили, как в лагере символистов, так и в противоположном. В этом году явственно дали о себе знать направления, которые встали во враждебную позицию и к символизму, и друг к другу: акмеизм, эгофутуризм и первые начатки футуризма. Лозунгом первого из этих направлений был человек — но какой-то уже другой человек, вовсе без человечности, какой-то «первозданный Адам».

Зима 1911 года была исполнена глубокого внутреннего мужественного напряжения и трепета. Я помню ночные разговоры, из которых впервые вырастало сознание нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики. Мысль, которую, по-видимому, будили сильные толчки извне, одновременно стучалась во все эти двери, не удовлетворяясь более слиянием всего воедино, что было легко и возможно в истинном мистическом сумраке годов, предшествовавших первой революции, а также — в неистинном мистическом похмелье, которое наступило вслед за нею.

Именно мужественное веянье преобладало: трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего — противоречий непримиримых и требовавших примирения. Ясно стал слышен северный жесткий голос Стриндберга, которому остался всего год жизни. Уже был ощутим запах гари, железа и крови. Весной 1911 года П. Н. Милюков прочел интереснейшую лекцию под заглавием «Вооруженный мир и сокращение вооружений». В одной из московских газет появилась пророческая статья: «Близость большой войны». В Киеве произошло убийство Андрея Ющинского, и возник вопрос об употреблении евреями христианской крови. Летом этого года, исключительно жарким, так что трава горела на корню, в Лондоне происходили грандиозные забастовки железнодорожных рабочих, в Средиземном море — разыгрался знаменательный эпизод «Пантера — Агадир».

Неразрывно со всем этим связан для меня расцвет французской борьбы в петербургских цирках; тысячная толпа проявляла исключительный интерес к ней; среди борцов были истинные художники; я никогда не забуду борьбы безобразного русского тяжеловеса с голландцем, мускульная система которого представляла из себя совершеннейший музыкальный инструмент редкой красоты.

В этом именно году, наконец, была в особенной моде у нас авиация; все мы помним ряд красивых воздушных петель, полетов вниз головой,— падений и смертей талантливых и бездарных авиаторов.

Наконец, осенью в Киеве был убит Столыпин, что знаменовало окончательный переход управления страной из рук полудворянских, получиновничьих в руки департамента полиции.

Все эти факты, казалось бы столь различные, для меня имеют один музыкальный смысл. Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению в данное время, и уверен, что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор.

Я думаю, что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы, был *ямб*. Вероятно, потому повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого ямба, отдаться его упругой волне на более продолжительное время.

Тогда мне пришлось начать постройку большой поэмы под названием «Возмездие». Ее план представлялся мне в виде концентрических кругов, которые становились все у́же и у́же, и самый маленький круг, съежившись до предела, начинал опять жить своей самостоятельной жизнью, распирать и раздвигать окружающую среду и, в свою очередь, действовать на периферию. Такова была жизнь чертежа, который мне рисовался,— в сознание и на слова я это стараюсь перевести лишь сейчас; тогда это присутствовало преимущественно в понятии музыкальном и мускульном; о мускульном сознании я говорю недаром, потому что в то время все движение и развитие поэмы для меня тесно соединилось с развитием мускульной системы. При систематическом ручном труде развиваются сначала мускулы на руках, так называемые — бицепсы, а потом уже — постепенно — более тонкая, более изысканная и более редкая сеть мускулов на груди и на спине под лопатками. Вот такое ритмическое и постепенное нарастание мускулов должно было составлять ритм всей поэмы. С этим связана и ее основная идея, и тема.

Тема заключается в том, как развиваются звенья единой цепи рода. Отдельные отпрыски всякого рода развиваются до положенного им предела и затем вновь поглощаются окружающей мировой средой; но в каждом отпрыске зреет и отлагается нечто новое и нечто более острое, ценою бесконечных потерь, личных трагедий, жизненных неудач, падений и т. д.; ценою, наконец, потери тех бесконечно высоких свойств, которые в свое время сияли, как лучшие алмазы в человеческой короне (как, например, свойства гуманные, добродетели, безупречная честность, высокая нравственность и проч.).

Словом, мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа, сама она, если остается еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искалеченной. Был человек — и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка. Но семя брошено, и в следующем первенце растет новое, более упорное; и в последнем первенце это новое и упорное начинает, наконец, ощутительно действовать на окружающую среду; таким образом, род, испытавший на себе возмездие истории, среды, эпохи, начинает, в свою очередь, творить возмездие; последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание; он готов ухватиться своей человечьей ручонкой за колесо, которым движется история человечества. И, может быть, ухватится-таки за него...

Что же дальше? Не знаю, и никогда не знал; могу сказать только, что вся эта концепция возникла под давлением все растущей во мне ненависти к различным теориям прогресса.

Такую идею я хотел воплотить в моих «Rougon-Macquar'ах» в малом масштабе, в коротком обрывке рода русского, живущего в условиях

русской жизни: «Два-три звена, и уж видны заветы темной старины»... Путем катастроф и падений мои «Rougon-Macquar'ы» постепенно освобождаются от русско-дворянского éducation sentimentale [1], «уголь превращается в алмаз», Россия — в новую Америку; в новую, а не в старую Америку.

Поэма должна была состоять из пролога, трех больших глав и эпилога. Каждая глава обрамлена описанием событий мирового значения; они составляют ее фон.

Первая глава развивается в 70-х годах прошлого века, на фоне русско-турецкой войны и народовольческого движения, в просвещенной либеральной семье; в эту семью является некий «демон», первая ласточка «индивидуализма», человек, похожий на Байрона, с какими-то нездешними порываниями и стремлениями, притупленными, однако, болезнью века, начинающимся fin de siècle [2].

Вторая глава, действие которой развивается в конце XIX и начале XX века, так и не написанная, за исключением вступления, должна была быть посвящена сыну этого «демона», наследнику его мятежных порывов и болезненных падений,— бесчувственному сыну нашего века. Это — тоже лишь одно из звеньев длинного рода; от него тоже не останется, по-видимому, ничего, кроме искры огня, заброшенной в мир, кроме семени, кинутого им в страстную и грешную ночь в лоно какой-то тихой и женственной дочери чужого народа.

В третьей главе описано, как кончил жизнь отец, что сталось с бывшим блестящим «демоном», в какую бездну упал этот яркий когда-то человек. Действие поэмы переносится из русской столицы, где оно до сих пор развивалось, в Варшаву — кажущуюся сначала «задворками России», а потом призванную, по-видимому, играть некую мессианическую роль, связанную с судьбами забытой богом и истерзанной Польши. Тут, над свежей могилой отца, заканчивается развитие и жизненный путь сына, который уступает место собственному отпрыску, третьему звену все того же высоко взлетающего и низко падающего рода.

В эпилоге должен быть изображен младенец, которого держит и баюкает на коленях простая мать, затерянная где-то в широких польских клеверных полях, никому не ведомая и сама ни о чем не ведающая. Но она баюкает и кормит грудью сына, и сын растет; он начинает уже играть, он начинает повторять по складам вслед за матерью: «И я пойду навстречу солдатам... И я брошусь на их штыки... И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот».

Вот, по-видимому, круг человеческой жизни, съежившийся до предела, последнее звено длинной цепи; тот круг, который сам, наконец,

---

[1] Чувствительного воспитания *(франц.).— Ред.*
[2] Концом века *(франц.).— Ред.*

начнет топорщиться, давить на окружающую среду, на периферию; вот отпрыск рода, который, может быть, наконец, ухватится ручонкой за колесо, движущее человеческую историю.

Вся поэма должна сопровождаться определенным лейтмотивом «возмездия»; этот лейтмотив есть *мазурка,* танец, который носил на своих крыльях Марину, мечтавшую о русском престоле, и Костюшку с протянутой к небесам десницей, и Мицкевича на русских и парижских балах. В первой главе этот танец легко доносится из окна какой-то петербургской квартиры — глухие 70-е годы; во второй главе танец гремит на балу, смешиваясь со звоном офицерских шпор, подобный пене шампанского fin de siècle, знаменитой veuve Clicquot;[1] еще более глухие — цыганские, апухтинские годы; наконец, в третьей главе мазурка разгулялась: она звенит в снежной вьюге, проносящейся над ночной Варшавой, над занесенными снегом польскими клеверными полями. В ней явственно слышится уже голос Возмездия.

12 июля 1919

---

[1] Вдова Клико *(франц.)* — марка французского шампанского,— по фамилии владелицы фирмы.— *Ред.*

ПРОЛОГ

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминучий,
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет,— поймешь, где тьма.
Пускай же всё пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Так Зигфрид правит меч над горном:
То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит —
И зашипит, и станет черным
Любимцу вверенный клинок...
Удар — он блещет, Нотунг верный,
И Миме, карлик лицемерный,
В смятеньи падает у ног!

Кто меч скует? — Не знавший страха.
А я беспомощен и слаб,
Как все, как вы,— лишь умный раб,

Из глины созданный и праха,—
И мир — он страшен для меня.
Герой уж не разит свободно,—
Его рука — в руке народной,
Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каждой –
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой...
Кто нанесет ему удар?..
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
И пахнет гарью. Там — пожар.

Но песня — песнью всё пребудет,
В толпе всё кто-нибудь поет.
Вот — голову его на блюде
Царю плясунья подает;
Там — он на эшафоте черном
Слагает голову свою;
Здесь — именем клеймят позорным
Его стихи... И я пою,—
Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста!..
Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни
Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.

Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом — юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа.
Сыны отражены в отцах:

Коротенький обрывок рода —
Два-три звена,— и уж ясны
Заветы темной старины:
Созрела новая порода,—
Угль превращается в алмаз.
Он, под киркой трудолюбивой,
Восстав из недр неторопливо,
Предстанет — миру напоказ!
Так бей, не знай отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека —
Дроби, мой гневный ямб, каменья!

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!
В ночь умозрительных понятий,
Матерьялистских малых дел,
Бессильных жалоб и проклятий
Бескровных душ и слабых тел!
С тобой пришли чуме на смену
Нейрастения, скука, сплин,
Век расшибанья лбов о стену
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций,
И малодейственных умов,
И дарований половинных
(Так справедливей — пополам!),
Век не салонов, а гостиных,
Не Рекамье,— а просто дам...
Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели темные дела...
А человек? — Он жил безвольно:
Не он — машины, города,

«Жизнь» так бескровно и безбольно
Пытала дух, как никогда...
Но тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран,—
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас:
Там — распри кровные решают
Дипломатическим умом,
Там — пушки новые мешают
Сойтись лицом к лицу с врагом,
Там — вместо храбрости — нахальство,
А вместо подвигов — «психоз»,
И вечно ссорится начальство,
И длинный громоздкóй обоз
Волóчит за собой команда,
Штаб, интендантов, грязь кляня,
Рожком горниста — рог Роланда
И шлем — фуражкой заменя...
Тот век немало проклинали
И не устанут проклинать.
И как избыть его печали?
Он мягко стлал — да жестко спать...

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознанье страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...

И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...
Что́ ж, человек? — За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?
О чем — машин немолчный скрежет?
Зачем — пропеллер, воя, режет
Туман холодный — и пустой?

Теперь — за мной, читатель мой,
В столицу севера больную,
На отдаленный финский брег!

Уж осень семьдесят восьмую
Дотягивает старый век.
В Европе спорится работа,
А здесь — по-прежнему в болото
Глядит унылая заря...
Но в половине сентября
В тот год, смотри, как солнца много!
Куда народ валит с утра?
И до заставы всю дорогу
Горохом сыплется *ура,*
И Забалканский, и Сенная
Кишат полицией, толпой,
Крик, давка, ругань площадная...
За самой городской чертой,
Где светится золотоглавый
Новодевичий монастырь,
Заборы, бойни и пустырь
Перед Московскою заставой,—
Стена народу, тьма карет,
Пролетки, дрожки и коляски,
Султаны, кивера и каски,
Царица, двор и высший свет!
И пред растроганной царицей,

В осенней солнечной пыли,
Войска проходят вереницей
От рубежей чужой земли...
Идут, как будто бы с парада.
Иль не оставили следа
Недавний лагерь у Царьграда,
Чужой язык и города?
За ними — снежные Балканы,
Три Плевны, Шипка и Дубняк,
Незаживающие раны,
И хитрый и неслабый враг...
Вон — павловцы, вон — гренадеры
По пыльной мостовой идут;
Их лица строги, груди серы,
Блестит Георгий там и тут,
Разрежены их батальоны,
Но уцелевшие в бою
Теперь под рваные знамена
Склонили голову свою...
Конец тяжелого похода,
Незабываемые дни!
Пришли на родину они,
Они — средь своего народа!
Чем встретит их родной народ?
Сегодня — прошлому забвенье,
Сегодня — тяжкие виденья
Войны — пусть ветер разнесет!
И в час торжественный возврата
Они забыли обо всем:
Забыли жизнь и смерть солдата
Под неприятельским огнем,
Ночей, для многих — без рассвета,
Холодную, немую твердь,
Подстерегающую где-то —
И настигающую смерть,
Болезнь, усталость, боль и голод,
Свист пуль, тоскливый вой ядра,
Зальдевших ложементов холод,
Негреющий огонь костра,
И даже — бремя вечной розни
Среди штабных и строевых,
И (может, горше всех других)
Забыли интендантов козни...

Иль не забыли, может быть? —
Их с хлебом-солью ждут подносы,
Им речи будут говорить,
На них — цветы и папиросы
Летят из окон всех домов...
Да, дело трудное их — свято!
Смотри: у каждого солдата
На штык надет букет цветов!
У батальонных командиров —
Цветы на седлах, чепраках,
В петлицах выцветших мундиров,
На конских челках и в руках...

Идут, идут... Едва к закату
Придут в казармы: кто — сменять
На ранах корпию и вату,
Кто — на́ вечер лететь, пленять
Красавиц, щеголять крестами,
Слова небрежные ронять,
Лениво шевеля усами
Перед униженным «штрюком»,
Играя новым темляком
На алой ленточке,— как дети...
Иль, в самом деле, люди эти
Так интересны и умны?
За что они вознесены
Так высоко, за что в них вера?

В глазах любого офицера
Стоят видения воїны.
На их, обычных прежде, лицах
Горят заемные огни.
Чужая жизнь свои страницы
Перевернула им. Они
Все крещены огнем и делом;
Их речи об одном твердят:
Как Белыї Генерал на белом
Коне, средь вражеских гранат,
Стоял, как призрак невредимый,
Шутя спокоїно над огнем;
Как красный столб огня и дыма
Взвился над Горным Дубняком;
О том, как полковое знамя

Из рук убитый не пускал;
Как пушку горными тропами
Тащить полковник помогал;
Как царский конь, храпя, запнулся
Пред искалеченным штыком,
Царь посмотрел и отвернулся,
И заслонил глаза платком...
Да, им известны боль и голод
С простым солдатом наравне...
Того, кто побыл на войне,
Порой пронизывает холод —
То роковое *всё равно,*
Которое подготовляет
Чреду событий мировых
Лишь тем одним, что не мешает...
Всё отразится на таких
Полубезумною наемешкой...
И власть торопится скорей
Всех тех, кто перестал быть пешкой,
В тур превращать, или в коней...

А нам, читатель, не пристало
Считать коней и тур никак,
С тобой нас нынче затесало
В толпу глазеющих зевак,
Нас вовсе ликованье это
Заставило забыть вчера...
У нас в глазах пестрит от света,
У нас в ушах гремит *ура!*
И многие, забывшись слишком,
Ногами штатскими пылят,
Подобно уличным мальчишкам,
Близ марширующих солдат,
И этот чувств прилив мгновенный
Здесь — в петербургском сентябре!
Смотри: глава семьи почтенный
Сидит верхом на фонаре!
Его давно супруга кличет,
Напрасной ярости полна,
И, чтоб услышал, зонтик тычет,
Куда не след, ему она.
Но он и этого не чует
И, несмотря на общий смех,

Сидит, и в ус себе не дует,
Каналья, видит лучше всех!..
Прошли... В ушах лишь стонет эхо,
А всё — не разогнать толпу;
Уж с бочкой водовоз проехал,
Оставив мокрую тропу,
И ванька, тумбу огибая,
Напер на барыню — орет
Уже по этому случáю
Бегущий подсобить народ
(Городовой — свистки дает)...
Проследовали экипажи,
В казармах сыграна заря,—
И сам отец семейства даже
Полез послушно с фонаря,
Но, расходясь, все ждут чего-то...
Да, нынче, в день возврата их,
Вся жизнь в столице, как пехота,
Гремит по камню мостовых,
Идет, идет — нелепым строем,
Великолепна и шумна...

Пройдет одно — придет другое,
Вглядись — уже не та она,
И той, мелькнувшей, нет возврата,
Ты в ней — как в старой старине...

Замедлил бледный луч заката
В высоком, невзначай, окне.
Ты мог бы в том окне приметить
За рамой — бледные черты,
Ты мог бы некий знак заметить,
Которого не знаешь ты,
Но ты проходишь — и не взгляпешь,
Встречаешь — и не узнаешь,
Ты за другими в сумрак канешь,
Ты за толпой вослед пройдешь.
Ступай, прохожий, без вниманья,
Свой ус лениво теребя,
Пусть встречный человек и зданье —
Как все другие — для тебя.
Ты занят всякими делами,
Тебе, конечно, невдомек,

Что вот за *этими* степями
И твой скрываться может рок...
(Но, если б ты умом раскинул,
Забыв жену и самовар,
Со страху ты бы рот разинул
И сел бы прямо на троттуар!)

Смеркается. Спустились шторы.
Набита комната людьми,
И за прикрытыми дверьми
Идут глухие разговоры,
И эта сдержанная речь
Полна заботы и печали.
Огня еще не зажигали
И вовсе не спешат зажечь.
В вечернем мраке тонут лица,
Вглядись — увидишь ряд один
Теней неясных, вереницу
Каких-то женщин и мужчин.
Собранье не многоречиво,
И каждый гость, входящий в дверь,
Упорным взглядом молчаливо
Осматривается, как зверь.
Вот кто-то вспыхнул папироской:
Средь прочих — женщина сидит:
Большой ребячий лоб не скрыт
Простой и скромною прической,
Широкий белый воротник
И платье черное — всё просто,
Худая, маленького роста,
Голубоокий детский лик,
Но, как бы что найдя за далью,
Глядит внимательно, в упор,
И этот милый, нежный взор
Горит отвагой и печалью...
Кого-то ждут... Гремит звонок.
Неспешно отворяя двери,
Гость новый входит на порог:
В своих движениях уверен
И статен; мужественный вид;
Одет совсем как иностранец,
Изысканно; в руке блестит
Высокого цилиндра глянец;

Едва приметно затемнен
Взгляд карих глаз сурово-кроткий;
Наполеоновской бородкой
Рот беспокойный обрамлен;
Большеголовый, темновласый —
Красавец вместе и урод:
Тревожный передернут рот
Меланхолической гримасой.

И сонм собравшихся затих...
Два слова, два рукопожатья —
И гость к ребенку в черном платье
Идет, минуя остальных...
Он смотрит долго и любовно,
И крепко руку жмет не раз,
И молвит: «Поздравляю вас
С побегом, Соня... Софья Львовна!
Опять — на смертную борьбу!»
И вдруг — без видимой причины —
На этом странно-белом лбу
Легли глубоко две морщины...

Заря погасла. И мужчины
Вливают в чашу ром с вином,
И пламя синим огоньком
Под полной чашей побежало.
Над ней кладут крестом кинжалы.
Вот пламя ширится — и вдруг,
Взбежав над жженкой, задрожало
В глазах столпившихся вокруг...
Огонь, борясь с толпою мраков,
Лилово-синий свет бросал,
Старинной песни гайдамаков
Напев согласный зазвучал,
Как будто — свадьба, новоселье,
Как будто — всех не ждет гроза,—
Такое детское веселье
Зажгло суровые глаза...

Прошло одно — идет другое,
Проходит пестрый ряд картин.
Не замедляй, художник: вдвое
Заплатишь ты за миг один

Чувствительного промедленья,
И, если в этот миг тебя
Грозит покинуть вдохновенье,—
Пеняй на самого себя!
Тебе единым на потребу
Да будет — *пристальность* твоя.

В те дни под петербургским небом
Живет дворянская семья.
Дворяне — все родня друг другу,
И приучили их века
Глядеть в лицо другому кругу
Всегда немного свысока.
Но власть тихонько ускользала
Из их изящных белых рук,
И записались в либералы
Честнейшие из царских слуг,
А всё в брезгливости природной
Меж волей царской и народной
Они испытывали боль
Нередко от обеих воль.
Всё это может показаться
Смешным и устарелым нам,
Но, право, может только хам
Над русской жизнью издеваться.
Она всегда — меж двух огней.
Не всякий может стать героем,
И люди лучшие — не скроем —
Бессильны часто перед ней,
Так неожиданно сурова
И вечных перемен полна;
Как вешняя река, она
Внезапно тронуться готова,
На льдины льдины громоздить
И на пути своем крушить
Виновных, как и невиновных,
И печиповных, как чиновных...

Так было и с моей семьей:
В ней старина еще дышала
И жить по-новому мешала,
Вознаграждая тишиной
И благородством запоздалым

(Не так в нем вовсе толку мало,
Как думать принято теперь,
Когда в любом семействе дверь
Открыта настежь зимней вьюге,
И ни малейшего труда
Не стоит изменить супруге,
Как муж, лишившейся стыда).
И *нигилизм* здесь был беззлобен,
И дух естественных наук
(Властей ввергающий в испуг)
Здесь был религии подобен.
«Семейство — вздор, семейство — блажь»,-
Любили здесь примолвить гневно,
А в глубине души — всё та ж
«Княгиня Марья Алексевна»...
Живая память старины
Должна была дружить с неверьем —
И были все часы полны
Каким-то новым «двоеверьем»,
И заколдован был сей круг:
Свои словечки и привычки,
Над всем чужим — всегда кавычки,
И даже иногда — испуг;
А жизнь меж тем кругом менялась,
И зашаталось всё кругом,
И ветром новое врывалось
В гостеприимный старый дом:
То нигилист в косоворотке
Придет и нагло спросит водки,
Чтоб возмутить семьи покой
(В том видя долг гражданский свой),
А то — и гость весьма чиновный
Вбежит совсем не хладнокровно
С «Народной волею» в руках —
Советоваться впопыхах,
Что́ неурядиц всех причиной?
Что́ предпринять пред «годовщиной»?
Как урезонить молодежь,
Опять поднявшую галдеж? —
Всем ведомо, что в доме этом
И обласкают, и поймут,
И благородным мягким светом
Всё осветят и обольют...

Жизнь старших близится к закату.
(Что ж, как полудня ни жалей,
Не остановишь ты с полей
Ползущий дым голубоватый).
Глава семьи — сороковых
Годов соратник; он поныне,
В числе людей передовых,
Хранит гражданские святыни,
Он с николаевских времен
Стоит на страже просвещенья,
Но в буднях нового движенья
Немного заплутался он...
Тургеневская безмятежность
Ему сродни; еще вполне
Он понимает толк в вине,
В еде ценить умеет нежность;
Язык французский и Париж
Ему своих, пожалуй, ближе
(Как всей Европе: поглядишь —
И немец грезит о Париже),
И — ярый западник во всем —
В душе он — старый барин русский,
И убеждений склад французский
Со многим не мирится в нем;
Он на обедах у Бореля
Брюжжит не плоше Щедрина:
То — недоварены форели,
А то — уха им не жирна.
Таков закон судьбы железной:
Нежданный, как цветок над бездной,
Очаг семейный и уют...

В семье нечопорно растут
Три дочки: старшая — томится
И над кипсэком мужа ждет,
Второй — всегда не лень учиться,
Меньшая — скачет и поет,
Велит ей нрав живой и страстный
Дразнить в гимназии подруг
И косоплеткой ярко-красной
Вводить начальницу в испуг...
Вот подросли: их в гости водят,
В карете возят их на бал;

Уж кто-то возле окон ходит,
Меньшой записку подослал
Какой-то юнкер шаловливый —
И первых слез так сладок пыл,
А старшей — чинной и стыдливой —
Внезапно руку предложил
Вихрастый идеальный малый;
Ее готовят под венец...
«Смотри, он дочку любит мало,—
Ворчит и хмурится отец,—
Смотри, не нашего он круга...»
И втайне с ним согласна мать,
Но ревность к дочке друг от друга
Они стараются скрывать...
Торопит мать наряд венчальный,
Приданое поспешно шьют,
И на обряд (обряд печальный)
Знакомых и родных зовут...
Жених — противник всех обрядов
(Когда «страдает так народ»).
Невеста — точно тех же взглядов:
Она — с ним об руку пойдет,
Чтоб вместе бросить луч прекрасный,
«Луч света в царство темноты»
(И лишь венчаться не согласна
Без флер д'оранжа и фаты).
Вот — с мыслью о гражданском браке,
С челом мрачнее сентября,
Нечесаный, в нескладном фраке
Он предстоит у алтаря,
Вступая в брак «принципиально»,—
Сей новоявленный жених.
Священник старый, либеральный,
Рукой дрожащей крестит их,
Ему, как жениху, невпятны
Произносимые слова,
А у невесты — голова
Кружи́тся; розовые пятна
Пылают на ее щеках,
И слезы тают на глазах...

Пройдет неловкая минута —
Они воротятся в семью,

И жизнь, при помощи уюта,
В свою вернется колею;
Им рано в жизнь; еще не скоро
Здоровым горбиться плечам;
Не скоро из ребячьих споров
С товарищами по ночам
Он выйдет, честный, на соломе
В мечтах почиющий жених...
В гостеприимном добром доме
Найдется комната для них,
А разрушение уклада
Ему, пожалуй, не к лицу:
Семейство просто будет радо
Ему, как новому жильцу,
Всё обойдется понемногу:
Конечно, младшей по нутру
Народницей и недотрогой
Дразнить замужнюю сестру,
Второй — краснеть и заступаться,
Сестру резоня и уча,
А старшей — томно забываться,
Склонясь у мужнина плеча;
Муж в это время спорит втуне,
Вступая в разговор с отцом
О соцьялизме, о коммуне,
О том, что некто — «подлецом»
Отныне должен называться
За то, что совершил донос...
И вечно будет разрешаться
«Проклятый и больной вопрос»...

Нет, вешний лед круша, не смоет
Их жизни быстрая река:
Она оставит на покое
И юношу, и старика —
Смотреть, как будет лед носиться,
И как ломаться будет лед,
И им обоим будет сниться,
Что их «народ зовет вперед»...
Но эти детские химеры
Не помешают накопец
Кой-как приобрести манеры
(От этого не прочь отец),

Косоворотку на манишку
Сменить, на службу поступить,
Произвести на свет мальчишку,
Жену законную любить,
И, на посту не стоя «славном»,
Прекрасно исполнять свой долг
И быть чиновником исправным,
Без взяток видя в службе толк...
Да, этим в жизнь — до смерти рано;
Они похожи на ребят:
Пока не крикнет мать,— шалят;
Они — «не моего романа»:
Им — всё учиться, да болтать,
Да услаждать себя мечтами,
Но им навеки не понять
Тех, *с обреченными глазами:*
Другая стать, другая кровь —
Иная (жалкая) любовь...

Так жизнь текла в семье. Качали
Их волны. Вешняя река
Неслась — темна и широка,
И льдины грозно нависали,
И вдруг, помедлив, огибали
Сию старинную ладью...
Но скоро про́бил час туманный —
И в нашу дружную семью
Явился незнакомец странный.

Встань, выйди по́утру на луг:
На бледном небе ястреб кружит,
Чертя за кругом плавный круг,
Высматривая, где похуже
Гнездо припрятано в кустах...
Вдруг — птичий щебет и движенье...
Он слуша́ет... еще мгновенье —
Слетает на прямых крылах...
Тревожный крик из гнезд соседних,
Печальный писк птенцов последних,
Пух нежный по́ ветру летит —
Он жертву бедную когтит...
И вновь, взмахнув крылом огромным,
Взлетел — чертить за кругом круг,

Несытым оком и бездомным
Осматривать пустынный луг...
Когда ни взглянешь,— кружит, кружит...

Россия-мать, как птица, тужит
О детях; но — се судьба,
Чтоб их терзали ястреба.

На вечерах у Анны Вревской
Был общества отборный цвет.
Больной и грустный Достоевский
Ходил сюда на склоне лет
Суровой жизни скрасить бремя,
Набраться сведений и сил
Для «Дневника». (Он в это время
С Победоносцевым дружил.)
С простертой дланью вдохновенно
Полонский здесь читал стихи.
Какой-то экс-министр смиренно
Здесь исповедовал грехи.
И ректор университета
Бывал ботаник здесь Бекетов,
И многие профессора,
И слуги кисти и пера,
И также — слуги царской власти,
И недруги ее отчасти,
Ну, словом, можно встретить здесь
Различных состояний смесь.
В салоне этом без утайки,
Под обаянием хозяйки,
Славянофил и либерал
Взаимно руку пожимал
(Как, впрочем, водится издавна
У нас, в России православной:
Всем, слава богу, руку жмут).
И всех — не столько разговором,
Сколь оживленностью и взором,—
Хозяйка в несколько минут
К себе привлечь могла на диво.
Она, действительно, слыла
Обворожительно-красивой,
И вместе — добрая была.
Кто с Анной Павловной был связан,—

Всяк помянет ее добром
(Пока еще молчать обязан
Язык писателей о том).
Вмещал немало молодежи
Ее общественный салон:
Иные — в убежденьях схожи,
Тот — попросту в нее влюблен,
Иной — с конспиративным делом...
И всем нужна она была,
Все приходили к ней,— и смело
Она участие брала
Во всех вопросах без изъятья,
Как и в опасных предприятьях...
К ней также из семьи моей
Всех трех возили дочерей.

Средь пожилых людей и чинных,
Среди зеленых и невинных —
В салоне Вревской был как свой
Один ученый молодой.
Непринужденный гость, привычный —
Он был со многими на «ты».
Его отмечены черты
Печатью не совсем обычной.
Раз (он гостиной проходил)
Его заметил Достоевский.
«Кто сей красавец? — он спросил
Негромко, наклонившись к Вревской: —
Похож на Байрона».— Словцо
Крылатое все подхватили,
И все на новое лицо
Свое вниманье обратили.
На сей раз милостив был свет,
Обыкновенно — столь упрямый;
«Красив, умен» — твердили дамы,
Мужчины морщились: «поэт»...
Но, если морщатся мужчины,
Должно быть, зависть их берет...
А чувств прекрасной половины
Никто, сам чорт, не разберет...
И дамы были в восхищеньи:
«Он — Байрон, значит — демон...» — Что ж?
Он впрямь был с гордым лордом схож

Лица надменным выраженьем
И чем-то, что хочу назвать
Тяжелым пламенем печали.
(Вообще, в нем странность замечали –
И всем хотелось замечать.)
Пожалуй, не было, к несчастью,
В нем только *воли* этой... Он
Одной какой-то тайной страстью,
Должно быть, с лордом был сравнен:
Потомок поздний поколений,
В которых жил мятежный пыл
Нечеловеческих стремлений,—
На Байрона он походил,
Как брат болезненный на брата
Здорового порой похож:
Тот самый отсвет красноватый,
И выраженье власти то ж,
И то же порыванье к бездне.
Но — тайно околдован дух
Усталым холодом болезни,
И пламень действенный потух,
И воли бешеной усилья
Отягчены сознаньем.
Так
Вращает хищник мутный зрак,
Больные расправляя крылья.

«Как интересен, как умен»,—
За общим хором повторяет
Меньшая дочь. И уступает
Отец. И в дом к ним приглашен
Наш новоявленный Байрóн.
И приглашенье принимает.

В семействе принят, как родной,
Красивый юноша. Вначале
В старинном доме над Невой
Его, как гостя, привечали,
Но скоро стариков привлек
Его дворянский склад старинный,
Обычай вежливый и чинный:
Хотя свободен и широк
Был новый лорд в своих воззреньях,

Но вежливость он соблюдал
И дамам ручки целовал
Он без малейшего презренья.
Его блестящему уму
Противоречия прощали,
Противоречий этих тьму
По доброте не замечали,
Их затмевал таланта блеск,
В глазах какое-то горенье...
(Ты слышишь сбитых крыльев треск? —
То хищник напрягает зренье...)
С людьми его еще тогда
Улыбка юности роднила,
Еще в те ранние года
Играть легко и можно было...
Он тьмы своей не ведал сам...

Он в доме запросто обедал
И часто всех по вечерам
Живой и пламенной беседой
Пленял. (Хоть он юристом был,
Но поэтическим примером
Не брезговал: Констан дружил
В нем с Пушкиным, и Штейн — с Флобером.)
Свобода, право, идеал —
Всё было для него не шуткой,
Ему лишь было втайне жутко:
Он, утверждая, отрицал
И утверждал он, отрицая.
(Всё б — в крайностях бродить уму,
А середина золотая
Всё не давалася ему!)
Он ненавистное — любовью
Искал порою окружить,
Как будто труп хотел налить
Живой, играющею кровью...
«Талант» — твердили все вокруг,—
Но, не гордясь (не уступая),
Он странно омрачался вдруг...
Душа больная, но младая,
Страшась себя (она права),
Искала утешенья: чу́жды
Ей становились все слова...

(О, пыль словесная! Что нужды
В тебе? — Утешишь ты едва ль,
Едва ли разрешишь ты муки!) —
И на покорную рояль
Властительно ложились руки,
Срывая звуки, как цветы,
Безумно, дерзостно и смело,
Как женских тряпок лоскуты
С готового отдаться тела...
Прядь упадала на чело...
Он сотрясался в тайной дрожи...
(Всё, всё — как в час, когда на ложе
Двоих желание сплело...)
И там — за бурей музыкальной —
Вдруг возникал (как и тогда)
Какой-то образ — грустный, дальный,
Непостижимый никогда...
И крылья белые в лазури,
И неземная тишина...
Но эта тихая струна
Тонула в музыкальной буре...

Что ж стало? — Всё, что быть должно:
Рукопожатья, разговоры,
Потупленные долу взоры...
Грядущее отделено
Едва приметною чертою
От настоящего... Он стал
Своим в семье. Он красотою
Меньшую дочь очаровал.
И царство (царством не владея)
Он обещал ей. И ему
Она поверила, бледнея...
И дом ее родной в тюрьму
Он превратил (хотя нимало
С тюрьмой не сходствовал сей дом...).
Но чуждо, пусто, дико стало
Всё, прежде милое, кругом —
Под этим странным обаяньем
Сулящих новое речей,
Под этим демонским мерцаньем
Сверлящих пламенем очей...

Он — жизнь, он — счастье, он — стихия,
Она нашла героя в нем,—
И вся семья, и все родные
Претят, мешают ей во всем,
И всё ее волненье множит...
Она не ведает сама,
Что уж кокетничать не может.
Она — почти сошла с ума...
А он? —
Он медлит; сам не знает,
Зачем он медлит, для чего?
И ведь нимало не прельщает
Армейский демонизм его...
Нет, мой герой довольно тонок
И прозорлив, чтобы не знать,
Как бедный мучится ребенок,
Что счастие ребенку дать —
Теперь — в его единой власти...
Нет, нет... но замерли в груди
Доселе пламенные страсти,
И кто-то шепчет: погоди...
То — ум холодный, ум жестокий
Вступил в нежданные права...
То — муку жизни одинокой
Предугадала голова...
«Нет, он не любит, он играет,—
Твердит она, судьбу кляня,—
За что терзает и пугает
Он беззащитную, меня...
Он объясненья не торопит,
Как будто сам чего-то ждет...»
(Смотри: так хищник силы копит:
Сейчас — больным крылом взмахнет,
На луг опустится бесшумно
И будет пить живую кровь
Уже от ужаса — безумной,
Дрожащей жертвы...) — Вот — любовь
Того вампирственного века,
Который превратил в калек
Достойных званья человека!

Будь трижды проклят, жалкий век!

Другой жених на этом месте
Давно отряс бы прах от ног,
Но мой герой был слишком честен
И обмануть ее не мог:
Он не гордился нравом странным,
И было знать ему дано,
Что демоном и Дон-Жуаном
В тот век вести себя — смешно...
Он много знал — себе на горе,
Слывя недаром «чудаком»
В том дружном человечьем хоре,
Который часто мы зовем
(Промеж себя) — бараньим стадом...
Но — «глас народа — божий глас»,
И это чаще помнить надо,
Хотя бы, например, сейчас:
Когда б он был глупей немного
(Его ль, однако, в том вина?),—
Быть может, лучшую дорогу
Себе избрать могла она,
И, может быть, с такою нежной
Дворянской девушкой связав
Свой рок холодный и мятежный,—
Герой мой был совсем не прав...

Но всё пошло неотвратимо
Своим путем. Уж лист, шурша,
Крутился. И неудержимо
У дома старилась душа.
Переговоры о Балканах
Уж дипломаты повели,
Войска пришли и спать легли,
Нева закуталась в туманах,
И штатские пошли дела,
И штатские пошли вопросы:
Аресты, обыски, доносы
И покушенья — без числа...
И книжной крысой настоящей
Мой Байрон стал средь этой мглы;
Он диссертацией блестящей
Стяжал отменные хвалы
И принял кафедру в Варшаве...
Готовясь лекции читать,

Запутанный в гражданском праве,
С душой, начавшей уставать,—
Он скромно предложил ей руку,
Связал ее с своей судьбой
И в даль увез ее с собой,
Уже питая в сердце скуку.—
Чтобы жена с ним до звезды
Делила книжные труды...

Прошло два года. Грянул взрыв
С Екатерининa канала,
Россию облаком покрыв.
Все издалёка предвещало,
Что час свершится роковой,
Что выпадет такая карта...
И этот века час дневной —
Последний — назван *первым марта.*

В семье — печаль. Упразднена
Как будто часть ее большая:
Всех веселила дочь меньшая,
Но из семьи ушла она,
А жить — и путано, и трудно:
То — над Россией дым стоит...
Отец, седея, в дым глядит...
Тоска! От дочки вести скудны...
Вдруг — возвращается она...
Что́ с ней? Как стан прозрачный тонок!
Худа, измучена, бледна...
И на руках лежит ребенок.

ВТОРАЯ ГЛАВА

<Вступление>

I

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,

И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна;
Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно,—
И затуманилась она,
Заспав надежды, думы, страсти...
Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный...
Колдун одной рукой кадил,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но —
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

II

В те незапамятные годы
Был Петербург еще грозней,
Хоть не тяжеле, не серей
Под крепостью катила воды
Необозримая Нева...
Штык свéтил, плакали куранты,
И те же барыни и франты
Летели здесь на острова,
И так же конь чуть слышным смехом
Коню навстречу отвечал,
И черный ус, мешаясь с мехом,
Глаза и губы щекотал...
Я помню, так и я, бывало,
Летал с тобой, забыв весь свет,
Но... право, проку в этом нет,
Мой друг, и счастья в этом мало...

III

Востока страшная заря
В те годы чуть еще алела...
Чернь петербургская глазела
Подобострастно на царя...
Народ толпился в самом деле,
В медалях кучер у дверей
Тяжелых горячил коней,
Городовые на панели
Согнали публику... «Ура»
Заводит кто-то голосистый,
И царь — огромный, водянистый —
С семейством едет со двора...
Весна, но солнце светит глупо,
До Пасхи — целых семь недель,
А с крыш холодная капель
Уже за воротник мой тупо
Сползает, спину холодя...
Куда ни повернись, всё ветер...
«Как тошно жить на белом свете»,—
Бормочешь, лужу обходя;
Собака под ноги суется,
Калоши сыщика блестят,
Вонь кислая с дворов несется,
И «князь» орет: «Халат, халат!»
И встретившись лицом с прохожим,
Ему бы в рожу наплевал,
Когда б желания того же
В его глазах не прочитал...

IV

Но перед майскими ночами
Весь город погружался в сон,
И расширялся небосклон;
Огромный месяц за плечами
Таинственно румянил лик
Перед зарей необозримой...
О, город мой неуловимый,
Зачем над бездной ты возник?..
Ты помнишь: выйдя ночью белой

Туда, где в море сфинкс глядит,
И на обтесанный гранит
Склонясь главой отяжелелой,
Ты слышать мог: вдали, вдали,
Как будто с моря, звук тревожный,
Для божьей тверди невозможный
И необычный для земли...
Провидел ты всю даль, как ангел
На шпиле крепостном; и вот —
(Сон, или явь): чудесный флот,
Широко развернувший фланги,
Внезапно заградил Неву...
И Сам Державный Основатель
Стоит на головном фрегате...
Так снилось многим наяву...
Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?..
Но в эти времена глухие
Не всем, конечно, снились сны...
Да и народу не бывало
На площади в сей дивный миг
(Один любовник запоздалый
Спешил, поднявши воротник...),
Но в алых струйках за кормами
Уже грядущий день сиял,
И дремлющими вымпелами
Уж ветер утренний играл,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя Девятым января...

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Отец лежит в «Аллее Роз» [1],
Уже с усталостью не споря,
А сына поезд мчит в мороз
От берегов родного моря...
Жандармы, рельсы, фонари,
Жаргон и пейсы вековые,—

[1] Улица в Варшаве.

И вот — в лучах больной зари
Задворки польские России...
Здесь всё, что было, всё, что есть,
Надуто мстительной химерой;
Коперник сам лелеет месть,
Склоняясь над пустою сферой...
«Месть! Месть!» — в холодном чугуне
Звенит, как эхо, над Варшавой:
То Пан-Мороз на злом коне
Бряцает шпорою кровавой...
Вот оттепель: блеснет живей
Край неба желтизной ленивой,
И очи панн чертя́т смелей
Свой круг ласкательный и льстивый...
Но всё, что в небе, на земле,
По-прежнему полно печалью...
Лишь рельс в Европу в мокрой мгле
Поблескивает честной сталью.

Вокзал заплеванный; дома,
Коварно преданные вьюгам;
Мост через Вислу — как тюрьма,
Отец, сраженный злым недугом,—
Всё внове баловню судеб;
Ему и в этом мире скудном
Мечтается о чем-то чудном;
Он хочет в камне видеть хлеб,
Бессмертья знак — на смертном ложе,
За тусклым светом фонаря
Ему мерещится заря
Твоя, забывший Польшу, боже! —
Что́ здесь он с юностью своей?
О чем у ветра жадно просит? —
Забытый лист осенних дней
Да пыль сухую ветер носит!
А ночь идет, ведя мороз,
Усталость, сонные желанья...
Как улиц гадостны названья!
Вот, наконец, «Аллея Роз»!..—
Неповторимая минута:
Больница в сон погружена,—
Но в раме светлого окна
Стоит, оборотясь к кому-то,

Отец... и сын, едва дыша,
Глядит, глазам не доверяя...
Как будто в смутном сне душа
Его застыла молодая,
И злую мысль не отогнать:
«Он жив еще!.. В чужой Варшаве
С ним разговаривать о праве,
Юристов с ним критиковать!..»
Но всё — одной минуты дело:
Сын быстро ищет ворота
(Уже больница заперта),
Он за звонок берется смело
И входит... Лестница скрипит...
Усталый, грязный от дороги,
Он по ступенькам вверх бежит
Без жалости и без тревоги...
Свеча мелькает... Господин
Загородил ему дорогу
И, всматриваясь, молвит строго:
«Вы — сын профессора?» — «Да, сын...
Тогда (уже с любезной миной):
«Прошу вас. В пять он умер. Там...»

Отец в гробу был сух и прям.
Был нос прямой — а стал орлиный.
Был жалок этот смятый одр,
И в комнате, чужой и тесной,
Мертвец, собравшийся на смотр,
Спокойный, желтый, бессловесный...
«Он славно отдохнет теперь»,—
Подумал сын, спокойным взглядом
Смотря в отво́ренную дверь...
(С ним кто-то неотлучно рядом
Глядел туда, где пламя свеч,
Под веяньем неосторожным
Склоняясь, озарит тревожно
Лик желтый, туфли, узость плеч,—
И, выпрямляясь, слабо чертит
Другие тени на стене...
А ночь стоит, стоит в окне...)
И мыслит сын: «Где ж праздник Смерти?
Отцовский лик так странно тих...
Где язвы дум, морщины муки,

Страстей, отчаянья и скуки?
Иль смерть смела бесследно их?» —
Но все утомлены. Покойник
Сегодня может спать один.
Ушли родные. Только сын
Склонен над трупом... Как разбойник,
Он хочет осторожно снять
Кольцо с руки оцепенелой...
(Неопытному трудно смело
У мертвых пальцы разгибать.)
И только преклонив колени
Над самой грудью мертвеца,
Увидел он, *какие* тени
Легли вдоль этого лица...
Когда же с непокорных пальцев
Кольцо скользнуло в жесткий гроб,
Сын окрестил отцовский лоб,
Прочтя на нем печать скитальцев,
Гонимых по́ миру судьбой...
Поправил руки, образ, свечи,
Взглянул на вскинутые плечи
И вышел, молвив: «Бог с тобой».

Да, сын любил тогда отца
Впервой — и, может быть, в последний,
Сквозь скуку панихид, обедней,
Сквозь пошлость жизни без конца...
Отец лежал не очень строго:
Торчал измятый клок волос;
Всё шире с тайною тревогой
Вскрывался глаз, сгибался нос;
Улыбка жалкая кривила
Неплотно сжатые уста...
Но разложенье — красота
Неизъяснимо победила...
Казалось, в этой красоте
Забыл он долгие обиды
И улыбался суете
Чужой военной панихиды...
А чернь старалась, как могла:
Над гробом говорили речи;
Цветками дама убрала
Его приподнятые плечи;

Потом на ребра гроба лег
Свинец полоскою бесспорной
(Чтоб он, воскреснув, встать не мог).
Потом, с печалью непритворной,
От паперти казенной прочь
Тащили гроб, давя друг друга...
Бесснежная визжала вьюга.
Злой день сменяла злая ночь.

По незнакомым площадям
Из города в пустое поле
Все шли за гробом по пятам...
Кладбйще называлось: «Воля».
Да! Песнь о воле слышим мы,
Когда могильщик бьет лопатой
По глыбам глины желтоватой;
Когда откроют дверь тюрьмы;
Когда мы изменяем женам,
А жены — нам; когда, узнав
О поруганьи чьих-то прав,
Грозим министрам и законам
Из запертых на ключ квартир;
Когда проценты с капитала
Освободят от идеала;
Когда...— На кладбище был мир,
И впрямь пахнуло чем-то вольным:
Кончалась скука похорон,
Здесь радостный галдеж ворон
Сливался с гулом колокольным...
Как пусты ни были сердца,
Все знали: эта жизнь — сгорела...
И даже солнце поглядело
В могилу бедную отца.

Глядел и сын, найти пытаясь
Хоть в желтой яме что-нибудь...
Но всё мелькало, расплываясь,
Слепя глаза, стесняя грудь...
Три дня — как три тяжелых года!
Он чувствовал, как стынет кровь...
Людская пошлость? Иль — погода?
Или — сыновняя любовь? —
Отец от первых лет сознанья

В душе ребенка оставлял
Тяжелые воспоминанья —
Отца он никогда не знал.
Они встречались лишь случайно,
Живя в различных городах,
Столь чуждые во всех путях
(Быть может, кроме самых тайных).
Отец ходил к нему, как гость,
Согбенный, с красными кругами
Вкруг глаз. За вялыми словами
Нередко шевелилась злость...
Внушал тоску и мысли злые
Его циничный, тяжкий ум,
Грязня туман сыновних дум.
(А думы глупые, младые...)
И только добрый льстивый взор,
Бывало, упадал украдкой
На сына, странною загадкой
Врываясь в нудный разговор...
Сын помнит: в детской, на диване
Сидит отец, куря и злясь;
А он, безумно расшалясь,
Вертится пред отцом в тумане...
Вдруг (злое, глупое дитя!) —
Как будто бес его толкает,
И он стремглав отцу вонзает
Булавку около локтя...
Растерян, побледнев от боли,
Тот дико вскрикнул...
Этот крик
С внезапной яркостью возник
Здесь, над могилою, на «Воле»,—
И сын очнулся... Вьюги свист;
Толпа; могильщик холм ровняет;
Шуршит и бьется бурый лист...
И женщина навзрыд рыдает
Неудержимо и светло...
Никто с ней не знаком. Чело
Покрыто траурной фатою.
Что́ там? Небесной красотою
Оно сияет? Или — там
Лицо старухи некрасивой,
И слезы катятся лениво

По провалившимся щекам?
И не она ль тогда в больнице
Гроб вместе с сыном стерегла?..
Вот, не открыв лица, ушла...
Чужой народ кругом толпится...
И жаль отца, безмерно жаль:
Он *тоже* получил от детства
Флобера странное наследство —
Education sentimentale[1].

От панихид и от обедней
Избавлен сын; но в отчий дом
Идет он. Мы туда пойдем
За ним и бросим взгляд последний
На жизнь отца (чтобы уста
Поэтов не хвалили мира!).
Сын входит. Пасмурна, пуста
Сырая, темная квартира...
Привыкли чудаком считать
Отца — на то имели право:
На всем покоилась печать
Его тоскующего нрава;
Он был профессор и декан;
Имел ученые заслуги;
Ходил в дешевый ресторан
Поесть — и не держал прислуги;
По улице бежал бочком
Поспешно, точно пес голодный,
В шубенке никуда не годной
С потрепанным воротником;
И видели его сидевшим
На груде почернелых шпал;
Здесь он нередко отдыхал,
Вперяясь взглядом опустевшим
В прошедшее... Он «свел на нет»
Всё, что мы в жизни ценим строго:
Не освежалась много лет
Его убогая берлога;
На мебели, на грудах книг
Пыль стлалась серыми слоями;

---

[1] Чувствительное воспитание *(франц.)* «Education sentimentale» — заглавие романа Г. Флобера.— *Ред.*

Здесь в шубе он сидеть привык
И печку не топил годами;
Он всё берег и в кучу нес:
Бумажки, лоскутки материй,
Листочки, корки хлеба, перья,
Коробки из-под папирос,
Белья нестиранного груду,
Портреты, письма дам, родных
И даже то, о чем в своих
Стихах рассказывать не буду...
И наконец — убогий свет
Варшавский падал на кнопы
И на повестки и отчеты
«Духовно-нравственных бесед»...
Так, с жизнью счет сводя печальный,
Презревши молодости пыл,
Сей Фауст, когда-то радикальный,
«Правел», слабел... и *всё* забыл;
Ведь жизнь уже не жгла — чадила,
И однозвучны стали в ней
Слова: «свобода» и «еврей»...
Лишь музыка — одна будила
Отяжелевшую мечту:
Брюзжащие смолкали речи;
Хлам превращался в красоту;
Прямились сгорбленные плечи;
С нежданной силой пел рояль,
Будя неслыханные звуки:
Проклятия страстей и скуки,
Стыд, горе, светлую печаль...
И наконец — чахотку злую
Своею волей нажил он,
И слег в лечебницу плохую
Сей современный Гарпагон...

Так жил отец: скупцом, забытым
Людьми, и богом, и собой,
Иль псом бездомным и забитым
В жестокой давке городской.
А сам... Он знал иных мгновений
Незабываемую власть!
Недаром в скуку, смрад и страсть
Его души — какой-то гений

Печальный залетал порой;
И Шумана будили звуки
Его озлобленные руки,
Он ведал холод за спиной...
И, может быть, в преданьях темных
Его слепой души, впотьмах —
Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...
В ком смутно брезжит память эта,
Тот странен и с людьми не схож:
Всю жизнь его — уже поэта
Священная объемлет дрожь,
Бывает глух, и слеп, и нем он,
В нем почивает некий бог,
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог...
Его прозрения глубоки,
Но их глушит ночная тьма,
И в снах холодных и жестоких
Он видит «Горе от ума».

Страна — под бременем обид,
Под игом наглого насилья —
Как ангел, опускает крылья,
Как женщина, теряет стыд.
Безмолвствует народный гений,
И голоса не подает,
Не в силах сбросить ига лени,
В полях затерянный народ.
И лишь о сыне, ренегате,
Всю ночь безумно плачет мать,
Да шлет отец врагу проклятье
(Ведь старым нечего терять!..).
А сын — он изменил отчизне!
Он жадно пьет с врагом вино,
И ветер ломится в окно,
Взывая к совести и к жизни...

Не также ль и тебя, Варшава,
Столица гордых полякóв,
Дремать принудила орава
Военных русских пошляков?
Жизнь глухо кроется в подполье,

Молчат магнатские дворцы...
Лишь Пан-Мороз во все концы
Свирепо рыщет на раздольи!
Неистово взлетит над вами
Его седая голова,
Иль откидные рукава
Взметутся бурей над домами,
Иль конь заржет — и звоном струн
Ответит телеграфный провод,
Иль вздернет Пан взбешённый повод,
И четко повторит чугун
Удары мерзлого копыта
По опустелой мостовой...
И вновь, поникнув головой,
Безмолвен Пан, тоской убитый...
И, странствуя на злом коне,
Бряцает шпорою кровавой...
Месть! Месть! — Так эхо над Варшавой
Звенит в холодном чугуне!

Еще светлы кафэ и бары,
Торгует телом «Новый свет»,
Кишат бесстыдные тротуары,
Но в переулках — жизни нет,
Там тьма и вьюги завыванье...
Вот небо сжалилось — и снег
Глушит трескучей жизни бег,
Несет свое очарованье...
Он вьется, стелется, шуршит,
Он — тихий, вечный и старинный...
Герой мой милый и невинный,
Он и тебя запорошит,
Пока бесцельно и тоскливо,
Едва похоронив отца,
Ты бродишь, бродишь без конца
В толпе больной и похотливой...
Уже ни чувств, ни мыслей нет,
В пустых зеницах нет сиянья,
Как будто сердце от скитанья
Состарилось на десять лет...
Вот робкий свет фонарь роняет...
Как женщина, из-за угла
Вот кто-то льстиво подползает...

Вот — подольстилась, подползла,
И сердце торопливо сжала
Невыразимая тоска,
Как бы тяжелая рука
К земле пригнула и прижала...
И он уж не один идет,
А точно с кем-то новым вместе...
Вот быстро по́д гору ведет
Его «Крако́вское предместье»;
Вот Висла — снежной бури ад...
Ища защиты за домами,
Стуча от холода зубами,
Он повернул опять назад...
Опять над сферою Коперник
Под снегом в думу погружен...
(А рядом — друг или соперник —
Идет тоска...) Направо он
Поворотил — немного в гору...
На миг скользнул ослепший взор
По православному собору.
(Какой-то очень важный вор,
Его построив, не достроил...)
Герой мой быстро шаг удвоил,
Но скоро изнемог опять —
Он начинал уже дрожать
Непобедимой мелкой дрожью
(В ней всё мучительно сплелось:
Тоска, усталость и мороз...),
Уже часы по бездорожью
По снежному скитался он
Без сна, без отдыха, без цели...
Стихает злобный визг метели,
И на Варшаву сходит сон...
Куда ж еще идти? Нет мочи
Бродить по городу всю ночь.—
Теперь уж некому помочь!
Теперь он — в самом сердце ночи!
О, черен взор твой, ночи тьма,
И сердце каменное глухо,
Без сожаленья и без слуха,
Как те ослепшие дома!..
Лишь снег порхает — вечный, белый,
Зимой — он площадь оснежит,

И мертвое засыплет тело,
Весной — ручьями побежит...
Но в мыслях моего героя
Уже почти несвязный бред...
Идет... (По снегу вьется след
Один, но их, как было, двое...)
В ушах — какой-то смутный звон...
Вдруг — бесконечная ограда
Саксонского, должно быть, сада...
К ней тихо прислонился он.

Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой, иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Всё, что тебя пленяло, спит;
Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
И тяжелит ресницы иней,
Тогда — остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым запушённым садом,
И небо — книгу между книг;
Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненный,
И в этот несравненный миг —
Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Твоя холодная любовь —
Всё вспыхнет в сердце благодарном,
Ты всё благословишь тогда,
Поняв, что жизнь — безмерно боле,
Чем *quantum satis* [1] Бранда воли,
А мир — прекрасен, как всегда.
. . . . . .

[1] «В полную меру» *(лат.)* — лозунг Бранда, героя одноименной драмы Г. Ибсена.— *Ред.*

ДВЕНАДЦАТЬ
СКИФЫ

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжко,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что́ нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Ужь мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И — бац — растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подолы,
Прохожих ко́сит,
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию»...
И слова доносит:

...И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...
...Обсудили —

Постановили:
На время — десять, на́ ночь — двадцать пять...
...И меньше — ни с кого не брать...
...Пойдем спать...

Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи —
Поцелуемся...

Хлеба!
Что́ впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

2

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — цыгарка, примят картуз.
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька с Катькой — в кабаке...
— У ей керенки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат...
— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..

Тра-та-та!

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...

Революцьонный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондову́ю,
В избяну́ю,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

4

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катькою летит —
Елекстрический фонарик
На оглобельках...
Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
Катьку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугóм...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

5

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреши!
Будет легче для души!

6

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзаду забегай!..

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах!..

Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Взводи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
. . . . . .
Как с девочкой чужой гулять!..

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где? — Мертва, мертва!
Простреленная голова!

Что́, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!

Революцьонный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

7

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Всё быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шее —
Не оправиться никак...

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба, что ль?
— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
— Поддержи свою осанку!
— Над собой держи контроль!

— Не такое нынче время,
Чтобы няньчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...

Он головку вскидывает,
Он опять повеселел...

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте етажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

8

Ох ты, горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!

Ужь я времячко
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Полущу, полущу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Упокой, господи, душу рабы твоея...

Скучно!

9

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городового —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жмется шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

10

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга́, ой, вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво —
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
— Шаг держи революцьонный!
Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

11

...И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

В очи бьется
Красный флаг.

Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И вьюга́ пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

12

...Вдаль идут державным шагом...
— Кто еще там? Выходи!
Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный,
— Кто в сугробе — выходи!..
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстает —
Пес холодный — пес безродный...
— Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

— Всё равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

...Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Январь 1918

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.
Владимир Соловьев

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома́ лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет,— нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

ТЕАТР

Посвящается
Всеволоду Эмильевичу
Мейерхольду

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Коломбина.

Пьеро.

Арлекин.

Мистики обоего пола в сюртуках и модных платьях, а потом в масках и маскарадных костюмах.

Председатель мистического собрания.

Три пары влюбленных.

Паяц.

Автор.

Обыкновенная театральная комната с тремя стенами, окном и дверью. У освещенного стола с сосредоточенным видом сидят мистики обоего пола — в сюртуках и модных платьях. Несколько поодаль, у окна, сидит Пьеро в белом балахоне, мечтательный, расстроенный, бледный, безусый и безбровый, как все Пьеро. Мистики некоторое время молчат.

Первый мистик

Ты слушаешь?

Второй мистик

Да.

Третий мистик

Наступит событие.

Пьеро

О, вечный ужас, вечный мрак!

Первый мистик

Ты ждешь?

Второй мистик

Я жду.

Третий мистик

Уж близко прибытие:
За окном нам ветер подал знак.

Пьеро

Неверная! Где ты? Сквозь улицы сонные
Протянулась длинная цепь фонарей,
И, пара за парой, идут влюбленные,
Согретые светом любви своей.
Где же ты? Отчего за последней парою
Не вступить и нам в назначенный круг?
Я пойду бренчать печальной гитарою
Под окно, где ты пляшешь в хоре подруг!
Нарумяню лицо мое, лунное, бледное,
Нарисую брови и усы приклею.
Слышишь ты, Коломбина, как сердце бедное
Тянет, тянет грустную песню свою?

Пьеро размечтался и оживился. Но из-за занавеса сбоку вылезает обеспокоенный автор.

Автор. Что он говорит? Почтеннейшая публика! Спешу уверить, что этот актер жестоко насмеялся над моими авторскими правами. Действие происходит зимой в Петербурге. Откуда же он взял окно и гитару? Я писал мою драму не для балагана... Уверяю вас...

Внезапно застыдившись своего неожиданного появления, прячется обратно за занавес.

Пьеро

(Он не обратил внимания на автора. Сидит и мечтательно вздыхает)

Коломбина!

Первый мистик

Ты слушаешь?

Второй мистик

Да.

Третий мистик

Приближается дева из дальней страны.

Первый мистик

О, как мрамор — черты!

Второй мистик

О, в очах — пустота!

Третий мистик

О, какой чистоты и какой белизны!

Первый мистик

Подойдет — и мгновенно замрут голоса.

Второй мистик

Да. Молчанье наступит.

Третий мистик

Надолго ли?

Первый мистик

Да.

Второй мистик

Вся бела, как снега.

Третий мистик

За плечами — коса.

Первый мистик

Кто ж она?

Второй наклоняется и что-то шепчет на ухо первому.

Второй мистик

Ты не выдашь меня?

Первый мистик

(в неподдельном ужасе)

Никогда!

Автор опять испуганно высовывается, но быстро исчезает, как будто его оттянул кто-то за фалды.

Пьеро

(по-прежнему, мечтательно)

Коломбина! Приди!

Первый мистик

Тише! Слышишь шаги!

Второй мистик

Слышу шелест и вздохи.

Третий мистик

О, кто среди нас?

Первый мистик

Кто в окне?

Второй мистик

Кто за дверью?

Третий мистик

Не видно ни зги.

Первый мистик

Посвети. Не она ли пришла в этот час?

Второй мистик поднимает свечу.

Совершенно неожиданно и непонятно откуда появляется у стола необыкновенно красивая девушка с простым и тихим лицом матовой белизны. Она в белом. Равнодушен взор спокойных глаз. За плечами лежит заплетенная коса.

Девушка стоит неподвижно. Восторженный Пьеро молитвенно опускается на колени. Заметно, что слезы душат его. Все для него — неизреченно.

Мистики в ужасе откинулись на спинки стульев. У одного беспомощно болтается нога. Другой производит странные движения рукой. Третий выкатил глаза. Через некоторое время очнувшись, громко шепчут:

— Прибыла!
— Как бела ее одежда!
— Пустота в глазах ее!
— Черты бледны, как мрамор!
— За плечами коса!
— Это — смерть!

Пьеро услыхал. Медленно поднявшись, он подходит к девушке, берет ее за руку и выводит на средину сцены. Он говорит голосом звонким и радостным, как первый удар колокола.

Пьеро. Господа! Вы ошибаетесь! Это — Коломбина! Это — моя невеста!

Общий ужас. Руки всплеснулись. Фалды сюртуков раскачиваются. Председатель собрания торжественно подходит к Пьеро.

Председатель. Вы с ума сошли. Весь вечер мы ждали событий. Мы дождались. Она пришла к нам — тихая избавительница. Нас посетила смерть.

Пьеро *(звонким детским голосом)*. Я не слушаю сказок. *Я* — простой человек. Вы не обманете меня. Это — Коломбина. Это — моя невеста.

Председатель. Господа! Наш бедный друг сошел с ума от страха. Он никогда не думал о том, к чему мы готовились всю жизнь. Он не измерил глубин и не приготовился встретить покорно Бледную Подругу в последний час. Простим великодушно простеца. *(Обращается к Пьеро.)* Брат, тебе нельзя оставаться здесь. Ты помешаешь нашей последней вечере. Но, прошу тебя, вглядись еще раз в ее черты: ты видишь, как бела ее одежда; и какая бледность в чертах; о, она бела, как снега на вершинах! Очи ее отражают зеркальную пустоту. Неужели ты не видишь косы за плечами? Ты не узнаешь смерти?

Пьеро *(по бледному лицу бродит растерянная улыбка)*. Я ухожу. Или вы правы, и я — несчастный сумасшедший. Или вы сошли с ума — и я одинокий, непонятый вздыхатель. Носи меня, вьюга, по улицам! О, вечный ужас! Вечный мрак!

Коломбина *(идет к выходу вслед за Пьеро)*. Я не оставлю тебя.

Пьеро остановился, растерян. Председатель умоляюще складывает руки.

Председатель. Легкий призрак! Мы всю жизнь ждали тебя! Не покидай нас!

Появляется стройный юноша в платье Арлекина. На нем серебристыми голосами поют бубенцы.

Арлекин
(подходит к Коломбине)

Жду тебя на распутьях, подруга,
В серых сумерках зимнего дня!
Над тобою поет моя вьюга,
Для тебя бубенцами звеня!

Он кладет руку на плечо Пьеро.— Пьеро свалился навзничь и лежит без движения в белом балахоне. Арлекин уводит Коломбину за руку. Она улыбнулась ему. Общий упадок настроения. Все безжизненно повисли на стульях. Рукава сюртуков вытянулись и закрыли кисти рук, будто рук и не было. Головы ушли в воротники. Кажется, на стульях висят пустые сюртуки.

Вдруг Пьеро вскочил и убежал. Занавес сдвигается. В ту же минуту на подмостки перед занавесом выскакивает взъерошенный и взволнованный автор.

Автор. Милостивые государи и государыни! Я глубоко извиняюсь перед вами, но снимаю с себя всякую ответственность! Надо мной издеваются! Я писал реальнейшую пьесу,

сущность которой считаю долгом изложить перед вами в немногих словах: дело идет о взаимной любви двух юных душ! Им преграждает путь третье лицо: но преграды наконец падают, и любящие навеки соединяются законным браком! Я никогда не рядил моих героев в шутовское платье! Они без моего ведома разыгрывают какую-то старую легенду! Я не признаю никаких легенд, никаких мифов и прочих пошлостей! Тем более — аллегорической игры словами: неприлично называть косой смерти женскую косу! Это порочит дамское сословие! Милостивые государи...

Высунувшаяся из-за занавеса рука хватает автора за шиворот. Он с криком исчезает за кулисой. Занавес быстро раздергивается.
Бал. Маски кружатся под тихие звуки танца. Среди них прогуливаются другие маски, рыцари, дамы, паяцы.
Грустный Пьеро сидит среди сцены на той скамье, где обыкновенно целуются Венера и Тангейзер.

Пьеро

Я стоял меж двумя фонарями
И слушал их голоса,
Как шептались, закрывшись плащами,
Целовала их ночь в глаза.

И свила серебристая вьюга
Им венчальный перстень-кольцо.
И я видел сквозь ночь — подруга
Улыбнулась ему в лицо.

Ах, тогда в извозчичьи сани
Он подругу мою усадил!
Я бродил в морозном тумане,
Издали́ за ними следил.

Ах, сетями ее он опутал
И, смеясь, звенел бубенцом!
Но, когда он ее закутал,—
Ах, подруга свалилась ничком!

Он ее ничем не обидел,
Но подруга упала в снег!
Не могла удержаться сидя!..
Я не мог сдержать свой смех!..

И, под пляску морозных игол,
Вкруг подруги картонной моей —
Он звенел и высоко прыгал,
Я за ним плясал вкруг саней!

И мы пели на улице сонной:
«Ах, какая стряслась беда!»
А вверху — над подругой картонной —
Высоко зеленела звезда.

И всю ночь по улицам снежным
Мы брели — Арлекин и Пьеро...
Он прижался ко мне так нежно,
Щекотало мне нос перо!

Он шептал мне: «Брат мой, мы вместе,
Неразлучны на много дней...
Погрустим с тобой о невесте,
О картонной невесте твоей!»

Пьеро грустно удаляется.

Через некоторое время на той же скамье обнаруживается пара влюбленных. Он в голубом, она в розовом, маски — цвета одежд. Они вообразили себя в церкви и смотрят вверх, в купола.

Она

Милый, ты шепчешь — «склонись...»
Я, лицом опрокинута, в купол смотрю.

Он

Я смотрю в непомерную высь —
Там, где купол вечернюю принял зарю.

Она

Как вверху позолота ветха.
Как мерцают вверху образа.

Он

Наша сонная повесть тиха.
Ты безгрешно закрыла глаза.

Поцелуй.

Она

...Кто-то темный стоит у колонны
И мигает лукавым зрачком!

Я боюсь тебя, влюбленный!
Дай закрыться твоим плащом!

Молчание.

Он

Посмотри, как тихи свечи,
Как заря в куполах занялась.

Она

Да. С тобою сладки нам встречи.
Пусть я сама тебе предалась.

Прижимается к нему.

Первую пару скрывает от зрителей тихий танец масок и паяцов. В средину танца врывается вторая пара влюбленных. Впереди — она в черной маске и вьющемся красном плаще. Позади — он — весь в черном, гибкий, в красной маске и черном плаще. Движения стремительны. Он гонится за ней, то настигая, то обгоняя ее. Вихрь плащей.

Он

Оставь меня! Не мучь, не преследуй!
Участи темной мне не пророчь!
Ты торжествуешь свою победу!
Снимешь ли маску? Канешь ли в ночь?

Она

Иди за мной! Настигни меня!
Я страстней и грустней невесты твоей!
Гибкой рукой обними меня!
Кубок мой темный до дна испей!

Он

Я клялся в страстной любви — другой!
Ты мне сверкнула огненным взглядом,
Ты завела в переулок глухой,
Ты отравила смертельным ядом!

Она

Не я манила,— плащ мой летел
Вихрем за мной — мой огненный друг!
Ты сам вступить захотел
В мой очарованный круг!

Он

Смотри, колдунья! Я маску сниму!
И ты узнаешь, что я безлик!
Ты смела́ мне черты, завела во тьму,
Где кивал, кивал мне — черный двойник!

Она

Я — вольная дева! Путь мой — к победам!
Иди за мной, куда я веду!
О, ты пойдешь за огненным следом
И будешь со мной в бреду!

Он

Иду, покорен участи строгой,
О, вейся, плащ, огневой проводник!
Но трое пойдут зловещей дорогой:
Ты — и я — и мой двойник!

Исчезают в вихре плащей. Кажется, за ними вырвался из толпы кто-то третий, совершенно подобный влюбленному, весь — как гибкий язык черного пламени.

В среде танцующих обнаружилась третья пара влюбленных. Они сидят посреди сцены.

Средневековье. Задумчиво склонившись, она следит за его движениями.— Он, весь в строгих линиях, большой и задумчивый, в картонном шлеме,— чертит перед ней на полу круг огромным деревянным мечом.

Он. Вы понимаете пьесу, в которой мы играем не последнюю роль?

Она *(как тихое и внятное эхо)*. Роль.

Он. Вы знаете, что маски сделали нашу сегодняшнюю встречу чудесной?

Она. Чудесной.

Он. Так вы верите мне? О, сегодня вы прекрасней, чем всегда.

Она. Всегда.

Он. Вы знаете все, что было и что будет. Вы поняли значение начертанного здесь круга.

Она. Круга.

Он. О, как пленительны ваши речи! Разгадчица души моей! Как много ваши слова говорят моему сердцу!

Она. Сердцу.

Он. О, Вечное Счастье! Вечное Счастье!

Она. Счастье.

Он *(со вздохом облегчения и торжества)*. Близок день. На исходе — эта зловещая ночь.

Она. Ночь.

В эту минуту одному из паяцов пришло в голову выкинуть штуку. Он подбегает к влюбленному и показывает ему длинный язык. Влюбленный бьет с размаху паяца по голове тяжким деревянным мечом. Паяц перегнулся через рампу и повис. Из головы его брыжжет струя клюквенного сока.

Паяц *(пронзительно кричит)*. Помогите! Истекаю клюквенным соком!

Поболтавшись, удаляется.

Шум. Суматоха. Веселые крики: «Факелы! Факелы! Факельное шествие!» Появляется хор с факелами. Маски толпятся, смеются, прыгают.

Хор

В сумрак — за каплей капля смолы
Падает с легким треском!
Лица, скрытые облаком мглы,
Озаряются тусклым блеском!
Капля за каплей, искра за искрой!
Чистый, смолистый дождь!
Где ты, сверкающий, быстрый,
Пламенный вождь!

Арлекин выступает из хора, как корифей.

Арлекин

По улицам сонным и снежным
Я таскал глупца за собой!
Мир открылся очам мятежным,
Снежный ветер пел надо мной!
О, как хотелось юной грудью
Широко вздохнуть и выйти в мир!
Совершить в пустом безлюдьи
Мой веселый весенний пир!
Здесь никто понять не смеет,
Что весна плывет в вышине!
Здесь никто любить не умеет,
Здесь живут в печальном сне!
Здравствуй, мир! Ты вновь со мною!
Твоя душа близка мне давно!
Иду дышать твоей весною
В твое золотое окно!

Прыгает в окно. Даль, видимая в окне, оказывается нарисованной на бумаге. Бумага лопнула. Арлекин полетел вверх ногами в пустоту.
В бумажном разрыве видно одно светлеющее небо. Ночь истекает, копошится утро. На фоне занимающейся зари стоит, чуть колеблемая дорассветным ветром,— Смерть, в длинных белых пеленах, с матовым, женственным лицом и с косой на плече. Лезвее серебрится, как опрокинутый месяц, умирающий утром.
Все бросились в ужасе в разные стороны. Рыцарь споткнулся на деревянный меч. Дамы разроняли цветы по всей сцене. Маски, неподвижно прижавшиеся, как бы распятые у стен, кажутся куклами из этнографического музея. Любовницы спрятали лица в плащи любовников. Профиль голубой маски тонко вырезывается на утреннем небе. У ног ее испуганная, коленопреклоненная розовая маска прижалась к его руке губами.
Как из земли выросший Пьеро медленно идет через всю сцену, простирая руки к Смерти. По мере его приближения черты Ее начинают оживать. Румянец заиграл на матовости щек. Серебряная коса теряется в стелющемся утреннем тумане. На фоне зари, в нише окна, стоит с тихой улыбкой на спокойном лице красивая девушка — Коломбина.
В ту минуту, как Пьеро подходит и хочет коснуться ее руки своей рукой,— между ним и Коломбиной просовывается торжествующая голова автора.

Автор. Почтеннейшая публика! Дело мое не проиграно! Права мои восстановлены! Вы видите, что преграды рухнули! Этот господин провалился в окошко! Вам остается быть свидетелями счастливого свиданья двух влюбленных после долгой разлуки! Если они потратили много сил на преодоление препятствий,— то теперь зато они соединяются навек!

Автор хочет соединить руки Коломбины и Пьеро. Но внезапно все декорации взвиваются и улетают вверх. Маски разбегаются.
Автор оказывается склоненным над одним только Пьеро, который беспомощно лежит на пустой сцене в белом балахоне своем с красными пуговицами.
Заметив свое положение, автор убегает стремительно.

Пьеро
(приподнимается и говорит жалобно и мечтательно)

Куда ты завел? Как угадать?
Ты предал меня коварной судьбе.
Бедняжка Пьеро, довольно лежать,
Пойди, поищи невесту себе.

(Помолчав.)

Ах, как светла — та, что ушла
(Звенящий товарищ ее увел).
Упала она (из картона была).
А я над ней смеяться пришел.

Она лежала ничком и бела.
Ах, наша пляска была весела!
А встать она уж никак не могла.
Она картонной невестой была.

И вот, стою я, бледен лицом,
Но вам надо мной смеяться грешно.
Что делать! Она упала ничком...
Мне очень грустно. А вам смешно?

Пьеро задумчиво вынул из кармана дудочку и заиграл песню о своем бледном лице, о тяжелой жизни и о невесте своей Коломбине.

1906

На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому темно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худа лицом, может быть, и бледна...

Достоевский

— А как вы узнали, что это я? Где вы меня видели прежде? Что это, в самом деле, я как будто его где-то видела?

— Я вас тоже будто видел где-то?

— Где? — Где?

— Я ваши глаза точно где-то видел... да этого быть не может! Это я так... Я здесь никогда и не был. Может быть, во сне...

Достоевский

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Незнакомка.
Голубой.
Звездочет.
Поэт.
Посетители кабачка и гостиной.
Два дворника.

ПЕРВОЕ ВИДЕНИЕ

Уличный кабачок. Подрагивает бело-матовый свет ацетиленового фонаря в смятом колпачке. На обоях изображены совершенно одинаковые корабли с огромными флагами. Они взрезают носами голубые воды. За дверью, которая часто раскрывается, впуская посетителей, и за большими окнами, украшенными плющом, идут прохожие в шубах и девушки в платочках — под голубым вечерним снегом.

За прилавком, на котором водружена бочка с гномом и надписью «Кружка-бокал»,— двое совершенно похожих друг на друга: оба с коками и проборами, в зеленых фартуках; только у хозяина усы вниз, а у брата его, полового, усы вверх. У одного окна, за столиком, сидит пьяный старик — вылитый Верлэн, у другого — безусый бледный человек — вылитый Гауптман. Несколько пьяных компаний.

РАЗГОВОР В ОДНОЙ КОМПАНИИ

Один. Купил я эту шубу за двадцать пять рублей. А тебе, Сашка, меньше тридцати ни за что не уступлю.

Другой *(убедительно и с обидой)*. Да врешь ты!.. Да вот поди ж ты... Я тебе...

Третий *(усатый, кричит)*. Молчать! Не ругаться! Еще бутылочку, любезный.

Половой подбегает. Слышно, как булькает пиво. Молчание. Одинокий посетитель поднимается из угла и неверной походкой идет к прилавку. Начинает шарить в блестящей посудине с вареными раками.

Хозяин. Позвольте, господин. Так нельзя. Вы у нас всех раков руками переберете. Никто кушать не станет.

Посетитель, мыча, отходит.

Семинарист. И танцовала она, милый друг ты мой, скажу я тебе, как небесное создание. Просто взял бы ее за белые ручки и прямо в губки, скажу тебе, поцеловал...

Собутыльник *(визгливо хохочет)*. Эка, эка, Василька-то наш, размечтался, заалел, как маков цвет! А что она тебе за любовь-то? За любовь-то что?.. А?..

Все визгливо хохочут.

Семинарист *(совсем красный)*. И, милый друг ты мой, скажу тебе, нехорошо смеяться. Так бы вот взял ее, и унес бы от нескромных взоров, и на улице плясала бы она передо мной на белом снегу... как птица, летала бы. И откуда мои крылья взялись,— сам полетел бы за ней, над белыми снегами...

Все хохочут.

Второй собутыльник. Ты, Васька, смотри, того, по первопутку-то не очень полетишь...

Первый собутыльник. Тебе бы по морозцу-то легче, а то с твоей милой как раз в грязь угодишь...

Второй собутыльник. Мичтатель.

Семинарист *(совсем осоловел)*. Эх, милые други, в семинарии не учась, скажу я вам, вы нежных чувств не понимаете. А впрочем, еще бы пивца...

Верлэн *(бормочет громко сам с собою)*. Каждому свое. Каждому свое...

Гауптман делает выразительные знаки половому. Входят рыжий мужчина и девушка в платочке.

Девушка *(половому)*. Бутылку портеру, Миша. *(Продолжает быстро рассказывать мужчине.)* ...только она, милый мой, вышла, хвать — забыла хозяйку пивом угостить. Сейчас — назад, а уж он комод открыл, да и роется, все перерыл, все перерыл, думал — не скоро вернется... Она, милый мой, кричать, а он, милый мой, ей рот зажимать. Ну, все-таки хозяйка прибежала, да сама кричать, да дворника позвала; так его, милый мой, сейчас в участок... *(Быстро прерывает.)* Дай двугривенный.

Мужчина хмуро вынимает двугривенный.

Девушка. Тебе нешто жалко?

Мужчина. Пей, да помалкивай.

Молчат. Пьют. Вбегает молодой человек и радостно бросается к Гауптману.

Молодой человек. Костя, друг, она у дверей дожидает!

Гауптман. Ладно. Пошляется еще. Давай выпьем.

Верлэн *(громко бормочет)*. И всем людям — свое занятие... И каждому — свое беспокойство.

Входит Поэт. Подзывает полового.

Поэт. Угостить вас?

Половой *(прирожденный юморист)*. Великая честь-с... От знаменитого лица-с...

Убегает за пивом. Поэт вынимает записную книжку. Тишина. Ацетилен шипит. Похрустывают бублики.
Половой приносит Поэту бутылку пива и садится на край стула против него.

Поэт. Вы послушайте только. Бродить по улицам, ловить отрывки незнакомых слов. Потом — прийти вот сюда и рассказать свою душу подставному лицу.

Половой. Непонятно-с, но весьма утонченно-с...

Срывается со стула и бежит на зов посетителя. Поэт пишет в книжке.

Девушка
(напевает)
Как люблю я ее...
А она за любовь...

Половой возвращается к Поэту.

Поэт *(пьет)*. Видеть много женских лиц. Сотни глаз, больших и глубоких, синих, темных, светлых. Узких, как глаза рыси. Открытых широко, младенчески. Любить их. Желать их. Не может быть человека, который не любит. И вы их должны любить.

Половой. Слушаю-с.

Поэт. И среди этого огня взоров, среди вихря взоров, возникнет внезапно, как бы расцветет под голубым снегом — одно лицо: единственно прекрасный лик Незнакомки, под густою, темной вуалью... Вот качаются перья на шляпе... Вот узкая рука, стянутая перчаткой, держит шелестящее платье... Вот медленно проходит она... проходит она...

Жадно пьет.

Верлэн *(бормочет)*. И все проходит. И каждому — своя забота.

Семинарист *(заплетающимся языком)*. Танцовала она, как небесный, скажу вам, ангел, а вы, черти и разбойники, не стоите ее мизинца. А впрочем, выпьем.

Собутыльник. Мичтатель. Оттого и пьешь. И все мы — мичтатели. Поцелуй меня, дружок.

Обнимаются.

Семинарист. И никто ее так не полюбит, как я. И будем мы на белом снегу свою грустную жизнь доживать. Она — плясать, а я — на шарманке играть. И полетим. И под самый серебряный месяц залетим. И туда, чорт возьми, скажу я вам, дурацким вашим грязным носам, милые други, не соваться. И все-таки я очень вас люблю и высоко ставлю. Кто из одной бутылки не пивал, тот и дружбы не видал.

Все хохочут.

Собутыльник. Ай да Васька! Уж очень складно! Поцелуемся, дружок.

Молодой человек *(Гауптману)*. Однако ж будет. Что ей столько на морозе дожидать? Замерзнет совсем. Пойдем, брат Костя.

Гауптман. Брось. Если женскому нраву потакать, так от мужчины ничего не останется — только ему в рожу плюнуть. Пусть пошляется, а мы еще посидим.

Молодой человек послушался. Все посетители пьют и хмелеют. Человек в желтом трепаном пальто, сидевший отдельно, встает и обращается к честной компании с речью.

Человек в пальто. Государи мои! Есть у меня небольшая вещица — весьма ценная миниатюра. *(Вытаскивает из кармана камею.)* Вот-с, не угодно ли: с одной стороны — изображение эмблемы, а с другой — приятная дама в тюнике на земном шаре сидит и над этим шаром держит скипетр: подчиняйтесь, мол, повинуйтесь — и больше ничего!

Все одобрительно смеются. Некоторые подходят и рассматривают камею.

Поэт *(захмелевший)*. Вечная сказка. Это — Она — Мироправительница. Она держит жезл и повелевает миром. Все мы очарованы Ею.

Человек в пальто. Рад служить русской интеллиген-

ции. Дешево продам, хотя досталось не дешево, но уж, как говорится, только по дружбе. Вижу, что любитель. Ну, так по рукам.

Поэт дает ему монету. Берет камею, рассматривает ее. Человек в пальто садится на свое место. Разговор продолжается только между двумя, сидящими за отдельным столиком.

Первый *(берет юмористический журнал)*. А теперь пришло время нам повеселиться. Ну, Ваня, слушай *(торжественно развертывает журнал и читает)*: «Любящие супруги. Муж: — Ты, милочка, зайди сегодня к мамаше и попроси ее...» *(Заранее отчаянно хохочет.)*

Второй. Ишь, чорт возьми, здорово!

Первый *(продолжает читать)*. «...И попроси ее... подарить Катеньке куколку...» *(Страшно хохочет.)*

Первый *(читает)*. «Жена: — Что ты, милочка! Катеньке уж скоро двадцать лет. *(Еле может прочесть от смеха.)* Ей уж не куколку, а женишка пора подарить».

Громовой хохот.

Второй. Вот так здорово!

Первый. Что называется, отбрила!

Второй. Чорт их дери, ловко пишут!..

И опять одинокий посетитель шарит в посудине. Он вытаскивает красных раков за клешни. Подержит и положит. И опять хозяин отгоняет его.

Поэт *(рассматривает камею)*. Вечное возвращение. Снова Она объемлет шар земной. И снова мы подвластны Ее очарованию. Вот Она кружит свой процветающий жезл. Вот Она кружит меня... И я кружусь с Нею... Под голубым... под вечерним снегом...

Семинарист. Танцует... Танцует... Я на шарманке, а она под шарманку. *(Делает пьяные жесты, как будто что-то ловит.)* Вот, не поймал... опять не поймал... но и вам, черти, не поймать, если уж мне не поймать...

Медленно, медленно начинают кружиться стены кабачка. Потолок наклоняется, один конец его протягивается вверх бесконечно. Корабли на обоях, кажется, плывут близко, а все не могут доплыть. Сквозь смутный общий говор человек в пальто, уже присоседившийся к кому-то, кричит.

Человек в пальто. Нет-с, я любитель! Люблю острый сыр, знаете, такой круглый! *(Делает кругообразные жесты.)* Забыл название.

Его собеседник *(неуверенно)*. А вы... пробовали?

Человек в пальто. Что пробовал? Вы думаете, нет? Я рошефор кушал!

Собеседник *(под которым качается стул)*. А знаете... люксем-бургский... так пахнет нехорошо... и шевелится, шевелится... *(Чмокает губами, шевелит пальцами.)*

Человек в пальто *(вдохновенно встает)*. Швейцарский!.. Вот что-с! *(Щелкает пальцами.)*

Собеседник *(мигает и сомневается)*. Ну, этим не удивите...

Человек в пальто *(громко, как ружейный залп)*. Бри!

Собеседник. Ну это... это... знаете...

Человек в пальто *(угрожающе)*. Что знаете?

Собеседник *(уничтожен)*.

Все вертится, кажется, перевернется сейчас. Корабли на обоях плывут, вспенивая голубые воды. Одну минуту кажется, что все стоит вверх ногами.

Верлэн *(бормочет)*. И всему свой черед... И всем пора идти домой...

Гауптман *(орет)*. Шлюха она, ну и пусть шляется! А мы выпьем!

Девушка *(поет в ухо мужчине)*. Прощай, желанный мой...

Семинарист. Снег танцует... И мы танцуем. И шарманка плачет. И я плачу. И мы все плачем.

Поэт. Синий снег. Кружится. Мягко падает. Синие очи. Густая вуаль. Медленно проходит Она. Небо открылось. Явись! Явись!

Весь кабачок как будто нырнул куда-то. Стены расступаются. Окончательно наклонившийся потолок открывает небо — зимнее, синее, холодное. В голубых вечерних снегах открывается —

ВТОРОЕ ВИДЕНИЕ

Тот же вечер. Конец улицы на краю города. Последние дома, обрываясь внезапно, открывают широкую перспективу: темный пустынный мост через большую реку. По обеим сторонам моста дремлют тихие корабли с сигнальными огнями. За мостом тянется бесконечная, прямая, как стрела, аллея, обрамленная цепочками фонарей и белыми от инея деревьями. В воздухе порхает и звездится снег.

Звездочет
(на мосту)

Ночь полнозвездная светла.
У взора — только два крыла.
Но счет звездáм вести нельзя —

Туманна млечная стезя,
И бедный взор туманится...
Кто этот пьяница?

Два дворника волокут под руки пьяного Поэта.

Разъяренные дворники

Он — посетитель кабачка,
И с ним расправа коротка!
Эй, Ванька, дай ему щелчка!
Эй, Васька, дай ему толчка!

Волокут Поэта дальше.

Звездочет

Восходит новая звезда.
Всех ослепительней она.
Недвижна темная вода,
И в ней звезда отражена.
Ах! падает, летит звезда...
Лети сюда! сюда! сюда!

По небу, описывая медленную дугу, скатывается яркая и тяжелая звезда. Через миг по мосту идет прекрасная женщина в черном, с удивленным взором расширенных глаз. Все становится сказочным — темный мост и дремлющие голубые корабли. Незнакомка застывает у перил моста, еще храня свой бледный падучий блеск. Снег, вечно юный, одевает ее плечи, опушает стан. Она, как статуя, ждет.
Такой же Голубой, как она, восходит на мост из темной аллеи. Также в снегу. Также прекрасен. Он колеблется, как тихое, синее пламя.

Голубой

В блеске зимней ночи тающая,
Обрати ко мне твой лик.
Ты, снегами тихо веющая,
Подари мне легкий снег.

Она обращает очи к нему.

Незнакомка

Очи — звезды умирающие,
Уклонившись от пути.
О тебе, мой легковеющий,
Я грустила в высоте.

Его голубой плащ осыпан снежными звездами.

Голубой

В синеве твоей морозной
Много звезд.
Под рукой моей железной
Светлый меч.

Незнакомка

Опусти в руке железной
Светлый меч.
В синеве моей морозной
Звезд не счесть.

Голубой дремлет в бледном свете. На фоне плаща его светится луч, как будто он оперся на меч.

Голубой

Протекали столетья, как сны.
Долго ждал я тебя на земле.

Незнакомка

Протекали столетья, как миги.
Я звездою в пространствах текла.

Голубой

Ты мерцала с твоей высоты
На моем голубом плаще.

Незнакомка

Ты гляделся в мои глаза.
Часто на́ небо смотришь ты?

Голубой

Больше взора поднять не могу:
Тобою, падучей, скован мой взор.

Незнакомка

Ты можешь сказать мне земные слова?
Отчего ты весь в голубом?

Голубой

Я слишком долго в небо смотрел:
Оттого — голубые глаза и плащ.

Незнакомка

Кто ты?

Голубой

Поэт.

Незнакомка

О чем ты поешь?

Голубой

Всё о тебе.

Незнакомка

Давно ли ты ждешь?

Голубой

Много столетий.

Незнакомка

Ты мертв или жив?

Голубой

Не знаю.

Незнакомка

Ты юн?

Голубой

Я красив.

Незнакомка

Падучая дева-звезда
Хочет земных речей.

Голубой

Только о таинах знаю слова,
Только торжественны речи мои.

Незнакомка

Знаешь ты имя мое?

Голубой

Не знаю — и лучше не знать.

Незнакомка

Видишь ты очи мои?

Голубой

Вижу. Как звезды — они.

Незнакомка

Ты видишь мой стройный стан?

Голубой

Да. Ослепительна ты.

В голосе Ее просыпается земная страсть.

Незнакомка

Ты хочешь меня обнять?

Голубой

Я коснуться не смею тебя.

Незнакомка

Ты можешь коснуться уст.

Плащ Голубого колеблется, исчезая под снегом.

Незнакомка

Ты знаешь ли страсть?

Голубой
(тихо)

Кровь молчалива моя.

Незнакомка

Ты знаешь вино?

Голубой
(еще тише)

Звездный напиток — слаще вина.

Незнакомка

Ты любишь меня?

Голубой молчит.

Незнакомка

Кровь запевает во мне.

Тишина.

Незнакомка

Ядом исполнено сердце.
Я стройнее всех ваших дев.
Я красивее ваших дам.
Я страстнее ваших невест.

Голубой дремлет, весь осыпанный снегом.

Как сладко у вас на земле!

Голубого больше нет. Закрутился голубоватый снежный столб, и кажется, на этом месте и не было никого. Зато рядом с Незнакомкой проходящий господин приподнимает котелок.

Господин

Вы с кем-то беседу вели?
Но здесь не видать никого.
Прелестный ваш голос звучал
В пространстве пустом...

Незнакомка

Где он?

Господин

О, да, без сомнения, вы
Кого-то ждали сейчас!
Позвольте — нескромный вопрос...
Кто был ваш незримый друг?

Незнакомка

Он был красив. В голубом плаще.

Господин

О, романтика женской души!
И на улице видите вы
Мужчин в голубых плащах!
Но как же звали его?

Незнакомка

Он назвал себя: поэт.

Господин

Я тоже поэт! я тоже поэт!
По крайней мере, смотря
В прекрасные ваши глаза,
Я мог бы спеть вам куплет:
«Ах, как ты хороша!»

Незнакомка

Ты хочешь любить меня?

Господин

О, да! И очень не прочь.

Незнакомка

Ты можешь обнять меня?

Господин

Хотел бы знать, почему
Не могу я тебя обнять?

Незнакомка

И, уст касаясь моих,
Ты будешь ласкать меня?

Господин

Пойдем, красотка моя!
«Исполню всё, что велишь»,
Как сказал старичок Шекспир...
Ты видишь теперь, что и я
Поэзии очень не чужд!

Незнакомка покорно дает ему руку.

Как имя твое?

Незнакомка

Постой.
Дай вспомнить. В небе, средь звезд,
Не носила имени я...
Но здесь, на синей земле,
Мне нравится имя *«Мария»*...
«Мария» — зови меня.

Господин

Как хочешь, красотка моя.
Ведь мне лишь только бы знать,
Что ночью тебе шептать.

Уводит Незнакомку под руку. След их заметает голубой снег. Звездочет снова на мосту. Он — в тоске. Простирает руки в небо. Поднял взоры.

Звездочет

Нет больше прекрасной звезды!
Синяя бездна пуста!
Я ритмы утратил
Астральных песен моих!
Отныне режут мне слух
Дребезжащие песни светил!
Сегодня в башне моей
Скорбной рукой занесу
В длинные свитки мои
Весть о паденьи светлейшей звезды...
И тихо ее назову
Именем дальним,
Именем, нежащим слух:
«Мария» — да будет имя ее.
В желтых свитках
Начертано будет
Моей одинокой рукой:
«Пала Мария — звезда.
Больше не будет смотреть мне в глаза.
Звездочет остался один!»

Тихо плачет. Поэт поднимается на мост из аллеи.

Поэт

О, заклинаю вас всем святым!
Вашей тоской!
Вашей невестой, когда
Есть невеста у вас!
Скажите, была ли здесь
Высокая женщина в черном?

Звездочет

Грубые люди! Оставьте меня.
Я женщин не вижу с тех пор,
Как пала моя звезда.

Поэт

Понятна мне ваша скорбь.
Я так же, как вы, одинок.
Вы, верно, как я,— поэт.
Случайно, не видели ль вы
Незнакомку в снегах голубых?

Звездочет

Не помню. Здесь многие шли,
И очень прискорбно мне,
Что вашей не мог я узнать...

Поэт

О, если б видели вы,—
Забыли б свою звезду!

Звездочет

Не вам говорить о звездах;
Чересчур легкомысленны вы,
И я попросил бы вас
В мою профессию нос не совать.

Поэт

Все ваши обиды снесу!
Поверьте, унижен я
Ничуть не меньше, чем вы...
О, если б я не был пьян,
Я шел бы следом за ней!
Но двое тащили меня,
Когда я заметил ее...
Потом я упал в сугроб,
Они, ругаясь, ушли,
Решившись бросить меня...
Не помню, долго ль я спал...
Проснувшись, вспомнил, что снег
Замел ее нежный след!

Звездочет

Я смутно припомнить могу
Печальную вещь для вас;
Действительно, вас вели,
Вам давали толчки и пинки,
И был неуверен ваш шаг...

Потом я помню сквозь сон,
Как на мост дама взошла,
И к ней подошел голубой господин...

Поэт

О, нет!.. Голубой господин...

Звездочет

Не знаю, о чем говорили они.
Я больше на них не смотрел.
Потом они, верно, ушли...
Я так был занят своим...

Поэт

И снег замел их следы!..
Мне больше не встретить Ее!
Встречи такие
Бывают в жизни лишь раз...

Оба плачут под голубым снегом.

Звездочет

Стоит ли плакать об этом?
Гораздо глубже горе мое:
Я утратил астральный ритм!

Поэт

Я ритм души потерял.
Надеюсь, это — важней!

Звездочет

Скорбь занесет в мои свитки:
«Пала звезда — Мария!»

Поэт

Прекрасное имя: *«Мария!»*
Я буду писать в стихах:
«Где ты, Мария?
Не вижу зари я».

Звездочет

Ну, ваше горе пройдет!
Вам надо только стихи
Как можно длинней сочинять!
О чем же плакать тогда?

Поэт

А вам, господин звездочет,
Довольно в свитки свои
На пользу студентам вписать:
«Пала Мария — Звезда!»

Оба грустят под голубым снегом. Пропадают в нем. И снег грустит. Он запорошил уже и мост, и корабли. Он построил белые стены на канве деревьев, вдоль стен домов, на телеграфных проволоках. И даль земная и даль речная поднялась белыми стенами, так что все бело, кроме сигнальных огней на кораблях и освещенных окон домов. Снежные стены уплотняются. Они кажутся близкими одна к другой. Понемногу открывается —

ТРЕТЬЕ ВИДЕНИЕ

Большая гостиная комната с белыми стенами, на которых ярко горят электрические лампы. Дверь в переднюю открыта. Тоненький звонок часто извещает о приходе гостей. На диванах, креслах и стульях уже сидят хозяева и гости; хозяйка дома — пожилая дама, как бы проглотившая аршин; перед нею — корзинка с бисквитами, ваза с фруктами и чашка дымящегося чаю; против нее — глухой старик с глупым лицом жует и хлебает. Молодые люди, в безукоризненных смокингах, частью разговаривают с другими дамами, частью толпятся стадами в углах. Общий гул бессмысленных разговоров.

Хозяин дома встречает гостей в передней и каждому сначала деревянным голосом кричит: «А-а-а!», а потом говорит пошлость. В настоящий момент он занят тем же.

Хозяин дома *(в передней)*. А-а-а! Ну и закутались же вы, батюшка!

Голос гостя. И холод же, доложу я вам! В шубе — и то замерз.

Гость сморкается. Так как разговор в гостиной почему-то исчерпался, слышно, как хозяин конфиденциально говорит гостю:

Хозяин. А где шили?

Гость. У Шевалье.

Из двери торчат фалды хозяйского сюртука. Хозяин рассматривает шубу.

Хозяин. А сколько платили?

Гость. Тысячу.

Хозяйка, стараясь замять разговор, кричит:

Хозяйка. Cher[1] Иван Павлович! Идите скорее! Только вас и ждали! Вот, Аркадий Романович обещался нам сегодня спеть!

Аркадий Романович, подходя к хозяйке, делает различные жесты, долженствующие показать, что он невысокого о себе мнения. Хозяйка жестами же старается показать ему обратное.

Молодой человек Жорж. Совершенная дура твоя Серпантини, Миша. Так танцовать, как она вчера, значит — не иметь никакого стыда.

Молодой человек Миша. Ты, Жорж, ровно ничего не понимаешь! Я совершенно влюблен. Это — для немногих. Вспомни, у нее совсем классическая фигура — руки, ноги...

Жорж. Я пошел туда затем, чтобы наслаждаться искусством. На ножки я могу смотреть и в другом месте.

Хозяйка. О чем это вы там, Георгий Николаевич? Ах, о Серпантини! Какой ужас, не правда ли? Во-первых — интерпретировать музыку — это уж одно — наглость. Я так страстно люблю музыку и ни за что, ни за что не допущу, чтоб над ней надругались. Потом — танцовать без костюма — это... это я не знаю что! Я увела мою дочь.

Жорж. Я совершенно согласен с вами. А вот Михаил Иванович — другого мнения...

Хозяйка. Что вы, Михаил Иванович! По-моему, здесь двух мнений не может быть! Я понимаю, молодым людям свойственно увлекаться, но на публичном концерте... когда ногами изображают Баха... Я сама музыкантша... страстно люблю музыку... Как хотите...

Старик, сидящий против хозяйки, неожиданно и просто выпаливает:

Старик. Публичный дом.

Продолжает хлебать чай и жевать бисквиты. Хозяйка краснеет и обращается к одной из дам.

Миша. Ах, Жорж, все вы ничего не понимаете! Разве это — интерпретация музыки? Серпантини сама — воплощение музыки. Она плывет на волнах звуков, и, кажется, сам плывешь за нею. Неужели тело, его линии, его гармонические движения — сами по себе не поют так же, как звуки? Тот, кто истинно чувствует музыку, не оскорбляется за нее. У вас отвлеченное отношение к музыке...

---

[1] Дорогой *(франц.).— Ред.*

Жорж. Мечтатель! Завел машину. Строишь какие-то теории и ничего не слушаешь и не видишь. Я о музыке даже не говорю, и мне в конце концов наплевать! И я был бы очень рад видеть все это в отдельном кабинете. Но согласитесь же, не объявить на афише, что Серпантини будет завернута в одну тряпку,— это значит поставить всех в пренеловкое положение. Если б я знал, я не повел бы туда мою невесту. *(Миша рассеянно шарит в корзинке с бисквитами.)* Послушай, оставь бисквиты. Ведь противно есть, если все перетрогаешь. Смотри, как на тебя смотрит кузина. А все оттого, что ты рассеян. Эх, мечтатели.

Миша, сконфуженно мыча, удаляется в другой угол.

Старик *(внезапно, хозяйке)*. Нина! Сиди смирно! У тебя на спине платье расстегнулось.

Хозяйка *(вспыхнув)*. Да полно, дядя, нельзя же при всех! Вы слишком... откровенны...

Старается незаметно застегнуть платье. В комнату впархивает молодая дама, за ней идет огромный рыжий господин.

Дама. Ах, здравствуйте, здравствуйте! Вот, позвольте вас познакомить: мой жених.

Рыжий господин. Очень приятно.

Угрюмо удаляется в угол.

Дама. Пожалуйста, не обращайте на него внимания. Он очень застенчив. Ах, представьте, какой случай!..

Торопливо пьет чай и шопотом рассказывает хозяйке что-то пикантное, судя по тому, что обе ерзают по дивану и хихикают.

Дама *(вдруг оборачивается к жениху)*. У тебя мой платок?

Жених угрюмо вытаскивает платок.

Дама. Тебе жалко, что ли?

Рыжий господин *(неожиданно угрюмо)*. Пей, да помалкивай.

Молчат. Пьют. Вбегает молодой человек и радостно бросается к другому. В последнем легко узнать того, кто увел Незнакомку.

Молодой человек. Костя, друг, да она у дверей дожида...

Запинается на полуслове. Все становится необычайно странным. Как будто все внезапно вспомнили, что где-то произносились те же слова и в том же порядке. Михаил Иванович смотрит странными глазами на Поэта, который входит в эту минуту. Поэт, бледный, делает общий поклон на пороге притихшей гостиной.

Хозяйка *(с натянутым видом)*. Мы только вас и ждали. Надеюсь, вы прочтете нам что-нибудь. Сегодня престранный вечер! Наша мирная беседа не клеится.

Старик *(выпаливает)*. Точно кто-нибудь умер. Богу душу отдал.

Хозяйка. Ах, дядя, перестаньте. Вы всех окончательно спугнете... Господа! Обновим наш разговор... *(Поэту.)* Вы прочтете нам что-нибудь, не правда ли?

Поэт. С удовольствием... если это займет...

Хозяйка. Господа! Молчание! Наш прекрасный поэт прочтет нам свое прекрасное стихотворение, и, надеюсь, опять о прекрасной даме...

Все замолкают. Поэт становится у стены, прямо против двери в переднюю, и читает:

Поэт

Уже сбегали с плит снега,
Блестели, обнажаясь, крыши,
Когда в соборе, в темной нише,
Ее блеснули жемчуга.
И от иконы в нежных розах
Медлительно сошла Она...

Тоненький звонок в передней. Хозяйка умоляюще складывает руки по направлению к Поэту. Он прерывает чтение. Все с любопытством заглядывают в переднюю.

Хозяин. Сию минуту. Прошу извинения.

Выходит в переднюю, но не кричит там: «А-а-а!» Молчание.

Голос хозяина. Чем могу служить?

Женский голос отвечает что-то. Хозяин появляется на пороге.

Хозяин. Ниночка, какая-то дама. Ничего не могу разобрать. Вероятно, к тебе. Извините, господа, извините...

Сконфуженно улыбается во все стороны. Хозяйка идет в переднюю и запирает за собой дверь. Гости шепчутся.

Молодой человек *(в углу)*. Да не может быть...

Другой *(прячась за него)*. Да уверяю тебя... вот скандал!.. Я слышал ее голос...

Поэт стоит неподвижно против дверей. Двери открываются. Хозяйка вводит Незнакомку.

Хозяйка. Господа, приятный сюрприз. Моя очаровательная новая знакомая. Надеюсь, мы примем ее с радостью в наш дружеский кружок. Мария... извините, я не расслышала, как вас называть?

Незнакомка. Мария.

Хозяйка. Но... ваше отчество?

Незнакомка. Мария. Я зову себя: Мария.

Хозяйка. Хорошо, милочка. Я буду звать вас: Мэри. В вас есть некоторая эксцентричность, не правда ли? Но тем веселее мы проведем сегодняшний вечер с нашей восхитительной гостьей. Не правда ли, господа?

Все сконфужены. Неловкое молчание. Хозяин замечает, что один из гостей проскользнул в переднюю, и выходит за ним. Слышен извиняющийся шопот, слова: «не совсем здоров». Поэт стоит неподвижно.

Хозяйка. Итак, может быть, наш прекрасный поэт продолжит прерванное чтение? Дорогая Мэри, когда вы вошли, наш известный поэт как раз читал нам... читал нам.

Поэт. Простите. Позвольте мне прочесть в другой раз. Я так извиняюсь.

Никто не выражает неудовольствия. Поэт подходит к хозяйке, которая некоторое время делает умоляющие жесты, но скоро перестает. Поэт спокойно садится в дальний угол. Задумчиво смотрит на Незнакомку. Горничная разносит, что полагается. Из общего бессмысленного говора вырывается хохот, отдельные слова и целые фразы:

Нет, как она танцовала! Да ты послушай! Русская интеллигенция...

Кто-то *(особенно громко)*. Да и вам не поймать! Да и вам не поймать!

Все забыли о Поэте. Он медленно поднимается со своего места. Он проводит рукою по лбу. Делает несколько шагов взад и вперед по комнате. По лицу его заметно, что он с мучительным усилием припоминает что-то. В это время из общего говора доносятся слова: «рокфор», «камамбер». Вдруг толстый человек, в страшном увлечении, делая кругообразные жесты, выскакивает на середину комнаты с криком.

Бри!

Поэт сразу останавливается. Мгновение кажется, что он вспомнил все. Он делает несколько быстрых шагов в сторону Незнакомки. Но дорогу ему заслоняет Звездочет в голубом вицмундире, входящий из передней.

Звездочет. Извините, я в вицмундире и запоздал. Прямо из заседания. Пришлось делать доклад. Астрономия...

Поднимает палец кверху.

Хозяин *(подходя)*. Вот и мы только что говорили о гастрономии. Ниночка, не пора ли ужинать?

Хозяйка *(встает)*. Господа, прошу вас!

Все выходят вслед за нею. В потемневшей гостиной остаются некоторое время Незнакомка, Звездочет и Поэт. Поэт и Звездочет стоят в дверях, готовые выйти. Незнакомка медлит в глубине у темной полуоткрытой занавеси окна.

Звездочет. Нам опять привелось встретиться с вами. Я очень рад. Но пусть обстоятельства нашей первой встречи останутся между нами.

Поэт. Прошу о том же и вас.

Звездочет. Я только что сделал доклад в астрономическом обществе — о том, чему вы были невольным свидетелем. Поразительный факт: звезда первой величины...

Поэт. Да, это очень интересно.

Звездочет *(восторженно)*. Да! Я занес в мои списки новый параграф: «Пала звезда Мария!» Наука в первый раз... Ах, извините, что я не спрашиваю вас о результатах ваших поисков...

Поэт. Поиски мои были безрезультатны.

Он оборачивается в глубь комнаты. Безнадежно смотрит. На лице его — томление, в глазах — пустота и мрак. Он шатается от страшного напряжения. Но он все забыл.

Хозяйка *(на пороге)*. Господа! Идите же в столовую! Я не вижу Мэри...

Грозит им пальцем.

Ах, молодые люди! Вы спрятали куда-нибудь мою Мэри?

Всматривается в глубь комнаты.

Где же Мэри! Да где же Мэри?

У темной занавеси уже нет никого. За окном горит яркая звезда Падает голубой снег, такой же голубой, как вицмундир исчезнувшего Звездочета.

1906

Посвящается ***

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Граф Арчимбаут (владелец замка в Лангедоке).
Капеллан.
Доктор.
Повар.
Первый Рыцарь.
Второй Рыцарь.
Алискан, паж.
Бертран, по прозванию *Рыцарь-Несчастие,* сторож замка.
Гаэтан, сеньер Трауменека, трувер.
Рыбак.
Изора, жена графа.
Алиса, ее придворная дама.
Рыцари, вассалы, гости, придворные дамы, поварята и прочая челядь, крестьянские девушки, менестрели и жонглеры.

Действие происходит в начале XIII столетия; первое, третье и четвертое — в Лангедоке; второе — в Бретани.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I

Двор замка. Сумерки.

Бертран
(глухо поет)

«Всюду беда и утраты,
Что тебя ждет впереди?
Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди».

Странная песня о море
И о кресте, горящем над вьюгой...
Смысла ее не постигнет
Рыцаря разум простой.
Голос мой глух и бессилен
Темный напев передать.
Всюду со мной неудача!
Песни любимой Изоры
Я не могу повторить...

Яблони старый ствол,
Распатанный бурей февральской!
Жадно ждешь ты весны...
Теплый ветер дохнет, и нежной травою
Зазеленеет замковый вал...
Чем ты, старый, ответишь тогда
Ручьям и птицам певучим?

Лишь две-три бледно-розовых ветви протянешь
В воздух, омытый дождями,
Черный, бурей измученный ствол!

Так и ты, несчастный Бертран,
Урод, осмеянный всеми! —
Начнутся пиры и турниры,
Зазвенит охотничий рог,
Вновь взволнует ей сердце жонглер
Непонятною песнью о море...
Чем ты, старый, ответишь весне?
Лишь волненьем любви безнадежной?

О, любовь, тяжела ты, как щит!
Одно страданье несешь ты,
Радости нет в тебе никакой!
Что ж пророчит странная песня?
«Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно!»
Как может страданье радостью быть?
«Радость, о, Радость-Страданье,
Боль неизведанных ран...»

Алиса *(в окне)*. Кто здесь поет и бормочет?

Бертран. Сторож замка.

Алиса. Ах, это вы, Рыцарь-Несчастие! Прошу вас, отойдите от окна! Моя госпожа нездорова, ее расстраивает ваше пенье.

Бертран. Я отойду.

СЦЕНА II

Переход в замке.

Алиса. Святой отец, как вы меня перепугали!

Капеллан. Я не хотел вас пугать, прекрасная дама.

Алиса. Вы, верно, ждете графа?

Капеллан. Нет, не графа.

Алиса. Или, чтобы паж передал графине...

Капеллан. И не граф, и не графиня, и не паж... вы не очень проницательны, моя красавица...

Алиса. Святой отец, я теряюсь в догадках...

Капеллан *(обнимает ее)*. Дело проще, чем вы думаете, дорогая Алиса.

Алиса. Ваш сан, ваш возраст...

Капеллан. Ну, это я сам знаю, плутовка... ты не откажешься от маленького подарка...

Алиса. Кто-то идет сюда... оставьте меня, я буду кричать!

Капеллан *(убегая)*. Святой Иаков! Хорошо же, я вам это припомню...

Алискан. Кто здесь шепчется в темноте?

Алиса. Это я... прекрасный паж... мне страшно... мне почудилось, что здесь кто-то есть...

Алискан. Без сомнения, Алиса. Сейчас в эту дверь шмыгнуло его преподобие.

Алиса. Гадкий старикашка!

Алискан. Что он вам сделал?

Алиса. Он покушался на мою честь... ах, Алискан, я теряю сознание... я падаю... помогите мне...

Алискан. Что ж я могу сделать? Жалуйтесь графу.

Алиса. И вы не поможете мне, прекрасный паж?

Алискан. Я не понимаю даже, о чем вы говорите, придворная дама.— Проводите меня к вашей госпоже. Она жаждет звуков моей лютни.

СЦЕНА III

Покои Изоры.

Изора
(напевает)

«Кружится снег...
Мчится мгновенный век...
Снится блаженный брег...»

Не помню дальше... странная песня! «Радость-Страданье... сердцу закон непреложный...» Помоги вспомнить, Алиса!

Алиса. Чем я могу вам помочь, госпожа, если даже доктор не помогает.

Доктор. Все средства испробованы, но не принесли облегчения больной. Тем не менее, я продолжаю утверждать, вслед за Галленом и Гиппократом, что болезнь называется меланхолией...

Изора. Оставь меня, доктор, ты все равно ничего не поймешь.

Доктор уходит.

«Сердцу закон непреложный...» любить и ждать. «Радость-Страданье...», да, и страданье — радость с милым!.. Не так ли, Алиса?

Алиса *(взглядывая на Алискана)*. Да, госпожа, мне тоже кажется, что так.

Изора. Тоска, тоска, Алиса! — Дай сюда шахматы! — Паж, песню!

Алискан. Спеть вам сегодня песню, которую поют при Аррасском дворе?

Изора. Пой, что хочешь.

Алискан
(поет)

«День веселый, час блаженный.
Нежная весна.
Стукнул перстень драгоценный
В переплет окна.
Над долиной благовонной
Томный запах роз.
Соловей тебе влюбленный
Счастие принес...
Аэлис, о, роза, внемли,
Внемли соловью...
Все отдам Святые Земли
За любовь твою...»

Алиса. Ваш ход, госпожа моя.

Изора *(играет королевой)*. Ах!

Алиса

Опять задумались вы?
Томной песни звуки так сладки...

Изора

Какая песня?

Алискан

Если б знал я причину печали...

Изора

Я не знаю сама.

Алискан

Правда, не прежняя вы...
Что́ простой соловей для розы из роз!..

Изора

Как сказать ты умеешь красно́!
Верно, фея тебя научила
Объясняться в любви!

Алискан

Вы опять надо мной смеетесь...
Разве знал я фей, кроме вас?

Изора

Что́ мне в льстивых речах?
Разве яркая бабочка я?
Горек мне мед твоих слов!

Алиса

Шах королеве и королю!

Изора

Слава богу!
Довольно скучать над игрой! —
Чем мне, мой паж чернокудрый,
Горю помочь твоему?

Алискан

Вспомните прежние игры!
Вспомните: только весной
Мы на поляне зеленой
В плясках беспечных
Коротали легкую жизнь...

Изора

Паж, не забудь: я — твоя госпожа!

Алиса

Она больна, Алискан.

Изора
(напевает)

«Сердцу закон непреложный...
Радость-Страданье...»

Алискан

Вы песню твердите,
Которую пел кривляка наемный.

Изора

Пусть! — песню он пел не свою...

Алискан

Какой-нибудь жалкий рыбак
Из чужой и дикой Бретани
Непонятную песню сложил...

Изора

Паж, ты ревнуешь? —
Успокойся... его я не знаю...—
Ах... кто знает? вернется пора,
Может быть, на зеленой поляне
К нам вернется прежняя радость...
Нет!.. Теперь — все постыло и дико...
Жизнь такая не явь и не сон!

Уходит.

Алискан. Она положительно сходит с ума...

Алиса. Я думаю, это уже случилось... предпочесть вам... кого же?..

Алискан. И нам придется проскучать всю зиму...

Алиса. Вам грустно, прекрасный паж?

Алискан. Она не придет сюда?

Алиса. Нет, в этот час, вы знаете, она всегда мечтает... и видит сны... В этот час никто не придет сюда.

Обнимает Алискана.

СЦЕНА IV

Покои Графа.

Граф. Клянусь святым Иаковом Кампостельским, они приводят меня в бешенство! Ты знаешь, Оттон чуть дышит!

Капеллан. Ваша милость, ума не приложу, о чем вы волнуетесь. Пошлите новый отряд рыцарей, и непокорные вилланы будут уничтожены.

Граф. Давно ли беднягу Клари до полусмерти исколотили дубьем?

Капеллан. У вас есть вассалы получше Оттона и Клари. К тому же, говорят, граф Симон Монфор уже идет из Парижа помочь нам сломить еретиков...

Граф. Когда еще дойдет Монфор!..
Позвать Бертрана!

Входит Бертран.

Ну, какие вести?

Бертран

Плохие, ваша светлость. Граф Раймунд
В Тулузе войско снарядил...

Граф

Убийца!

Капеллан. И греховодник к тому же: пять жен — и ни одного законного сына...

Бертран

Под знамя их встал Монсегюр...

Граф

Сосед мой!

Бертран

Епископу их новому присягу
Принес он, а именье роздал нищим...

Граф

Мошенник! — Вот кто оскорбил Клари!

Бертран

Не думаю. Враги нам эти люди,
Но все же чтут Евангелье они
И рыцарей чужих не убивают
Исподтишка...

Граф

Одна все это шайка!
И мужичье с дубьем, и сюзерены,
Забывшие и господа и папу,
И их вассалы-оборванцы...

Бертран

Но...

Граф

Молчи! Ты сам, пожалуй, той же масти,
Как все вы, неудачники и трусы,
Которых выбивают из седла
На первом же турнире...

Бертран

Ваша светлость,
Монфор, сказали мне, теперь в Лионе...

Граф

Ты думаешь, нам этого довольно?

Бертран

Вы знаете, всегда готов служить я
И госпоже моей, и вам...

Граф

Что ж, Рыцарь-
Несчастие! Хоть раз нам докажи,
Что рыцарь, а не трус ты! — Нынче ночью
Узнать ты едешь, близко ли теперь
Симона доблестное войско!

Бертран

Еду.

Граф

Да приноси, смотри, получше вести.
И не накаркивай нам новых бед.— Ступай!

Бертран уходит.

Капеллан. Что верно, то верно! Это не рыцарь, а ворона в рыцарских перьях...

Граф. Почтенный духовник, у меня голова идет кругом...

Капеллан. Э, не беспокойтесь, ваша милость. С дьяволовыми ткачами мы сладим. Обратите лучше внимание на то, что делается в замке...

Граф. Измена?

Капеллан. Нет... но...

Граф. Говори!

Капеллан. Isora, coniunx vestra, aliquantulum male sobria est [1].

Граф. Ничего не понимаю! Говори по-человечески!

Капеллан. Супруга вашей милости...

Граф. Моя жена!

Капеллан. На столе у ее постели лежит роман о Флоре...

Граф. Что же из этого?

Капеллан. И о Бланшефлёре... вместо молитвенника. А вы знаете, что романы сочиняют враги святой церкви?

Граф. Крамольники!

Капеллан. Ну да. Самозванного папу чтут люди, которые бьют ваших рыцарей. А людей, которые бьют рыцарей, хвалят сочинители романов...

Граф. Я говорил, что это все — одна шайка!

Капеллан. И всему этому учит вашу супругу ее придворная дама...

Граф. Проклятие! Если бы я знал это прежде!

Капеллан. Спокойствие, ваша милость. Она идет сюда. Расспросите ее, не показывая вида, будто что-нибудь знаете.

Входит Алиса.

Алиса. Ваша светлость, госпожа моя больна...

Граф. Вот как! Давно ли?

Алиса. Сегодня с утра она не принимает пищи...

Капеллан. Слышите, ваша милость...

Граф. Вы звали доктора?

Алиса. Доктор сказал, что болезнь происходит от меланхолии; а там, где избыток меланхолии, тело испорчено, и легко лишиться рассудка...

Граф. Помоги нам, святой Иаков!

Алиса. Госпожа сильно скучает днем, а по ночам мечется, кусает подушки и твердит чье-то имя...

Граф. Чье имя?

Алиса. Я не могла расслышать... кажется, она бормочет: «Странник».

Граф. «Странник»?

Алиса. Так зовут рыцаря... сочинителя песни...

Капеллан. Вот видите, ваша милость: роман родит песню, песня родит рыцаря, а рыцарь родит...

Алиса. Госпожа не может забыть песни с тех пор, как у нас пели жонглеры...

---

[1] Изора, супруга ваша, недостаточно благоразумна *(лат.).— Ред.*

Граф. О чем там поется?

Капеллан. Это известно заранее: о соловье и о розе.

Алиса. Нет, о розе и о соловье там нет ни слова. Я совсем не понимаю песни, хотя госпожа не раз повторяла ее.

Граф. В таком случае, может быть, она сошла с ума!

Алиса. Мне самой приходило это на ум, ваша светлость.

Граф. Изменники! Позвать сюда доктора!

Входит доктор.

Что́ с моей женой?

Доктор. Melancholia regnat...[1]

Граф. Тысяча проклятий! Они все говорят по-латыни, когда дело касается моей жены!

Доктор. Ваша милость, супруга ваша подвержена меланхолии, которая холодна, суха и горька. Царство меланхолии длится от августовских до февральских ид...

Граф. Святой Иаков! Да ведь февраль уже на дворе!

Доктор. Ничего не поделаешь, придется еще подождать, ваша милость. Скоро начнет прибывать кровь; а когда крови накопится слишком много, мы выпустим ее через нос, как учат древние мудрецы Галлен и Гиппократ...

Капеллан. Здесь скрывается иносказание...

Граф. Святой Иаков, я сам лишаюсь рассудка! Святой отец, что теперь делать?

Капеллан. Положитесь на меня, ваша милость, я дам добрый совет...

Доктор. Idem — melancholia regnat...[2]

Граф. Доктор, ты дождешься виселицы!

СЦЕНА V

Покои Изоры.

Алиса. Госпожа, будьте осторожней, ради бога. Граф встревожен, он, кажется, догадывается, за нами подсматривают. Ваша болезнь — зимняя скука, не более.

Изора

Нет, в сердце моем — весна.
Но за семнадцатой этой весной
В сердце повеял мне холод сырой,

---

[1] Меланхолия царствует *(лат.).— Ред.*

[2] Все то же — меланхолия царствует *(лат.).— Ред.*

Точно туманом дохнул
Яблони ствол за окном...
Видишь, старые, черные ветви
В небе дождливом, как крест...
Сердце, как яблоня, плачет...
«Радость-Страданье...
Сердцу закон непреложный...»

Алиса. Все это вам набормотал Рыцарь-Несчастье. Поверьте, весна возвратит вам здоровье и радость...

Изора

Слушай, Алиса!
Нынешней ночью
Странный приснился мне сон...
Будто сплю я в лунном луче
И слышу, как плещется море,
И запахом смол незнакомых
Воздух кругом напоен...
Внезапно, из-под земли,
Словно из темного гроба,
Встал предо мною неведомый рыцарь...
Кудри, светлее льна,
Рассыпались по плечам...
Сердце так бьется, так бьется...
И, упав на колени, в восторге
Я вскричала: «Неведомый гость!
Имя свое назови!..»
Он безответен...
Прикоснуться к нему не смею,
Но странно и сладко молиться ему!
И черная роза — чернее крови —
Горит на светлой груди...
«Странник! Странник!» — вскрикнула я...
Слышу странный звон, вижу свет,
И очнулась в слезах...
А в ушах — тот самый напев,
Но иначе, чем пел жонглер...
Видела ты, что подушку мою
Я зубами рвала!
И рубашку рвала на плече!

Слышишь ты, как сердце стучит...
И в ушах — этот вечный напев:
«Радость-Страданье...»
Нет, не могу повторить!..

Алиса. Тише, во имя всех святых! Здесь кто-то есть...

Капеллан *(открывая дверь)*. Так вот какие сны вам снятся! Все передам графу! Вам хватит времени на чтение романов в Круглой башне!

Уходит.

Изора. Что он сказал?

Алиса. Он грозил заточеньем...

Изора. Святой Видиан! Что делать теперь?

Алиса. Не знаю... ждать... покориться...

Изора. Проклятие! — Я разорву им сердце! — Недаром в сердце матери моей течет испанская кровь!

Алиса. Госпожа, тише... кто-то под окном...

Изора *(смотрит в окно)*. Бертран!..— Рыцарь! Войдите! Осторожней!

Алиса *(плачет)*. Чему поможет этот урод... несчастные мы...

Бертран *(входит)*. Госпожа, чем могу вам служить?

Изора
(вкрадчиво)

Вы исполнить могли бы
Порученье, рыцарь, мое?

Бертран
(удивленный)

Госпожа, все, что в силах моих...
Приказанья жду я, не просьбы...
Но смогу ли?
Граф на север послал меня...

Изора

На север!

Бертран

Да. Сегодня в ночь.

Изора

О!.. Рыцарь! Вы преданы мне?

Бертран

Напрасный вопрос...

Изора

Время не терпит!
Мне заточенье грозит...

Бертран

Не терзайте сердца
Признаньем жестоким...

Изора

Вы — сторож за́мка.
Знаете Круглую башню?

Бертран

Знаю давно.
«Башней Вдовы Неутешной» зовется она...

Изора

Есть там ход потайной?

Бертран

Есть! В углу, прикрытый плитой...
Для вылазки был он когда-то пробит...

Изора

Дальше!
Дорог мне каждый миг!
Есть рыцарь... есть песня...
Песня мне спать не дает...

Бертран

Госпожа, я знаю ту песню!

Изора

Знаете вы! —
Вы должны мне певца отыскать,
Хотя бы пришлось
Все страны снегов и туманов пройти!
«Странник» — имя ему...
Черною розой отмечена грудь...
Так открылось мне в вещем сне!

Бертран

Госпожа! Порученье ваше
Похоже на детскую сказку...
Но — недаром жизнь сурова со мной:
Знаю, в детских снах
Больше правды, чем думают люди!
Погибну или исполню:
Странник будет у вас!

Изора

Клянитесь теперь молчанье хранить
Обо всем, что сказано здесь!

Бертран

Чем клясться?..
Надо ли клятв?..
Я клялся бы розоїй,
Вы — краше всех роз...

Изора
(удивленная)

О! И вы учились учтивым словам? —
Нет, бóльшим клянитесь!

Бертран

Бóльших клятв не смеет
Бедный рыцарь давать...

Изора
(жестоко)

Клянитесь, клянитесь!

Бертран

Клянусь, что живым не вернусь,
Если Рыцаря я не найду!..
Вечной верностью Даме клянусь!

Изора
(с любопытством)

Рыцарь, кто ваша дама?

Бертран

Имя не смею сказать...

Изора

Я приказать вам могу...

Бертран

Отпустите в далекий путь...

Изора
(лукаво)

Нет, нет... только имя одно...

Бертран преклоняет колено.

Встань, Бертран, мой верный вассал!
Теперь — я верю тебе.

Отходит от него.

О, как сильна и прекрасна любовь!
Даже этой породе,
Низкой, смешной и ничтожной,
Рыцаря верность дает...

Бертран
(про себя)

Ну, урод несчастный!
Ступай, не жди, не надейся.
Страсти чужой послужи.

Входит Граф, грохоча ржавым ключом.

Граф. Ни слова, изменница! Я знаю все! *(Бертрану.)* Зачем ты здесь?

Алиса. Ваша светлость, он сам ворвался сюда!..

Граф. Негодяй! Я убил бы тебя на месте, если б ты не был так жалок! Урод! Собака! — Какой прекрасный вкус для придворной дамы!..

Алиса. Ваша светлость...

Граф. Молчите! Низкая тварь! Вот чем занимаетесь вы, вместо того чтобы следить за нею! Вы разделите участь вашей госпожи! *(Изоре.)* Или вы хотите вернуться в свои Толозанские Муки? За все заботы вы платите мне золотом Тулузы!

Изора. Мой повелитель, я послушна вам.

Граф. Вы поняли, что спорить со мной бесполезно! Сейчас, не медля,— в Башню Неутешной Вдовы! И да поможет вам исправиться святой Иаков Кампостельский! — Ступайте!

Изора и Алиса уходят.

А ты, несчастный урод, умеешь только каркать, как ворона, и приставать к придворным дамам! Ты забыл, может быть, мое порученье!

Бертран. Я еду, как вы сказали, сегодня в ночь.

Граф. Все узнай! Я буду ждать месяц, два месяца! Если вести твои будут так же плохи,— не сносить тебе головы! Если же ты привезешь мне доброе о графе Монфоре,— я прощу тебя, Рыцарь-Несчастье!

Уходит вслед Изоре.

Бертран

Прекрасная обманщица!
Пускай умру, я должен ей помочь.
Что б ни было — вперед! — На север, в ночь!

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

Берег океана.

Бертран *(на коне)*. Куда я заехал? Снег слепит глаза, ветер свистит в уши! Безумец! Все равно — вперед, усталый конь!

Скрывается за камнем.

Гаэтан
(поет)

«Не верь безумию любви!
За радостью — страданье!
За радостью — страданье!»

Рыбак
(поет)

«Не спи, король, не спи, Граллон,
Твой город в воду погружен!
Кэр-Ис лежит на дне морей,
Проклятье дочери твоей!»

Гаэтан

«Проклятье дочери твоей!»

Эй, рыбак!

Рыбак. С нами крестная сила! За снегом ничего не разобрать! Был рыцарь, теперь — ты! Я думал, это мой голос раздается в скалах. Или ты призрак?

Гаэтан. Ты кричишь на меня, однако поешь мою песню.

Рыбак. Какую твою песню? Сумасшедший ты, что ли? Эту песню поют и в Плугасну, и в Плуэзеке, и у нас, в Плугерно.

Гаэтан. А где был город Кэр-Ис?

Рыбак. Да, говорят, здесь неподалеку. Видишь ту кучу камней на берегу?

Гаэтан. Вижу. Впереди — лев, потом — конь...

Рыбак. Никакого там нет коня, а просто — камни, и в камнях — заводь. Туда летом заплывают самые жирные крабы. Вот там, говорят, и ходит каждый сочельник святой Гвеннолэ.— А тебя откуда бог несет?

Гаэтан. Я — из Трауменека.

Рыбак. Трауменека? — Не слыхал что-то.

Гаэтан. Ведь здесь недалеко Аберврак?

Рыбак. Ну да, монастырь...

Гаэтан. Так мимо монастырского сада — к колодцу, от колодца — в гору, до первых домов Ландеда...

Рыбак. Кто же не знает Ландеда! Мы все туда на праздник ходим...

Гаэтан. Поверни, не доходя до церкви, налево, полем, там скоро и будет Трауменек.

Рыбак. Этот замок называется — Трауменек?

Гаэтан. Ну, разумеется, да.

Рыбак. Так это — Трауменек... И чудак же, должно быть, тамошний сеньер!

Гаэтан. Почему ты думаешь?

Рыбак. Не я один, все так; он, говорят, сам пасет свое стадо; а стадо у него всего-навсего три петуха. Живет бедно, должно быть скупой. Другие рыцари пируют и дерутся на турнирах, а этот знай бродит да рассказывает сказки... А ты чем там занимаешься?

Гаэтан. Признаться, рыбак, ведь это я и есть сеньер Трауменека.

Рыбак. С нами крестная сила! Не подумайте, сеньер, что я — в насмешку, мало ли чего у нас...

Гаэтан. Это правда, рыбак. У меня — крест на груди, а крест дается не для забавы...

Рыбак. Крест на груди, а я-то и не разобрал сразу... Конечно, господин, для богатых людей закон не писан...

Бертран *(возвращается)*. Опять тот же камень! — Кто там? Эй, бродяга!

Гаэтан. Не кричи зря на людей. Сам ты кто?

Бертран. Рыцарь.

Гаэтан. А я — сеньер.

Бертран. Ты что-то не похож на сеньера.

Гаэтан. Я докажу тебе, что это правда! Берись за меч!

Сражаются.

Рыбак *(убегая)*. Спаси, господи! Эти рыцари вечно дерутся!

Бертран. Плохо ты бьешься, сеньер! Проси пощады, или я отрублю тебе голову!

Гаэтан *(снимая шлем)*. Прошу пощады. Ты видишь, я стар.

Бертран. Не стоило мне тупить свой меч, старик! — Обещай исполнить то, о чем я тебя попрошу.

Гаэтан. Ты нравишься мне, и я исполню, что ты попросишь. Не откажись отдохнуть у меня в Трауменеке.

Бертран. Спасибо. Я не устал, но конь мой устал от долгого пути.

СЦЕНА II

Двор Трауменека.

Гаэтан

...И старый король уснул...
Тогда коварная дочь,
Украв потихоньку ключи,
Открыла любовнику дверь...
Но дверь в плотине была,
Хлынул в нее океан...
Так утонул Кэр-Ис,
И старый король погиб...

Бертран

Где же был этот город Кэр-Ис?

Гаэтан

Вон там, в этих черных камнях...
Слушай дальше: проклятие ей!
За то же святой Гвеннолэ

Превратил ее в фею морскую...
И, когда шумит океан,
Влажным гребнем чешет злая Моргана
Золото бледных кудрей.
Она поет, но голос ее
Печален, как плеск волны...

Бертран

Странный ты человек!
О сиренах, о королях,
О городах подводных
Много ты мне рассказал!
Но не знаю, кто же ты сам?
Не думал я, когда бился с тобой,
Что под шлемом твоим
Серебрятся кудри седые.
Правда, ты слаб,
Но как мальчик дерзкий ты бьешься,
Правда, бела у тебя голова,
Но звончее рога твой голос,
Как у юноши, взор твой горит!

Гаэтан

Не думал и я, что в твоих волосах
Так много прядей седых!
Верно, ты жизнью обижен?
Но, хоть голос твой
Глух и печален,
Лик твой, добрый мой гость,
Несказа́нно нравится мне!

Бертран

Спасибо за ласку!
Да, правда, нужда и горе
В жизни достались мне.
Тем нежнее сердца коснулось
Доброе слово твое.
Я — Бертран из Тулузы.
Ни о чем не напомнит тебе
Это темное имя.
Ты же, верно, богат был и знатен?
По речам и осанке — ты рыцарь...
Верно, Гроб защищал ты Господень?
Выцвел крест на груди у тебя...

Гаэтан

Нет, я тоже рыцарь безвестный,
И не плавал я в Землю Святую,
Хоть похож на странника я...
Что ты смотришь так пристально, друг?

Бертран

Назови мне имя твое.

Гаэтан

Гаэтаном зовусь я.
Из Арморики милой я родом...
Видишь, вот — все владенья мои:
Чуть заря, у меня в Трауменеке
Начинают петь петухи...
И другие — там, за холмами,
И еще, и еще... и последним
Запоет монастырский петух...
А я, пробудясь с петухами,
Слышу, как сквозь туман родимый
Сеет прохладный дождь,
И шумный зовет океан...
Снова дрогнули брови твои!..

Бертран

Чудным словам твоим внемля,
Вспомнил я дело одно...
Что же, сеньер Трауменека,
Давай расскажем друг другу
О жизни нашей... Союз,
Заключенный в звоне мечей,
Словом мы крепче скрепим!

Гаэтан

Больше, чем другом,
Братом твоим
Назваться хочу!
Начинай ты первым рассказ!

Бертран

Гаэтан, печальна
Будет повесть моя.

Сыном простого ткача из Тулузы,
С малых лет я на службу попал.
И за долгую службу в замке
Граф меня опоясал мечом...
Однажды, во время турнира,
Подлым ударом плохого бойца
Выбит я был из седла...
Великан неуклюжий с дельфином в гербе
Наступил мне ногою на грудь...
Но махнула платком госпожа —
И пощадили меня...
О, как горел я стыдом и гневом!
Как умолял я мне сердце пронзить!
Но жизнь оставили подлые мне...

Гаэтан

Низкое время!
Рыцарей лучших не ценят!

Бертран

Никто с той поры не дает мне проходу,
Все мне смеются в лицо...
И она смеется, я знаю,
В своем высоком окне...
Но привет, или тень привета,
Видел я от нее одной...
Как травка от розы, далек от нее я...
Да и может ли рыцаря ум
Проникнуть в тайну женской души!

Гаэтан

Печален, брат, твой рассказ...
Глупые, злые люди!..
Сам я сейчас испытал
Пламень ударов твоих! —
Как заехал ты к нам, скажи...

Бертран

Два порученья есть у меня:
Должен узнать я, скоро ль Монфор
Нам поможет восстанье смирить...

Гаэтан

И у нас говорят о Монфоре,
Но, если б они и позвали меня,
Я под их орифламму не встану...

Бертран

Брат, значит, ты веришь,
Что в жилах у нас
Одна — святая французская кровь?..
Жестокий Монфор тем самым мечом,
Которым неверных рубил,
Братскую кровь проливает...
Под чье же ты знамя пойдешь?

Гаэтан

Знамени нет для меня.
Я останусь один.

Бертран

Тебе легко говорить,
А я ведь на службе... Что́ я могу,
Пышного за́мка сторож несчастный!
Лишь сам не участвую я
В охотах на нищих крестьян...

Гаэтан

Ты должен покинуть тот край!

Бертран

Покинуть! Нет, ты не понял меня!
Я, как ты, не верю в новый поход,
Меч Монфора — не в божьей руке...
Но разве могу изменить,
Чему всю жизнь я служил?
Измена — даже неправде —
Все изменой зовется она!
Я там умру, где сердце осталось!
Недаром «Несчастьем» прозвали меня!

Гаэтан

Службой связан ты, бедный?
Тяжки, должно быть,

Цепи земные...
Я их не носил никогда...
Так же ли трудно другое твое порученье?

Бертран

Пусть напрасно заехал я в ваши туманы,
С Толозанской дороги свернув! —
Рыцаря долг
Тайну Дамы свято хранить.
Я не отвечу тебе.

Гаэтан

Непонятны мне речи твои...

Бертран

Нетерпеньем горю я
Выслушать повесть твою!
Странное чувство
Твой взор и твой голос
Рождают во мне!
Не верю в предчувствия я,
Но сдается,
Что послан ты мне
В награду за долгий путь!

Гаэтан

Слушай! — Я стар,
И жизнь одинока моя,
Но трижды прекрасна жизнь!

Бертран

И трижды превратна она!

Гаэтан

Возле синего озера юная мать
Вечером поздним, в тумане,
Отошла от моей колыбели...
Фея — младенца меня
Унесла в свой чертог озерно́й
И в туманном плену воспитала...
И венком из розовых роз
Украсила кудри мои...

Бертран

Ты мне сказки опять говоришь...

Гаэтан

Разве в сказке не может быть правды?

Бертран

Да, правда в сказках бывает подчас...
Прости, мой разум беден и прост...
Верно, есть в твоих странных речах
Скрытый, неясный мне смысл...
Дальше, прошу тебя...

Гаэтан

Слушай дальше!
Рыцарем стать я хотел...
Фея долго в объятьях сжимала меня
И, покрыв волосами, плакала долго...
Не знаю, о чем
Гадала над прялкой своей...
И сказала: «Иди теперь
В мир дождливый,
В мир туманный...
Туда пряжа Парки ведет...»

Бертран
(вслушиваясь)

Куда пряжа Парки ведет?

Гаэтан

И еще сказала она:
«Мира восторг беспредельный
В сердце твое я вложу!
Песням внимай океана,
В алые зори глядись!
Людям будешь ты зовом бесцельным!
Быть может, тронешь ты
Сердце девы земной,
Но никем не тронется
Сердце твое...
Оно — во власти моей...
Странником в мире ты будешь!
В этом — твое назначенье,
Радость-Страданье твое!»

Бертран

«Радость-Страданье»!
Что́ это значит?

Гаэтан

«Сердцу — закон непреложный»,—
Так говорила она,
И в слезах повторяла:
«Путь твой грядущий — скитанье!
Что тебя ждет впереди?
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди!»
Грудь я крестом отметил,
И в мир туманный пришел...

Бертран

Постой!
Верить сказкам
Я не умею!
Рассказ твой на песню похож!

Гаэтан

Все ты, Бертран, мне не веришь!
Да, рыбаки и жонглеры
Всюду поют мои песни,
Песни о жизни моей...

Бертран

Чудно мне верить!
Бред или явь?
Светлая радость
Наполнила сердце...
Ты эту песню сложил?

Гаэтан

Эту — и много других!

Бертран

Ты — Странник?

Гаэтан

Так Фея меня назвала...

Бертран

Ты мне дороже сокровищ мира!
Жизни дороже мне, брат!
Тебя, тебя одного
В снежных туманах ищу! —
Очнись, несчастный Бертран!
Яркий твой бред
С правдою жизни жестокой несхож!..

Гаэтан

Если ты счастлив,
О чем же ты плачешь,
Милый мой гость?

Бертран

Прости, прости меня, друг!
Слишком жизнь унижала меня,
Я и радость встречаю слезами!..
Первая радость, что встретил тебя,
Кого и в мире не думал найти!
Радость вторая — прости за нее —
Вижу — не юноша ты:
Лучше услышит песню Изора,
Не смущаясь низкой мужскою красой,
Свято внемля песне одной!

СЦЕНА III

Берег океана.
Гаэтан и Бертран на конях.

Гаэтан

Теперь — подводный город недалёко.
Ты слышишь звон колоколов?

Бертран

Я слышу,
Как море шумное поет.

Гаэтан

А видишь,
Седая риза Гвенноле несется
Над морем?

Бертран

Вижу, как седой туман
Расходится.

Гаэтан

Теперь ты видишь,
Как розы заиграли на волнах?

Бертран

Да. Это солнце всходит за туманом.

Гаэтан

Нет! то сирены злобной чешуя!..
Моргана мчится по волнам... Смотри:
Над нею крест заносит Гвеннолэ!

Бертран

Туман опять сгустился.

Гаэтан

Слышишь, стоны?
Сирена вероломная поет...

Бертран

Я слышу только волн печальный голос.
Не медли, друг! Через туман — вперед!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

Покои Графа.

Граф

Итак, своими видел ты глазами
Войска его святейшества?

Бертран

Да, видел.

Граф

И орифламму славную Монфора?

Бертран

Да. В красном поле — лев из серебра.
Хвост с четырьмя кистями. Все четыре
Захвачены узлом.

Граф

Святой Иаков,
Хвала тебе!

Бертран

Они теперь в Безье,
Жгут, избивают жителей: «Всех режьте! -
Сказал легат: — Господь Своих узнает!»

Граф

Так им и надо! Молодцы! Теперь
Монфор недалеко!

Бертран

На Толозанской
Дороге, ваша светлость.

Граф

Так, Бертран!
Ты хорошо исполнил порученье!
Проси награды! Я тебя прощаю!

Бертран

Могу ли я просить не о себе?

Граф

Проси, что хочешь!

Бертран

Ваша светлость! Завтра
Наступит май. У нас во всей округе
Привыкли песнями встречать весну.
Отметьте же и вы священный праздник...

Граф

К чему ты гнешь? Я сам об этом думал!

Бертран

Со мной жонглер приехал, ваша светлость,
Он песни новые привез с собой...

Граф

Да ты развеселить нас всех задумал?
Послушаем, охотник я до песен!

Бертран

Освободите юную графиню,
Которая томится в башне...

Граф

Что? —
Ты о моей супруге говоришь?

Бертран

Вы обещали...

Граф

Да,— и обещаний
Я не беру назад.— С чего тебе взбрело
Просить об этом?

Бертран

Первый день весенний,
Вы знаете, он первый года день.
Так пусть его не омрачает тень.

СЦЕНА II

Кухня замка. Поварята безобразничают.

Повар. Он, говорят, так и спит — с ключом от башни. С тех пор никому у нас нельзя громко слова сказать.

Доктор. А видел ты, что у него на голове? — Как у чорта на картинке. Два месяца не стригся. Когда улыбается, скалит зубы по-собачьи. Никому не верит, кроме его преподобия. А между нами говоря, святой отец...

Повар. Потише, потише, здесь и у стен есть уши.— Да замолчите ли вы, сорванцы! — Ну, готово теперь, что еще?

Доктор. Теперь подсыпь немного ивовой коры...

Капеллан *(входит)*. Святители, какой пирог! Для кого же это?

Повар. Для ее светлости, графини Изоры.

Капеллан. Постой, постой... Что ты здесь толчешься, доктор?

Доктор. Немного salix alba...[1] от меланхолии...

Капеллан. Это — яд?

Доктор. Простое слабительное, ваше преподобие...

Капеллан. Дай-ка мне отведать.

Алискан *(входя)*. Ваше преподобие, я ищу вас всюду.

Капеллан *(жуя)*. Что вам от меня надо, молодой человек?

Алискан. Сегодня я встаю на ночную стражу...

Незаметно сует повару записку.

Записку в пирог, получишь червонец.

Капеллан. А приняли вы очистительную влагу?

Алискан. Принял, ваше преподобие.

Капеллан. А сколько времени вы постились?

Алискан. Два месяца, ваше преподобие.

Капеллан. Идите в капеллу, молодой человек: завтра за обедней мы посвятим вас в рыцари.

Алискан. Я готов.

Повар. Готово, ваше преподобие.

Доктор. А ты прибавил коры?

Капеллан. Закрывай блюдо и неси за мной.

СЦЕНА III

Башня Неутешной Вдовы.

Изора. Боже милосердый! Легче быть рабыней у армянина, лучше таскать камни и бревна! — Алиса! Подойди сюда!

Алиса. Что вам угодно, госпожа?

Изора. Я умираю с тоски, Алиса.

Алиса. Терпите. Ярость любого дракона можно смягчить кротостью.

Изора. Все твои утешения я знаю наизусть. Давай поиграем лучше.

Алиса. В шахматы или в шашки?

Изора. Нет... представь себе: я слушаю мессу, а он переоделся клерком; в церкви темно... негодяй следит за мною... Клерк подходит с молитвенником... дай сюда книгу!

---

[1] Белой ивы *(лат.)*.— *Ред.*

Алиса. Вот — роман о Флоре.

Изора. Подойди, как он... вот так. Что он шепнет, пока я целую молитвенник?

Алиса. Конечно, он вздохнет прежде всего...

Изора. Вот, я целую молитвенник... он сказал: «Ах»; что же мне отвечать?

Алиса. Сначала надо ответить осторожно; например: «Что с вами, рыцарь?»

Изора. Ну, да... «Что с вами рыцарь?» — Что же он?

Алиса. Он говорит: «Умираю».

Изора *(входя в роль)*. «Отчего?»

Алиса. «От любви».

Изора. «Вы любите?.. кого?..»

Алиса. «Вас».

Изора *(опуская глаза)*. «Что я могу?»

Алиса. «Исцелить меня».

Изора. «Как?»

Алиса. «Хитростью».

Изора. «Я надеюсь на вас...»

Алиса. «Я готов».

Изора. «На что?»

Алиса. «Я приду...»

Изора. «Куда?»

Алиса. «В Башню Неутешной Вдовы...»

Изора. «Как?»

Алиса. «Потайным ходом».

Изора. «Когда?»

Стук в дверь.

Алиса. Граф!

Изора *(увлекшись)*. «Когда? Когда?» — Боже! Он слышал все!

Убегает. Входят Граф и Капеллан.

Граф. Дай пирог! *(Открывает крышку.)* Где же верх пирога?

Капеллан. Я скушал его, заботясь о вашей чести...

Граф. Изменник! При чем тут моя честь?

Капеллан. Во-первых, в пироги иногда кладут яд. Во-вторых, кушанья служат средством для передачи записок...

Граф. Святой отец! Ты предусмотрительнее меня! Прости, что я тебя оскорбил! — Где жена?

Алиса. Она совершает вечернюю молитву.

Граф. Пускай помолится,— и да поможет ей святой Иаков.

Алиса. Ваша светлость, на что вы похожи! В два месяца так перемениться!

Граф. Я знаю, что делаю... лучше припрятать молодую жену в надежное место, чем попусту терять время и труд... Как чувствует она себя?

Алиса. День ото дня теряет сон и аппетит.

Граф. Ей, пожалуй, опять что-нибудь снится?

Алиса. Еще вчера... рыцарь...

Граф. Опять!

Алиса. Прекрасный, как святой Губерт...

Граф. Проклятие!

Алиса. И притом, черты его напоминали ваши черты...

Граф. Мои? — Это хорошо. Очевидно, дело идет на лад, если ей начинают сниться такие сны!

Алиса. У госпожи есть одно смиренное желание, она не смеет вам признаться...

Граф. Говорите и не бойтесь! Арчимбаут щедр!

Алиса. Увещания святого отца помогли ей... она хотела бы помолиться в церкви... мы только что говорили об этом...

Граф. Доволен ты, святой отец?

Капеллан. Если моя смиренная молитва помогла заблудшему чаду...

Изора
(входит)

Мой повелитель здесь...

Граф

Святой Иаков!
Какие волосы! — Супруг примерный
Давно бы их остриг! — Ну, ну, не плачьте...
Я пошутил...

Изора

Что сделала я вам,
Что вы меня томите в этой клетке?

Граф

Романов разве не читали вы?
О рыцарях вам разве сны не снились?

Изора

Грехи сторицей искупила я...
Я так слаба... Я умереть готова...

Граф

Вы, говорят, просились в церковь?

Изора

В церковь?

Алиса делает ей знак.

Ах, да... к молитвеннику приложиться...

Граф

Мне эта просьба нравится.

Изора

(плачет)

Жестоко
Меня оклеветали!

Граф

Завтра май,
А первый день весны — день первый года,
Вы знаете?

Изора

Что мне до мая?

Граф

Ждите,
Я вас кой-чем развеселить сумею.
Вот ужин вам пока! Клянусь, пирог
На славу испечен, он приведет вас
В хорошее расположенье духа!

Уходит с Капелланом.

Изора

Чудовище! Который раз — обман!

Алиса

Однако он сговорчивей, чем прежде...

Изора

(глядя на розу в окне)

Вот такой был цветок
У него на груди!

Вчерашний бледный бутон
Стал сегодня черным, как кровь!
Завтра увянет
С жизнью моей...

Алиса

Украсьте волосы розой...

Изора

На что украшать мне себя?
Все изменили, все обманули,
Даже урод, влюбленный в меня!
К чему теперь ход потайной,
Если так жалок посол!

Алиса

Может быть, скоро вернется он...

Изора

Нет надежды!
Давай хоть ужинать, Алиса! Разрежь пирог...
Алиса *(режет пирог)*. Ах!
Изора. Что с тобой? — Что ты там прячешь?
Алиса. Нет, ничего...
Изора *(вырывая записку)*. Дай сюда! Вот он, наконец!
Алиса. Госпожа...
Изора *(читает)*. «Дама, чьи уста алее розы, чей голос звонче соловьиного пения, дайте мне знак. Я буду ждать восхода луны...» О, как сладостен язык его любви! — Какого же знака он ждет?
Алиса. Опомнитесь... это не вам...
Изора. Сон, или счастье?.. Честный Бертран!.. Или все — сон?..— Алиса, у тебя будут шелковые ткани, драгоценные камни... и самый красивый валет... Святой Видиан! Какой это знак?

СЦЕНА IV

Розовая заросль.

Бертран

Переночуй здесь, в розовых кустах.
Тебя никто не тронет.

Гаэтан

Значит, завтра
Я буду петь у короля?

Бертран

У графа,
Сказать хотел ты?

Гаэтан

Так она — не дочь
Граллона старого?

Бертран

Все это сказки!
Не короля, а дочь простой швеи
Из Толозанских Мук.

Гаэтан

Простой швеи!
И старика, однако, погубила!

Бертран

Напротив, он ей зла желал. Он запер
Ее в высокой башне.

Гаэтан

Понимаю!
Я должен златокудрую из плена
Освободить!

Бертран

Она — смугла. И косы
Чернее ночи у нее.

Гаэтан

Но все же
Ее зовут Морганой? Или нет?

Бертран

Тебе ведь все равно, кого ты будешь
Освобождать своею песней. Верь мне.

Гаэтан

Я верю, брат.

Бертран

Ты рассказал мне много
Прекрасных сказок, много песен спел...
Прости меня, мой разум прост... не знаю,
Где вымысел, где правда у тебя...—
Так ты воспитан феей?

Гаэтан

Да. Ты видишь,
Она дала мне этот крест.

Бертран

И песне
Она тебя учила?

Гаэтан

Да. Она — и море.

Бертран

Что ж эта песня значит? Объясни мне,
Как радостью страданье может стать?

Гаэтан

Ты знаешь песню. Что сказать мне больше?

Бертран

Мне брезжит смысл, но ум, простой и темный,
Всей светлой глубины постичь не может...—
Ты завтра будешь петь. Наряд красивый
Я принесу тебе сюда с утра.
Теперь прощай. На стражу мне пора.

СЦЕНА V

Башня Неутешной Вдовы. Вдали — перекличка почных сторожей.

Алиса. Полночь прошла, госпожа. Я задвину бесполезную плиту. Граф может войти и увидеть...

Изора. Делай, что хочешь, мне не на что больше надеяться.

Алиса. Ведь я говорила, что записка не к вам...
Изора. Кто посмеет писать записки другим?
Алиса. Госпожа... валет прислал ее мне...
Изора. Не лги! Меня все равно не утешишь...
Алиса. Я задвигаю плиту...
Изора. Заклинаю тебя ангелами, архангелами, всеми силами небесными, ты придешь ко мне! Святой Видиан, сжалься надо мною!
Алиса. Госпожа... вы больны... ложитесь...
Изора. Оставь меня, уйди!

Алиса уходит.

Как бьется сердце!
Бейся, сожги мне грудь!
Святой Видиан! Я сгораю!
Чу! Шорох в розовых кустах...
Святыми заклинаю! Это ты!..

Падает на колени. В лунном луче, над плитой, является образ Гаэтана.

Ты! Ты! — Ты сон, или нет?
Странник! — Где роза твоя? —
На груди твоей — крест горит!..
О, не пугай крестом суровым!
Мать учила молиться меня,
Но песня твоя — не о том...—
Что молчишь ты,
Неба посланник?
Сладко молиться тебе!..—
Громче, громче пой песню твою!
О, соловьиный голос!
Ни один соловей
Родины бедной
Не пел нежнее тебя!
Да... Радость, радость... любить...
Страданье... не знать любви!..—
Ты смолкнул опять,
Только сердце стучит...—
Тот самый лик любимый!
Кудри светлее льна
И синее пламя очей...
Не пугай же крестом,
Дай коснуться тебя!..

Алиса
(за дверью)

Госпожа, госпожа...

Изора
(срывая розу в окне)

Возьми эту розу!
Так черна моя кровь, как она! —
Не уходи! С ума сойду я! —
Ближе, ближе ко мне подойди!..
Дай страшный твой крест
Черною розой закрыть!..

Падает без чувств. Дверь открывается. Образ исчезает. Входят Алиса и Граф.

Граф. Что с ней?

Алиса. Вы слышали крик? Она лишилась рассудка! Вот до чего довела ее тюрьма!

Граф. Воды! Приведите ее в чувство! — Еще! Она приходит в себя! Она свободна,— скажите ей! Завтра — май! Бертран привез жонглера! Мы развеселим ее! Только приведите ее в чувство!

СЦЕНА VI

Двор замка.

Бертран

Как ночь тревожна! Воздух напряжен,
Как будто в нем — полет стрелы жужжащей...
Иль мне мерещится, и ночь без сна
Измучила мое воображенье? —
Окно пустое. Из него она
Звала меня, и больше не зовет.—
А ты, товарищ старый, рад весне?
Отцветшие протягиваешь ветви
В окно пустое... Наконец, светает...
О, господи, пошли ей мирный сон...
Освободи от образов туманных
Изоры юной пламенную грудь...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

Цветущий луг. Рассвет.

Алискан
(с цветком в руке)

Тяжела ты, стража ночная!
В сумраке синем капеллы
Всю ночь я глаз не сомкнул...
Май, ласкаешь ты томное сердце!
Как прозрачен утренний воздух!
О, как сладко поют соловьи!

Эта глупая дама, может быть, думает, что я в ней нуждаюсь! Она не могла не получить записки... и однако... я ждал всю ночь... знака не было! Хорошо же, она раскается! Да, по правде сказать, мне смертельно надоела ее навязчивость...

О, как сладко поют соловьи!..
Благоухание роз, как дыханье Изоры...—
Этим ли пальцам красивым сжимать
Грубое древко копья?
Нет, не на то я рожден! —
Куда, говорят, в счастливом Аррасе
Вежливей люди, обычаи тоньше и моды красивей!
Там столы утопают
В фиалках и розах!
Там льется рекою
Душистый кларет!
Дамы знают науку учтивой любви! —
Разве стал бы там старый ревнивец
Нарушать веселье придворных?
«Ревность — отсталое чувство»,—
Сказано, помнится, в книге латинской,
Что отец мне из Рима привез...

Смотрится в пруд.

Эти нежные губы подобны
Прихотливому луку Амура,
Или — алым Изоры устам...
Их мне прятать под маской железной!
Этот розовый ноготь ломать
Рукоятью железной меча! —
Нет! Другие бы люди и моды,—
Проводил бы я в розах с Изорой
Не одну соловьиную ночь!..

СЦЕНА II

Розовая заросль.

Бертран
(несет одежду жонглера)

О, весна, как волнуешь ты кровь!
О, любовь, ты тяжеле щита! —
Спит странник старый...
Не слышит он соловьев...
Что́ чернеет
На кресте у него? —
Роза! — Черная роза!

Гаэтан
(во сне)

Моргана! Оставь! Не души!

Бертран

Гаэтан, проснись!

Гаэтан
(просыпаясь)

Дочь, отца пощади!..
Брат, это ты...
Мне снилось... коварная дочь...
Отомкнула плотины...

Бертран

Запах роз душил тебя, друг.
Что́ у тебя на груди?

Гаэтан

Смотри-ка, роза
Упала с куста
Сонному мне на грудь...

Бертран

Красные розы
Все над тобой...
Откуда же черный цветок
Попал на сердце тебе?

Гаэтан

Откуда ж еще
Мог он упасть?

Бертран

Скажи мне: помнишь ли ты,
Что́ когда-то мне обещал,
Когда я убить собирался тебя?

Гаэтан

Помню. Исполню все просьбы твои...

Бертран

Отдай же мне розу!

Гаэтан

Легкая просьба!
Возьми, если хочешь!
Разве мало кругом цветов?

Бертран
(прячет розу под панцырь)

Младенец старый, не знаешь,
Что сделал ты для меня!
Спасибо! — Вот красивый наряд:
В нем менестрелем сегодня
На луг цветущий явишься ты!

СЦЕНА III

Цветущий луг.

Девушки
(с майским деревом, поют)

Вот он, май, светлый май,
Вот он, светлый май!

Эй, хозяйка, ради бога,
Не гони нас от порога,
Кошелек тугой нам дай!
Нам не есть, нам не пить,
Нам бы свечку засветить,
Пречистой Деве угодить!

Вот он, май, светлый май!
Вот он, светлый май!

Все поля полны пшеницей,
Иисус воздаст сторицей,
Жди спасенья, жди наград
За хлеба́ и виноград!
Христа молим, бога молим,
Пусть его святая воля
Вам подаст пресветлый рай!

Вот он, май, светлый май!
Вот он, светлый май!

Во время песни собираются все участники празднества — от обедни: **Граф** с придворными, вассалами, гостями и рыцарями, Изора с дамами. Трубы.

Граф

Бароны и богатеи!
И на нашей улице праздник!
Май принес нам счастливую весть!
Монфор, герой Палестины,
Маккавею подобный
Доблестью львиной,
Жжет и громит вероломных ткачей
И скоро будет сюда!
Не бойтесь, рыцари, больше
Ни вил, ни дубья!
Мы вновь — господа
Земель и за́мков богатых!
Беззаботно отпразднуем ныне
Наступленье веселой весны!

Бертран *(выходя из толпы)*. Одно слово, ваша светлость!

Граф. Ты что-то осмелел, Рыцарь-Несчастье! По лицу твоему вижу, что ты собираешься говорить некстати! Нам и так весело, едва ли ты прибавишь веселья!

Бертран. Господин Монфор далеко...

Граф. Ты сам сказал, на Толозанской дороге!

Бертран. Толозанская дорога длинна... Народ волнуется...

Граф *(указывая на девушек)*. Вот наш народ!

Бертран. Альби, Каркассон, Валь д'Аран объяты восстаньем...

Граф. Довольно! Шуты веселей тебя! Я больше не слушаю! Трубы! — Пускай приблизится сюда наш верный Алискан!

Бертран уходит в толпу. Алискан преклоняет колено. Граф наносит ему легкий удар мечом плашмя. Рыцари привязывают золотые шпоры.

Алискан. Дама, позволите ли мне быть вашим рыцарем?

Изора рассеянно протягивает руку для поцелуя, Алискан садится у ее ног.

Граф. Завтра — турнир, и ты покажешь пример всем рыцарям! Теперь — пускай усладят нам слух певцы.

Первый менестрель выходит из толпы.

Изора *(Алисе)*. Это новый менестрель?
Алиса. Нет. Другой.
Алискан. Прошлогодний.
Изора. Рыцарь, я не просила вас шутить.

Менестрель
(поет)

Люблю я дыханье прекрасной весны
И яркость цветов и дерев;
Я слушать люблю средь лесной тишины
Пернатых согласный напев
В сплетенья зеленых ветвей;
Люблю я палаток белеющий ряд,
Там копья и шлемы на солнце горят,
Разносится ржанье коней,
Сердца крестоносцев под тяжестью лат
Без устали бьются и боем горят.
Люблю я гонцов неизбежной войны,
О, как веселится мой взор!
Стада с пастухами бегут, смятены,
И трубный разносится хор
Сквозь топот тяжелых коней!
На за́мок свой дружный напор устремят,
И рушатся башни, и стены трещат,
И вот — на просторе полей —
Могил одиноких задумчивый ряд,
Цветы полевые над ними горят.

Люблю, как вассалы, отваги полны,
Сойдутся друг с другом в упор!
Их шлемы разбиты, мечи их красны,
И мчится на вольный простор
Табун одичалых коней!
Героем умрет, кто героем зачат!
О, как веселится мой дух и мой взгляд!
Пусть в звоне щитов и мечей
Все славною кровью цветы обагрят,
Никто пред врагом не отступит назад!

Граф. Что-то уж очень воинственна твоя песня, жонглер! Военные заботы и так утомили нас! Пускай другой споет что-нибудь повеселее!

Второй менестрель
(поет)

Через лес густой
Вешнею порой
Майским вечерком
Ехал я верхом
Из Дуэ в Аррас!
Доренло, в Аррас!

Вдруг — красотки две
В злаках и цветах,
Венок на голове,
Светлый май в руках —
Встречу мне как раз!
Доренло, как раз!

Светлый дар весне,
Май несут оне,
Светлый май несут,
Пляшут и поют:
Доренло, я люблю!
Доренло, я люблю!

Я с коня сошел,
К ним я подошел.
«Можно мне идти?
С вами по пути?»
Доренло, я люблю!
Доренло, я люблю!

Резвясь и шутя,
И венки плетя,
Шли все вместе мы...
Где ты, мой Аррас!
Где ты, мой Аррас!

Я венки сплетал,
Пел и танцовал,
Вместе пели мы:
Как люблю я вас!
Как люблю я вас!

Граф. Певцу за сладкую песню лучшее платье с моего плеча! — Пей и ешь с нами, рассказывай нам сказки все лето!

Изора. Где же новый менестрель?

Алиса. Вот он выходит из круга...

Изора. Который?

Алиса. Видите, одежда блестит...

Изора. Этот маленький, в бубенчиках?

Алискан. Да он ростом с великана...

Изора. Рыцарь, не говорите со мной! — Стройный, светлокудрый?

Алиса. Нет, седые волосы блестят на солнце...

Изора *(равнодушно откидываясь на спинку скамьи)*. Старик!

Гаэтан
(поет)

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,

Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

В темных расселинах ночи
Прялка жужжит и поет.
Пряха незримая в очи
Смотрит и судьбы прядет.

Смотрит чертой огневою
Рыцарю в очи закат,
Да над судьбой роковою
Звездные ночи горят.

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан.
В путь роковой и бесцельный
Шумный зовет океан.

Сдайся мечте невозможной,
Сбудется, что суждено.
Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно!

Путь твой грядущий — скитанье,
Шумный поет океан.
Радость, о, Радость-Страданье —
Боль неизведанных ран!

Всюду — беда и утраты,
Что́ тебя ждет впереди?
Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди!

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,

Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

Во время песни Изора, волнуясь, наклоняется вперед и незаметно для себя опирается на плечо Алискана.

Алиса. Ей дурно, помогите!

Алискан. Помогите!

Изора *(лишаясь чувств)*. Этот голос мне снился!

Граф. Старик, или ты забыл, что в природе — весна? Твоя песня пахнет мокрым февралем, как твои седины! Нечего сказать, веселого скомороха привез нам Рыцарь-Несчастье!

Гаэтан пропадает в толпе.

Изора *(приходя в себя)*. «Радость-Страданье»... страданье...

Алиса. Госпожа бредит!

Изора. Нет... мне легко... где старик?

Алискан. Старик исчез.

Изора. Паж... рыцарь! Помогите мне.

Граф. Трубачи, трубите! Шутов сюда!

Выбегают жонглеры.

Первый жонглер. Рыцари, бароны и прекрасные дамы! Я расскажу о славном короле Артуре...

Второй жонглер. Не слушайте его, благородные рыцари! Я играю на цитре и хожу на голове!..

Изора

Рыцарь, снились вам странные сны?

Алискан

Дама, есть лекарство от странных снов:
Запах роз и фиалок,
Звон лютни, преданный рыцарь у ног...

Граф. Веселей, шуты, старайтесь, выходите из себя!

Первый жонглер. Я спою о верных любовниках: о Геро и о Леандре! О Елене и о Парисе!

Второй жонглер. А я пляшу на канате, прыгаю в обруч, играю ножами!

Алискан

Как Нарцисс влюбленный,
Отражаюсь в ваших очах...

Изора. Вы льстите мне, рыцарь...

Первый жонглер. А вот как Нарцисс смотрел в воду и утонул...

Второй жонглер. Вам угодно шлемов для зайцев? Уздечек для коров? Перчаток для собак? — Имейте в виду, я ставлю также банки быкам и пускаю кровь кошкам!

Алискан

Что́ красавицы Арраса
Перед светом ваших очей!

Изора

Дамы, закройте меня
От взоров гостей и вассалов...

Алискан

Чудо красы такое
К чему от света скрывать?

Изора

Ах, у туфли распустилась шнуровка.
Зашнуруйте мне, рыцарь...

Издали доносятся звуки труб.

Рыцарь. Ваша светлость! Враги! Крест на красном поле!
Граф. Знамя Тулузы! — Поднимите мост!
Вассалы. На коней! — К оружию! — Ткачи! — Во имя бога и Монфора!
Бертран *(бросаясь в битву)*. Святая Роза!

СЦЕНА IV

Переход в замке.

Первый Рыцарь

Да войско ль это? Граф Раймунд согнал
Оборванных ткачей со всей Тулузы!

Второй Рыцарь

Я рыцарей, однако, видел сам:
Тот великан с дельфином на щите...

Первый Рыцарь

Которого Бертран свалил на землю?

Второй Рыцарь

Да, я тому свидетель. Наш Бертран
С ним бился долго; наконец, ударом
Решительным свалил его с седла
И наступил ему на грудь, заставив
Просить пощады... Дрогнули тогда
Войска Раймунда и бежать пустились!..
«Несчастьем» звали мы того, кто бился
Храбрее всех и бой решил...

Первый Рыцарь

Он ранен?

Второй Рыцарь

Да, он не то, что новый рыцарь наш...

Первый Рыцарь

А, правда, Алискан не вышел в поле...

Входят Граф и вассалы.

Граф

Мечи в ножны, вассалы! Бой за нами!
Широкий путь расчищен для Монфора!
Бегут, как зайцы, жалкие ткачи!

Вассалы

Да здравствуют Монфор и Арчимбаут!

Второй Рыцарь

Победой мы обязаны Бертрану...

Граф

Бертрану? Да, он славно бился нынче,
Но велика ль заслуга разогнать
Разбойников?

Первый Рыцарь

Ткачей тулузских шайку,
Мечами не умеющих владеть!..

Второй Рыцарь

Однако ранен он...

Граф

Так что же? — Раны —
Честь Рыцарю! — А впрочем, пусть сегодня
Он отдохнет! — Свободен он от стражи! —
Теперь, вассалы, на покой! Пусть завтра
Возобновится праздник наш! — Турнир,
А за турниром — пир! — Покойной ночи!

Все расходятся.

Алиса *(входит)*. Святой отец!

Капеллан. Что́, дочь моя?

Алиса. Душа моя больна...

Капеллан. Завтра, завтра, уж поздно, какая теперь исповедь...

Алиса. Но, отец мой...

Капеллан. Впрочем, сегодня, близ полуночи, я буду на дворе...

Алиса. Я тоже буду там, святой отец...

Расходятся.

Бертран
(входит)

Как ночь черна. Темно в глазах.

Второй Рыцарь

Бертран,
Вы ранены?

Бертран

Пустое.

Второй Рыцарь

Граф сегодня
От стражи вас освобождает.

Бертран

Рыцарь,
Я благодарен графу за заботу.

Второй Рыцарь

Сегодня спать имеете вы право:
Вы нас спасли от ярости Раймунда...

Бертран

Благодарю вас, друг. Покойной ночи.

Рыцарь уходит.

Отдых... или отдых вечный?
О, как рана сердце жжет!
Прямо в розу на груди
Тот удар меча пришелся...

Изора
(появляется на верху лестницы)

Это вы, Бертран? Все спят?

Бертран

Спят. Уж поздно, госпожа.

Изора

Бились вы, как храбрый воин.

Бертран

Госпожа, лишь вы не спите.
Разве все еще вам снятся
Эти сны тяжелые?..

Изора

Спать мешает мне весна.
Сны — их больше нет... Исчезли
Те виденья страшные...
Правда, был он только сном?

Бертран

Только сном. Мечтою вашей.

Изора

Только сном... Моей мечтой...
Что сжимаете вы в пальцах
На груди своей, Бертран?

Бертран

Розу верности моей.

Изора

Розу верности... о, да!
Всех спасла нас верность ваша!

Бертран

Только долг я свой исполнил.

Изора

Вам господь воздаст за это...
Вас, Бертран, он создал верным,
Вероломною — меня...
Рыцарь, разве я виновна,
Что теперь в природе май?..

Бертран

Нет. Ни в чем вы не виновны.

Изора

Рыцарь... ночью — вы на страже?

Бертран

Если я вам нужен,— да.

Изора

Он придет ко мне... поймите...
Вы один... кругом враги...
Вы должны подать мне знак...
Звон меча — не больше... Рыцарь!
Май прекрасен!

Бертран

Да. Как вы.

Изора

Рыцарь, вот моя рука...
Знаю, вам наград не надо...

Бертран

Госпожа моя! Священна
Ваша воля для меня.
Я коснуться недостоин
Вашей розовой руки.

СЦЕНА V

Двор замка.

Бертран

Тише, сюда, осторожней!
В тень, где не светит луна!
Видишь яблони ствол?
Ветви ее
С окном наравне.

Алискан. Как же мне взобраться по голому стволу?

Изора *(в окне)*. Ты, Алискан?

Алискан. Я.

Изора. Ко мне! сюда!

Бертран

Встань на плечи мне! —
Так! — Дальше взобраться не трудно.

Изора

Возлюбленный! Лик твой сияет!
Весь ты — страсть и весна!
Разве видела прежде тебя я?
В первый раз такой красотой
Лик твой горит!
О, вот они,
Земные горячие руки!
Вот они, земные уста!
Не призрак, не сон ты!
Счастье! Счастье! —
Кто там внизу?

Алискан. Это — Рыцарь-Несчастие. Благодарю вас, Бертран!

Изора. Бертран, это вы?

Бертран. Я, госпожа.

Изора. Как ночь прекрасна!

Бертран. Да, госпожа.

Изора

Рыцарь! А просьба моя?

Бертран

Госпожа, я на страже — всю ночь.
Вы услышите звон меча.

Изора

Спасибо, верный слуга...
Но... отойдите теперь от окна...

Бертран

Я отойду.
(Становится в тень у стены.)
Счастлива будь, Изора!
Мальчик красивый
Лучше туманных и страшных снов!
Пусть найдет
Покой и усладу
Бурное сердце твое!

О, как далек от тебя, Изора,
Тот, феей данный,
Тот выцветший крест! —
Цвети, о, роза,
В саду заветном,
Благоухай, пока над миром
Плывет священная весна!
Храни, Изора,
Душу младую
На черные дни.
Слышу я, слышу,
Волны бушуют,
Ревет океан,
Крест горит над вьюгой,
Зовет тебя в снежную ночь!
Раны болят...
Силы слабеют!
Тверже стой на страже, Бертран!
Обопрись на меч!
Не увянет роза твоя.

Изора
(в окне)

Рыцарь! Со мною! Со мною!
Жаркая кровь!
Благоуханная ночь!
Счастье вернулось опять!
Страшные сны миновались!
Сны мне снились
Лишь о тебе! —
Нет, молчи, я знаю...
Разве до снов нам!
Разве до песен теперь...

Скрывается в окне.

Бертран

Тверже стой на страже, Бертран!
Проклятые раны,
Не жгите мне сердца!
Роза, гори, гори!
Чу! Трубы!..
Из рокота волн
Рожденные трубы

Громче, все громче зовут!
Розовый свет блеснул
На гребнях белых
Свинцовых ночных валов!
О, какая мука!
И сладость — за мукою вслед!
Неземная сладость
Повеяла в сердце!
Как ночь прекрасна!

Входят Капеллан и Алиса.

Капеллан. Теперь вы не откажетесь от этого подарка, красавица...

Алиса. Ах! Какой красивый перстень!

Капеллан. Драгоценный, плутовка...

Алиса. Святой отец, ваш сан...

Капеллан. А чем я хуже рыцаря?

Алиса. Ах, рыцари такие обманщики...

Капеллан. О, я вас не обману...— Тише! Слышите... шопот? И будто... звук поцелуя...

Алиса. Да...

Капеллан. Послушаем еще.

Луна освещает Бертрана.

Алиса. Святые угодники!.. там сторож... у стены...

Капеллан. Да... он.

Алиса. Уйдем...

Капеллан. Зачем он здесь?

Алиса. Не ходите, святой отец... я боюсь... не знаю чего... смотрите... он неподвижен... лицо белее холста... черное пятно на груди...

Капеллан. Уйдем... разбудим графа...

Уходят.

Бертран

Как ночь прекрасна!
Чу, в торжественный голос труб
Врывается шелест...
Нет, опять тишина...
Больше ничем не нарушен покой.
Боже, твою тишину громовую
Явственно слышит
Бедный твой раб!

Рана открылась,
Силы слабеют мои...
Роза, гори!
Смерть, умудряешь ты сердце...
Я понял, понял, Изора:
«Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно...
Радость, о, Радость-Страданье,
Боль неизведанных ран!..»

Изора
(в окне)

Слаще мне жизни милой,
Ярче мне утра
Твои поцелуи!
Ночь бледнеет... смотри...

Бертран со звоном роняет меч на плиты.

Ты слышишь... удар меча...
Прощай! До завтра... беги!..

Алискан быстро спускается по стволу яблони и бежит.

Рыцарь! Рыцарь!
Разве что-нибудь слышали вы?

Слышны голоса, Изора скрывается в окне. Входят Граф, Капеллан, Алиса, Доктор, рыцари.

Граф. Что случилось? Зачем ты разбудил меня?

Капеллан. Ваша милость, мне почудилось недоброе...

Алиса. Подозрительно... в окне у госпожи...

Граф. Бертран! — Рыцарь-Несчастье! — Сторож! Ты спишь?

Доктор. Ваша светлость, он мертв.

Изора *(в окне)*. Зачем меня будят так рано?

Граф. Это вы? Вы не спите?

Изора. Если вы не верите мне, можете обыскать мои покои... Что случилось?

Граф. Сторож умер здесь на дворе...

Доктор. Сколько крови! Сколько крови!

Граф. Какая досада! Кто же теперь будет стеречь замок? — Изора, что с вами? — Вы плачете?

Изора. Мне жаль его. Он был все-таки верным слугой.

1912

К ПОЭМЕ «ВОЗМЕЗДИЕ»

1. ПЛАНЫ ПОЭМЫ

24 февраля <*1911*>

У моего героя не было событий в жизни. Он жил с родными тихой жизнью в победоносцевском периоде. С детства он молчал, и все сильнее в нем накоплялось волнение, беспокойное и неопределенное. Между тем близилась Цусима и кровавые зори 9 Января. Он ко всему относился как поэт, был мистиком, в окружающей тревоге видел предвестие конца мира. Всё разрастающиеся события были для него только образами развертывающегося хаоса. Скоро волнение его нашло себе русло: он попал в общество людей, у которых не сходили с языка слова «революция», «мятеж», «анархия», «безумие». Здесь были красивые женщины «с вечно смятой розой на груди» — с приподнятой головой и приоткрытыми губами. Вино лилось рекой. Каждый «безумствовал», каждый хотел разрушить семью, домашний очаг — свой вместе с чужим. Герой мой с головой ушел в эту сумасшедшую игру, в то неопределенно-бурное миросозерцание, которое смеялось над всем, полагая, что все понимает. Однажды, с совершенно пустой головой, легкий, беспечный, но уже с таящимся в душе протестом против своего бесцельного и губительного существования, вбежал он на лестницу своего дома.

На столе лежало два письма: одно — надушенное, безграмотное и страстное... Потом он распечатал второе. Здесь его извещали кратко, что отец его находится при смерти в варшавской больнице.

Оставив все, он бросился в Варшаву. Одиночество в вагоне. «Жандармы, рельсы, фонари»... Первые впечатления Варшавы.

21 февраля 1913

Пролог («Жизнь без начала и конца»).

Глава I. Петербург конца 70-х годов. Турецкая война и 1 марта. Это — фон. Семья и появление в ней «демона». Скучая, увозит молодую жену в Варшаву. Через год она возвращается: «бледна, измучена, ребенок золотокудрый на руках».

Глава II. Петербург 90-х годов. Царь. Тройки, вдова Клико. Воспитание сына у матери. Юность, видения, весенний пыл, роман (еще удачливый). *Первая мазурка.* Приближение революции, весть о приближающейся кончине отца.

Глава III. Приезд в Варшаву. Смерть отца. Тоска, мороз, ночь. *Вторая мазурка.* «Ее» появление. Зачат сын.

Глава IV. Возвращение в Петербург. Красные зори, черные ночи. Гибель его (уже неудачливый). Баррикада.

Эпилог. *Третья мазурка.* Где-то в *бедной* комнате, в каком-то городе растет мальчик.

Два лейтмотива: один — жизнь идет, как пехота, безнадежно. Другой — мазурка.

21.IX. 1913

Дед светел. В семью является демон, чтобы родить сына (первый «отбор»).

Детство и юность сына. Розовый туман, пар над лугами. *Любовь.* Опять война — и за нею революция. Встреча — как рыцарь, закованный в броню,— лица не видно. Безумие холодной страсти, так и нет лица. Утром — записка: «Смертельно болен ваш отец».

Вся тоска — только для встречи с «простой». Все лицо, пленительное все. Зачатие сына (последний отбор, что сулит?).

Октябрь 1913

В 70-х годах жизнь идет *«ровно»* (сравнительно. Лейтмотив — пехота). Это оттого, что деды *верят в дело.* Есть незыблемое основание, почва под ногами. Уже кругом — 1 марта. И вот — предвестием входит в семью «демон».

Октябрь 1911

...Но уже на все это глядят чьи-то *холодные* глаза. В дружной семье появляется «странный незнакомец»...

...И ребенка окружили всеми заботами, всем теплом, которое еще осталось в семье, где дети выросли и смотрят прочь, а старики уже болеют,

становятся равнодушнее, друзей не так много, а друзья уже не те — свободолюбивые, пламенные. Теперь—апухтинская нотка.

Уж Александр Второй в могиле,
На троне — новый Александр.

Семья, идущая как бы на убыль, старикам суждено окончить дни в глуши победоносцевского периода. Теперь уже то, что растет,— растет не по-нхнему, они этого не видят, им виден только мрак. Тут и начинается: золотое детство, елка, дворянское баловство, няня, Пушкин (опять и опять!), потом — гимназия — сначала утра при лампе, потом великопостные сумерки с трескающимся льдом и ветром. Петербург рождается новый, напророченный «обскурантом» Достоевским

Пускай, наконец, «герой» воплотится. Пусть его зовут *Дмитрием* (как хотели назвать меня).

ПЛАН ПЕРВОЙ ЧАСТИ
(1878—1881)

Чему радуется Петербург? Солнечный сентябрь 1878. Войска наши возвращаются от стен Цареграда. Их держали в карантине, довезли до Александровской станции и теперь по одному полку в день вводят в город по шоссе от Пулкова. Трибуны у Московской заставы, там императрица и двор. Народ по всему пути. Из окон летят цветы и папиросы на «серые груди». Идут усталые и разреженные полки. У командиров полков, батальонов — всюду цветы, на седле, на лошадиной челке. У *каждого* солдата — букет цветов на штыке. Тяжелая, усталая пехота идет через весь город — по Забалканскому, Гороховой, Морской... Адреса, речи. Гренадеры, бывшие у Московской заставы утром, дошли до казарм только в 6-м часу.

За ними Плевна, Шипка, Горный Дубняк. Шапки и темляки будут украшены. Но за ними еще — голод, лохмотья, спотыканье по снегу на Балканах, кровь, холод, смерть, хуже смерти — воровство интендантов.

В этой поэме я хочу указать на пропасть между общественным и личным, пропасть, которая становится все глубже [1].

10 октября <1911> на рассвете.

Начало — на рубеже 70—80-х годов. Прекрасная семья. Гостеприимство — стародворянское, думы — светлые, чувства — простые и строгие.

Реформы отшумели. Еще жива память об измене Каткова. Рядом «злится» Щедрин. Достоевский — обскурант.

[1] Последний абзац перечеркнут в рукописи знаком вопроса.— *Ред.*

Все заволакивается. 1-е марта. Победоносцев бесшумно садится на трон, как сова. Около этого времени в семье появляется черная птица: молодой мрачный (байронист) — предвестие индивидуализма, неудачник Александр Львович Блок. Приготовляется индивидуализм, это значит старинное «общественное» (мирodержание) отпускается с миром, просыпается и готов зашуметь *народ*.

Вся суть в том, что *прелесть* той семьи так заметна, потому что все тогдашние прекрасные передовые русские люди носили в себе *мир* — при всеобщем сне. То были *герои* еще (дракон, спящая царевна). То, что кажется *«наивным»* теперь, тогда не было наивно, но было сораспятием. Профессор лучших времен Петербургского университета был тем самым общественным деятелем, он *берег Россию*. То, что Щедрин говорит о современных ему урядниках и полицейских («Современная идиллия») — верно, не шарж. Тогда и казалось, что есть и было на самом деле только две силы: сила тупой и темной «византийской» реакции — и сила светлая — русский либерализм. Единицы держат Россию, составляя «общественное мнение».—

Ну, а «Народная воля»?

Итак,— священен кабинет деда, где вечером и ночью совещаются общественные деятели, конспирируют, разрешают самые общие политические вопросы (а в университете их тем временем разрешают, как всегда, студенты),— а утром маленький внук, будущий индивидуалист, пачкает и рвет «Жизнь животных» Брэма, и няня читает с ним долго-долго, внимательно, изо дня в день:

Гроб качается хрустальный...
Спит царевна мертвым сном.

Внук читает с няней в дедушкином кабинете (Кот Мурлыка, Андерсен, Топелиус), а на другом конце квартиры веселится молодежь. Молодая мать, тройки, разношерстые молодые люди — и кудластые студенты, и молодые военные (милютинская закваска), апухтинское: вечера и ночи, ребенок не замешан, спит в кроватке, чисто и тепло, а на улице — уютный, толстый снег, шампанское для молодости, еще беспечной, не «раздвоенной», ничем не отравленной, по-старинному веселой. Еще все дешево — и ямщицкий начай, и кабинет, и вдова Клико (кажется, в то время).

Весна 1911

Семья начинает тяготить. И вот — его уже томит новое. Когда говеет гимназистом — синяя весна, сумерки, ладан, и лед звездится на лужах. Скоро мы встречаем его уже в обществе другом. Еврейка. Неутомимость и тяжелый плен страстей.

Вино.

На фоне каждой семьи встают ее мятежные отрасли — укором, тревогой, мятежом. Может быть, они хуже остальных, может быть, они сами осуждены на погибель, они беспокоят и губят своих, но они — *правы* новизною. Они способствуют выработке человека. Они обыкновенно сами бесплодны. Они — последние. В них все замыкается. Им нет выхода из собственного мятежа — ни в любви, ни в детях, ни в образовании новых семей.

Хотя они разрывают с семьей, но разрывают тем и ее. Они любимцы, баловни, если не судьбы, то семьи. Они всегда «демоничны». Они жестоки и вызывающи. Они бросают перчатку судьбе. Они — едкая соль земли. *И они — предвестники лучшего.*

<1911>

После *«А мир прекрасен, как всегда».*

Я стою ночью у решотки Саксонского сада и слышу завывание ветра, звон шпор и храп коня. Скоро все сливается и вырастает в определенную музыку. Над Варшавой порхают боевые звуки — легкая мазурка.

Цынцырны — цынцырны — цынцырны — цыцы.

— — — — — — — — — — — — — — — — —

И пахнет клевером с берегов Немана. Что за чудеса? Я замерзаю и слышу во сне райские звуки. Меня пробуждает...

ПЛАН ДАЛЬНЕЙШЕГО

<Январь 1911>

Бесконечно прав тот, кто опускает руки, кто отказывается от поверхностных радостей жизни.

Сын спускался по Краковскому предместью, в том самом месте...

9-я глава: человек, опускающий руки и опускающийся, прав. Нечего спорить против этого. Все так ужасно, что личная гибель, зарывание своей души в землю — есть право каждого. Это — возмездие той кучке олигархии, которая угнетает весь мир. Также и «страна под бременем обид»...

2. НАБРОСКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ВТОРОЙ ГЛАВЫ

24 января 1921

К чему мечтою беспокойной
Опережать событий строй?
Зачем в порядок мира стройный
Вводить свой голос бредовой?
В твои ..... сцепленные зубы,

Пегас, протисну удила,
И если ты, заслышав трубы,
На звук помчишься, как стрела,
Тебе исполосую спину
Моим узорчатым хлыстом,
Тебя я навзничь опрокину,
Рот окровавив мундштуком,
И встанешь ты, дрожа всем телом,
Дымясь, кося свой умный глаз
На победителя.....
Смирителя твоих проказ...
Пойдешь туда, куда мне надо,
Грызя и пеня удила,
Пока вечерняя прохлада
Меня на отдых отвела...
Смирись, и воле человека
Покорствуй, буйная мечта...
Сошли туман и темнота.
Настал блаженный вечер века.
Кончался век, не разрешив
Своих мучительных загадок,
Грозу и бурю затаив
Среди широких..... складок
Туманного плаща времен.
Зарыты в землю бунтари,
Их голос заглушен на время.
Вооруженный мир, как бремя,
Несут безропотно цари.
И Крупп, несущий мир всем странам,
(Священный) страж святых могил,
Полнеба чадом и туманом
Над всей Европой закоптил.
. . . . . .
И в русской хате деревенской
Сверчок, как прежде, затрещал.

В то время земли пустовали
Дворянские — и маклаки
Их за бесценок продавали,
Но начисто свели лески.
И старики, не прозревая
Грядущих бедствий .....
За грош купили угол рая
Неподалеку от Москвы.
Огромный тополь серебристый
Склонял над домом свой шатер,
Стеной шиповника душистой
Встречал въезжающего двор.
Он был амбаром с острой крышей
От ветров северных укрыт.
И можно было ясно слышать,
Какая тишина царит.
Навстречу тройке запыленной

Старуха вышла на крыльцо,
От солнца заслонив лицо
(Раздался листьев шелест сонный),
Бастыльник покачнув крылом,
Коляска подкатилась к дому.
И сразу стало всё знакомо,
Как будто длилось много лет,—
И серый дом, и в мезонине
Венецианское окно,
Цвет стекол — красный, желтый, синий,
Как будто так и быть должно.
Ключом старинным дом открыли
(Ребенка внес туда старик),
И тишины не возмутили
Собачий лай и детский крик.
Они умолкли — слышно стало
Жужжанье мухи на окне,
И муха биться перестала,
И лишь по голубой стене
Бросает солнце листьев тени,
Да ветер клонит за окном
Столетние кусты сирени,
В которых тонет старый дом.
Да звук какой-то заглушенный —
Звук той же самой тишины,
Иль звон церковный, отдаленный,
Иль гул (неконченной) весны,
И потянулись вслед за звуком
(Который новый мир принес)
Отец, и мать, и дочка с внуком,
И ласковый дворовый пес...

И дверь звенящая балкона
Открылась в липы и в сирень,
И в синий купол небосклона,
И в лень окрестных деревень.
Туда, где вьется пестрым лугом
Дороги узкой колея,
Где обвелась.....
Усадьба чья-то и ничья.
И по холмам, и по ложбинам,
Меж полосами светлой ржи
Бегут, сбегаются к овинам
Темно-зеленые межи,
Стада белеют, серебрятся
Далекой речки рукава,
Телеги ..... катятся
В пыли, и видная едва
Белеет церковь над рекою,
За ней опять — леса, поля...
И всей весенней красотою
Сияет русская земля...

Здесь кудри внука золотые
Ласкало солнце, здесь .....

Он был заботой женщин нежной
От грубой жизни огражден,
Летели годы безмятежно,
Как голубой весенний сон.
И жизни (редкие) уродства
(Которых нельзя было не заметить)
Возбуждали удивление и не нарушали благородства
И строй возвышенной души.

Уж осень, хлеб обмолотили,
И, к стенке прислонив цепы,
Рязанцы к веялке сложили
(Уже последние снопы).
Потом зерно в мешки ссыпают,
Белеющие от муки,
В телегу валят, и сажают
Наверх ребенка на мешки.
Мешков с десяток по три меры
Везет с гумна в амбар шажком
Почти тридцатилетний серый,
За ним — рязанцы вшестером,
Приказчик, бабушка с плетеной
Своей корзинкой для грибов —
Следят, чтоб внук неугомонный
Не соскользнул ..... с мешков.
А внук сидит, гордясь немного,
Что можно править самому,
И по гумну на двор дорога
Предлинной кажется ему.

В деревне жили только летом,
А с наступлением холодов...

(Пред ним встают) идей Платона
Великолепные миры.

И гимназистам, не забывшим
Про единицы и нули,
Профессор врет: «Вы — соль земли!»

Семь лет гимназии толстовской,
Латынь и греки.....

Растет, растет его волненье,
..... отчего
Уже туманное виденье
В ночи преследует его,
Он виснет над туманной бездной,
И в пропасть падает во сне

Ему призывы тверди звездной
В ночной понятны тишине,
Его манят заката розы,
Его восторгу нет конца,
Когда..... грозы...

И под палящим солнцем дня
.....на коня,
Высокий белый конь, почуя
Прикосновение хлыста,
Уже волнуясь и танцуя,
Его выносит в ворота.
Стремян поскрипывают.....
Позвякивают удила,
Встречает жадными глазами
Мир, зримый с высоты седла.

Пропадая на целые дни — до заката, он очерчивает все бо́льшие и бо́льшие круги вокруг родной усадьбы. Все новые долины, болота и рощи, за болотами опять холмы, и со всех холмов, то в большем, то в меньшем удалении,— высокая ель на гумне и шатер серебристого тополя над домом.

Он проезжает деревни, сначала ближние, потом — незнакомые. Молодухи и девки у колодца. Зачерпнула воды, наклонилась, надевает ведра на коромысло, слышит топот коня, заслонилась от солнца, взглянула и засмеялась — блеснули глаза и зубы — и отвернулась, и пошла плавно прочь. Он смотрит вслед, как она качает стан, и долго ничего не видит, кроме этих смеющихся зубов, и поднимает лошадь в галоп. Она переходит в карьер, он летит без оглядки, солнце палит, и ветер свистит в ушах, уже вся деревня промелькнула мимо — последние сараи, конопля, поля ржаные, голубые полоски льна,— опять перелесок, он остановил лошадь, она пошла шагом, тень, колеи, корни, из-за стволов старых смотрит большая заросль белой серебрянки, как дым, как видение.

Долго он объезжал окрестные холмы и поля, и уже давно его внимание было привлечено зубчатой полоской леса на гребне холма на горизонте. Под этой полосой, на крутом спуске с холма, лежала деревня. Он поехал туда *весной,* и уже солнце было на закате, когда он въехал в старую березовую рощу под холмом. Косые лучи заката — облака окрасились в пурпур, видение средневековой твердыни. Он минует деревню и подъезжает к лесу, едет шагом мимо него; вдруг — дорожка в лесу, он сворачивает, заставляя лошадь перепрыгнуть через канаву, за сыростью и мраком виден новый просвет, он выезжает на поляну, перед ним открывается новая необъятная незнакомая даль, а сбоку — фруктовый сад. Розовая девушка, лепестки яблони — он перестает быть мальчиком.

Январь и май — июль 1921

3. НАБРОСКИ ОКОНЧАНИЯ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ

Так у решотки сада длинной
Стоит и мерзнет мой герой...
Всё строже, громче вьюги вой
Над этой площадью пустынной,
Встает метель, идет метель,
Взрывает снежную постель,
И в нем тоску сменяет нега,
В его глазах стоит туман,
И столбики и струйки снега
(Вдруг) разрастаются в буран,
Свист меж нагих кустов садовых,
Железный гром с далеких крыш,
И сладость чувств — летишь, летишь
В объятьях холода свинцовых...
Вдруг — бешеная голова
Коня с косматой белой гривой,
И седоусый, горделивый
Пан, разметавший рукава,
Как два крыла над непогодой
[Он шпорит дикого коня,
Его глаза, как угли, алы]
.....свободой.

Из-под копыт, уж занесенных
Над обреченной головой,
Из-под удил коня вспененных,
Из снежной тучи буревой
Встает виденье девы юной,
Всё — ..... всё — нежность, всё — призыв,
И голос, точно рокот струнный.

Простая девушка пред ним...

Как называть тебя? — Мария.
Откуда родом ты? — С Карпат.

— Мне жить надоело.— Я тебя не оставлю. Ты умрешь со мной. Ты одинок? — Да, одинок.— Я зарою тебя там, где никто не узнает, и поставлю крест, и весной над тобой расцветет клевер.

— Мария, нежная Мария,
Мне жизнь постыла и пуста!
Зачем змеятся молодые
И нежные твои уста?
Какою ..... думой...

— Будь веселей, мой гость угрюмый,
Тоска минует без следа.
Твоя тоска ..... пройдет.

— Где мы? — Мы далеко, в предместьи,

Здесь нет почти жилых домов.
Скажи, ты думал о невесте?
— Нет, у меня невесты нет.
— Скажи, ты о жене скучаешь?
— Нет, нет, Мария, не о ней.

Она с улыбкой открывает
Ему объятия свои,
И всё, что было, отступает
И исчезает (в забытьи).

И он умирает в ее объятиях. Все неясные порывы, невоплощенные мысли, воля к подвигу, [никогда] не совершенному, растворяется на груди этой женщины.

Мария, нежная Мария,
Мне пусто, мне постыло жить!
Я не свершил того.....
Того, что должен был свершить.

Май — июль 1921

К ДРАМЕ «РОЗА И КРЕСТ»

1. ПРИМЕЧАНИЯ К ДРАМЕ «РОЗА И КРЕСТ»

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена II

Святой Иаков!

Граф и Капеллан часто поминают одного из наиболее почитаемых в их время святых — апостола Иакова Старшего, «святого Иакова Кампостельского». Прах святого Иакова, покровителя Испании, был перевезен в IX столетии в Кампостелло; легенда говорит, что место для погребения (в испанской провинции Галиции) было указано звездой; отсюда — имя местечка — Campus Stellae; немного позже, по преданию, сам Иаков на белом коне участвовал в битве с маврами при Logrono и принес испанцам победу. Все это сделало Santiago местом паломничества не менее знаменитым, чем Рим; один из торных путей северных паломников пролегал близ Тулузы; как раз в начале XIII столетия достраивался собор над могилой святого.

Сцена III

Болезнь называется меланхолией...

Диагноз Доктора заимствован мной из средневекового лечебника, составляющего часть рукописи XIII—XIV вв. муниципальной библиотеки в Cambrai (напечатан в статье A. Salmon, в книге «Études romanes dédiées à Gaston Paris par ses élèves français et étrangers». Paris, 1891). Лечебник начинается словами: «Constentins et maistre Galiens et Ypocras nous tiesmoignent...» Далее: «Et u melancolie surhabunde, le corps malmet... et si ne puet la folie de legier esciver» (избежать... см. слова Алисы в IV сцене)... «Li sanc croist en printans, et en gain (осенью) noire cole. Li sanc croist des ydes de fevrier dusques as ydes de marc... Melancolie regne des ydes d'aoust dusques en feverier... Quant il i a trop sanc, par le nés s'en ist fors...

...Contre melancolie, ki est froide et seke et aigre, on ne le doit mie tenir trop maigre; on le doit plenierement dyeter, et li doit on donner douc et moiste, et ce li vaut...» [1]

Дай сюда шахматы...

В романе Круглого Стола «Lancelot» фея Вивиана играет в шахматы с Ланселотом. О том, что шахматы были распространены в замках феодалов, свидетельствует и Вальтер Скотт в своих «Essais sur la Chevalerie», и популярные истории литературы и нравов.

Спеть вам песню, которую поют при Аррасском дворе?

Аррасский двор (Аррас — столица графства Артуа, главный город нынешнего департамента Па де Калэ), о котором только и мечтает Алискан, был в XII столетии, после долгого господства графов фландрских, присоединен Филиппом-Августом к французской короне; он отличался особым блеском куртуазии в XIII столетии.

---

[1] «Константин и учитель Гален и Гиппократ нам свидетельствуют... И когда меланхолия возобладает, терзает тело... и таким образом не легко избежать безумия... Кровь бунтует весною и осенью черным цветом. Кровь бунтует от ид февраля до ид марта... Меланхолия господствует от ид августа до февраля. Когда бывает излишек крови, она исходит через нос...

...Против меланхолии, которая холодна, суха и остра, не следует быть слишком худым; следует полностью соблюдать диету и следует вводить влагу, и это помогает...» *(старофранц.).— Ред.*

Аэлис, о, розп...

Только имя Аэлис в этой песне заимствовано мной (по его созвучию с именем Алисы) из известной старофранцузской народной песенки: «Bele Aaliz main leva...» [1] (см. Е. В. Аничков, «Весенняя обрядовая песня»; транскрипция имени принадлежит ему же).

Сцена IV

Симон Монфор

Симон — сначала барон, потом граф Монфортский (родился около 1160 г.), в 1199 г. участвовал в крестовом походе в Палестину и был прозван за храбрость «Маккавеем» своего века; возвратясь, был избран баронами предводителем крестового похода против альбигойцев; поход этот начался в 1208 году, к которому и надо приурочить время действия «Розы и Креста». Крестоносное войско собралось в Лионе и пошло на юг; взятие Безье, при котором папский легат произнес исторические слова (слова Бертрана, д. III, сц. I), а потом и Каркассона, относится к следующему году. Симон, прославившийся крайней жестокостью во время альбигойской войны, был убит (гораздо позже) ударом камня при осаде Тулузы.

Раймунд

Раймунд VI «Старый», граф Тулузский, родился в 1156 г., имел бурные разногласия со св. престолом по поводу альбигойства, которому он негласно сочувствовал; ему приписали убийство легата Петра де Кастельно. Два раза отлученный от церкви (1208, 1211), он выдержал страшную резню, шесть лет был в изгнании (пока Тулузой правил Симон Монфор), но потом возвратился и до смерти продолжал владеть графством, несмотря на нападения Амори Монфора (сына Симона). Раймунд был женат пять раз, но оставил только двух законных сыновей. В 1208 году графство Тулузское вмещало в себе графства Кверси, Альби, Каркассон, Ним, Безье, Фуа и «Прованский маркизат».

Монсегюр

Монсегюр — замок в Лангедоке — был одним из очагов сектантства.

Епископу их новому присягу...

Многие города Лангедока (Альби, Тулуза, Каркассон, Валь д'Аран) были почти сплошь заселены сектантами (катарами); в Альби жил епископ, стоявший во главе одной из епархий.

---

[1] Прекрасная Аэлис подняла руку... *(старофранц.).— Ред.*

«Ткачами» (tisserands, téxerands) назывались альбигойцы потому, что большая часть секты состояла из ремесленников этого рода, особенно в Тулузе.

Роман о Флоре и Бланшефлёре

Роман этот греческого происхождения (две редакции XII века); сюжет его использован, между прочим, Боккачио; это — трогательная история любви двух детей; их разлучают, но, после многих приключений и опасностей, они счастливо соединяются; родственна этой истории chantefable Aucassin et Nicolette [1], написанная также в XII столетии, частью стихами, частью прозой (G. Paris, La Littérature française au moyen âge, XI—XIV siècle).

Сцена V

Святой Видиан

Изора, дочь бедной швеи-испанки, из маленького городка Martres Tolosanes (Муки Толозанские), который лежит у подошвы Пиреней на берегу Гаронны; патрон этого городка — малоизвестный St. Vidian, сын герцога времен Карла Великого, обративши в бегство мавров, убитый ими около городка Ангонии и погребенный там; на могиле его были явлены чудеса; с той поры Ангония (южнее Толозы) была названа городом «мучеников» (Martres), и до сих пор, около Троицы, праздник святого знаменуется там примерными битвами христиан с маврами (описание праздника и костюмов — в статье A. Thomas — Vivien d'Aliscans et la légende de St. Vidian в книге «Etudes romanes», указанной выше; в статье доказывается родство жития св. Видиана с некоторыми chansons de geste [2]).

Я клялся бы розой — Вы краше всех роз...

Изора принимает эти слова за общее место и удивляется, откуда мог научиться куртуазии бедный рыцарь.

За все заботы вы платите мне золотом Тулузы!

Золото Тулузы вошло в поговорку с языческих времен; оно означает богатство, приносящее беду.

---

[1] Сказка об Окассене и Николетте *(франц.).— Ред.*
[2] Героическими поэмами *(франц.).— Ред.*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена I

Не верь безумию любви...

Песня, словами которой перекликаются Гаэтан и рыбак, записана виконтом de la Villemarqué в его собрании народных бретонских песен (Barzaz-Briez, Chants populaires de la Bretagne). История сохранила смутную память о каком-то городе V века, который назывался Хрис, или Кэр-Ис. Легенда рассказывает, что Кэр-Ис был столицей Арморики; им правил благочестивый король Граллон, который был дружен со святым Гвеннолэ, первым аббатом первого монастыря, построенного в Арморике; город Кэр-Ис стоял на берегу моря и был отделен от него громадным бассейном, который спасал от наводнений во время приливов; в плотине, отделявшей бассейн от города, была потайная дверь, а ключ от нее хранился у короля. Песня, написанная на корнваллийском диалекте, начинается словами:

«Arabad eo en embarat!
Arabad eo en arabadiat!
Goude levenez, Kolonad!»

то есть:

«Не верьте любви!
Не верьте безумию!
За радостью — страданье!»

Далее описывается, как старый король уснул после пира; он спал в пурпурной мантии, с золотой цепью на шее, его седины, белые, как снег, струились по плечам.

В это время коварная дочь Граллона, прекрасная Дагю (Dahu) проскользнула в его спальню, опустилась на колени, сняла с его шеи цепь и ключ вместе с цепью.

Она открыла потайную дверь, чтобы впустить своего любовника, чьи речи текли тихонько, как вода, ей в уши; океан хлынул и затопил город; только лесник слышал потом, как дикий конь Граллона, быстрый, как пламя, промчался в черную ночь; он видел, как водяница расчесывала на берегу под полуденным солнцем золотые волосы; она пела, и песни ее были печальны, как плеск волн; св. Гвеннолэ превратил коварную Дагю в сирену; рыбаки и поныне видят остатки стен и башен, выступающие из воды во время отлива, а в бурю слышат звон колоколов на дне морском.

Гаэтан — лишь один из слагателей легенды, источники которой восходят к легендам о гибели Содома.

Трауменек

Замок, о котором идет речь, в действительности назывался Troménec. Все имена деревень и местечек — исторические: Plougasnou, Plouézec и Plouguerneau — лежат на севере Бретани, в нынешнем департаменте Finistère. В книге брата Albert Le Grand, доминиканца XVI века (Les vies des saints de la Bretagne — Armorique. Brest et Paris, 1837, Imprimerie de P. Anner et fils; есть новое издание) есть глава, перепечатанная из «Истории церквей и часовен божьей матери, построенных в диоцезе св. Льва» (сочинение монаха Кирилла ле Пеннека — Morlaix, 1647). Здесь рассказывается следующее: близ Арморики виднеется приход Ландеда (Landeda); хоть он и не велик, однако ничем не уступает другим в отношении почитания Пресвятой Девы. Отсюда — спуск к порту Аберврак (Aber-Grac'h, Aber-Wrac'h), где существует преданный церкви монастырь «Notre-Dame des Anges», основанный в 1507 году (таким образом, во времена «Розы и Креста» монастыря еще не было, как нет его и теперь: в наше время он превращен в гостиницу, а уничтожен был во время Великой Революции). В том же приходе можно посетить капеллу божьей матери на красивой и приятной лужайке, по соседству с прекрасным источником; она принадлежит благородному дому Троменек; замок находится рядом с ней (в наши дни от этого замка осталось лишь несколько развалин, заросших плющом); построена она сеньером Троменека на память о поединке с молодым сеньером Карманом.

Аберврак лежит на самом берегу бухты, при устье речки, от которой он получил имя, и прямо против него — выход в океан, укрепленный в 50-х годах прошлого столетия небольшим фортом, который теперь оставлен. Прибрежная полоса, отделяющая бухту от океана, только и носит теперь имя Арморики (древнее имя Бретани); близ этого форта есть скалы и камни причудливых очертаний. Ландеда и развалины Троменека лежат на высотах над Абервраком, в виду океана. Со всего этого берега виден лежащий в море пустынный остров Девы (Ile Vierge), на котором воздвигнут величайший из французских маяков, указывающий вход в Ламанш.

Мы все туда на праздник ходим...

Рыбак разумеет les pardons — «прощеные дни», которые исстари празднуются по всей Бретани танцами, шествиями, ярмарками и т. д.

Сцена II

Из Арморики милой я родом...

Гаэтан называет свою родину Арморикой по-старинному. В его время она уже носила имя Бретани.

...Ты веришь,
Что в жилах у нас
Одна — святая, французская кровь?..

Это не ходячее мнение; в то время, хотя и близкое к объединению Франции, большинство думало иначе, и Алискан, говорящий о «чужой и дикой Бретани» (действие I, сц. 3), является характерным выразителем обывательских мнений.

Пусть напрасно заехал я в ваши туманы,
С Толозанской дороги свернув!

Бертран поехал на север, по поручению графа, выехав сначала на Толозанскую дорогу (La via Tolosana) — обычный путь пилигримов в Santiago с севера; путь этот указан в одном «путеводителе пилигримов» (Codex Campostellanus XII века; здесь значатся: Nîmes, Saint-Gilles, Saint-Guilhem-du-Désert, Toulouse). В последние годы Bédier в своей книге (Les Légendes épiques, recherches sur la formation des chansons de geste, 2 volumes, Paris, 1908), следуя указаниям Chansons de geste, проследил этот путь за Nîmes на Париж через Clermonts-Ferrand. Монфор, выйдя из Лиона и направляясь к Тулузе, очевидно, вышел где-то южнее на Толозанскую дорогу; там-то Бертран и встретил его. Затем, исполняя поручение Изоры, Бертран свернул к северо-западу и достиг пределов Бретани.

Возле синего озера юная мать...

Весь монолог Гаэтана навеян романом «Lancelot du lac»; Ланселот был унесен из колыбели феей Вивианой на дно озера; она воспитала его; она учила его играть в шахматы, за обедом он сидел против нее в венке из роз даже в те месяцы, когда розы перестают цвести; когда же юный Ланселот стал тосковать и пожелал стать рыцарем, фея долго не хотела отпускать его, наконец научила его христианским заповедям рыцарства и сама отвезла ко двору короля Артура и прекрасной королевы Джиневры.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена I

Войска его святейшества

Крестовый поход против альбигойцев был вдохновлен папой Иннокентием III.

Орифламма Монфора

Герб Симона III Монфортского — в Версали. Все гербы зала крестовых походов (чертежи и описания) — см. в шестом томе «Galeries historiques du Palais de Versailles» (Paris, 1840).

Они теперь в Безье...

Событие относится в действительности к лету 1209 года. Знаменитые слова произнес папский легат Арнольд Амальрик; после этого, говорит хроника, в городе «не осталось ни одного живого существа»; Безье разграбили и сожгли.

...Первый день весенний, вы знаете, он — первый года день...

«Апрель и май — ключ всего года» (старая французская поговорка).

Сцена II

Подсыпь немного ивовой коры...

Salix alba — известное в средних веках слабительное.

Сегодня я встаю на ночную стражу...

В обряд посвящения в рыцари входило, кроме поста и очистительной ванны, стояние на ночной страже в ночь перед посвящением; это называлось — «veillée des armes».

Сцена III

Многие места диалога Изоры и Алисы, особенно то место, где Алиса играет роль клерка, заимствованы мной из провансальского романа XII века Flamenca.

Им же навеян мне характер графа. Оттуда же взято имя графа Archambaut (Арчимбаут — транскрипция Е. В. Аничкова), имена Алисы (у châtelaine Фламенки две «damoiselles»: Алиса и Маргарита), Оттона и Клари. Наконец, из того же романа взяты мной некоторые отдельные образы и выражения в пьесе, например: волосы у графа, «как у черта на картинке»; «когда улыбается, скалит зубы по-собачьи»; «ярость любого дракона можно смягчить кротостию»; и др. (Срв. «Le roman de Flamenca», publié d'aprés le manuscrit unique de Carcassone, traduit et accompagné d'un glossaire par Paul Meyer, Paris-Béziers, 1865).

Прекрасный, как святой Губерт

S. Hubert — «Apôtre des Ardennes» XII века, покровитель охотников.

Сцена V

Перекличка ночных сторожей

Ночные сторожа в Тулузе до сих пор кричат: «Minuit passé, dormez en paix!»

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена I

Душистый кларет —

смесь вина, меда, духов и пряностей.

Наука учтивой любви —

куртуазия.

Сцена III

Песня девушек

взята мною из разных майских песен («trimouzettes»). Начало ее:

C'est le mai, le joli mai,
C'est le mai, le tri mà ça.

(Срв.: Е. В. Аничков, «Весенняя обрядовая песня», часть I, глава 3, стр. 168 и сл.).

Майское дерево —

столб, украшенный цветами и лентами,— носили девушки в венках и с песнями или возили на телеге, запряженной волами.

Бароны и богатеи —

постоянный титул провансальской знати: «rics oms e baros».

Песня первого менестреля —

свободный перевод трех строф (I, II и IV) знаменитой сирвенты Бертрана де Борн: «Be m platz lo dous temps de pascor» [1] (все чередования рифмы соблюдены).

---

[1] Мне очень приятно сладостное время Пасхи *(старофранц.).— Ред.*

Песня второго менестреля —

вольное переложение песенки пикарского трувера XIII века. Начало ее:

Le premier jor de mai
dou dous tans cointe et gai
chevalchai
entre Arras et Douai

(см. Аничков, «Весенняя обрядовая песня», т. I, стр. 124 и сл.).

Песня Гаэтана

принадлежит мне, но некоторые мотивы ее навеяны бретонской поэзией. В ней есть отголосок разговора ребенка с друидом, где друид говорит: «La Nécessité unique, Ankou, père de Douleur; rien avant, rien de plus» [1] (см. Villemarqué, Barzaz-Briez).

В припеве повторяется постоянный мотив: «La neige tombait, le vent soufflait» [2] (сравн. A. le Braz, «Vieilles Histoires du pays breton», Paris, 1905, «Nôel des Chouans»).

Что касается понимания песни Изорой, то оно зависит не только от ее собственного характера, но и от общего направления южного ума: итальянский ученый Egidio Gozzi, говоря о провансальской поэзии, подчеркивает: «joi e poesia sono sinonimi, come pure sinonimi sono poesia e amore» [3] (Delle origini della poesia del medio evo, Torino, 1895). Суровый северный напев о Радости и Страданьи откликается в южном сердце как «Страданье — радость с милым». Joi на севере — высокое вдохновение, на юге — легкая весенняя радость.

Шутов сюда!

Показывать акробатические фокусы умели часто те самые жонглеры, которые умели петь. Слова моих жонглеров — заимствованы.

Крест на красном поле —

герб Раймунда Тулузского,— см. «Galeries historiques de Versailles», t. VI.

---

[1] Единственная Необходимость, Анку́, отец Страдания; ничего впереди, ничего более *(франц.).— Ред.*

[2] Снег падал, ветер свистел *(франц.).— Ред.*

[3] Радость и поэзия — синонимы, так же как чистые синонимы — поэзия и любовь *(итал.).— Ред.*

Сцена V

Крест над вьюгой —

видение бретонских рыбаков.

2. ЗАПИСКИ БЕРТРАНА, НАПИСАННЫЕ ИМ ЗА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ДО СМЕРТИ

Я, Бертран, сын простого тулузского ткача, с малых лет попал на службу в замок графа Арчимбаута в Лангедоке. За долгую службу граф опоясал меня мечом. Посвящение мое в рыцари прошло незаметно, и никакая дама не дала мне ни шарфа, ни пояса, но сам я, втайне от всех, избрал дамою своего сердца прекрасную супругу моего господина — графиню Изору. Жизнь моя так и протекла бы в неустанных заботах об охране замка, которые были все возложены на меня; я мог бы проводить еще долгие ночи на страже во дворе замка, так как силу не спать, но бодрствовать мне давала любовь к той, чье окно выходило на мой пустой двор; но случилось происшествие, которое дало толчок к перемене всей моей судьбы.

Однажды во время турнира, в минуту, когда я почувствовал непобедимую усталость после бессонных ночей, чужой рыцарь — великан с дельфином в гербе — вышиб меня из седла подлым ударом и наступил мне ногой на грудь. Горя стыдом и гневом, я умолял его пронзить мне сердце; но госпожа махнула платком, и меня пощадили. С тех пор никто не давал мне проходу, все стали смеяться мне прямо в лицо. Вероятно, и она смеялась надо мной за глаза, но любовь моя к ней не умерла, а только чувство горечи примешалось к ней, потому что я чувствовал себя ей обязанным моей, хотя и несчастной, жизнью; я решил тогда доживать свой век, редко позволяя себе утешаться мыслями о смерти и полагая, что мне уже ничем не смыть того унижения, которое так неожиданно на меня обрушилось.

Тем временем окрестные крестьяне, которых здесь зовут презрительно «ткачами», стали все чаще совершать набеги на замок, а иногда нападать и на наших рыцарей, которых заставали врасплох на дороге. Таким образом они напали на Оттона и на Клари; правда, их не убили, а только исколотили дубьем до полусмерти. Это было ответом на вызывающее поведение нашего двора; графу случалось для потехи устраивать облавы на крестьян, как на диких зверей, а иногда рыцари наши, наскучив турнирами, пирами и песнями, охотились за девушками из соседних деревень.

Видя все это, я не мог оставаться равнодушным, но также не мог ничем помочь беде, так как был только ночным сторожем и разведчиком и, в униженни моем, не имел даже голоса, чтобы умолить моего господина оставить жестокие забавы и предостеречь его от грозящих неприятностей. Может быть,— да простит меня бог,— в моей оскорбленной душе жило грешное чувство злорадства, ибо тот, кто унижал меня не совсем справедливо, сам не был чист. Особенно же мучило меня и восстановляло против господина — его отношение к молодой графине, на которую он не обращал никакого внимания, не умея ничем занять свою прекрасную супругу, которой было только семнадцать лет. Молодые женщины требуют внимания и забот, а те из них, которые отличаются пылким нравом, умеют сами занять себя, когда их не занимает супруг.

Невнимание моего господина к прекрасной Изоре, которая отличалась пылким нравом, не замедлило сказаться. Юная графиня приблизила к себе своего молодого пажа Алискана, и я был иногда свидетелем того, как она резвилась на зеленом лугу среди цветов, приподнимая платье от вечерней росы, с этим красивым мальчиком, а он преследовал ее, как мотылек преследует пеструю бабочку.

Наступила весна этого тяжелого года, когда невинные забавы молодой графини были неожиданно прерваны. Заезжий жонглер спел в замке странную песню, которая произвела глубокое впечатление на прекрасную Изору; она отстранила от себя пажа и предалась непонятной ни для кого тоске. Напрасно размышлял я о том, чем волнует ее песня, из которой мне запомнились ярко слова о том, что беда и утраты преследуют человека всюду и нет для него иного спасения, кроме креста. В песне этой говорилось также о море, о снеге и Радости Страданья. Я помню утро, когда я, по обыкновению, стоя на страже во дворе замка, размышлял о своей несчастной судьбе, о неразделенной любви и о том, как может Страдание быть Радостью. Эти слова песни влекли меня, но я не знаю, сам ли я чувствовал скрытый за ними тайный смысл или чувствовать его меня заставляла любовь к той, для кого в те дни эта песня была предметом всех стремлений.— Пока я стоял там на страже и тихо повторял про себя темный напев, придворная дама моей госпожи, распахнув окно наверху, велела мне, по обыкновению, принести воды из колодца и потом приказала отойти от окна. Я помню, она сказала: «Моя госпожа больна, ее расстраивает ваше пенье».

В те дни я был послан на разведки и узнал, что граф Раймунд снарядил войско в Тулузе и под знамя его встал сосед наш — Монсегюр. Граф Монфор, которого ждали у нас в замке как избавителя от еретиков, был, по словам окрестных жителей, еще только в Лионе. Господин мой, призвав меня через несколько дней к себе, расспросил меня обо всем подробно и велел ехать на север, чтобы узнать в точности, где находится войско Симона Монфора.

В тот самый день госпожа кликнула меня из окна, когда я проходил по двору. Я вошел к ней изумленный, ибо никогда прежде не удостоивался от нее такой чести. В присутствии своей придворной дамы она сказала мне, что ее супруг и мой господин подозревает ее и собирается заточить в Башню Неутешной Вдовы, чем возбудила в моей душе величайшее сострадание к ней. Узнав от меня, что я послан на север и что в башне есть потайной ход, она велела мне отыскать сочинителя той песни, которая не дает ей уснуть, по двум признакам, которые она видела во сне: и по черной розе на груди, и по имени «Странник». Поручение это показалось мне детскою сказкой, но, зная, что в детских сказках больше правды, чем думают люди, я дал ей слово погибнуть или исполнить ее поручение, полагая втайне, что иду на верную гибель, которая не страшила меня, ибо я ни на что больше не надеялся в жизни.

После этого госпожа моя заставила меня, как я ни просил меня отпустить, признаться в моей любви к ней. Когда я безмолвно склонил перед ней колени, мне показалось, что тень привета скользнула по ее прекрасному лицу. В эту минуту вошел граф с ключами от башни и, застав меня в комнате госпожи, решил, что я ухаживаю за ее придворной дамой. Госпожа не стала, конечно, отрицать этого, чтобы не навлечь на себя худших подозрений, так как гневу графа и без того не было пределов. Он унижал меня словами, которых я не стерпел бы, если бы могла в те дни исполниться мера моего унижения. Но унижение мое тогда было беспредельно, и, когда граф на моих глазах отослал свою супругу в Башню Неутешной Вдовы, я исполнился желанием помочь моей невольной и прекрасной предательнице и, смущенный сердцем, отправился на далекий север — с двойным поручением: от господина, который с того часа стал вовсе чужим моей душе, но которому я не мог и не хотел изменять, ибо измену, даже неправде, почитаю делом, недостойным рыцаря; и от госпожи, любовь и сострадание к которой давали мне силу продолжать путь, еще самому мне непонятный.

Я странствовал долго и уже собрал все сведения о войске графа Монфора, которое застал на Толозанской дороге, в Безье, где оно занималось делом, позорным для христиан, избивая, по наущению папского легата, мирных жителей. Давно свернув с Толозанской дороги, я доехал до самого берега океана в той местности, которая носила некогда название Арморики, а ныне называется Бретанью. Кружа по берегу на усталом коне среди камней под хлопьями снега и под ветром, который хлестал мне в лицо,— я увидал внезапно странного рыцаря в лохмотьях; он затеял со мной ссору, из которой я легко вышел победителем, так как он был стар и слаб. После этого он позвал меня отдохнуть у себя в замке, и я охотно принял его предложение, так как конь мой устал и я начинал отчаиваться в моих долгих поисках. Рыцарь, оказавшийся сеньером Трауменека и назвавшийся Гаэтаном, рассказывал мне чудно и непонятно

о подводном городе, а я, слушая его голос и смотря на его юношеское лицо и глаза, которые не утратили своего огня даже под тенью седин, убелявших его голову,— исполнялся странным предчувствием, чего со мной никогда не бывало. Иногда во время его рассказа, содержание которого мне было трудно уловить моим простым умом, мне казалось, что он послан мне в награду за что-то. Каково же было мое изумление и радость, когда он наконец явственно повторил слова песни, волновавшей мою госпожу, и признался, что он сам сочинил эту песню! Я радовался и тому, что нашел того, кого, казалось мне, не было и не могло быть на свете, и тому, что рыцарь этот стар и что госпожа моя лучше услышит из его уст его песню, не смущаясь низкой мужской красотой. Да простит мне господь это грешное чувство, но я не должен скрывать, что, хотя я никогда не помышлял о близости к госпоже, зная, что недостоин ее ни по положению моему, ни по возрасту, тем не менее радовался тайно тому, что она отстранила от себя юного Алискана, и тайно боялся красоты того нового рыцаря, которого она поручила мне отыскать.

Мне было не трудно уговорить Гаэтана отправиться со мной на юг, ибо он не имел почти никакого имущества в своем замке и был по природе своей истинным Странником. То, что на груди Гаэтана вместо черной розы был вышит выцветший крест, мало смущало меня, ибо говорят, что сны нельзя толковать дословно; более смущала меня непонятность его речей, которые я слушал от него всю дорогу. Особенно волновал меня напев о Радости-Страданьи, который он повторял часто; порою речи его и песни, имевшие какой-то таинственный смысл, которого я никак не мог уловить, наводили на меня жуть, ибо мне начинало казаться, что передо мной нет человека, а есть только голос, зовущий неизвестно куда. Тогда, чтобы разогнать свой испуг, я должен был прикоснуться рукой к своему собеседнику, и, убедившись таким образом, что это — не призрак, я бережно укладывал его спать и кормил хлебом, как старого младенца. Он же, нисколько не интересуясь тем, куда и зачем я его везу,— не замечая ни времени, ни мест, по которым мы проезжали, и не нуждаясь почти ни в пище, ни в питье, ни в сне, без которых нельзя жить человеку,— рассказывал мне свои сказки и пел песни. Меня одновременно увлекал его странный образ, в котором было какое-то обаяние нездешнее, и отталкивала его беспомощность, слабого подобия которой я никогда не встречал в нашем мире. Некоторые черты его возбуждали во мне даже негодование, которого я никак не умел побороть; особенно не мог я простить ему того, что он не мог запомнить имени моей госпожи и часто смешивал ее с какой-то Морганой, к рассказу о которой он возвращался часто.

Так, волнуемый противуположными чувствами и зарождавшимися во мне сомнениями, привез я старого Гаэтана в наш замок, где в это время томилась в заточении моя госпожа.

Доложив графу о своих разведках и приведя его в доброе расположение духа мало говорящим известием, что Монфор находится на Толозанской дороге, я воспользовался этим, чтобы просить графа — освободить юную графиню, упомянул, что наступает май, который все празднуют в нашей округе, и что я привез с собой нового жонглера с новыми песнями. Граф обещал мне на радостях освободить Изору.

Когда наступила ночь, я, перед тем как отправиться на стражу, спрятал Гаэтана в розовых кустах, чтобы его никто не нашел. Ложась спать, он продолжал рассказывать сказки, еще раз назвал госпожу мою Морганой, и когда я спросил его наконец, где у него правда и где вымысел и может ли он объяснить мне, как может Страданье стать Радостью, он сослался только на свои песни.

Стоя в ту ночь на страже у ее пустого окна, я чувствовал какую-то особенную тревогу, и крайние сомнения стали терзать меня. Мне с ясностью представилось, что старик, которого я привез с собой и которому должен завтра принести одежду жонглера, чтобы он пел на празднике, где будет слушать его моя госпожа, наслал на нее какие-то туманные и страшные сны, от которых она томится, не находя исхода. Я подумал о том, что она была счастливее, когда предавалась невинным играм с молодым пажем, и стал молиться господу богу, прося его освободить от туманных образов пламенную грудь юной Изоры.

Наутро, когда я пришел будить Гаэтана, он бредил во сне, а на груди его лежала черная роза, непохожая на все те красные, которые цвели над ним. Грудь моя исполнилась несказанным волнением, и я спросил его, откуда у него этот цветок. Он ответил, что цветок, вероятно, упал с куста, и, в ответ на мою просьбу, с легкостью отдал мне розу. Взяв благоговейно цветок и спрятав его на грудь, я не пытался проникнуть в чудо, посланное мне за мою усердную молитву, но почувствовал необыкновенный прилив сил. В тот час я понял ясно, что старый младенец более не опасен для прекрасной Изоры и что любовь моя стала выше и чище с той минуты, как роза стала моею.

Перед началом праздника я узнал о готовящемся нападении на замок и пытался предупредить графа, который не захотел, однако, меня слушать. Положившись на волю божию, я был свидетелем того, как Алискан был посвящен в рыцари, как Гаэтан пел свою песню, как Изора от волнения лишилась чувств, как старик скрылся куда-то и как потом Изора, очнувшись от обморока, обратила свои взоры на Алискана. В ту минуту, когда придворные дамы скрыли от моих глаз двух влюбленных, пришла весть о нападении, все бросились к оружию, и я, чувствуя розу на груди моей, пошел в бой.

Богу угодно было, чтобы среди небольшого отряда нападающих, сторонников графа Раймунда, оказался тот самый рыцарь с дельфином на гербе, который был причиной всех моих несчастий. Я вступил с ним

в бой, бой длился недолго, и в ту минуту, когда этот рыцарь нанес мне жестокий удар мечом в грудь, где была спрятана роза, я повалил его на землю, хотя он был ростом с великана, и, наступив ему ногою на грудь, так же, как некогда он наступил мне, заставил его просить пощады. Тогда войска нападающих рассеялись, и я, оставив моему противнику жизнь, возвратился в замок. Граф, узнав о том, что я ранен, передал через дружественного мне рыцаря, что он на эту ночь освобождает меня от стражи, но госпожа моя, встретив меня благосклонно, приказала мне быть на страже эту ночь, чтобы во время ее свидания с Алисканом подать ей знак ударом меча, в случае опасности. Теперь я чувствую себя в руке божией и, насколько хватит сил (ибо раны мои болят), буду стараться, чтобы никто в эту ночь не нарушил покоя юных влюбленных, помня, как добрый отец, что не страшны те, кто убивает тело, души же не может убить.

Май 1913

3. «РОЗА И КРЕСТ»

(К постановке в Художественном театре)

Первое, что я хочу подчеркнуть, это то, что «Роза и Крест» — не историческая драма. Дело не в том, что действие происходит в южной и северной провинции Франции в начале XIII столетия, а в том, что помещичья жизнь и помещичьи нравы любого века и любого народа ничем не отличаются один от другого. Первые планы, чертежи драмы в тот период творчества, когда художник собирается в один нервный клубок, не позволяет себе разбрасываться,— все это было, так сказать, внеисторично. История и эпоха пришли на помощь только во второй период, когда художник позволяет себе осматриваться, вспоминать, замечать, когда он «распускает» себя.

Вот вкратце содержание и основная мысль драмы «Роза и Крест».

Есть песни, в которых звучит смутный зов к желанному и неизвестному. Можно совсем забыть слова этих песен, могут запомниться лишь несвязанные отрывки слов; но самый напев все будет звучать в памяти, призывая и томя призывом.

Одну из таких туманных северных песен спел в южном французском замке заезжий жонглер. Песня говорила о том, что в мире повсюду беда и утраты и что рыцарь должен отметить грудь свою знаком креста, ибо «сердцу закон непреложный — Радость-Страданье одно»; эта песня, с суровым припевом о море и о снеге, запала в душу юной графини Изоры, жены владельца богатого замка, и в душу бедного рыцаря Бертрана, который верно служил графу, не получая наград за трудную службу, и тайно любил графиню Изору без надежды на взаимность.

Семнадцатилетняя Изора, дочь простой испанки, начитавшаяся романов, поняла песню о Радости-Страдании по-своему: «Радость — любить, страданье — не знать любви». Она затосковала и заболела, стараясь припомнить и понять зовущую песню. Причина ее болезни неизвестна ни старому глупому мужу, ни льстивому и развратному капеллану, ни доктору, ни придворной даме, ни молодому и красивому пошляку — пажу Алискану, с которым Изора еще недавно занималась от скуки легкими любовными играми.

Простой и здравый разум седеющего неудачника Бертрана не умеет постичь туманного смысла песни. Бертран слишком свыкся со страданием, чтобы поверить, что оно может стать Радостью; но сердце его слышит далекий зов, и оно твердит ему, что госпожа, которую он любит, томится этой самой песней.

В то время разгорается на юге Франции восстание альбигойцев, и папа снаряжает против них крестовый поход; войско его движется с севера на выручку сюзеренов Лангедока. Граф, который также боится нападения окрестных крестьян, посылает Бертрана разведать, близко ли папское войско. Изора, узнав, что Бертран отправляется на север, велит ему отыскать создателя непонятной песни по признакам, которые ей приснились, и привезти его к ней.

Бертран не отказывается от сумасбродного поручения и решает исполнить его или погибнуть. Поэтому, разузнав все, что ему приказано, о войске папы, он пускается в дальний путь и достигает пределов Бретани. Здесь, на пустынном берегу океана, судьба или случай сталкивают его с высоким худым рыцарем в поношенной одежде с выцветшим крестом на груди. В причудливых рассказах этого старого ребенка, которого зовут Гаэтаном, простой ум Бертрана не может различить правды от вымысла; но, вслушиваясь в рассказы, Бертран исполняется странным предчувствием: сам себе плохо веря, он узнает понемногу в странном старике создателя туманной песни, и с торжеством увозит его с собою.

На празднестве, устроенном в первый весенний день, Гаэтан должен выступить после других жонглеров и спеть свою песню; но взволнованная ожиданием графиня Изора ждала прекрасного юного певца, и не признает его в призрачном старике. Только голос, слышанный ею во сне, потрясает ее так, что она лишается чувств. Придя в себя, она видит, что старик исчез, а рядом с нею — влюбленный в нее красивый и молодой Алискан. Тогда все недавнее томление начинает казаться ей сном.

Празднество прервано нападением врагов. Бертран бросается в бой, обращает врагов в бегство и смертельно ранен. Изора, не зная о ране и видя в Бертране единственного преданного слугу, просит его стать ночью на стражу у окна, пока у нее будет Алискан, и, в случае опасности, подать знак ударом меча о камень.

Бертран, помогая Алискану взобраться в окно госпожи, встает на стражу у окна счастливых любовников. Истекая кровью, он постигает наконец, как Страданье может стать Радостью. В ту минуту, когда Изоре грозит опасность быть застигнутой ревнивым мужем, умирающий Бертран роняет меч на каменные плиты двора. Алискан, услышав звон меча, успевает бежать. Изора, никогда не обращавшая внимания на бедного рыцаря, увидав его мертвым, плачет.

Такова основа драмы «Роза и Крест». Она есть, во-первых, драма *человека,* Бертрана; он — не герой, но разум и сердце драмы; бедный разум искал примирения Розы никогда не испытанной Радости с Крестом привычного Страдания. Сердце, прошедшее долгий путь испытаний и любви, нашло это примирение лишь в минуту смерти, так что *весь* жизненный путь бедного рыцаря представлен в драме.

«Роза и Крест» есть, во-вторых, драма Изоры, хотя в ней представлена лишь часть ее пути, дальнейшая же судьба неразумной мещанки, сердце которой чисто, потому что юно и страстно,— неизвестна. Изора еще слишком молода для того, чтобы оценить преданную, *человеческую только* любовь, которая охраняет незаметно и никуда не зовет. Изора прислушивается к нечеловеческим зовам, которые влекут ее на противоположные пути. Если Гаэтан — не человек, а призрак и как бы *чистый зов,* певец, сам не знающий, о чем поет, то и Алискан — не человек, а красивое животное, которое слишком знает, куда зовет.

Естественно, что молодая и красивая женщина предпочла живое — призрачному; было бы странно, если бы темная и страстная испанка забыла южное солнце для северного тумана; но судьба Изоры еще не свершилась, о чем говорят ее слезы над трупом Бертрана. Может быть, они случайны, и она скоро забудет о них; может быть, и она приблизилась к пониманию Радости-Страдания; может быть, наконец, ее судьба — совсем не сходна с судьбою человека, который любил ее *христианской* любовью и умер за нее как *христианин,* открыв для нее своей смертью новые пути.

25 мая 1915

В основу настоящего издания положены три книги «Стихотворений» Александра Блока в их последних изданиях, осуществленных по плану автора (книга первая в пятом издании 1922 г., книга вторая в четвертом издании 1918 г., книга третья в третьем издании 1921 г.).

Александр Блок во всех подготовленных им собраниях стихотворений делил свою лирику на три книги. Это членение отнюдь не носило внешнего, механического характера. Каждая из трех книг, по замыслу поэта, должна была отражать определенный этап его творческого пути и имела целостную художественную структуру, равно как и все три книги вместе. К составу и конструкции своих стихотворных сборников А. Блок относился с глубоким вниманием. «Переиздание моих книг побуждает меня всегда проверять весь путь, потому я семь раз отмериваю, чтобы раз отрезать... Выбираю и распределяю все так, чтобы как можно яснее (насколько в данное время жизни понимаю) было, чего хотел, чего не достиг, как падал, где удалось удержаться»,— заметил он в 1916 г. в письме к А. Я. Гуревич (Александр Блок, Собрание сочинений в восьми томах, т. 8, М.—Л. 1964, стр. 456—457).

Поскольку задача настоящего издания состоит в том, чтобы представить лучшие, наиболее совершенные в художественном отношении произведения Блока, из книги первой опущено 101 стихотворение. Книги вторая и третья остались неприкосновенными. Вместе с тем принятый критерий обязывал дополнить основной свод лирики Блока избранными стихами из числа не вошедших в трехтомник в его окончательном составе. Эти, по преимуществу юношеские (1898—1903), стихи в большинстве были радикально переработаны в позднейшее время (в иных случаях — переписаны, по существу, заново) и опубликованы либо в периодических изданиях, либо в сборниках поэта. Относительно таких стихотворений Блок сказал в предисловии к сборнику «За гранью прошлых дней» (1919): «Многие из них переделаны впоследствии, так что их нельзя отнести ни к этому раннему, ни к более позднему времени». В отдельных случаях стихи этого раздела помечены двумя датами: вто-

рая дата, заключенная в скобки, указывает на время радикальной переработки; две даты через тире означают, что в основу стихотворения был положен ранний черновой набросок.

Текст воспроизводится по изданию: Александр Блок, Собрание сочинений в восьми томах, тт. I—IV, Государственное издательство художественной литературы, М.—Л. 1960—1961. Единственное исключение — стихотворение «Да, так велит мне вдохновенье...» (из цикла «Ямбы»). Оно печатается по журнальной публикации 1920 года, которая, как выясняется, должна считаться последней авторской редакцией.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Книга первая

Стр. 27. *Шахматово* — усадьба А. Н. Бекетова, деда Блока, в Клинском уезде Московской губернии.

«Ты много жил, я больше пел...» (стр. 28).— *Гун* Николай Васильевич — гимназический товарищ Блока, покончивший самоубийством 20 января 1902 г. (см. стихотворение «На могиле друга» — стр. 550 наст. тома).

Моей матери (стр. 29).— Мать Блока — Александра Андреевна Бекетова (1860—1923), по первому мужу Блок, по второму — Кублицкая-Пиоттух, переводчица и писательница для детей.

«Я стремлюсь к роскошной воле...» (стр. 30).— *Дедово* — подмосковная усадьба А. Г. Коваленской, двоюродной бабки Блока.

«Есть в дикой роще, у оврага...» (стр. 31).— Среди юношеских стихотворений Блока есть целый ряд вариаций на темы и мотивы трагедии Шекспира «Гамлет». Все они связаны с любительским спектаклем, состоявшемся 1 августа 1898 г. в усадьбе Менделеевых Боблово; роль Гамлета исполнял Блок, роль Офелии — его будущая жена Л. Д. Менделеева. См. стихотворение «Я шел во тьме к заботам и веселью...» (стр. 526 наст. тома).

«Луна проснулась. Город шумный...» (стр. 32).— *К. М. С.*— Ксения Михайловна Садовская (1862—1925), «первая любовь» Блока, с которой он встречался в 1897—1899 гг.

«Окрай небес — звезда омега...» (стр. 33).— *Омега* — последняя буква греческого алфавита; по астрономической классификации, так обозначаются цветные звезды, к числу которых принадлежат Сириус и Вега.

Гамаюн, птица вещая (стр. 34).— Имеется в виду картина Виктора Михайловича *Васнецова* (1848—1926), изображающая *Гамаю-*

на — по древнерусским поверьям, сказочную райскую птицу-вещунью с человеческим лицом. *Трус* — землетрясение.

«Прошедших дней немеркнущим сияньем...» (стр. 41).— Курсивом выделена цитата из трагедии Шекспира «Гамлет» (д. III, сц. 1 — монолог Гамлета).

«На небе зарево. Глухая ночь мертва....» (стр. 42).— По разъяснению Блока, в этом стихотворении отразилось одно из его впечатлений: деревья березовой рощи и облака, освещенные лучами заходящего солнца, показались ему картиной средневекового города.

«Ищу спасенья...» (стр. 45).— *Соловьева* Ольга Михайловна (1855—1903) — художница и переводчица, жена М С Соловьева (брата философа и поэта Вл. Соловьева), мать поэта Сергея Соловьева, родственница Блока, содействовавшая его первому выступлению в печати.

«В день холодный, в день осенний...» (стр. 52).— *Старая Деревня* — пригород Петербурга.

«Всё отлетают сны земные...» (стр. 52).— Эпиграф принадлежит Блоку.

«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» (стр. 56).— *Соловьев* Владимир Сергеевич (1853—1900) — поэт, философ, публицист и литературный критик; воинствующий идеалист и мистик, оказавший глубокое влияние на молодого Блока.

«Она росла за дальними горами...» (стр. 57).— *Соловьев* Сергей Михайлович (1885—1942) — троюродный брат Блока и до 1905 г. один из ближайших его друзей; поэт и критик; племянник Вл. Соловьева.

«Я помню час глухой, бессонной ночи...» (стр. 58).— *Боблово* — усадьба Д. И. Менделеева в Клинском уезде Московской губернии, в 8 верстах от Шахматова.

«Признак истинного чуда...» (стр. 62).— *Фабрика* — в окрестностях Шахматова.

«Кругом далекая равнина...» (стр. 64).— *Ивлево* — деревня в окрестностях Шахматова.

«Нет конца лесным тропинкам...» (стр. 65).— *Церковный лес* — в окрестностях Шахматова.

Ночь на Новый год (стр. 72).— Вариация на тему баллады В. А. Жуковского «Светлана».

«Верю в Солнце Завета...» (стр. 78).— *Апокалипсис* — «Откровение Иоанна Богослова», одна из книг «Нового завета», содержащая пророчества о грядущем «конце света».

«Весна в реке ломает льдины...» (стр. 82).— *Моисеев куст.*— По библейскому преданию, Моисей из горевшего и не сгоравшего куста (Неопалимая купина) услышал божественный призыв к освобождению евреев от египетского рабства.

«Странных и новых ищу на страницах...» (стр. 84).— *Купина* — см. предыдущее примечание.

На смерть деда (стр. 91).— Дед Блока (по матери) — Андрей Николаевич Бекетов (1825—1902), видный ученый (ботаник) и либеральный общественный деятель, профессор и ректор (в 1876—1883 гг.) Петербургского университета.

Экклесиаст (стр. 100).— Переложение части (ст. 3—6) XII главы ветхозаветной «Книги Екклесиаста», приписанной в древности царю Соломону.

«Был вечер поздний и багровый...» (стр. 101).— *Иуда Искариот* — по евангельской легенде, один из апостолов Иисуса Христа, из корысти предавший его в руки врагов. Версия о том, что Иуда был при рождении Иисуса, не находит подтверждения в евангельских источниках и, очевидно, придумана Блоком.

Старик (стр. 102).— Посвящено академику Андрею Сергеевичу *Фаминцыну* (1835—1918), ботанику и физиологу, близкому знакомому старших Бекетовых.

«Дома растут, как желанья...» (стр. 108).— *Орфей* (греч. миф.) — чудесный поэт и певец; спустился в подземное царство за своей умершей женой Эвридикой, которую все же потерял, потому что, выводя ее, оглянулся, вопреки запрету богов.

«Я их хранил в приделе Иоанна...» (стр. 109).— Написано было сразу после решительного объяснения с Л. Д. Менделеевой 7 ноября 1902 г., когда она согласилась стать женой Блока. *Осанна* (в переводе с греческого: «Спаси же!») — молитвенный возглас, славословие.

«Я смотрел на слепое людское строение...» (стр. 113).— *Андрей Белый* — литературный псевдоним Бориса Николаевича Бугаева (1880—1934), поэта, прозаика, критика, виднейшего теоретика символизма, с которым Блок вступил в переписку в январе 1903 г., лично познакомился в январе 1904 г. и с которым в течение всей жизни поддерживал крайне неровные отношения (наиболее близкие в 1904—1905 гг.).

«Царица смотрела заставки...» (стр. 114).— Отражение народно-поэтического предания о *Глубинной* (или *Голубиной*) книге, упавшей на землю с неба. Книга эта, одно из популярных произведений духовной литературы, явилась средоточием церковной мудрости русского средневековья. Глубинной книгу называли от глубины премудрости, в ней заключенной, а голубиной — по известному символу «святого духа».

«— Все ли спокойно в народе?..» (стр. 119).— *Посох железный* — образ, заимствованный из Апокалипсиса.

«Когда я стал дряхлеть и стынуть...» (стр. 123).— *Бессмертная пошлость* — выражение Ф. И. Тютчева («Чему молилась ты с любовью...»). Стихотворение было вызвано впечатлениями курортного быта в немецком курортном городе *Бад Наугейм*.

«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...» (стр. 124).— В стихотворении биографически достоверно изложены обстоятельства встречи Блока с Л. Д. Менделеевой 7 ноября 1902 г. на вечере курсисток в зале Дворянского собрания, их решительного объяснения и следующей встречи, имевшей место 9 ноября в Казанском соборе.

«Сижу за ширмой. У меня...» (стр. 128).— По разъяснению Блока, стихотворение было внушено ему «Трансцендентальной эстетикой» И. Канта. Образ человека, прячущегося за ширмой, заимствован из «Драматической симфонии» А. Белого (1902), где описан «молодой философ», который, прочитав у Канта о пространстве и времени как априорных формах познания, придумывает — «нельзя ли заставить себя ширмами, спрятавшись от времени и от пространства».

«Темная, бледно-зеленая...» (стр. 131).— *Оленина-д'Альгейм* Мария Алексеевна (род. в 1869 г.) — камерная певица, популярная в кругу символистов.

«Мы шли на Лидо в час рассвета...» (стр. 132).— *Лидо* (итал.) — взморье; Блок так называл побережье Финского залива в окрестностях Петербурга.

«Плачет ребенок. Под лунным серпом...» (стр. 133).— *Иванов* Евгений Павлович (1879—1942) — литератор, самый близкий и задушевный друг Блока.

Из газет (стр. 134).— *Человек с оловянной бляхой на теплой шапке* — городовой.

Статуя (стр. 135).— По свидетельству Блока, стихотворение было «внушено статуями барона Клодта на Аничковом мосту в Петербурге».

«Светлый сон, ты не обманешь...» (стр. 137).— *Вечерницы* — здесь: вечерние звезды (зо́рницы).

Молитвы (стр. 138).— 4. Ночная. *Суровый маг* — В. Я. Брюсов, признанный вождь символистской школы, который возражал против стремления «младших» символистов (А. Белый, А. Блок, С. Соловьев и др.) сделать поэзию «служанкой» мистической философии Вл. Соловьева. Документом этой полемики служит стихотворение Брюсова «Младшим» («Они Ее видят! Они Ее слышат!..»), обращенное к Блоку и Белому. «Ночная молитва» Блока явилась ответом на это стихотворение Брюсова.

«Дали слепы, дни безгневны...» (стр. 141).— По разъяснению Блока, написано «под впечатлением живописи Врубеля».

Пузыри земли (стр. 148).— Эпиграф — из трагедии Шекспира «Макбет» (акт I, сц. 3), которая принадлежала к числу любимейших литературных произведений Блока.

Болотные чертенятки (стр. 149).— *Ремизов* Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель-символист, прозаик и драматург, приятель Блока.

Твари весенние (стр. 151).— *Гиппиус* Татьяна Николаевна (род. в 1877 г.) — художница-график, автор портрета Блока (1906). Блок любил рассматривать рисунки Т. Н. Гиппиус в ее альбоме *«Kindisch»*, заполненном изображениями разного рода фантастических «тварей» и чертенят. *Купальница* — купава, луговой цветок.

«Белый конь чуть ступает усталой ногой...» (стр. 154).— *Схима* — высшая монашеская степень, требующая от посвященного в нее выполнения суровых, аскетических правил. *Змеевик* — общее название ряда травянистых растений. *Новоселки* — деревня в окрестностях Шахматова.

Старушка и чертенята (стр. 156).— Посвящение носит шуточный характер: *Григорий Е.*— это еж, пойманный Блоком и живший в шахматовском доме летом 1905 г. *Троица* — монастырь Троице-Сергиевой лавры (ныне Загорск).

Ночная фиалка (стр. 160).— «Эта поэма — почти точное описание виденного мною сна»,— пояснил Блок. *Что нечаянно Радость придет И пребудет она совершенной* (стр. 167) — цитата из Евангелия от Иоанна.

«Жду я смерти близ денницы...» (стр. 168).— Как отметил сам Блок, было написано «в подражание» стихотворению В. Брюсова «Приходи путем знакомым...». *Семенов* Леонид Дмитриевич (1884—1917) — поэт, товарищ Блока по университету.

«Нежный! У ласковой речки...» (стр. 174).— *Смородский* Федор — мелкий поэт 1900-х годов, писавший также под псевдонимом: Ф. Ладо-Светогорский.

Ее прибытие (стр. 177).— Фрагменты неоконченной поэмы, как указал Блок, «посвященной разным «несбывшимся надеждам» (по моему тогдашнему замыслу)», связанным с переживанием революционных событий конца 1904 и 1905 гг.

«Шли на приступ. Прямо в грудь...» (стр. 185).— Отклик на события «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г.

Влюбленность (стр. 186).— По разъяснению Блока, стихотворение внушено старинным замком города Фридберга в Германии.

«Не строй жилищ у речных излучин...» (стр. 189).—

Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — поэт, драматург, критик и литературовед, приятель Блока в 1904—1908 гг.

«Потеха! Рокочет труба...» (стр. 189).— *Слова слаще звуков Моцарта* — цитата из либретто оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама».

Балаганчик (стр. 190).— «Развитие этой темы — в лирической драме того же имени; те же мотивы встречаются и в „Стихах о Прекрасной Даме"» (примечание Блока).

Осенняя воля (стр. 195).— *Рогачевское шоссе* — вблизи Шахматова.

«Не мани меня ты, воля...» (стр. 196).— *Персть* — земля, земной прах.

«Вот он — Христос — в цепях и розах...» (стр. 200).— «Стихотворение навеяно теми чертами русского пейзажа, которые нашли себе лучшее выражение у Нестерова» (примечание Блока). Наиболее близкий пейзаж у М. В. Нестерова (1862—1942) — картина «Видение отроку Варфоломею».

«Милый брат! Завечерело...» (стр. 205).— Обращено к А. Белому. *Сестра* — Л. Д. Блок, жена поэта.

Сольвейг (стр. 209).— Блок указал, что драматической поэмой Генрика Ибсена (1828—1906) *«Пер Гюнт»* «навеяны и женственный образ Сольвейг, и другие образы этого стихотворения». Женское имя Сóльвейг в буквальном переводе с норвежского означает: «Солнечный путь». Ср. стихотворение «Сóльвейг! О, Сóльвейг! О, Солнечный Путь!..» (стр. 226). *Городецкий* Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт и беллетрист, приятель Блока в 1905—1908 гг.

«Ты был осыпан звездным цветом...» (стр. 210).— *Гюнтер* Ганс (Иоганн) (род. в 1886 г.) — немецкий поэт, переводчик русских писателей (в том числе Блока) на немецкий язык; одно время жил в Петербурге.

Ангел-Хранитель (стр. 211).— Обращено к Л. Д. Блок — жене поэта. Написано в третью годовщину их свадьбы.

Русь (стр. 214).— По разъяснению Блока, «„мутный взор колдуна", чарование злаков, ведьмы и черти в снеговых столбах на дороге, девушка, точащая под снегом лезвее ножа на изменившего милого,— все это подлинные образы наших поверий, заговоров и заклинаний».

Угар (стр. 218).— *Стихира* — церковное песнопение на библейские мотивы.

Балаган (стр. 225).— Эпиграф — из пьесы А. Дюма «Кин, или Гений и беспутство». *Кин* Эдмунд (1787—1833) — английский драматический актер, прославившийся в ролях шекспировского репертуара.

Последний день (стр. 235).— Блок отметил сказавшееся здесь влияние стихотворения В. Брюсова «Конь Блед».

Петр (стр. 236).— По разъяснению Блока, стихотворение внушено памятником Петру I работы Э. Фальконе на Сенатской площади в Петербурге («Медный всадник»).

Поединок (стр. 237).— *Вечерница* — здесь: вечерняя звезда, вечерняя заря. *Ясный, Кроткий, Златолатный* — св. Георгий Победоносец, патрон Московской Руси.

Невидимка (стр. 252).— *Красный фонарик* — опознавательный знак дома терпимости. *На Звере Багряном Жена* — образ «Великой блудницы» (развращенного Вавилона) в Апокалипсисе.

Митинг (стр. 253).— Блок отметил сказавшееся в этом стихотворении влияние «Баллады Редингской тюрьмы» О. Уайльда (1856—1900) в русском переводе К. Д. Бальмонта.

«Вися над городом всемирным...» (стр. 255).— Это стихотворение, как и следующее, было написано в день опубликования царского манифеста о «даровании» конституции, которую Блок оценил как обман свободолюбивых чаяний и надежд народа. *Предок царственно-чугунный* — памятник Петру I («Медный всадник»).

Сытые (стр. 258).— Блок указал, что это стихотворение «внушено октябрьскими забастовками 1905 года в Петербурге». В частности, тогда бастовала столичная электростанция.

Незнакомка (стр. 261).— «Развитие темы этого и смежных стихотворений — в лирической драме того же имени» (примечание Блока). *Чуть золотится кренделъ булочной...*— В дореволюционное время вывески булочных украшались золоченым изображением кренделя. *Озерки* — дачный пригород Петербурга.

«Там дамы щеголяют модами...» (стр. 263).— Вариант предыдущего стихотворения, обработанный в 1911 г. *Лицеист* — ученик Александровского лицея в Петербурге, привилегированного учебного заведения; в нарицательном смысле — представитель светской лощеной молодежи.

Клеопатра (стр. 274).— В 1907 г. Блок часто посещал открытый в Петербурге *паноптикум* (музей восковых фигур), где, в числе других, была выставлена фигура Клеопатры, снабженная механизмом, благодаря которому создавалось впечатление, будто она дышит. По преданию, Клеопатра покончила с собой, приложив к груди ядовитую змею. *Цезарь* — Юлий Цезарь, возлюбленный Клеопатры.

Снежная маска (стр. 277).— Эта «лирическая поэма» (как названа «Снежная маска» в рукописи) была написана под свежим впечатлением встречи и знакомства с актрисой драматического театра В. Ф. Комиссаржевской — *Натальей Николаевной Волоховой* (род. в 1880 г.), которой и посвящена (как и цикл «Фаина» и вообще большинство стихотворений, написанных в 1907 г.). В «Снежной маске» отразились впечатления костюмированного вечера, устроенного актрисами

театра В. Ф. Комиссаржевской — так называемого «бумажного бала», на котором дамы были в маскарадных костюмах, сделанных из бумаги (отсюда в стихах Блока — «трехвенечная тиара» и т. п., вплоть до таких деталей, как пряжки в виде змеек на женской обуви: «На конце ботинки узкой Дремлет тихая змея»).

Под масками (стр. 292).— В последней строфе упоминается книжный шкаф с металлическим изображением амура на дверце, стоявший в кабинете Блока.

Обреченный (стр. 300).— *Призор* — в церковнославянском языке: сглаз, порча от дурного глаза (перешло в народную речь).

«Я в дольний мир вошла, как в ложу...» (стр. 304).— *Н. Н. В.*— Н. Н. Волохова.

Снежная Дева (стр. 311).— *Сфинкс с выщербленным ликом* — один из двух древних фиванских сфинксов, установленных в Петербурге, на набережной Невы, возле Академии художеств.

«И я провел безумный год...» (стр. 312).— *Третья стража* (лат. Tertia vigilia).— В Древнем Риме был учрежден корпус ночных стражников — вигилий; третья стража — последняя смена караула перед рассветом. В переносном значении «за третьей стражей» — под утро.

Песня Фаины (стр. 325).— «На тему одной шансонетки. Фаина — действующее лицо в моей пьесе „Песня Судьбы"» (примечание Блока).

«Она пришла с мороза...» (стр. 328).— *Пузыри земли* — см. выше, стр. 778. *Паоло и Франческа* — несчастные любовники, жившие в Италии в XIII веке; об их трагической судьбе рассказано в «Божественной Комедии» Данте («Ад», песнь V).

«Своими горькими слезами...» (стр. 330).— *Развенчанная тень* — слова А. С. Пушкина (из стихотворения «Наполеон»). Это стихотворение — последнее из посвященных Н. Н. Волоховой.

О смерти (стр. 331).— *Сотка* — водочная бутылка (в одну сотую ведра).

Над озером (стр. 334).— *Шувалово* — дачная местность под Петербургом; здесь на берегу озера на крутом склоне холма расположено кладбище.

В северном море (стр. 337).— *Тальеры* — женские костюмы. *Вольный остров* — один из островов, расположенных в дельте Невы. *Фероньера* — женское украшение для волос. *Сестрорецкий курорт* — под Петербургом, на берегу Финского залива.

В дюнах (стр. 339).— *Дюны* — местность под Петербургом, на бывшей границе с Финляндией, на берегу Финского залива, в районе поселка Оллила (ныне — Солнечное).

Песнь Ада (стр. 347).— *День догорел...*— Так начинается вторая песнь «Ада» Данте («Lo giorno se n'andava...»). По разъяснению Блока, «Песнь Ада» — «есть попытка изобразить «инфернальность» (термин Достоевского), «вампиризм» нашего времени стилем Inferno...» *(«Inferno»* — «Ад»).

На островах (стр. 351).— *Елагин мост* — в Петербурге.

«Дух пряный марта был в лунном круге...» (стр. 353).— *Крестовский остров* — в Петербурге.

Демон (стр. 354).— «Стихотворение написано под впечатлением смерти Врубеля; связь демонов Лермонтова и Врубеля, намеки на которую есть в этих стихах, подлежит исследованию» (примечание Блока).

«Идут часы, и дни, и годы...» (стр. 356).— *Ecce Homo!* (Се — человек!) — по евангельской легенде, слова, с которыми Понтий Пилат указал на Иисуса Христа.

Авиатор (стр. 358).— В рукописи посвящено памяти В. Ф. Смита — одного из первых русских летчиков, разбившегося на глазах у Блока 14 мая 1911 г. на Коломяжском аэродроме в Петербурге. *Летун* — в народном языке: огненный змей, летучий дух.

«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...» (стр. 365).— *Безумный Эдгар* — Эдгар По (1809—1849).

«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...» (стр. 367).— *Ревность по дому* и *Что делаешь, делай скорее* — цитаты из Евангелия (вторая — слова Иисуса Христа, обращенные к Иуде).

«Весь день — как день: трудов исполнен малых...» (стр. 368).— *Ни охнуть, ни вздохнуть* — выражение И. А. Крылова (басня «Волк и Журавль»).

На смерть младенца (стр. 385).— Написано на смерть сына Л. Д. Блок — Дмитрия, прожившего всего восемь дней.

Шаги командора (стр. 390).— *Зоргенфрей* Вильгельм Александрович (1882—1938) — поэт, приятель Блока.

Ямбы (стр. 395).— Стихи, составившие этот цикл, в большинстве были выделены из рукописей первой редакции поэмы «Возмездие». *Ювенал* Децим Юний — римский поэт-сатирик (I—II вв. н. э.). *Блок* Ангелина Александровна (1892—1918) — дочь А. Л. Блока от второго брака; поэт познакомился с сестрой в декабре 1909 г. в Варшаве, на похоронах отца, в дальнейшем встречался с ней не часто, но относился к ней с большой симпатией и был озабочен ее судьбой.

«Я ухо приложил к земле...» (стр. 395).—В рукописи озаглавлено: «Рабочему». Конкретно-политический смысл этого и следующего за ним стихотворений раскрывается более полно, если учесть, что они были написаны в тот самый день, когда царским манифестом было

объявлено о роспуске Государственной думы, после чего правительство перешло к открытой политике жесточайшего контрреволюционного террора.

«Тропами тайными, ночными...» (стр. 396).— *Их корабли в пучине водной* — отзвук Цусимского сражения 14—15 мая 1905 г., когда в морском бою с японцами погибла бо́льшая часть русской Тихоокеанской эскадры. *Отходная* — молитва, которую священник *(иерей)* читает над умирающим.

«В голодной и больной неволе...» (стр. 397).— *Господне лето* — выражение из Евангелия («Лето господнее благоприятно»).

«Не спят, не помнят, не торгуют....» (стр. 397).— В рукописи озаглавлено: «Святая Пасха». *Ты* — Л. Д. Блок; *та ночь* — ночь с 7 на 8 ноября 1902 г., когда произошло решительное объяснение Блока с будущей женой.

«О, как смеялись вы над нами...» (стр. 398).— Заключительное двустишие — цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium!» («Молчание!»).

«Я — Гамлет. Холодеет кровь...» (стр. 398).— Обращено к жене и связано с воспоминаниями о «шекспировском спектакле» 1898 г. (см. выше, стр. 774).

«В огне и холоде тревог...» (стр. 401).— *В час искупительный у гроба* — то есть у гроба отца, А. Л. Блока.

Равенна (стр. 403).— *Равенна* — древняя столица Западной Римской империи, в 493 г. была завоевана королем остготов *Теодорихом Великим* (ок. 454—526); впоследствии она пришла в упадок и постепенно превратилась в захолустный городок. Многочисленные старинные церкви Равенны (у Блока — *базилики)* украшены замечательными мозаиками. В Равенне похоронены Теодорих Великий, римская императрица V века Галла Плацидия Августа *(Галла)* и величайший поэт Италии Данте Алигьери. *Далеко отступило море...*— «Лежащий на юго-восток от Равенны Glasse был во времена Августа главной римской гаванью — portus Glassis; но Адриатика давно уже отступила от этих берегов; и шумная некогда гавань состоит теперь из нескольких домиков и огромной полупустой базилики...» (примечание Блока). *«Новая Жизнь»* — произведение Данте.

Девушка из Spoleto (стр. 405).— *Сполето* — городок в Средней Италии. *Лишь, как художник, смотрю за ограду.*— «Художники Возрождения любили изображать себя самих на своих картинах, в качестве свидетелей или участников...» (примечание Блока).

Венеция (стр. 405).— *Львиный столб* — памятник в Венеции. *Гиганты* — две человеческие фигуры, установленные на башенных часах в Венеции. *Марк* — собор св. Марка в Венеции, отличающийся богатством архитектурного оформления. *Лагуна лунная.*— По разъясне-

нию Блока, он имел в виду освещенное луной небо. На воспоминание о библейской легенде о царевне *Саломее*, потребовавшей в награду за пляску голову Иоанна Крестителя, Блока, возможно, натолкнула картина Карло Дольчи «Саломея с головой Иоанна Крестителя», которую он видел в Италии. *Священной шалью оградить.*— «Черные шали с бахромой — до сих пор неизменная принадлежность костюма венецианок; их накидывают и носят особенно» (примечание Блока).

Перуджия (стр. 407).— *Перуджия* — городок в Италии в области Умбрия. *Перуджино* (1446—1524) — итальянский художник.

Флоренция (стр. 408).— *Там, где святой монах сожжен.*— Во Флоренции, на площади Синьории, по приговору церковных властей был повешен и сожжен, как еретик, монах Джироламо Савонарола (1452—1498) — проповедник и общественный реформатор. *Леонардо* — Леонардо да Винчи. *Беато* — Фра Джованни да Фьезоле (1387—1455) — итальянский художник, причисленный церковью к «лику блаженных» под именем Беато Фра Анжелико. *Медичи* — знатный род, правивший во Флоренции. *Лилии* — эмблема феодальной Флоренции. *Кашины* — парк во Флоренции. *Христовы слезы* («Lacrima Christi») — марка итальянского вина.

«Вот девушка, едва развившись...» (стр. 411).— *Септимий Север* — римский император (с 193 по 211 г.).

Madonna da Settignano (стр. 412).— *«Settignano* — местечко в окрестностях Флоренции. Стихотворение это внушил мне бюст синеокой мадонны в желтом платке с цветочками, помещенный под местечком, в полугоре» (примечание Блока).

Фьезоле (стр. 412).— *Фьезоле* — городок в окрестностях Флоренции. *Кампанилы* (итал.) — колокольни.

Сиена (стр. 412).— *Сиена* — древний город в Средней Италии.

Сиенский собор (стр. 413).— Мраморный пол великолепного Сиенского собора покрыт многими изображениями, среди которых — девять *сивилл* (древнегреческих пророчиц; впоследствии в так называемых «Сивиллиных книгах» ранние христиане находили пророчества о появлении «спасителя», мессии), а также — «возрасты человека» от детства до старости.

«Искусство — ноша на плечах...» (стр. 414).— В итальянском городке Фолиньо Блок случайно увидел в кинематографе французский фильм, который уже посмотрел за год до того в Петербурге.

Благовещение (стр. 415).— Стихотворение внушено фреской художника Джианниколо Манни, которую Блок увидел в Перуджии. Под фреской — латинская подпись: «Убеждаю: идите прочь, непосвященные, это место свято».

Успение (стр. 417).— «Стихотворение внушено фреской Фра Филиппо Липпи в алтаре Сполетского собора (Умбрия)» (примечание

Блока). *Три царя.*— По евангельской легенде, когда родился Иисус Христос, его пришли приветствовать три царя из восточных земель, ведомые вновь появившейся на небе звездой.

Эпитафия Фра Филиппо Липпи (стр. 417).— *Фра Филиппо Липпи* (около 1406—1469) — итальянский художник. *Лаврентий Медичи* Великолепный (1448—1492) — флорентийский правитель, покровитель художников и ученых. *Полициан* (1454—1494) — итальянский писатель-гуманист.

За гробом (стр. 419).— *Утоли мои печали* — название одной из распространенных икон богоматери.

«Когда замрут отчаянье и злоба...» (стр. 422).— Обращено к Л. Д. Блок.

«Всё это было, было, было...» (стр. 423).— *Возлюбленная поляна* — Шахматово. *Калита* — московский великий князь Иван Данилович, по прозванию Калита (умер в 1340 г.).

Комета (стр. 425).— В 1910 г. много говорили и писали о появлении Кометы Галлея, якобы угрожающей существованию Земли. *Матчиш* — мотив популярного в свое время танца. *Симплон* — знаменитый туннель в швейцарских Альпах.

«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» (стр. 426).— Стихотворение связано с воспоминанием о следующем эпизоде: в начале августа 1911 г. во французский порт Аберврак (на Бретонском побережье Атлантического океана), где тогда жил Блок с женой, неожиданно вошла военная эскадра; политическое положение в Европе в то время было напряженным, и Блок истолковал это событие как предзнаменование близящейся мировой войны.

Юрию Верховскому (стр. 427).— *Верховский* Юрий Никандрович (1878—1956) — поэт и историк русской поэзии. *«Идиллии и элегии»* (Спб. 1910) — сборник стихотворений Ю. Верховского, в значительной части имитирующих жанры и формы античной идиллической и элегической лирики.

Валерию Брюсову (стр. 428).— Блок в молодости испытал сильное влияние поэзии В. Я. Брюсова (1873—1924) и считал его одним из своих учителей. Личное знакомство их состоялось 30 января 1903 г. В дальнейшем Блок в значительной мере разочаровался в поэзии Брюсова, продолжая поддерживать с ним личные и деловые отношения. В марте 1912 г., получив от В. Я. Брюсова новый сборник его стихов «Зеркало теней» (М. 1912), Блок записал в дневнике: «Книга новых стихов от Брюсова (отозвалось прежней радостью и болью)».

Владимиру Бестужеву (стр. 429).— *Владимир Бестужев* — один из литературных псевдонимов Владимира Васильевича Гиппиуса (1876—1941), поэта и критика, участника раннего символистского дви-

жения. Ответ на послание Б. Бестужева «Александру Блоку» («Гиперборей», 1912, № 2).

Вячеславу Иванову (стр. 429).— *Иванов* Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт и филолог, виднейший теоретик и деятель русского символизма. *Восстанья страшная душа* и *Из стран чужих, из стран далеких.*— Блок познакомился с Вяч. Ивановым в январе 1905 г. (вскоре после событий 9 Января), когда тот вернулся в Россию после длительного пребывания за границей.

Анне Ахматовой (стр. 431).— Ответ на послание Анны Андреевны Ахматовой (1889—1966) «Александру Блоку («Я пришла к поэту в гости...»).

Художник (стр. 432).— *Сирины* — в русском фольклоре и древнерусской литературе сказочные райские птицы, символизирующие радость и счастье.

«О, нет! не расколдуешь сердца ты...» (стр. 433).— Обращено к Л. Д. Блок. *Девятый день и день сороковой*— дни, установленные православной церковью для поминовения умерших.

Женщина (стр. 434).— Начиная с 1911—1912 гг. Блок переживал сильное увлечение творчеством и самой личностью шведского писателя Августа *Стриндберга* (1849—1912), в котором он видел черты демократа и «нового человека» — волевого и мужественного. В данном стихотворении переданы характерные для позднего Стриндберга настроения: его протест против размягчающего «женственного» начала. Блок, под влиянием Стриндберга, в известной мере разделял эти настроения, в шутку называя их «женоненавистничеством».

Перед судом (стр. 436).— Обращено к Л. Д. Блок.

Антверпен (стр. 437).- В Антверпене Блок был в сентябре 1911 г. Осенью 1914 г., в начале первой мировой войны, Антверпен, как и вся Бельгия, стал ареной кровопролитных сражений. *Эско* — французское название реки Шельды, на берегах которой расположен Антверпен. *Стимер* — корабль. *Квентин Массис* (1466—1530) — художник нидерландского Возрождения.

«Душа! Когда устанешь верить?..» (стр. 442).— Обращено к некоей Маргарите Аносовой, в ту пору курсистке и начинающей поэтессе, литературной поклоннице Блока.

«Май жестокий с белыми ночами!..» (стр. 443).— *Пяст* Владимир Алексеевич (1886—1940) — поэт, друг Блока, порвавший с ним после появления поэмы «Двенадцать».

Три послания (стр. 444).— Посвящено Валентине Андреевне Щеголевой (1878—1931), драматической актрисе.

«Уже над морем вечереет...» (стр. 450).— *Обетование неложно* — слова молитвы («Ты дал неложное обетование...»).

Через двенадцать лет (стр 456).— Стихи этого цикла в

большинстве были набросаны в июне 1909 г. в Бад Наугейме, где за 12 лет до того Блок встретился с К. М. Садовской (см. выше, стр. 774). *Градирни* — стены из хвороста, который пропускает сквозь себя ветер и механически приводимую в движение соленую воду (сооружены в Бад Наугейме в лечебных целях). *Лес девичий* (Frauenwald) — парк в Бад Наугейме. *Елагин остров* — парк в Петербурге. *Синий призрак умершей любовницы.*— До Блока дошел ложный слух о смерти К. М. Садовской.

На смерть Коммиссаржевской (стр. 461).— Блок познакомился с Верой Федоровной Коммиссаржевской (1864—1910) в 1906 г., когда в ее театре была поставлена первая лирическая драма Блока — «Балаганчик». *Камень бел-горючий* и *плакун-трава* — образы русского былинного, песенного и сказочного фольклора.

«Шар раскаленный, золотой...» (стр. 467).— *Садовской* Борис Александрович (1881—1952) — поэт, беллетрист, критик и историк литературы.

«Я вижу блеск, забытый мной...» (стр. 473).— Связано с воспоминаниями о К. М. Садовской.

«Натянулись гитарные струны...» (стр. 475).— *Ксюша* — известная в свое время цыганская певица Ксения Прохорова.

«Петербургские сумерки снежные...», «Превратила все в шутку сначала...», «Та жизнь прошла...», «Была ты всех ярче, верней и прелестней...» (стр. 477—479).— Эти стихи обращены к Л. А. Дельмас (см. о ней ниже).

«Он занесен — сей жезл железный...» (стр. 480).— *Жезл железный* — образ из Апокалипсиса.

«Пусть я и жил, не любя...», «Протекли за годами года...», «За горами, лесами...» (стр. 480—482).— Эти стихи обращены к Л. Д. Блок, которая в это время находилась в Галиции, в качестве сестры милосердия в военном госпитале.

Кармен (стр. 483).— Цикл был написан под впечатлением встречи и знакомства с Любовью Александровной Андреевой-Дельмас — оперной актрисой, исполнительницей партии Кармен в опере Ж. Бизе. Курсивом в стихах выделены цитаты из либретто «Кармен».

Соловьиный сад (стр. 490).— В пейзаже поэмы отразились воспоминания Блока о местечке Гетари в Южной Франции (на Бискайском побережье Атлантического океана), где он жил с женой летом 1913 г. «В Гетари была вилла, с ограды которой свешивались вьющиеся розы. Блоки часто проходили мимо нее и видели на скалистом берегу рабочего с киркой и ослом» (М. Бекетова, Александр Блок, Л. 1930, стр. 200—201).

«Ты отошла, и я в пустыне...» (стр. 495).— *Галилея* — область на севере Палестины, по евангельскому преданию — родина Иисуса

Христа *(Сына Человеческого)*. Последнее двустишие — цитата из Евангелия.

На поле Куликовом (стр. 497).— В 1912 г. Блок сопроводил цикл следующим примечанием: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди». Символика Куликовской битвы (8 сентября 1380 г.), сыгравшей важную роль в освобождении Руси от монгольско-татарского ига, занимала видное место в кругу мыслей Блока о судьбах России, о взаимоотношениях народа и интеллигенции, о грядущей революции.

«Дым от костра струею сизой...» (стр. 503).— Эпиграф из распространенного цыганского романса.

На железной дороге (стр. 504).— «Бессознательное подражание эпизоду из «Воскресения» Толстого: Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне Нехлюдова на бархатном кресле ярко освещенного купе первого класса» (примечание Блока). *Иванова* Мария Павловна (1874?—1941) — сестра Е. П. Иванова, задушевного друга Блока. *Молчали желтые и синие; в зеленых плакали и пели...* — В дореволюционное время вагоны I класса окрашивали в синий цвет, II класса — в желтый и III класса — в зеленый.

Посещение (стр. 505).— Связано с циклом «Через двенадцать лет» (см. выше, стр. 787). Первый «голос» — это голос К. М. Садовской; второй — самого Блока.

«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...» (стр. 507).— Обращено к Л. Д. Блок.

Новая Америка (стр. 509).— *Ектенья* — один из разделов православного богослужения. *Орарь* — принадлежность облачения дьякона (длинная лента, перекинутая через плечо). *Бунчук* — конский хвост на древке; знак власти и достоинства украинских гетманов (также и турецких пашей).

«Я не предал белое знамя...» (стр. 514).— *Звезда Вифлеема* — по евангельской легенде, звезда, возвестившая о рождении Иисуса Христа и указавшая путь в Вифлеем — место рождения «мессии».

«Рожденные в года глухие...» (стр. 515).— *Гиппиус* Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэт, беллетрист, критик, видная представительница символистской литературы; с 1920 г.— в белой эмиграции. *Дни войны* и *дни свободы* — русско-японская война и революционные события 1904—1905 гг.

О чем поет ветер (стр. 517).— В первый раз было напечатано с посвящением: «Посвящается моей жене». *Азраил* — ангел смерти в восточной мифологии.

Из стихотворений, не вошедших в основное собрание

«Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне...» (стр. 526).— *Трубицыно* — подмосковная усадьба С. Г. Карелиной, двоюродной бабки Блока.

«Я шел во тьме к заботам и веселью...» (стр. 526).— Первоначальный текст был озаглавлен: «Воспоминание о «Гамлете» 1 августа в Боблове» (см. выше, стр. 774).

«Офелия в цветах, в уборе...» (стр. 528).— *Нимфы* (нимфеи) — кувшинки.

На вечере в честь Л. Толстого (стр. 530).— На этом вечере Блок был с Л. Д. Менделеевой, к которой и обращено стихотворение.

Одиночество (стр. 531).— Первоначальный текст был настолько короче, что, по существу, стихотворение это следует отнести к маю 1918 г.

«О, как безумно за окном...» (стр. 534).— Эпиграф — из трагедии Шекспира «Король Лир».

«Как мимолетна тень осенних ранних дней...» (стр. 536).— В рукописи было объединено со стихотворением «Медлительной чредой нисходит день осенний...» (стр. 38 наст. тома) под общим заголовком: «Осенняя элегия».

«В те дни, когда душа трепещет...» (стр. 536).— Строфы III—V написаны в мае 1918 г.

«К ногам презренного кумира...» (стр. 538).— В 1900 г. была написана первая строфа; вторая добавлена 24 декабря 1914 г.

«Бежим, бежим, дитя свободы...» (стр. 539).— Третья строфа была написана в июне 1916 г.

«Пророк земли — венец творенья...» (стр. 540).— *Старый гений* — Шекспир.

Аметист (стр. 542).— *К. М. С.*— К. М. Садовская (см. выше, стр. 774).

«Я никогда не понимал...» (стр. 543).— Было написано под впечатлением оперы Р. Вагнера «Парсифаль» в концертном исполнении композитора С. В. Панченко.

Посвящение (стр. 547).— Было написано на книге стихов Вл. Соловьева, которую Блок собирался подарить Л. Д. Менделеевой.

На могиле друга (стр. 550).— Посвящено памяти Н. В. Гуна (см. о нем выше, стр. 774).

«Война горит неукротимо...» (стр. 550).— Две первых строфы были написаны 25 декабря 1914 г.

«В пути — глубокий мрак, и страшны высоты...» (стр. 551).— Ср. стихотворение «Экклесиаст» (стр. 100 наст. тома).

«Успокоительны и чудны...» (стр. 552).— Посвящено памяти Вл. Соловьева.

«Смолкали и говор и шутки...» (стр. 560).— Строфы IV—V были написаны в мае 1918 г.

Отшедшим (стр. 565).— Посвящено памяти М. С. и О. М. Соловьевых (см. о них выше, стр. 775), скончавшихся в один день — 16 января 1903 г.

«Сердито волновались нивы...» (стр. 569).— Стихотворение вызвано воспоминаниями о К. М. Садовской (см. выше, стр. 774).

Заключение спора (стр. 571).— *Менделеев* Иван Дмитриевич (1883—1936) — старший сын Д. И. Менделеева от второго брака, брат Л. Д. Блок, физик и метролог, автор ряда философских сочинений, выдержанных в идеалистическом духе. Блок дружил с ним в молодые годы.

Ненужная весна (стр. 571).— *Красная Горка* — народное название первого воскресенья после Пасхи; в этот день в деревнях было в обычае устраивать свадьбы.

«Сырое лето. Я лежу...» (стр. 573).— Стихотворение примыкает к циклу «Вольные мысли» (стр. 331 наст. тома). В черновике — первоначальный вариант 11-го стиха: «То место в книжке Бебеля...», из чего видно, что Блок имел в виду известный трактат немецкого социалиста Августа Бебеля (1840—1913) «Женщина и социализм» (русское издание — 1905 г.), в котором доказывалось, что женщина в условиях буржуазного экономического и общественного строя обречена на домашнее рабство. *Я знаю женщину...*— Имеется в виду Н. Н. Волохова (см. о ней выше, стр. 780).

«В глубоких сумерках собора...» (стр. 575).— *Ленивый и лукавый раб* — цитата из Евангелия.

«Ты из шопота слов родилась...» (стр. 578).— К 1903 г. относится лишь набросок первого четверостишия; все остальное было написано в декабре 1908 г.

Королевна (стр. 579).— В окончательной редакции обращено к Л. А. Дельмас (о ней — выше, стр. 787).

«Я помню нежность ваших плеч...» (стр. 579).— Обращено к Л. А. Дельмас.

З. Гиппиус (стр. 581).— Написано было по следующему поводу. З. Н. Гиппиус (о ней — выше, стр. 788) 31 мая 1918 г. переслала Блоку свою книжку «Последние стихи» (П. 1918), проникнутую лютой ненавистью к Октябрьской революции. Блок сперва решил ответить Гиппиус письмом, черновик которого сохранился, но потом передумал — и ответил стихами. В неотосланном письме он писал: «Нас разделил не только 1917 год, но даже 1905-й... В наших отношениях всегда было замалчивание чего-то; узел этого замалчивания завязывался все туже, но это было естественно и трудно, как все кругом было трудно, потому

что все узлы были затянуты туго — оставалось только рубить. Великий Октябрь их и разрубил». *Петь, плескаться у ирландских скал...* — В стихотворении З. Гиппиус «Почему», вошедшем в сборник «Последние стихи», упоминаются «Ирландия океанная» и «лезвия ее острых скал».

Две надписи на сборнике «Седое утро» (стр. 582).— *«Седое утро»* — пятый сборник лирики Блока, вышедший в 1920 г. Первая надпись обращена к Марии Игнатьевне Бенкендорф (Закревской, Будберг); вторая — к Любови Александровне Дельмас.

Пушкинскому Дому (стр. 583).— Было написано за несколько дней до торжественного чествования памяти Пушкина по случаю 84-й годовщины его смерти. *Древний сфинкс* и *Всадник бронзовый* — древнеэгипетский сфинкс на набережной Невы и памятник Петру I («Медный всадник»). *Тайная свобода* — слова Пушкина (из стихотворения «К Н. Я. Плюсковой). *С белой площади Сената.*— Пушкинский Дом в 1921 г. помещался в главном здании Академии наук, расположенном почти напротив Сенатской площади (ныне — площадь Декабристов).

ВОЗМЕЗДИЕ

Над поэмой «Возмездие» Блок работал в общей сложности (со значительными перерывами) на протяжении двенадцати лет — с 1910 по 1921 г. Первоначальный замысел поэмы возник у Блока в начале 1910 г., под впечатлением смерти отца. Первые наброски начала будущей третьей главы поэмы (приезд героя в Варшаву и похороны «отца») датированы 7 июня 1910 г.; они обрабатывались в течение августа — сентября, когда в главных чертах уже сложился замысел поэмы, озаглавленной: «1 декабря 1909 года» (дата смерти А. Л. Блока),— впоследствии заглавие было заменено другим: «Отец». Работа продлилась до 2 января 1911 г. К январю 1911 г. относится уже полностью оформленная первая редакция будущей третьей главы — самостоятельное произведение, озаглавленное: «Возмездие (Варшавская поэма)» и посвященное сестре поэта — Ангелине Блок.

Но сразу вслед за тем план поэмы сильно расширился, тема индивидуальной судьбы «отца» заменилась более общей темой — судьбы целого рода, нескольких сменяющих друг друга поколений. В начале марта 1911 г. были написаны пролог и вступление во вторую главу. Работа продолжалась весной и летом 1911 г. и особенно интенсивно — осенью, когда было написано начало первой главы и заново переработана глава третья. В начале декабря выяснился «план» поэмы в четырех частях: «Демон», «Детство», «Смерть отца», «Война и революция — гибель сына».

Однако в дальнейшем работа над поэмой замедлилась: в течение четырех лет Блок только эпизодически возвращался к ней. Следующий

этап активной работы над «Возмездием» — период с 10 мая по 4 июня 1916 г., когда была полностью закончена и отделана первая глава.

Наконец, после нового длительного перерыва, Блок вернулся к поэме в январе и, вторично, в мае — июле 1921 г., пытаясь продолжить вторую главу и закончить третью (см. стр. 747—753 наст. тома). Июльские предсмертные наброски — последнее, что Блок написал в стихах.

В работе над «Возмездием» Блок широко пользовался, кроме семейных преданий своих родных (Бекетовых), документальными историческими материалами и мемуарной литературой об эпохе 1870—1880-х гг. (русско-турецкая война 1877—1878 гг., правительственная деятельность, царь и придворная камарилья, общественное движение, кружок народовольцев и пр.). Кое-что из прочитанного и изученного он законспектировал в особой тетради «Матерьялы для поэмы», которую начал составлять осенью 1911 г.

Эпиграф к поэме — слова Сольнеса, героя драмы Генрика Ибсена «Строитель Сольнес». Смысл, который Блок вкладывал в эту формулу, раскрыт им в предисловии к поэме.

Стр. 587—591. П р е д и с л о в и е .— Было написано для публичного чтения третьей главы поэмы в петербургском Доме искусств 12 июля 1919 г. Об *А. Стриндберге* — выше, стр. 786. *Милюков* П. Н. (1869—1943) — лидер кадетской партии, идеолог империалистической буржуазии. Статья *«Близость большой войны»* (автор — А. П. Мертваго) была напечатана в газете «Утро России» 25 октября 1911 г.; в статье доказывалась неизбежность войны между Россией и Германией. *Ющинский* Андрей — мальчик, убитый киевскими черносотенцами в провокационных целях инсценировки «ритуального убийства», якобы совершенного евреями. Возникшее в связи с этим нашумевшее «дело Бейлиса» явилось одним из наиболее гнусных эпизодов реакционной политики царизма накануне его крушения. Блок подписал составленное В. Г. Короленко воззвание, разоблачавшее провокацию черносотенцев и требовавшее оправдания Бейлиса, а когда тот был оправдан, написал для какой-то газеты заметку «о том, что рад оправдательному приговору» (заметка не разыскана). *Эпизод «Пантера — Агадир».*— В июле 1911 г. в гавань Агадир (Марокко) вошел германский военный корабль «Пантера», что вызвало резкое обострение франко-германских и англо-германских отношений; одно время общеевропейская война казалась неизбежной. *Столыпин* П. А. (1862—1911) — председатель Комитета министров в годы реакции, жестоко подавлявший революционное движение; был убит агентом охранки. *«Rougon-Macquar'ы»* — двадцатитомная серия романов Эмиля Золя, излагающая историю одной семьи. *Марина* — Марина Мнишек, жена первого и второго Лжедмитриев. *Костюшка* Тадеуш (1746—1817) — вождь польского национально-освободительного движения. *Апухтинские годы* — по имени А. Н. Апухтина (1840—1893),

популярного в 80-е годы лирического поэта, часто писавшего в духе и формах «цыганского романса».

Стр. 592. *Зигфрид* — герой древнегерманского эпоса «Песня о Нибелунгах». *Нотунг* — сказочный меч Зигфрида. После того как Зигфрид заново сковал расколотый в бою Нотунг, злой карлик *Миме,* желавший завладеть мечом, пытался убить Зигфрида, но сам пал от его руки. Весь этот эпизод в прологе поэмы связан с музыкально-драматическим циклом Р. Вагнера «Кольцо Нибелунгов», который с юности производил на Блока очень сильное впечатление.

Стр. 593. *Вот голову его на блюде...*— Имеется в виду библейская легенда о царевне Саломее, потребовавшей у галилейского царя Ирода-Антипы, в награду за пляску, голову Иоанна Крестителя.

Денница — упоминаемый в Библии падший ангел, свергнутый с неба за гордыню и злость.

Стр. 594. *Рекамье* Юлия-Аделаида (1777—1849) — знаменитая красавица, в салоне которой собиралось множество выдающихся людей ее времени.

Стр. 595. *Роланд* — доблестный рыцарь, герой французского средневекового эпоса «Песнь о Роланде».

Кометы грозной...— см. выше, стр. 785.

Безжалостный конец Мессины...— В 1908 г. этот итальянский город был разрушен землетрясением.

Стр. 596. *Столица севера* — Петербург. Далее описано возвращение в Петербург гвардии с русско-турецкой войны в 1878 г.

Стр. 598. *Белый Генерал* — прозвище генерала М. Д. Скобелева (1843—1882), героя русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Стр. 601. *Набита комната людьми...* и далее.— В этой части поэмы Блок, основываясь на мемуарных источниках, описал новогоднюю пирушку народовольцев. Среди них изображены С. Л. Перовская (1853—1881) *(«Средь прочих — женщина сидит...»)* и С. М. Степняк-Кравчинский (1852—1895) *(«Гость новый входит на порог...»).*

Стр. 602. *Наполеоновская бородка* — борода особого фасона, по имени французского императора Наполеона III.

Стр. 603. *В те дни под петербургским небом...*— Отсюда идет рассказ о родственной Блоку семье Бекетовых.

Стр. 604. *«Княгиня Марья Алексевна»...*— Цитата из «Горя от ума» А. С. Грибоедова («Ах, боже мой; что станет говорить Княгиня Марья Алексевна»), ставшая ходячей поговоркой.

«Народная воля» — журнал (1879—1885), нелегальный орган партии народовольцев.

Стр. 605. *Глава семьи...*— Андрей Николаевич Бекетов, дед Блока (см. выше, стр. 776).

Борель — фешенебельный ресторан в Петербурге.

Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин, друживший с А. Н. Бекетовым.

Три дочки...— В семье Бекетовых росли не три, а четыре дочери. Мать Блока (Александра Андреевна) названа «меньшой».

Кипсэк — книга, иллюстрированная гравюрами.

Стр. 606. *«Луч света в царство темноты»...*— Перефразировка заглавия знаменитой статьи Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве».

Стр. 608. *«Не моего романа»...*— Цитата из «Горя от ума» А. С. Грибоедова.

Стр. 609. *Анна Вревская.*— Под этим именем выведена А. П. Философова (1837—1912) — либеральная общественная деятельница.

«Дневник» — «Дневник писателя», периодическое издание, выпускавшееся единолично Ф. М. Достоевским в 1873, 1876—1877 и 1880—1881 гг., в пору тесного сближения его с *К. П. Победоносцевым* (1827—1907), обер-прокурором Синода, виднейшим идеологом поповщины, черносотенства и полицейского режима, вдохновителем реакционной политики царизма в 80-е годы.

Полонский Яков Петрович (1819—1898) — известный поэт, высоко ценившийся Блоком.

Стр. 610. *Один ученый молодой...*— Отсюда идет рассказ об отце поэта — профессоре Александре Львовиче Блоке (1852—1909). Юрист и философ, отличавшийся широтой и самостоятельностью научных воззрений, удивлявший своей необъятной эрудицией и щедро наделенный художественными способностями, знаток музыки (сам отлично играл на рояле), тонкий стилист, он был человеком психически полунормальным, со многими странностями и необыкновенно тяжелым характером. В молодости пользовался в своем кругу репутацией «радикала» и «богоборца», но к старости превратился в убежденного, воинствующего реакционера и богомольного церковника. Блок отца знал мало (А. А. Бекетова рассталась с мужем, когда Блоку было всего несколько месяцев), встречался с ним редко и относился к нему, под влиянием Бекетовых, недоброжелательно. Только в декабре 1909 г., после похорон отца, Блок писал матери: «Для меня выясняется внутреннее обличье отца — во многом совсем по-новому. Все свидетельствует о благородстве и высоте его духа, о каком-то необыкновенном одиночестве и исключительной крупности натуры».

Стр. 612. Бенжамен *Констан* (1767—1830) — французский писатель и политический деятель, идеолог буржуазного либерализма. Лоренц *Штейн* (1815—1890) — немецкий юрист-государствовед. А. Л. Блок был поклонником *Г. Флобера* и не только в ученых трудах, но даже в деловых бумагах и письмах старался подражать строгому стилю и сжатому языку флоберовского романа «Мадам Бовари».

Стр. 616. *Грянул взрыв...*— 1 марта 1881 г. на Екатерининском канале

в Петербурге по приговору Исполнительного комитета партии «Народная воля» был казнен Александр II.

Стр. 617. *Куранты.*— Имеются в виду часы с боем, установленные на колокольне собора в Петропавловской крепости.

Стр. 618. *Востока страшная заря...*— Предвестие русско-японской войны 1904 г.

Царь — огромный, водянистый...— Александр III.

«Князь» — в дореволюционное время распространенная кличка татарина-старьевщика.

Стр. 620. *Коперник... склоняясь над пустою сферой...*— Имеется в виду памятник Копернику в Варшаве.

Мост через Вислу — как тюрьма...— Решетчатые пролеты этого моста напомнили Блоку тюремную решетку.

Стр. 627. *Над коим Врубель изнемог...*— Картина М. А. Врубеля «Демон» известна в нескольких вариантах. В последние годы жизни Врубель, будучи уже душевнобольным, лихорадочно искал наилучшего художественного решения образа Демона, писал его множество раз, переделывал и часто портил сделанное.

И в снах холодных и жестоких он видит «Горе от ума»...— Есть версия, будто замысел «Горя от ума» возник у Грибоедова под впечатлением увиденного им сна.

ДВЕНАДЦАТЬ

В основной части поэма была написана в течение двух дней (27—28 января 1918 г.), но в целом процесс создания ее растянулся на три недели: 8 января она была начата, 28 января — вчерне закончена.

В 9-й песне первая строфа представляет собой вариацию начальных строк популярного народного романса «Не слышно шуму городского...», литературным источником которого послужило стихотворение Ф. Н. Глинки «Узник». *Невская башня* у Блока — башня здания б. Городской думы на Невском проспекте.

В 10-й и 11-й песнях стихи *«Вперед, вперед, вперед, Рабочий народ»* — вариации слов известной революционной песни 1890—1900-х гг. «Варшавянка».

СКИФЫ

Было написано 29—30 января 1918 г., сразу же после того, как была закончена поэма «Двенадцать».

...провал и Лиссабона и Мессины.— Дважды, в XIV и XVIII вв., Лиссабон был разрушен землетрясением; в 1908 г. такой же участи подверглась Мессина. *Пестум* — древнегреческая колония в Южной Италии, разгромленная в конце IX в. арабами.

ТЕАТР

Балаганчик

«Балаганчик» был написан в январе 1906 г. по инициативе Г. И. Чулкова, который предложил Блоку развить в драматическое представление тему его одноименного стихотворения, написанного в июле 1905 г. (стр. 190 наст. тома). Пьеса предназначалась для предполагавшегося театра «Факелы». Предприятие это не осуществилось, и в апреле 1906 г. «Балаганчик» был опубликован в первом выпуске альманаха «Факелы» (с подзаголовком: «Лирические сцены»).

Осенью 1906 г. решено было поставить «Балаганчик» в реформированном театре В. Ф. Комиссаржевской. Премьера состоялась 30 декабря 1906 г. Спектакль шел в постановке В. Э. Мейерхольда, в оформлении Н. Н. Сапунова и с музыкой, написанной М. А. Кузминым. Спектакль стал заметным явлением тогдашней театральной жизни и вызвал оживленный обмен мнениями в литературно-театральной среде и в прессе. Современник вспоминает о первом представлении: «Я никогда, ни до, ни после, не наблюдал такой непримиримой оппозиции и такого восторга поклонников в зрительном зале театра. Неистовый свист врагов и гром дружеских аплодисментов смешались с криками и воплями» (Г. Чулков, «Культура театра», 1921. № 7/8, стр. 20).

Вторично при жизни Блока «Балаганчик» был поставлен в апреле 1914 г. В. Э. Мейерхольдом же, силами молодых актеров его студии, в Тенишевском зале (Петербург), в оформлении Ю. М. Бонди.

Незнакомка

Пьеса была закончена 11 ноября 1906 г., в мае — июле 1907 г. опубликована в журнале «Весы», намечалась к постановке в театре В. Ф. Комиссаржевской, в конце ноября 1907 г. была представлена в Главное управление печати и тогда же запрещена к постановке. При жизни Блока «Незнакомка» ставилась трижды — в феврале 1913 г. в Московском литературно-художественном кружке силами «Студии молодых актеров» при драматических курсах С. В. Халютиной; в апреле 1914 г. в Петербурге силами молодых актеров студии В. Э. Мейерхольда (вместе с «Балаганчиком») и в 1917 г. в Москве, в «Кафе-Питореск». Блок видел лишь вторую из этих постановок.

Эпиграфы к пьесе взяты из романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (ч. I, гл. 3 и 4), где эти строки относятся к героине романа — Настасье Филипповне.

В «Незнакомке», по свидетельству биографа Блока, отразились скитания поэта «по глухим улицам Петроградской стороны»: вся обстановка пивной из «Первого видения», начиная с кораблей на обоях и кончая действующими лицами, «взята с натуры».

Первоначально, в марте — апреле 1912 г., пьеса была задумана как сценарий балета из жизни средневековых провансальских трубадуров, который Блока просили написать для композитора А. К. Глазунова. В дальнейшем сценарий балета превратился в либретто оперы, которое было закончено в середине июля 1912 г. Однако вскоре Блок пришел к мысли, что «оперу» следует переделать в драму. Интенсивная работа над «Розой и Крестом» шла осенью и зимой 1912 г.; план драмы расширялся и углублялся, и лишь 19 января 1913 г. она была завершена. В августе 1913 г. драма была опубликована в альманахе «Сирин».

В апреле 1913 г. Блок предложил «Розу и Крест» Московскому Художественному театру (предложения других театров он отверг), но К. С. Станиславскому она тогда представилась мало сценичной. В ноябре 1915 г. Художественный театр сам обратился к Блоку с предложением поставить пьесу. Блок отозвался горячо, в марте 1916 г. приехал в Москву, прочитал «Розу и Крест» труппе Художественного театра, провел разъяснительные беседы с актерами и принял активное участие в подготовке к репетициям. Театр работал над пьесой с весны 1916 г. до осени 1918 г. (предполагалось открыть «Розой и Крестом» зимний сезон 1918—1919 г.), всего было проведено около 200 репетиций, но спектакль так и не увидел света. Кроме Художественного театра, «Розу и Крест» собирались ставить многие другие театры — Камерный, «Наш театр», Свободный, Александринский, Михайловский, б. Незлобина, б. Корша и др., но единственная постановка драмы состоялась в сезон 1920—1921 г., в Костромском городском театре (режиссер и художник Ю. М. Бонди).

Посвящена «Роза и Крест» Л. А. Дельмас (о ней — выше, стр. 787),

ПРИЛОЖЕНИЯ

К поэме «Возмездие»

1. Планы поэмы (стр. 743).— Заметки расположены не в их хронологической последовательности, но в порядке перенумерованных самим Блоком листков, приложенных к черновику первой главы поэмы,— за исключением первой заметки (взятой из записной книжки 1911 г.) и последней (приложенной к черновику третьей главы). *С вечно смятой розой на груди...*— цитата из Блока («Май жестокий с белыми ночами!..»). *Жандармы, рельсы, фонари...*— цитата из третьей главы поэмы. Стихи *Уж Александр Второй в могиле. На троне — новый Александр* — не были введены в поэму. *Катков* М. Н. (1818—1887) —

публицист, один из столпов дворянско-монархической реакции 70—80-х годов. *Профессор лучших времен Петербургского университета* — А. Н. Бекетов, дед Блока. *Гроб качается хрустальный* — цитата из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» Пушкина. «*Кот Мурлыка*» — литературный псевдоним Н. П. Вагнера, автора популярных в свое время детских сказок. *Топелиус* Закрис (1818—1898) — шведско-финский писатель, автор сказок для детей. *Милютин* Д. А. (1816—1912) — фельдмаршал, военный министр в 1861—1881 гг., пользовавшийся репутацией либерала и реформатора военного дела. *Страна под бременем обид...* — цитата из третьей главы поэмы.

2 и 3. Наброски продолжения второй главы. Наброски окончания третьей главы (стр. 747—753).— Листки, на которых сделаны эти наброски, остались после смерти Блока в его настольном бюваре в случайном порядке. Здесь наброски расположены в относительной последовательности — согласно с развитием сюжета поэмы, поскольку он ясен из замысла. *Крупп* — немецкая фирма, снабжавшая оружием многие страны. *Бастыльник* — сорная трава, бурьян. *Гимназия толстовская* — по фамилии гр. Д. А. Толстого, реакционного министра народного просвещения (с 1866 по 1880 г.), поставившего во главу угла в гимназическом образовании изучение мертвых языков — древнегреческого и латинского. *Косые лучи заката... видение средневековой твердыни.*— Ср. стихотворение «На небе зарево. Глухая ночь мертва...» (стр. 42 наст. тома) и примечание к нему.

К драме «Роза и Крест»

1. Примечания к драме «Роза и Крест» (стр. 753).— Были помещены Блоком в первом издании его книги «Театр» (1916).

2. Записки Бертрана, написанные им за несколько часов до смерти (стр. 763).— Было написано после чтения драмы К. С. Станиславскому для «проверки» характера Бертрана.

3. «Роза и Крест» (к постановке в Художественном театре) (стр. 768).— Статья была напечатана Блоком в московской газете «Утро России» 3 апреля 1916 г.

Вл. Орлов

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«А под маской было звездно...» (Под масками) — 292.
Авиатор («Летун отпущен на свободу...») — 358.
Аметист («Порою в воздухе, согретом...») — 542.
Ангел-Хранитель («Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле...») — 211.
Анне Ахматовой («„Красота страшна" — Вам скажут...») — 431.
Антверпен («Пусть это время далеко...») — 437.

Балаган («Над черной слякотью дороги...») — 225.
Балаганчик («Вот открыт балаганчик...») — 190.
Балаганчик. *Пьеса* — 649.
«Барка жизни встала...» — 246.
«Бегут неверные дневные тени...» — 73.
«Бежим, бежим, дитя свободы...» — 539.
«Без Меня б твои сны улетали...» — 97.
«Без слова мысль, волненье без названья...» — 466.
«Безмолвный призрак в терему...» — 105.
«Безрадостные всходят семена...» — 98.
«Белоснежней не было зим...» (На зов метелей) — 282.
«Белый конь чуть ступает усталой ногой...» — 154.
Благовещение («С детских лет — видения и грезы...») — 415.
«Благославляю всё, что было...» — 427.
«Благословляя свет и тень...» (Эклеспаст) — 100.
Бледные сказанья («— Посмотри, подруга, эльф твой...») — 293.
«Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте...» — 244.
«Божья матерь *Утоли мои печали...*» (За гробом) — 419.
«Болотистым, пустынным лугом...» — 469.
Болотные чертенятки («Я прогнал тебя кнутом...») — 149.
Болотный попик («На весенней проталинке...») — 152.
«Болото — глубокая впадина...» — 155.
«Боль проходит понемногу...» (Последнее напутствие) — 511.
Бред («Я знаю, ты близкая мне...») — 202.
«Брожу в стенах монастыря...» — 89.
«Будет день — и свершится великое...» — 70.
«Будет день, словно миг веселья...» — 106.
«Бушует снежная весна...» — 484.
«Бывают тихие минуты...» — 458.
«Был вечер поздний и багровый...» — 101.
«Был скрипок вой в разгаре бала...» (Вячеславу Иванову) — 429.
«Была ты всех ярче, верней и прелестней...» — 479.
«Было то в темных Карпатах...» — 521.

«В бесконечной дали́ корридоров...» — 318.
«В болезни сердца мыслю о Тебе...» — 529.
«В высь изверженные дымы...» — 243.
«В глазах ненужный день так ярок...» — 572.
«В глубоких сумерках собора...» — 575.
«В голодной и больной неволе...» — 397.
«В голубой далекой спаленке...» — 200.
«В городе колокол бился...» — 99.
«В густой траве пропадешь с головой...» — 495.
«В день холодный, в день осенний...» — 52.
«В длинной сказке...» (Сквозь винный хрусталь) — 294.
В дюнах («Я не люблю пустого словаря...») — 339.
«В жаркое лето и в зиму метельную...» (Художник) — 432.
«В кабаках, в переулках, в извивах...» — 245.
«В лапах косматых и страшных...» — 198.
«В лоне площади пологой...» (Сена) — 412.
«В небе — день, всех ночей суеверней...» — 470.
«В неуверенном, зыбком полете...» — 466.
«В ночи́, исполненной грозою...» — 538.
«В ночи́, когда уснет тревога...» — 528.
«В ночь, когда Мамай залег с ордою...» — 498.
«В огне и холоде тревог...» — 401.
«В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли...» (Повесть) — 248.
В октябре («Открыл окно. Какая хмурая...») — 266.
«В передзакатные часы...» — 544.
«В пол-оборота ты встала ко мне...» — 374.
«В пустом переулке весенние воды...» (Обман) — 238.
«В пути — глубокий мрак, и страшны высоты...» — 551.
«В пыльный город небесный кузнец прикатил...» (Гимн) — 241.
В ресторане («Никогда не забуду (он был, или не был...)») — 353.
«В сапогах бутылками...» (На Пасхе) — 463.
В северном море («Что́ сделали из берега морского...») — 337.
«В серебре росы трава...» — 227.
«В синем небе, в темной глуби...» — 224.
В снегах («И я затянут...») — 292.
«В снежной пене — предзакатная...» (Последний путь) — 279.
«В соседнем доме окна жолты...» (Фабрика) — 131.
«В сыром ночном тумане...» — 471.
«В те дни, когда душа трепещет...» — 536.
«В те ночи светлые, пустые...» — 310.
«В темной комнате ты обесчещена...» — 573.
«В темном парке под ольхой...» — 456.
«В тихий вечер мы встречались...» — 458.
«В толпе, родной по вдохновенью...» (На вечере в честь Л. Толстого) — 530.
«В туманах, над сверканьем рос...» — 194.
В углу дивана («Но в камине дозвенели...») — 295.
«В фантазии рождаются порою...» — 538.
«В час глухой разлуки с морем...» — 226.
«В час, когда пьянеют нарциссы...» — 143.
«В часы вечернего тумана...» — 42.
«В черных сучьях дерев обнаженных...» (Унижение) — 357.
«В эти желтые дни меж домами...» — 345.
«В этот серый летний вечер...» — 307.
Валерию Брюсову («И вновь, и вновь твой дух таинственный...») — 428.
«Ваш взгляд — его мне подстеречь...» — 474.
«Вдали мигнул огонь вечерний...» — 551.

«Везде — над лесом и над пашней...» — 574.
Венеция (3 стихотворения) — 405.
Вербная суббота («Вечерние люди уходят в дома...») — 126.
Вербочки («Мальчики да девочки...») — 207.
«Вербы — это весенняя таль...» — 486.
«Верю в Солнце Завета...» — 78.
«Веселье в ночном кабаке...» (Невидимка) — 252.
«Весенний день прошел без дела...» — 387.
«Весна в реке ломает льдины...»—82.
«Вёсны и зимы меняли убранство...» (Проклятый колокол)—222.
«Весь день — как день: трудов исполнен малых...» — 368.
«Ветер звал и гнал погоню...» (Здесь и там) — 298.
«Ветер принес издалёка...» — 48.
«Ветер стих, и слава заревая...» — 510.
«Ветер хрипит на мосту меж столбами...» — 136.
«Ветр налетит, завоет снег...»—467.
«Вечереющий день, догорая...» — 544.
«Вечереющий сумрак, поверь...» — 71.
«Вечерние люди уходят в дома...» (Вербная суббота) — 126.
Вечерняя («Солнце сходит на запад. Молчанье...») — 139.
«Вечность бросила в город...»—239.
Взморье («Сонный вздох онемелой волны...») — 170.
«Видно, дни золотые пришли...» — 63.
«Вися над городом всемирным...» — 255.
Владимиру Бестужеву («Да, знаю я: пронзили ночь отвека...») — 429.
Влюбленность («И опять твой сладкий сумрак, влюбленность...») — 284.
Влюбленность («Королевна жила на высокой горе...») — 186.
«Внемля зову жизни смутной...» — 58.
«Вновь богатый зол и рад...» — 363.
«Вновь оснежённые колонны...» (На островах) — 351.
«Вновь у себя... Унижен, зол и рад...» — 376.
Возмездие. *Поэма* — 587.
«Война горит неукротимо...» — 550.
«Волновать меня снова и снова... (Пляски осенние) — 158.
Ворожба («Я могуч и велик ворожбою...») — 548.
«Вот — в изнурительной работе...» — 177.
«Вот девушка, едва развившись...» — 411.
«Вот моя песня — тебе, Коломбина...» (Двойник) — 125.
«Вот на тучах пожелтелых...» — 186.
«Вот он — ветер...» — 502.
«Вот он — ряд гробовых ступенéй...» — 144.
«Вот он — Христос — в цепях и розах...» — 200.
«Вот они — белые звуки...» — 567.
«Вот открыт балаганчик...» (Балаганчик) — 190.
«Вот прошел король с зубчатым...» (Тени на стене) — 295.
«Вот снова пошатнулись дали...» — 559.
«Вот явилась. Заслонила...» — 303.
«Всё б тебе желать веселья...» — 451.
«Всё бежит, мы пребываем...» — 173.
«Всё бытие и сущее согласно...» — 53.
«Все кричали у круглых столов...» — 115.
«— Всё ли спокойно в народе...» — 119.
«Всё на земле умрет — и мать, и младость...» — 461.
«Всё отлетают сны земные...» — 52.
«Все отошли. Шумите, сосны...» — 184.
«Всё помнит о весле вздыхающем...» — 444.
«Всё свершилось по писаньям...» — 370.
«Всё та же озернáя гладь...» — 456.
«Всё чаще я по городу брожу...» (О смерти) — 331.

«Всё, что минутно, всё, что бренно...» (Равенна) — 403.
«Всё, что память сберечь мне старается...» — 460.
«Всё это было, было, было...» — 423.
«Вспомнил я старую сказку...»—520.
«Встала в сияньи. Крестила детей...» (Из газет) — 134.
«Встали надежды пророка...» (Посвящение) — 547.
«Встану я в утро туманное...» — 67.
«Встретив на горном тебя перевале...» (Madonna da Settignano) — 412.
Встречной («Я только рыцарь и поэт...») — 445.
Вступление («Отдых напрасен. Дорога крута...») — 47.
Вступление («Ты в поля отошла без возврата...») — 147.
«Всю жизнь ждала. Устала ждать...» — 326.
«Всю зиму мы плакали, бедные...» — 552.
«Всюду ясность божия...» — 232.
Второе крещенье («Открыли дверь мою метели...») — 280.
«Вхожу я в темные храмы...»—106.
«Вы предназначены не мне...» — 582.
«Высóко с темнотой сливается стена...» — 74.
«Выхожу я в путь, открытый взорам...» (Осенняя воля) — 195.
«Вьюга пела...» (Настигнутый метелью) — 280.
Вячеславу Иванову («Был скрипок вой в разгаре бала...») — 429.

Гамаюн, птица вещая («На гладях бесконечных вод...») — 34.
«Гармоника, гармоника!..» — 322.
«Где отдается в длинных залах...» — 464.
Гимн («В пыльный город небесный кузнец прикатил...») — 241.
«Глаза, опущенные скромно...» — 414.
«Глушь родного леса...» — 546.
«Говорили короткие речи...» — 92.
Голос в тучах («Нас море примчало к земле одичалой...») — 180.
Голос из хора («Как часто плачем — вы и я...») — 381.
Голоса («Нет исхода вьюгам певучим!..») — 290.
Голоса скрипок («Из длинных трав встает луна...») — 463.
«Голубоватым дымом...» — 410.
«Город в красные пределы...» — 240.
«Город спит, окутан мглою...» — 37.
«Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли?..» (Легенда) — 250.
«Греши, пока тебя волнуют...» — 373.
«Грешить бесстыдно, непробудно...» — 512.
«Гроб невесты легкой тканью...» — 175.
«Грустя и плача и смеясь...» — 452.

«Да, знаю я: пронзили ночь отвека...» (Владимиру Бестужеву) — 429.
«Да, так велит мне вдохновенье...» — 399.
«Да, я изведала все муки...» (Женщина) — 434.
«Давно хожу я под окнами...» — 560.
«Даже имя твое мне презренно...» — 375.
«Дали слепы, дни безгневны...» — 141.
Две надписи на сборнике «Седое утро» (2 стихотворения) — 582.
Двенадцать. *Поэма* — 633.
Двойник («Вот моя песня — тебе, Коломбина...») — 125.
Двойник («Однажды в октябрьском тумане...») — 346.
Девушка из Spoleto («Строен твой стан, как церковные свечи...») — 405.
«Девушка пела в церковном хоре...» — 197.
Девушке («Ты перед ним — что стебель гибкий...») — 231.
Демон («Иди, иди за мной — покорной...») — 379.
Демон («Прижмись ко мне крепче и ближе...») — 354.
«День догорел на сфере той земли...» (Песнь Ада) — 347.
«День поблек, изящный и невинный...» — 245.
«День полувеселый, полустрадный...» (Перуджия) — 407.

«День проходил, как всегда...» — 371.
«Дикий ветер...» — 515.
«Днем вершу я дела суеты...» — 84.
«Днем за нашей стеной молчали...» — 566.
«Дни и ночи я безволен...» (Поединок) — 237.
«До утра мы в комнатах спорим...» (Утренняя) — 139.
«Дождь мелкий, разговор неспешный...» (Юрию Верховскому) — 427.
«Дома растут, как желанья...» — 108.
«Дохнула жизнь в лицо могилой...» — 386.
«Друг другу мы тайно враждебны...» (Друзьям) — 420.
«Друг, посмотри, как в равнине небесной...» (Моей матери) — 29.
Друзьям («Друг другу мы тайно враждебны...») — 420.
«Дух пряный марта был в лунном круге...» — 353.
«Душа! Когда устанешь верить?..» — 442.
«Душа молчит. В холодном небе...» — 49.
«Дым от костра струею сизой...» — 503.
«Дышит утро в окошко твое...»—36.

«Его встречали повсюду...» — 107.
«Едва в глубоких снах мне снова...» — 582.
Ее песни («Не в земной темнице душной...») — 283.
Ее прибытие (7 стихотворений) — 177.
«Ее спеленутое тело...» (Успение) — 417.
«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...» — 124.
«Если только она подойдет...» — 568.
«Есть в дикой роще, у оврага...» — 31.
«Есть в напевах твоих сокровенных...» (К Музе) — 343.
«Есть времена, есть дни, когда...» — 472.
«Есть демон утра. Дымно-светел он...» — 484.
«Есть игра: осторожно войти...» — 366.
«Есть лучше и хуже меня...»—213.
«Есть минуты, когда не тревожит...» — 468.
«Есть много песен в светлых тайниках...» — 539.
«Еще бледные зори на небе...» — 110.
«Еще прекрасно серое небо...»—256.

«Жгут раскаленные камни...» — 409.
«Жду я смерти близ денницы...» — 168.
«Жду я холодного дня...» — 69.
«Жениха к последней двери...» — 446.
Женщина («Да, я изведала все муки...») — 434.
«Женщина, безумная гордячка!..» (З. Гиппиус) — 581.
«Жизнь была стремленьем...» (Так было) — 178.
«Жизнь — как море она — всегда исполнена бури...» — 528.
«Жизнь медленная шла, как старая гадалка...» — 80.
Жизнь моего приятеля (8 стихотворений) — 368.

З. Гиппиус («Женщина, безумная гордячка!..») — 581.
«За горами, лесами...» — 482.
«За городом в полях весною воздух дышит...» — 60.
«За городом вырос пустынный квартал...» (Поэты) — 421.
За гробом («Божья матерь *Утоли мои печали...*»)—419.
«За краткий сон, что нынче снится...» — 535.
«За темной далью городской...»—94.
«За холмом отзвенели упругие латы...» — 306.
Забывшие Тебя («И час настал. Свой плащ скрутило время...») — 383.
«Завтра в сумерки встретимся мы...» — 555.
«Загляжусь ли я в ночь на метелицу...» — 563.
«Задебренные лесом кручи...» — 496.

«Зажигались окна узких комнат...» — 173.
«Закат горел в последний раз...» (Перед грозой) — 534.
Заключение спора («Ты кормчий — сам, учитель — сам...») — 571.
Заклятие огнем и мраком (11 стихотворений) — 314.
«Запевающий сон, зацветающий цвет...» — 116.
«Заплетаем, расплетаем...» (Угар) — 218.
«Зарево белое, желтое, красное...» — 68.
«Зачатый в ночь, я в ночь рожден...» — 229.
«Здесь в сумерки в конце зимы...» — 455.
Здесь и там («Ветер звал и гнал погоню...») — 298.
«Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду...» (Отшедшим) — 565.
«Здесь тишина цветет и движет...» (Тишина цветет) — 219.
«Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный...» (Эпитафия Фра Филиппо Липпи) — 417.
«Земное сердце стынет вновь...» — 401.
«Зима прошла. Я болен...» — 572.
«Зимний ветер играет терновником...» — 118.
«Знаю, бедная, тяжкое бремя...» — 547.
«Знаю я твое льстивое имя...» — 445.
«Золотистою долиной...» — 96.
«Золотисты лица купальниц...» (Твари весенние) — 151.
«Золотит моя страстная осень...» — 564.

«И взвился костер высокий...» (На снежном костре) — 302.
«И вновь, и вновь твой дух таинственный...» (Валерию Брюсову) — 428.
«И вновь — порывы юных лет...» — 431.
«И вновь, сверкнув из чаши винной...» (Снежное вино) — 277.
«И вот уже ветром разбиты, убиты...» — 309.
«И нам недолго любоваться...» — 75.
«И опять, опять снега...» (И опять снега) — 289.
«И опять открыли солнца...» (Прочь!) — 287.
И опять снега («И опять, опять снега...») — 289.
«И опять твой сладкий сумрак, влюбленность...» (Влюбленность) — 284.
«И пора уснуть, да жалко...» (Сны) — 507.
«И ты, мой юный, мой печальный...» (31 декабря 1900 года) — 46.
«И час настал. Свой плащ скрутило время...» (Забывшие Тебя) — 383.
«И я затянут...» (В снегах) — 291.
«И я любил. И я изведал...» — 442.
«И я опять затих у ног...» — 324.
«И я провел безумный год...» — 312.
Иванова ночь («Мы выйдем в сад с тобою, скромной...») — 208.
«Идем по жнивью, не спеша...» (Осенний день) — 502.
«Иди, иди за мной — покорной...» (Демон) — 379.
«Иду — и всё мимолетно...» — 249.
«Идут часы, и дни, и годы...» — 356.
Из газет («Встала в сиянье. Крестила детей...») — 134.
«Из длинных трав встает луна...» (Голоса скрипок) — 463.
«Из ничего — фонтаном синим...» — 519.
«Из хрустального тумана...» — 345.
«Или устал ты до времени...» — 551.
«Имя Пушкинского Дома...» (Пушкинскому Дому) — 583.
Инок («Никто не скажет: я безумен...») — 324.
«Искусство — ноша на плечах...» — 414.
Испанке («Не лукавь же, себе признаваясь...») — 469.
«Испугом схвачена, влекома...» — 377.

«Их было много — дев прекрасных...» — 576.
«Ищу огней — огней попутных...» — 221.
«Ищу спасенья...» — 45.

«К вечеру вышло тихое солнце...» — 267.
«К зеленому лугу, взывая, внимая...» (Эхо) — 157.
К Музе («Есть в наневах твоих сокровенных...» — 343.
«К ногам презренного кумира...» — 538.
«Как день. светла, но непонятна...» — 476.
«Как из сумрачной гавани...» — 578.
«Как мимолетна тень осенних ранних дней...» — 536.
«Как мучительно думать о счастьи былом...» — 527.
«Как океан меняет цвет...» — 483.
«Как прощались, страстно клялись...» — 460.
«Как растет тревога к ночи!..» — 367.
«Как свершилось, как случилось?..» — 392.
«Как сон молитвенно-бесстрастный...» — 535.
«Как сон, уходит летний день...» — 559.
«Как старинной легенды слова...» — 561.
«Как тяжело ходить среди людей...» — 355.
«Как тяжко мертвецу среди людей...» — 360.
«Как часто плачем — вы и я...» (Голос из хора) — 381.
«Какая дивная картина...» — 388.
Клеопатра («Открыт паноптикум печальный...») — 274.
«Когда в листве сырой и ржавой...» — 308.
«Когда, вступая в мир огромный...» — 387.
«Когда вы стоите на моем пути...» — 327.
«Когда гляжу в глаза твои...» (Песня Фаины) — 325.
«Когда замрут отчаянье и злоба...» — 422.
«Когда мучительно восстали...» — 457.
«Когда мы встретились с тобой...» — 400.
«Когда невзначай в воскресенье...» — 370.
«Когда осилила тревога...» — 374.
«Когда под заступом холодным...» (На смерть младенца) — 385.
«Когда святого забвения...» — 88.
«Когда страшишься смерти скорой...» (Сиенский собор) — 413.
«Когда-то гордый и надменный...» — 464.
«Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...» — 34.
«Когда я был ребенком,— лес ночной...» — 533.
«Когда я прозревал впервые...» — 386.
«Когда я создавал героя...» — 232.
«Когда я стал дряхлеть и стынуть...» — 123.
«Когда я уйду на покой от времен...» — 128.
«Кольцо существованья тесно...» — 389.
Комета («Ты нам грозишь последним часом...») — 425.
«Кому назначен темный жребий...» (Усталость) — 228.
Корабли идут («О, светоносные стебли морей, маяки!..») — 181.
Корабли пришли («Океан дремал зеркальный...») — 182.
Королевна («Не было и нет во всей подлунной...») — 579.
«Королевна жила на высокой горе...» (Влюбленность) — 186.
Коршун («Чертя за кругом плавный круг...») — 516.
«Косы Мэри распущены...» — 447.
«„Красота страшна“ — Вам скажут...» (Анне Ахматовой) — 431.
«Кругом далекая равнина...» — 64.
«Крыльцо Ее словно паперть...» — 130.
Крылья («Крылья легкие раскину...») — 284.
«Кто заметил огненные знаки...» — 568.
«Кто плачет здесь? На мирные ступени...» — 83.
«Кто-то шепчет и смеется...» — 54.

«Лазурью бледной месяц плыл...» — 259.
Легенда («Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли?..») — 250.
«Лежат холодные туманы...» (Ночь на Новый год) — 72.
«Лениво и тяжко плывут облака...» — 39.
Летний вечер («Последние лучи заката...») — 530.
«Летун отпущен на свободу...» (Авиатор) — 358.
«Ловлю дрожащие, хладеющие руки...» — 553.
«Лошадь влекли под уздцы на чугунный...» (Статуя) — 135.
«Луна проснулась. Город шумный...» — 32.
«Любил я нежные слова...» — 105.
«Люблю высокие соборы...» — 85.
«Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле...» (Ангел-Хранитель) — 211.
«Любопытство напрасно глазело...» — 565.

«Маг, простерт над миром бреший...» (Ночь) — 176.
Madonna da Settignano («Встретив на горном тебя перевале...») — 412.
«Май жестокий с белыми ночами!..» — 443.
«Мальчики да девочки...» (Вербочки) — 207.
«Медлительной чредой нисходит день осенний...» — 38.
«Милая девушка, что́ ты колдуешь...» — 581.
«Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы...» (Скифы) — 644.
«Милый брат! Завечерело...» — 205.
«Милый друг, и в этом тихом доме...» — 519.
«Милый друг! Ты юною душою...» — 33.
«Миновали случайные дни...» (Ночная Фиалка) — 160.
«Миры летят. Года летят. Пустая...» — 364.
Митинг («Он говорил умно и резко...») — 253.
«Мне гадалка с морщинистым ликом...» — 132.
«Мне снилась смерть любимого созданья...» — 31.
«Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене...» — 32.
«Мне снились веселые думы...» — 120.
«Мне страшно с Тобой встречаться...» — 108.
«Многое замолкло. Многие ушли...» — 570.
Моей матери («Друг, посмотри, как в равнине небесной...») — 29.
Моей матери («Помнишь думы? Они улетели...») — 184.
Моей матери («Тихо. И будет всё тише...») — 193.
Моей матери («Чем больней душе мятежной...») — 50.
«Мой бедный, мой далекий друг...» — 392.
«Мой вечер близок и безволен...» — 80.
«Мой любимый, мой князь, мой жених...» — 138.
«Мой месяц в царственном зените...» — 127.
«Мой милый, будь смелым...» — 453.
Молитвы (5 стихотворений) — 138.
«Муза в уборе весны постучалась к поэту...» — 525.
«Мчит меня мертвая сила...» — 546.
«Мы были вместе, помню я...» — 533.
«Мы вместе ждали смерти или сна...» (На смерть деда) — 91.
«Мы встретились с тобою в храме...» (Холодный день) — 265.
«Мы встречались с тобой на закате...» — 86.
«Мы выйдем в сад с тобою, скромной...» (Иванова ночь) — 208.
«Мы живем в старинной келье...» — 78.
«Мы забыты, одни на земле...» — 517.
«Мы ли — пляшущие тени?..» (Смятение) — 299.
«Мы подошли — и воды синие...» — 207.
«Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...» — 498.
«Мы шли на Лидо в час рассвета...» — 132.
Мэри (3 стихотворения) — 446.

«На весенней проталинке...» (Болотный попик) — 152.
«На весеннем пути в теремок...» — 153.
«На весенний праздник света...» — 77.
На вечере в честь Л. Толстого («В толпе, родной по вдохновенью...») — 530.
«На гладях бесконечных вод...» (Гамаюн, птица вещая) — 34.
На железной дороге («Под насыпью, во рву некошенном...») — 504.
На зов метелей («Белоснежней не было зим...») — 282.
На могиле друга («Удалены от мира на кладбище...») — 550.
«На небе зарево. Глухая ночь мертва...» — 42.
«На небе — прозелень, и месяца осколок...» — 483.
На островах («Вновь оснежённые колонны...») — 351.
На Пасхе («В сапогах бутылками...») — 463.
«На перекрестке...» — 148.
На поле Куликовом (5 стихотворений) — 497.
«На разукрашенную елку...» (Сусальный ангел) — 424.
«На ржавых петлях открываю ставни...» — 89.
«На серые камни ложилась дремота...» — 272.
На смерть деда («Мы вместе ждали смерти или сна...») — 91.
На смерть Коммиссаржевской («Пришла порою полуночной...») — 461.
На смерть младенца («Когда под заступом холодным...») — 385.
На снежном костре («И взвился костер высокий...») — 302.
На страже («Я — непокорный и свободный...») — 279.
«На темном пороге тайком...» — 81.
«На улице — дождик и слякоть...» — 438.
На чердаке («Что́ на свете выше...») — 273.
«Навстречу вешнему расцвету...» — 543.
«Над лучшим созданием божьим...» — 379.
Над озером («С вечерним озером я разговор веду...») — 334.
«Над черной слякотью дороги...» (Балаган) — 225.
«Нас море примчало к земле одичалой...» (Голос в тучах) — 180.
«Нас старость грустная настигнет без труда...» — 545.
Насмешница («Подвела мне брови красным...») — 296.
Настигнутый метелью («Вьюга пела...») — 280.
«Наступает пора небывалая...» — 545.
«Натянулись гитарные струны...» — 475.
«Не было и нет во всей подлунной...» (Королевна) — 579.
«Не в земной темнице душной...» (Ее песни) — 283.
«Не венчал мою голову траурный лавр...» — 454.
«Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных...» — 62.
«Не жди последнего ответа...» — 61.
«Не затем величал я себя паладином...» — 448.
«Не легли еще тени вечерние...» — 37.
«Не лукавь же, себе признаваясь...» (Испанке) — 469.
«Не мани меня ты, воля...» — 196.
«Не могу тебя не звать...» — 577.
Не надо («Не надо кораблей из дали...») — 285.
«Не нарушай грамонии моей...» — 542.
«Не пой ты мне и сладостно, и нежно...» — 61.
«Не призывай. И без призыва...» (Servus — Reginae) — 37.
«Не призывай и не сули...» — 41.
Не пришел на свиданье («Поздним вечером ждала...») — 276.
«Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко...» — 56.
«Не спят, не помнят, не торгуют...» — 397.
«Не строй жилищ у речных излучин...» — 189.
«Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...» — 60.

«Небесное умом не измеримо...» — 54.
Невидимка («Веселье в ночном кабаке...») — 252.
«Недосказанной речи тревогу...» — 549.
«Нежный! У ласковой речки...» — 174.
Незнакомка («По вечерам над ресторанами...») — 261.
Незнакомка. *Пьеса* — 662.
Неизбежное («Тихо вывела из комнат...») — 298.
Ненужная весна (3 стихотворения) — 571.
«Нет имени тебе, мой дальний...» — 217.
Нет исхода («Нет исхода из вьюг...») — 300.
«Нет исхода вьюгам певучим!..» (Голоса) — 290.
«Нет исхода из вьюг...» (Нет исхода) — 300.
«Нет конца лесным тропинкам...» — 65.
«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...» — 488.
«Никогда не забуду (он был, или не был...» (В ресторане) — 353.
«Никто не скажет: я безумен...» (Инок) — 324.
«Никто не умирал. Никто не кончил жить...» — 567.
«Но в камине дозвенели...» (В углу дивана) — 295.
Новая Америка («Праздник радостный, праздник великий...») — 509.
Ночная («Спи. Да будет твой сон спокоен...») — 140.
Ночная («Тебе, Чей Сумрак был так ярок...») — 140.
Ночная Фиалка («Миновали случайные дни...») — 160.
«Ночной туман застал меня в дороге...» — 532.
Ночь («Маг, простерт над миром брений...») — 176.
«Ночь. Город угомонился...» — 268.
«Ночь — как века, и томный трепет...» — 377.
«Ночь — как ночь, и улица пустынна...» — 384.
Ночь на Новый год («Лежат холодные туманы...») — 72.
«Ночь теплая одела острова...» — 537.
«Ночь, улица, фонарь, аптека...» — 362.
«Ночью вьюга снежная...» — 71.
«Ночью сумрачной и дикой...» — 51.
«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...» — 367.

«О, весна без конца и без краю...» — 314.
«О да, любовь вольна, как птица...» — 487.
«О доблестях, о подвигах, о славе...» — 382.
«О жизни, догоревшей в хоре...» — 223.
«О, как безумно за окном...» — 534.
«О, как смеялись вы над нами...» — 398.
«О легендах, о сказках, о мигах...» — 562.
«О, наконец! Былой тревоге...» (Песня за стеной) — 535.
«О, не просите скорбных песен!..» — 531.
«О, нет! не расколдуешь сердца ты...» — 433.
«О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...» — 376.
«О, светоносные стебли морей, маяки!..» (Корабли идут) — 181.
О смерти («Всё чаще я по городу брожу...») — 331.
«О, что́ мне закатный румянец...» — 320.
«О, я хочу безумно жить...» — 395.
Обман («В пустом переулке весенние воды...») — 238.
Обреченный («Тайно сердце просит гибели...») — 300.
«Одинокий, к тебе прихожу...» — 55.
Одиночество («Река несла по ветру льдины...») — 531.
«Одна мне осталась надежда...» (Окна во двор) — 269.
«Однажды в октябрьском тумане...» (Двойник) — 346.
«Окаймлен летучей пеной...» (Рабочие на рейде) — 177.

«Океан дремал зеркальный...» (Корабли пришли) — 182.
Окна во двор («Одна мне осталась надежда...») — 269.
«Окна ложные на́ небе черном...» — 410.
«Окрай небес — звезда омега...» — 33.
«Он вчера нашептал мне много...» (Песня Офелии) — 111.
«Он говорил умно и резко...» (Митинг) — 253.
«Он занесен — сей жезл железный...» — 480.
«Он спит, пока закат румян...» (Петр) — 236.
«Она веселой невестой была...» — 187.
«Она, как прежде, захотела...» — 383.
«Она молода и прекрасна была...» — 29.
«Она поет в печной трубе...» (Песенка) — 249.
«Она пришла из дикой дали...» (Снежная Дева) — 311.
«Она пришла с заката...» — 232.
«Она пришла с мороза...» — 328.
«Она росла за дальними горами...» — 57.
«Она стройна и высока...» — 101.
«Они давно меня томили...» (Сытые) — 258.
«Они звучат, они ликуют...» — 55.
«Они расстались без печали...» — 541.
Они читают стихи («Смотри: я спутал все страницы...») — 297.
«Опустись, занавеска линялая...» — 452.
«Опять, как в годы золотые...» (Россия) — 501.
«Опять над полем Куликовым...» — 500.
«Опять с вековою тоскою...» — 499.
«Опять у этой двери...» — 446.
«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...» — 365.
Осенний день («Идем по жнивью, не спеша...») — 502.
Осенняя воля («Выхожу я в путь, открытый взорам...») — 195.
Осенняя любовь (3 стихотворения) — 308.
«Осень поздняя. Небо открытое...» — 157.
«Оставь меня в моей дали́...» — 196.
«Отворяются двери — там мерцанья...» — 120.
«Отдых напрасен. Дорога крута...» (Вступление) — 47.
«Открыл окно. Какая хмурая...» (В октябре) — 266.
«Открыли дверь мою метели...» (Второе крещенье) — 280.
«Открыт паноптикум печальный...» (Клеопатра) — 274.
«Отрекись от любимых твореній...» — 45.
«Отсеребрилась, отзвучала...» — 571.
Отшедшим («Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду...») — 565.
«Офелия в цветах, в уборе...» — 528.
«Очарованный вечер мой долог...» — 569.

Перед грозой («Закат горел в последний раз...») — 534.
Перед судом («Что́ же ты потупилась в смущеньи?..») — 436.
«Передвечернею порою...» — 264.
«Перехожу от казни к казни...» — 316.
Перстень-Страданье («Шел я по улице, горем убитый...») — 257.
Перуджия («День полувеселый, полустрадный...») — 407.
Песенка («Она поет в печной трубе...») — 249.
Песнь Ада («День догорел на сфере той земли...») — 347.
Песня за стеной («О, наконец! Былой тревоге...») — 535.
Песня матросов («Подарило нам море...») — 179.
Песня Офелии («Он вчера нашептал мне много...») — 111.
Песня Офелии («Разлучаясь с девой милой...») — 33.
Песня Фаины («Когда гляжу в глаза твои...») — 325.
«Петербургские сумерки снежные...») — 477.
Петр («Он спит, пока закат румян...») — 236.

«Петроградское небо мутилось дождем...» — 513.
«Петуха упустила старушка...» (Сказка о петухе и старушке) — 204.
«Плачет ребенок. Под лунным серпом...» — 133.
Пляски осенние («Волновать меня снова и снова...») — 158.
Пляски смерти (5 стихотворений) — 360.
«По берегу плелся больной человек...» — 136.
«По вечерам над ресторанами...» (Незнакомка) — 261.
«По городу бегал черный человек...» — 122.
«По улицам метель метет...» — 319.
«Побывала старушка у Троицы...» (Старушка и чертенята) — 156.
«Повеселясь на буйном пире...» — 360.
Повесть («В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли...») — 248.
«Поглядите, вот бессильный...» — 369.
«Погружался я в море клевера...» — 117.
«Под величавые раскаты...» (После грозы) — 540.
«Под ветром холодные плечи...» — 309.
«Под зноем флорентийской лени...» — 410.
Под масками («А под маской было звездно...») — 292.
«Под насыпью, во рву некошенном...» (На железной дороге) — 504.
«Под старость лет, забыв святое...» (Старик) — 102.
«Под шум и звон однообразный...» — 344.
«Подарило нам море...» (Песня матросов) — 179.
«Подвела мне брови красным...» (Насмешница) — 296.
«Поднимались из тьмы погребов...» — 242.
Поединок («Дни и ночи я безволен...») — 237.
«Поет, краснея, медь. Над горном...» — 172.
«Поет, поет...» — 518.
Пожар («Понеслись, блеснули в очи...») — 271.
«Поздней осенью из гавани...» — 350.
«Поздним вечером ждала...» (Не пришел на свиданье) — 276.
«Поздно. В окошко закрытое...» — 557.
«Пойми же, я спутал, я спутал...» — 317.
«Покойник спать ложится...» — 454.
«Покраснели и гаснут ступени...» — 115.
«Полный месяц встал над лугом...» — 28.
«Полюби эту вечность болот...» — 154.
«Помнишь думы? Они улетели...» (Моей матери) — 184.
«Помнишь ли город тревожный...» — 36.
«Понеслись, блеснули в очи...» (Пожар) — 271.
«Порою в воздухе, согретом...» (Аметист) — 542.
Посвящение («Встали надежды пророка...») — 547.
Посещение («То не ели, не тонкие ели...») — 505.
После грозы («Под величавые раскаты...») — 540.
После дождя («Сирени бледные дождем к земле прибиты...») — 533.
Последнее напутствие («Боль проходит понемногу...») — 511.
«Последние лучи заката...» (Летний вечер) — 530.
Последний день («Ранним утром, когда люди ленились шевелиться...») — 235.
«Последний пурпур догорал...» — 43.
Последний путь («В снежной пене — предзакатная...») — 279.
«— Посмотри, подруга, эльф твой...» (Бледные сказанья) — 293.
«Потеха! Рокочет труба...» — 189.
«Похоронят, зароют глубоко...» — 438.
«Почиет в мире Теодорих...» — 404.
Поэт («Сидят у окошка с папой...») — 191.

«Поэт в изгнаньи и в сомненьи...» — 40.
Поэты («За городом вырос пустынный квартал...») — 421.
«Праздник радостный, праздник великий...» (Новая Америка) — 509.
«Превратила всё в шутку сначала...» — 478.
«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» — 56.
«При жолтом свете веселились...» — 102.
При посылке роз («Смотрел отвека бог лукавый...») — 549.
«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...» — 507.
«Придут незаметные белые ночи...» — 228.
«Прижмись ко мне крепче и ближе...» (Демон) — 354.
«Признак истинного чуда...» — 62.
«Прискакала дикой степью...» — 202.
«Прислушайся к земле в родных полях...» (Смерть) — 541.
«Пристал ко мне нищий дурак...» — 371.
«Пришла порою полупочной...» (На смерть Коммиссаржевской) — 461.
«Приявший мир, как звонкий дар...» — 315.
«Пробивалась певучим потоком...» — 90.
«Прозрачные, неведомые тени...» — 58.
«Пройдет зима — увидишь ты...» — 66.
Проклятый колокол («Вёсны и зимы меняли убранство...») — 222.
«Пророк земли — венец творенья...» — 540.
«Просыпаюсь я — и в поле туманно...» — 123.
«Протекли за годами года...» — 481.
Прочь! («И опять открыли солнца...») — 287.
«Прошедших дней немеркнущим сияньем...» — 41.
«Прошли года, но ты — всё та же...» — 211.
«Пустая улица. Один огонь в окне...» — 362.
«Пусть рассвет глядит нам в очи...» — 525.
«Пусть светит месяц — ночь темна...» — 27.
«Пусть это время далеко...» (Антверпен) — 437.
«Пусть я и жил, не любя...» — 480.
Пушкинскому Дому («Имя Пушкинского Дома...») — 583.
«Пытался сердцем отдохнуть я...» — 95.
«Работай, работай, работай...» — 323.
Рабочие на рейде («Окаймлен летучей пеной...») — 177.
Равенна («Всё, что минутно, всё, что бренно...») — 403.
«Разгадал я, какие цветы...» — 566.
«Разгораются тайные знаки...» — 107.
«Разлетясь по всему небосклону...» — 479.
«Разлучаясь с девой милой...» (Песня Офелии) — 33.
«Ранним утром, когда люди ленились шевелиться...» (Последний день) — 235.
«Распушилась, раскачнулась...» — 580.
Рассвет («Тихо рассыпалась в небе ракета...») — 183.
Рассвет («Я встал и трижды поднял руки...») — 570.
«Река несла по ветру льдины...» (Одиночество) — 531.
«Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» — 497.
Religio (2 стихотворения) — 105.
«Рожденные в года глухие...» — 515.
Роза и Крест. *Пьеса* — 684.
Россия («Опять, как в годы золотые...») — 501.
Русь («Ты и во сне необычайна...») — 214.
«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..» — 504.
«С вечерним озером я разговор веду...» (Над озером) — 334.
«С детских лет — видения и грезы...» (Благовещение) — 415.

«С каждой весною пути мои круче...» — 230.
«С мирным счастьем покончены счеты...» — 352.
«С ней уходил я в море...» — 405.
«Сама судьба мне завещала...» — 35.
«Сбежал с горы и замер в чаще...» — 93.
«Сверкни, последняя игла...» (Сердце предано метели) — 301.
«Свет в окошке шатался...» — 95.
«Светлый сон, ты не обманешь...» — 137.
«Свирель запела на мосту...» — 441.
«Свобода смотрит в синеву...» — 103.
«Своими горькими слезами...» — 330.
«Сегодня ты на тройке звонкой...» — 465.
«Сегодня шла Ты одиноко...» — 57.
Седое утро («Утреет. С богом! По домам!..») — 471.
«Седые сумерки легли...» — 352.
Servus — Reginae («Не призывай. И без призыва...») — 37.
«Сердито волновались нивы...» — 569.
«Сердитый взор бесцветных глаз...» — 485.
Сердце предано метели («Сверкни, последняя игла...») — 301.
«Сердце, слышишь...» (Тревога) — 286.
«Сидят у окошка с папой...» (Поэт) — 191.
Сиена («В лоне площади пологой...») — 412.
Сиенский собор («Когда страшишься смерти скорой...») — 413.
«Сижу за ширмой. У меня...» — 128.
«Синеокая, бог тебя создал такой...» — 458.
«Сирени бледные дождем к земле прибиты...» (После дождя) — 533.
Сказка о петухе и старушке («Петуха упустила старушка...») — 204.
Сквозь винный хрусталь («В длинной сказке...») — 294.
«Сквозь серый дым от краю и до краю...» — 468.
Скифы («Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы...») — 644.
«Скрипка стонет под горой...» — 124.
«Скрипнула дверь. Задрожала рука...» — 68.
«Слабеет жизни гул упорный...» — 406.
«Слышу колокол. В поле весна...» — 85.
Смерть («Прислушайся к земле в родных полях...») — 541.
«Смолкали и говор и шутки...» — 560.
«Смотрел отвека бог лукавый...» (При посылке роз) — 549.
«Смотри — я отступаю в тень...» — 66.
«Смотри: я спутал все страницы...» (Они читают стихи) — 297.
«Смычок запел. И облак душный...» — 477.
Смятение («Мы ли — пляшущие тени?..») — 299.
Снежная вязь («Снежная мгла взвилась...») — 277.
Снежная Дева («Она пришла из дикой дали...») — 311.
«Снежная мгла взвилась...» (Снежная вязь) — 277.
Снежное вино («И вновь, сверкнув из чаши винной...») — 277.
«Снова ближе вечерние тени...» — 67.
«Снова иду я над этой пустынной равниной...» — 118.
Сны («И пора уснуть, да жалко...») — 507.
«Сны безотчетны, ярки краски...» — 77.
«Сны раздумий небывалых...»—76.
«Солнце сходит на запад. Молчанье...» (Вечерняя) — 139.
Соловьиный сад («Я ломаю слоистые скалы...») — 490.
Сольвейг («Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...») — 209.
«Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!..» — 226.
Сон («Я видел сон: мы в древнем склепе...») — 424.
«Сонный вздох онемелой волны...» (Взморье) — 170.

«Спи. Да будет твой сон спокоен...» (Ночная) — 140.
«Сплетались времена, сплетались страны...» — 558.
«Среди гостей ходил я в черном фраке...» — 134.
«Среди поклонников Кармен...» — 484.
Старик («Под старость лет, забыв святое...») — 102.
«Старинные розы...» — 449.
«Старость мертвая бродит вокруг...» — 193.
Старушка и чертенята («Побывала старушка у Троицы...») — 156.
«Старый, старый сон. Из мрака...» — 363.
Статуя («Лошадь влекли под уздцы на чугунный...») — 135.
«Стоит полукруг зари...» (У моря) — 192.
«Сторожим у входа в терем...» — 138.
«Стою у власти, душой одинок...» — 109.
«Странных и новых ищу на страницах...» — 84.
«Страстью длинной, безмятежной...» — 409.
«Строен твой стан, как церковные свечи...» (Девушка из Spoleto) — 405.
«Стучит топор, и с кампанил...» (Фьезоле) — 412.
«Стучится тихо. Потом погромче...» — 575.
«Сумерки, сумерки вешние...» — 62.
«Сумрак дня несет печаль...» — 72.
Сусальный ангел («На разукрашенную елку...») — 424.
Сфинкс («Шевельнулась безмолвная сказка пустынь...») — 563.
Сын и мать («Сын осеняется крестом...») — 215.
«Сырое лето. Я лежу...» — 573.
Сытые («Они давно меня томили...») — 258.

«Та жизнь прошла...» — 479.
«Тайно сердце просит гибели...» (Обреченный) — 300.
«Так. Буря этих лет прошла...» — 399.
Так было («Жизнь была стремленьем...») — 178.
«Так. Неизменно всё, как было...» — 201.
«Так окрыленно, так напевно...» — 219.
«Так. Я знал. И ты задул...» — 129.
«Там, в ночной завывающей стуже...» — 198.
«Там, в полусумраке собора...» — 74.
«Там — в улице стоял какой-то дом...» — 86.
«Там дамы щеголяют модами...» — 263.
«Там неба осветленный край...» — 506.
«Там сумерки невнятно трепетали...» — 79.
Твари весенние («Золотисты лица купальниц...») — 151.
«Твое лицо бледней, чем было...» — 260.
«Твое лицо мне так знакомо...» — 234.
«Твой образ чудится невольно...» — 44.
«Твоя гроза меня умчала...» — 225.
«Тебе, Чей Сумрак был так ярок...» (Ночная) — 140.
«Тебя скрывали туманы...» — 87.
«Тебя я встречу где-то в мире...» — 97.
«Темная, бледно-зеленая...» — 131.
Тени на стене («Вот прошел король с зубчатым...») — 295.
«Тихо вечерние тени...» — 49.
«Тихо вывела из комнат...» (Неизбежное) — 298.
«Тихо. И будет всё тише...» (Моей матери) — 193.
«Тихо рассыпалась в небе ракета...» (Рассвет) — 183.
Тишина цветет («Здесь тишина цветет и движет...») — 219.
«То не ели, не тонкие ели...» (Посещение) — 505.
«То отголосок юных дней...» — 43.
«Травы спят красивые...» — 553.
Тревога («Сердце, слышишь...») — 286.
Три послания (3 стихотворения) — 444.

31 декабря 1900 года («И ты, мой юный, мой печальный...») — 46.
«Тропами тайными, ночными...» — 396.
«Ты — божий день. Мои мечты...» — 79.
«Ты — буйный зов рогов призывных...» — 475.
«Ты был осыпан звездным цветом...» — 210.
«Ты в комнате один сидишь...» — 388.
«Ты в поля отошла без возврата...» (Вступление) — 147.
«Ты говоришь, что я дремлю...» — 473.
«Ты горишь над высокой горою...» — 63.
«Ты жил один! Друзей ты не искал...» — 478.
«Ты и во сне необычайна...» (Русь) — 214.
«Ты из шопота слов родилась...» — 578.
«Ты — как отзвук забытого гимна...» — 486.
«Ты кормчий — сам, учитель — сам...» (Заключение спора) — 571.
«Ты много жил, я больше пел...» — 28.
«Ты, может быть, не хочешь угадать...» —526.
«Ты можешь по траве зеленой...» — 220.
«Ты — молитва лазурная...» — 557.
«Ты нам грозишь последним часом...» (Комета) — 425.
«Ты не ушла. Но может быть...» — 88.
«Ты оденешь меня в серебро...» — 169.
«Ты отошла, и я в пустыне...» — 495.
«Ты отходишь в сумрак алый...» — 50.
«Ты, отчаянье жизни моей...» — 555.
«Ты перед ним — что стебель гибкий...» (Девушке) — 231.
«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» — 426.
«Ты придешь и обнимешь...» — 206.
«Ты проходишь без улыбки...» — 256.
«Ты смотришь в очи ясным зорям...» — 272.
«Ты страстно ждешь. Тебя зовут...» — 69.
«Ты так светла, как снег невинный...» — 422.
«Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...» — 439.
«Ты у камина, склонив седины...» — 130.
«Тяжкий, плотный занавес у входа...» (Шаги командора) — 390.
«Тяжко нам было под вьюгами...» — 175.

«У забытых могил пробивалась трава...» — 121.
У моря («Стоит полукруг зари...») — 192.
«У окна не ветер бродит...» — 554.
Угар («Заплетаем, расплетаем...») — 218.
«Удалены от мира на кладбище...» (На могиле друга) — 550.
«Уж вечер светлой полосою...» — 455.
«Ужасен холод вечеров...» — 94.
«Уже над морем вечереет...» — 450.
«Уже померкла ясность взора...» — 459.
«Улица, улица...» — 247.
«Умри, Флоренция, Иуда...» — 408.
Унижение («В черных сучьях деревьев обнаженных...») — 357.
«Упоительно встать в ранний час...» (Утро в Москве) — 460.
«Усните блаженно, заморские гости, усните...» — 447.
Успение («Ее спеленутое тело...») — 417.
«Успокоительны, и чудны...» — 552.
Усталость («Кому назначен темный жребий...») — 228.
«Усталый от дневных блужданий...» — 30.
«Утихает светлый ветер...» — 199.
«Утомленный, я терял надежды...» — 83.
«Утреет. С богом! По домам!..» (Седое утро) — 471.

Утренняя («До утра мы в комнатах спорим...») — 139.
Утро в Москве («Упоительно встать в ранний час...») — 460.
«Уходит день. В пыли дорожной...» — 75.
«Ушел он, скрылся в ночи...» — 104.
«Ушел я в белую страну...» — 564.
«Ушла. Но гиацинты ждали...» — 305.
«Ушли в туман мечтания...» — 558.

Фабрика («В соседнем доме окна жолты...») — 131.
«Фиолетовый запад гнетет...» — 170.
Флоренция (7 стихотворений) — 408.
«Флоренция, ты ирис нежный...» — 408.
Фьезоле («Стучит топор, и с кампанил...») — 412.

«Ходит месяц по волне...» — 548.
«Хожу, брожу понурый...» — 270.
«Холодный ветер от лагуны...» — 406.
Холодный день («Мы встретились с тобою в храме...») — 265.
«Хоронил я тебя, и, тоскуя...» — 559.
«Хоть всё по-прежнему *певец*...» — 41.
Художник («В жаркое лето и в зиму метельную...») — 432.

«Царица смотрела заставки...» — 114.
«Целый год не дрожало окно...» — 116.
«Целый день передо мною...» — 79.

«Часовая стрелка близится к полно́чи...» — 449.
«Часто в мысли гармония спит...» — 543.
«Чем больней душе мятежной...» (Моей матери) — 50.
«Чем больше хочешь отдохнуть...» — 390.
Через двенадцать лет (8 стихотворений) — 456.
Черная кровь (9 стихотворений) — 374.
«Черный ворон в сумраке снежном...» — 444.
«Чертя за кругом плавный круг...» (Коршун) — 516.
«Что́ же ты потупилась в смущеньи?..» (Перед судом) — 436.
«Что на свете выше...» (На чердаке) — 273.
«Что сделали из берега морского...» (В северном море) — 337.

Шаги командора («Тяжкий, плотный занавес у входа...») — 390.
«Шар раскаленный, золотой...» — 467.
«Шевельнулась безмолвная сказка пустынь...» (Сфинкс) — 563.
«Шел я по улице, горем убитый...» (Перстень-Страданье) — 257.
«Шлейф, забрызганный звездá-ми...» — 213.
«Шли мы стезею лазурною...» — 39.
«Шли на приступ. Прямо в грудь...» — 185.

Экклесиаст («Благословляя свет и тень...») — 100.
Эпитафия Фра Филиппо Липпи («Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный...») — 417.
Эхо («К зеленому лугу, взывая, внимая...») — 157.

Юрию Верховскому («Дождь мелкий, разговор неспешный...») — 427.

«Я буду факел мой блюсти...» — 112.
«Я был весь в пестрых лоскутьях...» — 122.
«Я был смущенный и веселый...» — 304.
«Я в дольний мир вошла, как в ложу...» — 304.
«Я в четырех стенах — убитый...» — 268.
«Я вам поведал неземное...» — 252.
«Я видел сон: мы в древнем склепе...» (Сон) — 424.

«Я вижу блеск, забытый мной...» — 473.
«Я восходил на все вершины...» — 169.
«Я всё гадаю над тобою...» — 65.
«Я встал и трижды поднял руки...» (Рассвет) — 570.
«Я вырезал посох из дуба...» — 121.
«Я вышел в ночь — узнать, понять...» — 97.
«Я вышел. Медленно сходили...» — 48.
«Я — Га́млет. Холодеет кровь...» — 398.
«Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне...» — 375.
«Я долго ждал — ты вышла поздно...» — 70.
«Я ее победил, наконец!..» — 378.
«Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...» — 241.
«Я жалок в глубоком бессильи...» — 554.
«Я ждал под окнами в тени...» — 562.
«Я жду призыва, ищу ответа...»—59.
«Я живу в глубоком покое...» — 171.
«Я живу в отдаленном скиту...» — 150.
«Я знаю, смерть близка. И ты...» — 44.
«Я знаю, ты близкая мне...» (Бред) — 202.
«Я и молод, и свеж, и влюблен...» — 93.
«Я, изнуренный и премудрый...» — 112.
«Я их хранил в приделе Иоанна...» — 109.
«Я к людям не выйду навстречу...» — 117.
«Я коротаю жизнь мою...» — 355.
«Я ли пишу, или ты из могилы...»— 68.
«Я ломаю слоистые скалы...» (Соловьиный сад) — 490.
«Я медленно сходил с ума...» — 82.
«Я миновал закат багряный...» — 233.
«Я могуч и велик ворожбою...» (Ворожба) — 548.
«Я надел разноцветные перья...» — 111.
«Я насадил мой светлый рай...» — 307.
«Я не звал тебя — сама ты...» — 451.
«Я не люблю пустого словаря...» (В дюнах) — 339.
«Я не предал белое знамя...» — 514.
«Я неверную встретил у входа...» — 316.
«Я недаром боялся открыть...»— 51.
«Я — непокорный и свободный...» (На страже) — 279.
«Я никогда не понимал...» — 543.
«Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне...» — 526.
«Я, отрок, зажигаю свечи...» — 91.
«Я помню длительные муки...» — 329.
«Я помню нежность ваших плеч...» — 579.
«Я помню час глухой, бессонной ночи...» — 58.
«Я пригвожден к трактирной стойке...» — 448.
«Я прогнал тебя кнутом...» (Болотные чертенятки) — 149.
«Я просыпался и всходил...» — 99.
«Я сегодня не помню, что было вчера...» — 385.
«Я смотрел на слепое людское строение...» — 113.
«Я стремлюсь к роскошной воле...» — 30.
«Я тишиною очарован...» — 556.
«Я только рыцарь и поэт...» (Встречной) — 445.
«Я укрыт до времени в приделе...» — 75.
«Я умирал. Ты расцветала...» — 536.
«Я ухо приложил к земле...» — 395.
«Я шел во тьме дождливой ночи...» — 40.
«Я шел во тьме к заботам и веселью...» — 526.
«Я шел к блаженству. Путь блестел...» — 35.
«Явился он на стройном бале...» — 103.
«Ярким солнцем, синей далью...» — 38.

СОДЕРЖАНИЕ

П. Антокольский. Александр Блок 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ
(1898—1904)

ANTE LUCEM
(1898—1900)

«Пусть светит месяц — ночь темна...» 27
«Ты много жил, я больше пел...» 28
«Полный месяц встал над лугом...» 28
Моей матери («Друг, посмотри, как в равнине небесной...») 29
«Она молода и прекрасна была...» 29
«Я стремлюсь к роскошной воле...» 30
«Усталый от дневных блужданий...» 30
«Есть в дикой роще, у оврага...» 31
«Мне снилась смерть любимого созданья...» 31
«Луна проснулась. Город шумный...» 32
«Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене...» . . . 32
«Окрай небес — звезда омега...» 33
«Милый друг! Ты юною душою...» 33
Песня Офелии («Разлучаясь с девой милой...») 33
«Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...» 34
Гамаюн, птица вещая («На гладях бесконечных вод...») . . 34
«Я шел к блаженству. Путь блестел...» 35
«Сама судьба мне завещала...» 35

«Дышит утро в окошко твое...» 36
«Помнишь ли город тревожный...» 36
«Город спит, окутан мглою...» 37
«Не легли еще тени вечерние...» 37
Servus — Reginae («Не призывай. И без призыва...») . . . 37
«Медлительной чредой нисходит день осенний...» 38
«Ярким солнцем, синей далью...» 38
«Лениво и тяжко плывут облака...» 39
«Шли мы стезею лазурною...» 39
«Я шел во тьме дождливой ночи...» 40
«Поэт в изгнаньи и в сомненьи...» 40
«Хоть всё по-прежнему *певец...*» 41
«Прошедших дней немеркнущим сияньем...» 41
«Не призывай и не сули...» 41
«В часы вечернего тумана...» 42
«На небе зарево. Глухая ночь мертва...» 42
«То отголосок юных дней...» 43
«Последний пурпур догорал...» 43
«Твой образ чудится невольно...» 44
«Я знаю, смерть близка. И ты...» 44
«Отрекись от любимых творений...» 45
«Ищу спасенья...» 45
31 декабря 1900 года («И ты, мой юный, мой печальный...») 46

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ
(1901—1902)

Вступление *(«Отдых напрасен. Дорога крута...»)* 47

I

«Я вышел. Медленно сходили...» 48
«Ветер принес издалёка...» 48
«Тихо вечерние тени...» 49
«Душа молчит. В холодном небе...» 49
«Ты отходишь в сумрак алый...» 50
Моей матери («Чем больней душе мятежной...») 50
«Я недаром боялся открыть...» 51
«Ночью сумрачной и дикой...» 51
«В день холодный, в день осенний...» 52
«Всё отлетают сны земные...» 52
«Всё бытие и сущее согласно...» 53
«Кто-то шепчет и смеется...» 54

II

«Небесное умом не измеримо...» 54
«Они звучат, они ликуют...» 55
«Одинокий, к тебе прихожу...» 55
«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» 56
«Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко...» 56
«Сегодня шла Ты одиноко...» 57
«Она росла за дальними горами...» 57
«Я помню час глухой, бессонной ночи...» 58
«Внемля зову жизни смутной...» 58
«Прозрачные, неведомые тени...» 58
«Я жду призыва, ищу ответа...» 59
«Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...» 60
«За городом в полях весною воздух дышит...» 60
«Не жди последнего ответа...» 61
«Не пой ты мне и сладостно, и нежно...» 61
«Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных...» 62
«Признак истинного чуда...» 62
«Сумерки, сумерки вешние...» 62
«Ты горишь над высокой горою...» 63
«Видно, дни золотые пришли...» 63
«Кругом далекая равнина...» 64
«Я всё гадаю над тобою...» 65
«Нет конца лесным тропинкам...» 65

III

«Смотри — я отступаю в тень...» 66
«Пройдет зима — увидишь ты...» 66
«Встану я в утро туманное...» 67
«Снова ближе вечерние тени...» 67
«Скрипнула дверь. Задрожала рука...» 68
«Зарево белое, желтое, красное...» 68
«Я ли пишу, или ты из могилы...» 68
«Жду я холодного дня...» 69
«Ты страстно ждешь. Тебя зовут...» 69
«Будет день — и свершится великое...» 70
«Я долго ждал — ты вышла поздно...» 70
«Ночью вьюга снежная...» 71
«Вечереющий сумрак, поверь...» 71
«Сумрак дня несет печаль...» 72
Ночь на Новый год («Лежат холодные туманы...») . . . 72

IV

«Бегут неверные дневные тени...» 73
«Высóко с темнотой сливается стена...» 74
«Там, в полусумраке собора...» 74
«Я укрыт до времени в приделе...» 75
«И нам недолго любоваться...» 75
«Уходит день. В пыли дорожной...» 75
«Сны раздумий небывалых...» 76
«На весенний праздник света...» 77
«Сны безотчетны, ярки краски...» 77
«Мы живем в старинной келье...» 78
«Верю в Солнце Завета...» 78
«Ты — божий день. Мои мечты...» 79
«Целый день передо мною...» 79
«Там сумерки невнятно трепетали...» 79
«Жизнь медленная шла, как старая гадалка...» 80
«Мой вечер близок и безволен...» 80
«На темном пороге тайком...» 81
«Я медленно сходил с ума...» 82
«Весна в реке ломает льдины...» 82
«Кто плачет здесь? На мирные ступени...» 83
«Утомленный, я терял надежды...» 83
«Странных и новых ищу на страницах...» 84
«Днем вершу я дела суеты...» 84
«Люблю высокие соборы...» 85
«Слышу колокол. В поле весна...» 85
«Там — в улице стоял какой-то дом...» 86
«Мы встречались с тобой на закате...» 86
«Тебя скрывали туманы...» 87
«Когда святого забвения...» 88
«Ты не ушла. Но, может быть...» 88

V

«Брожу в стенах монастыря...» 89
«На ржавых петлях открываю ставни...» 89
«Пробивалась певучим потоком...» 90
На смерть деда («Мы вместе ждали смерти или сна...») 91
«Я, отрок, зажигаю свечи...» 91
«Говорили короткие речи...» 92
«Сбежал с горы и замер в чаще...» 93
«Я и молод, и свеж, и влюблен...» 93
«Ужасен холод вечеров...» 94

«За темной далью городской...» 94
«Свет в окошке шатался...» 95
«Пытался сердцем отдохнуть я...» 95
«Золотистою долиной...» 96
«Без Меня б твои сны улетали...» 97
«Тебя я встречу где-то в мире...» 97

VI

«Я вышел в ночь — узнать, понять...» 97
«Безрадостные всходят семена...» 98
«В городе колокол бился...» 99
«Я просыпался и всходил...» 99
Экклесиаст («Благословляя свет и тень...») 100
«Она стройна и высока...» 101
«Был вечер поздний и багровый...» 101
Старик («Под старость лет, забыв святое...») 102
«При жолтом свете веселились...» 102
«Явился он на стройном бале...» 103
«Свобода смотрит в синеву...» 103
«Ушел он, скрылся в ночи́...» 104
Religio:
1. «Любил я нежные слова...» 105
2. «Безмолвный призрак в терему...» 105
«Вхожу я в темные храмы...» 106
«Будет день, словно миг веселья...» 106
«Его встречали повсюду...» 107
«Разгораются тайные знаки...» 107
«Мне страшно с Тобой встречаться...» 108
«Дома растут, как желанья...» 108

РАСПУТЬЯ
(1902—1904)

«Я их хранил в приделе Иоанна...» 109
«Стою у власти, душой одинок...» 109
«Еще бледные зори на небе...» 110
«Я надел разноцветные перья...» 111
Песня Офелии («Он вчера нашептал мне много...») . . . 111
«Я, изнуренный и премудрый...» 112
«Я буду факел мой блюсти...» 112
«Я смотрел на слепое людское строение...» 113
«Царица смотрела заставки...» 114
«Все кричали у круглых столов...» 115
«Покраснели и гаснут ступени...» 115

«Запевающий сон, зацветающий цвет...» 116
«Целый год не дрожало окно...» 116
«Я к людям не выйду навстречу...» 117
«Погружался я в море клевера...» 117
«Зимний ветер играет терновником...» 118
«Снова иду я над этой пустынной равниной...» 118
«— Всё ли спокойно в народе?..» 119
«Мне снились веселые думы...» 120
«Отворяются двери — там мерцанья...» 120
«Я вырезал посох из дуба...» 121
«У забытых могил пробивалась трава...» 121
«Я был весь в пестрых лоскутьях...» 122
«По городу бегал черный человек...» 122
«Просыпаюсь я — и в поле туманно...» 123
«Когда я стал дряхлеть и стынуть...» 123
«Скрипка стонет под горой...» 124
«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...» 124
Двойник («Вот моя песня — тебе, Коломбина...») 125
Вербная суббота («Вечерние люди уходят в дома...») . . . 126
«Мой месяц в царственном зените...» 127
«Сижу за ширмой. У меня...» 128
«Когда я уйду на покой от времен...» 128
«Так. Я знал. И ты задул...» 129
«Ты у камина, склонив седины...» 130
«Крыльцо Ее словно паперть...» 130
«Темная, бледно-зеленая...» 131
Фабрика («В соседнем доме окна жолты...») 131
«Мы шли на Лидо в час рассвета...» 132
«Мне гадалка с морщинистым ликом...» 132
«Плачет ребенок. Под лунным серпом...» 133
«Среди гостей ходил я в черном фраке...» 134
Из газет («Встала в сияньи. Крестила детей...») 134
Статуя («Лошадь влекли под уздцы на чугунный...») . . 135
«По берегу плелся больной человек...» 136
«Ветер хрипит на мосту меж столбами...» 136
«Светлый сон, ты не обманешь...» 137
«Мой любимый, мой князь, мой жених...» 138
Молитвы:
1. «Сторожим у входа в терем...» 138
2. Утренняя («До утра мы в комнатах спорим...») . . . 139
3. Вечерняя («Солнце сходит на запад. Молчанье...») 139
4. Ночная («Тебе, Чей Сумрак был так ярок...») . . . 140
5. Ночная («Спи. Да будет твой сон спокоен...») . . . 140

«Дали слепы, дни безгневны...» 141
«В час, когда пьянеют нарциссы...» 143
«Вот он — ряд гробовых ступенéй...» 144

КНИГА ВТОРАЯ

(1904—1908)

Вступление *(«Ты в поля отошла без возврата...»)* 147

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ

(1904—1905)

«На перекрестке...» 148
Болотные чертенятки («Я прогнал тебя кнутом...») . . . 149
«Я живу в отдаленном скиту...» 150
Твари весенние («Золотисты лица купальниц...») 151
Болотный попик («На весенней проталинке...») 152
«На весеннем пути в теремок...» 153
«Полюби эту вечность болот...» 154
«Белый конь чуть ступает усталой ногой...» 154
«Болото — глубокая впадина...» 155
Старушка и чертенята («Побывала старушка у Троицы...») 156
«Осень поздняя. Небо открытое...» 157
Эхо («К зеленому лугу, взывая, внимая...») 157
Пляски осенние («Волновать меня снова и снова...») . . . 158

НОЧНАЯ ФИАЛКА

(1906)

Ночная Фиалка («Миновали случайные дни...») 160

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(1904—1908)

«Жду я смерти близ денницы...» 168
«Я восходил на все вершины...» 169
«Ты оденешь меня в серебро...» 169
«Фиолетовый запад гнетет...» 170

Взморье («Сонный вздох онемелой волны...») 170
«Я живу в глубоком покое...» 171
«Поет, краснея, медь. На горном...» 172
«Зажигались окна узких комнат...» 173
«Всё бежит, мы пребываем...» 173
«Нежный! У ласковой речки...» 174
«Гроб невесты легкой тканью...» 175
«Тяжко нам было под вьюгами...» 175
Ночь («Маг, простерт над миром брений...») 176
«Вот — в изнурительной работе...» 177
Ее прибытие:
1. Рабочие на рейде («Окаймлен летучей пеной...») . . 177
2. Так было («Жизнь была стремленьем...») 178
3. Песня матросов («Подарило нам море...») 179
4. Голос в тучах («Нас море примчало к земле одичалой...») 180
5. Корабли идут («О, светоносные стебли морей, маяки!..») 181
6. Корабли пришли («Океан дремал зеркальный...») . . 182
7. Рассвет («Тихо рассыпалась в небе ракета...») . . . 183
Моей матери («Помнишь думы? Они улетели...») 184
«Все отошли. Шумите, сосны...» 184
«Шли на приступ. Прямо в грудь...» 185
«Вот на тучах пожелтелых...» 186
Влюбленность («Королевна жила на высокой горе...») . . . 186
«Она веселой невестой была...» 187
«Не строй жилищ у речных излучин...» 189
«Потеха! Рокочет труба...» 189
Балаганчик («Вот открыт балаганчик...») 190
Поэт («Сидят у окошка с папой...») 191
У моря («Стоит полукруг зари...») 192
Моей матери («Тихо. И будет всё тише...») 193
«Старость мертвая бродит вокруг...» 193
«В туманах, над сверканьем рос...» 194
Осенняя воля («Выхожу я в путь, открытый взорам...») 195
«Не мани меня ты, воля...» 196
«Оставь меня в моей дали...» 196
«Девушка пела в церковном хоре...» 197
«В лапах косматых и страшных...» 198
«Там, в ночной завывающей стуже...» 198
«Утихает светлый ветер...» 199
«В голубой далекой спаленке...» 200
«Вот он — Христос — в цепях и розах...» 200

«Так. Неизменно всё, как было...» 201
«Прискакала дикой степью...» 202
Бред («Я знаю, ты близкая мне...») 202
Сказка о петухе и старушке («Петуха упустила старушка...») 204
«Милый брат! Завечерело...» 205
«Ты придешь и обнимешь...» 206
«Мы подошли — и воды синие...» 207
Вербочки («Мальчики да девочки...») 207
Иванова ночь («Мы выйдем в сад с тобою, скромной...») . . 208
Сольвейг («Сóльвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...») 209
«Ты был осыпан звездным цветом...» 210
«Прошли года, но ты — всё та же...» 211
Ангел-Хранитель («Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле...») 211
«Есть лучше и хуже меня...» 213
«Шлейф, забрызганный звездáми...» 213
Русь («Ты и во сне необычайна...») 214
Сын и мать («Сын осеняется крестом...») 215
«Нет имени тебе, мой дальний...» 217
Угар («Заплетаем, расплетаем...») 218
Тишина цветет («Здесь тишина цветет и движет...») . . . 219
«Так окрыленно, так напевно...» 219
«Ты можешь по траве зеленой...» 220
«Ищу огней — огней попутных...» 221
Проклятый колокол («Вёсны и зимы меняли убранство...») 222
«О жизни, догоревшей в хоре...» 223
«В синем небе, в темной глуби...» 224
Балаган («Над черной слякотью дороги...») 225
«Твоя гроза меня умчала...» 225
«В час глухой разлуки с морем...» 226
«Сóльвейг! О, Сóльвейг! О, Солнечный Путь!..» 226
«В серебре росы трава...» 227
Усталость («Кому назначен темный жребий...») 228
«Придут незаметные белые ночи...» 228
«Зачатый в ночь, я в ночь рожден...» 229
«С каждой весною пути мои круче...» 230
Девушке («Ты перед ним — что стебель гибкий...») . . . 231
«Когда я создавал героя...» 232
«Всюду ясность божия...» 232
«Она пришла с заката...» 232
«Я миновал закат багряный...» 233
«Твое лицо мне так знакомо...» 234

Последний день («Ранним утром, когда люди ленились шевелиться...») 235
Петр («Он спит, пока закат румян...») 236
Поединок («Дни и ночи я безволен...») 237
Обман («В пустом переулке весенние воды...») 238
«Вечность бросила в город...» 239
«Город в красные пределы...» 240
«Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...» 241
Гимн («В пыльный город небесный кузнец прикатил...») . 241
«Поднимались из тьмы погребов...» 242
«В высь изверженные дымы...» 243
«Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте...» 244
«День поблек, изящный и невинный...» 245
«В кабаках, в переулках, в извивах...» 245
«Барка жизни встала...» 246
«Улица, улица...» 247
Повесть («В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли...») 248
«Иду — и всё мимолетно...» 249
Песенка («Она поет в печной трубе...») 249
Легенда («Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли?..») 250
«Я вам поведал неземное...» 252
Невидимка («Веселье в ночном кабаке...») 252
Митинг («Он говорил умно и резко...») 253
«Вися над городом всемирным...» 255
«Еще прекрасно серое небо...» 256
«Ты проходишь без улыбки...» 256
Перстень-Страданье («Шел я по улице, горем убитый...») 257
Сытые («Они давно меня томили...») 258
«Лазурью бледной месяц плыл...» 259
«Твое лицо бледней, чем было...» 260
Незнакомка («По вечерам над ресторанами...») 261
«Там дамы щеголяют модами...» 263
«Передвечернею порою...» 264
Холодный день («Мы встретились с тобою в храме...») . . 265
В октябре («Открыл окно. Какая хмурая...») 266
«К вечеру вышло тихое солнце...» 267
«Ночь. Город угомонился...» 268
«Я в четырех стенах — убитый...» 268
Окна во двор («Одна мне осталась надежда...») 269
«Хожу, брожу понурый...» 270
Пожар («Понеслись, блеснули в очи...») 271

«На серые камни ложилась дремота...» 272
«Ты смотришь в очи ясным зорям...» 272
На чердаке («Что́ на свете выше...») 273
Клеопатра («Открыт паноптикум печальный...») 274
Не пришел на свиданье («Поздним вечером ждала...») . . 276

СНЕЖНАЯ МАСКА

(1907)

Снега

Снежное вино («И вновь, сверкнув из чаши винной...») . . 277
Снежная вязь («Снежная мгла взвила́сь...») 277
По́следний путь («В снежной пене — предзакатная...») . . 279
На страже («Я — непокорный и свободный...») 279
Второе крещенье («Открыли дверь мою метели...») 280
Настигнутый метелью («Вьюга пела...») 280
На зов метелей («Белоснежней не было зим...») 282
Ее песни («Не в земной темнице душной...») 283
Крылья («Крылья легкие раскину...») 284
Влюбленность («И опять твой сладкий сумрак, влюбленность...») 284
Не надо («Не надо кораблей из дали...») 285
Тревога («Сердце, слышишь...») 286
Прочь! («И опять открыли солнца...») 287
И опять снега («И опять, опять снега...») 289
Голоса («Нет исхода вьюгам певучим!..») 290
В снегах («И я затянут...») 292

Маски

Под масками («А под маской было звездно...») 292
Бледные сказанья («— Посмотри, подруга, эльф твой...») 293
Сквозь винный хрусталь («В длинной сказке...») 294
В углу дивана («Но в камине дозвенели...») 295
Тени на стене («Вот прошел король с зубчатым...») . . . 295
Насмешница («Подвела мне брови красным...») 296
Они читают стихи («Смотри, я спутал все страницы...») . . 297
Неизбежное («Тихо вывела из комнат...») 298
Здесь и там («Ветер звал и гнал погоню...») 298
Смятение («Мы ли — пляшущие тени?..») 299
Обреченный («Тайно сердце просит гибели...») 300
Нет исхода («Нет исхода из вьюг...») 300
Сердце предано метели («Сверкни, последняя игла...») . . 301
На снежном костре («И взвился костер высокий...») . . . 302

ФАИНА

(1906—1908)

«Вот явилась. Заслонила...» 303
«Я был, смущенный и веселый...» 304
«Я в дольний мир вошла, как в ложу...» 304
«Ушла. Но гиацинты ждали...» 305
«За холмом отзвенели упругие латы...» 306
«Я насадил мой светлый рай...» 307
«В этот серый летний вечер...» 307
Осенняя любовь:
1. «Когда в листве сырой и ржавой...» 308
2. «И вот уже ветром разбиты, убиты...» 309
3. «Под ветром холодные плечи...» 309
«В те ночи светлые, пустые...» 310
Снежная Дева («Она пришла из дикой дали...») 311
«И я провел безумный год...» 312
Заклятие огнем и мраком:
1. «О, весна без конца и без краю...» 314
2. «Приявший мир, как звонкий дар...» 315
3. «Я неверную встретил у входа...» 316
4. «Перехожу от казни к казни...» 316
5. «Пойми же, я спутал, я спутал...» 317
6. «В бесконечной дали́ корридоров...» 318
7. «По улицам метель метет...» 319
8. «О, что́ мне закатный румянец...» 320
9. «Гармоника, гармоника!..» 322
10. «Работай, работай, работай...» 323
11. «И я опять затих у ног...» 324
Инок («Никто не скажет: я безумен...») 324
Песня Фаины («Когда гляжу в глаза твои...») 325
«Всю жизнь ждала. Устала ждать...» 326
«Когда вы стоите на моем пути...» 327
«Она пришла с мороза...» 328
«Я помню длительные муки...» 329
«Своими горькими слезами...» 330

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

(1907)

О смерти («Всё чаще я по городу брожу...») 331
Над озером («С вечерним озером я разговор веду...») . . . 334
В северном море («Что́ сделали из берега морского...») . . 337
В дюнах («Я не люблю пустого словаря...») 339

КНИГА ТРЕТЬЯ
(1907—1916)

СТРАШНЫЙ МИР
(1909—1916)

К Музе («Есть в напевах твоих сокровенных...») 343
«Под шум и звон однообразный...» 344
«В эти желтые дни меж домами...» 345
«Из хрустального тумана...» 345
Двойник («Однажды в октябрьском тумане...») 346
Песнь Ада («День догорел на сфере той земли...») 347
«Поздней осенью из гавани...» 350
На островах («Вновь оснежённые колонны...») 351
«С мирным счастьем покончены счеты...» 352
«Седые сумерки легли...» 352
«Дух пряный марта был в лунном круге...» 353
В ресторане («Никогда не забуду (он был, или не был...») 353
Демон («Прижмись ко мне крепче и ближе...») 354
«Как тяжело ходить среди людей...» 355
«Я коротаю жизнь мою...» 355
«Идут часы, и дни, и годы...» 356
Унижение («В черных сучьях дерев обнаженных...») . . . 357
Авиатор («Летун отпущен на свободу...») 358
«Повеселясь на буйном пире...» 360
Пляски смерти:
1. «Как тяжко мертвецу среди людей...» 360
2. «Ночь, улица, фонарь, аптека...» 362
3. «Пустая улица. Один огонь в окне...» 362
4. «Старый, старый сон. Из мрака...» 363
5. «Вновь богатый зол и рад...» 363
«Миры летят. Года летят. Пустая...» 364
«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...» . . . 365
«Есть игра: осторожно войти...» 366
«Как растет тревога к ночи!..» 367
«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...» 367
Жизнь моего приятеля:
1. «Весь день — как день: трудов исполнен малых...» 368
2. «Поглядите, вот бессильный...» 369
3. «Всё свершилось по писаньям...» 370
4. «Когда невзначай в воскресенье...» 370
5. «Пристал ко мне нищий дурак...» 371
6. «День проходил, как всегда...» 371

7. «Греши, пока тебя волнуют...» 373
8. «Когда осилила тревога...» 374
Черная кровь:
1. «В пол-оборота ты встала ко мне...» 374
2. «Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне...» 375
3. «Даже имя твое мне презренно...» 375
4. «О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...» 376
5. «Вновь у себя... Унижен, зол и рад...» 376
6. «Испугом схвачена, влекома...» 377
7. «Ночь — как века, и томный трепет...» 377
8. «Я ее победил, наконец!..» 378
9. «Над лучшим созданием божьим...» 379
Демон («Иди, иди за мной — покорной...») 379
Голос из хора («Как часто плачем — вы и я...») 381

ВОЗМЕЗДИЕ

(1908—1913)

«О доблестях, о подвигах, о славе...» 382
Забывшие Тебя («И час настал. Свой плащ скрутило время...») 383
«Она, как прежде, захотела...» 383
«Ночь — как ночь, и улица пустынна...» 384
«Я сегодня не помню, что было вчера...» 385
На смерть младенца («Когда под застуном холодным...») 385
«Когда я прозревал впервые...» 386
«Дохнула жизнь в лицо могилой...» 386
«Когда, вступая в мир огромный...» 387
«Весенний день прошел без дела...» 387
«Какая дивная картина...» 388
«Ты в комнате один сидишь...» 388
«Кольцо существованья тесно...» 389
«Чем больше хочешь отдохнуть...» 390
Шаги командора («Тяжкий, плотный занавес у входа...») 390
«Мой бедный, мой далекий друг!..» 392
«Как свершилось, как случилось?..» 392

ЯМБЫ

(1907—1914)

«О, я хочу безумно жить...» 395
«Я ухо приложил к земле...» 395
«Тропами тайными, ночными...» 396

«В голодной и больной неволе...» 397
«Не спят, не помнят, не торгуют...» 397
«О, как смеялись вы над нами...» 398
«Я — Га́млет. Холодеет кровь...» 398
«Так. Буря этих лет прошла...» 399
«Да, так велит мне вдохновенье...» 399
«Когда мы встретились с тобой...» 400
«Земное сердце стынет вновь...» 401
«В огне и холоде тревог...» 401

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ

(1909)

Равенна («Всё, что минутно, всё, что бренно...») 403
«Почиет в мире Теодорих...» 404
Девушка из Spoleto («Строен твой стан, как церковные свечи...») 405
Венеция:
1. «С ней уходил я в море...» 405
2. «Холодный ветер от лагуны...» 406
3. «Слабеет жизни гул упорный...» 406
Перуджия («День полувеселый, полустрадный...») 407
Флоренция:
1. «Умри, Флоренция, Иуда...» 408
2. «Флоренция, ты ирис нежный...» 408
3. «Страстью длинной, безмятежной...» 409
4. «Жгут раскаленные камни...» 409
5. «Окна ложные на́ небе черном...» 410
6. «Под зноем флорентийской лени...» 410
7. «Голубоватым дымом...» 410
«Вот девушка, едва развившись...» 411
Madonna da Settignano («Встретив на горном тебя перевале...») 412
Фье́золе («Стучит топор, и с кампанил...») 412
Сиена («В лоне площади пологой...») 412
Сиенский собор («Когда страшишься смерти скорой...») . . 413
«Искусство — ноша на плечах...» 414
«Глаза, опущенные скромно...» 414
Благовещение («С детских лет — видения и грезы...») . . . 415
Успение («Ее спеленутое тело...») 417
Эпитафия Фра Филиппо Липпи («Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный...») 417

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(1908—1916)

За гробом («Божья матерь *Утоли мои печали...*») 419
Друзьям («Друг другу мы тайно враждебны...») 420
Поэты («За городом вырос пустынный квартал...») . . . 421
«Когда замрут отчаянье и злоба...» 422
«Ты так светла, как снег невинный...» 422
«Всё это было, было, было...» 423
Сусальный ангел («На разукрашенную елку...») 424
Сон («Я видел сон: мы в древнем склепе...») 424
Комета («Ты нам грозишь последним часом...») 425
«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» 426
«Благословляю всё, что было...» 427
Послания:
Юрию Верховскому («Дождь мелкий, разговор неспешный...») 427
Валерию Брюсову («И вновь, и вновь твой дух таинственный...») 428
Владимиру Бестужеву («Да, знаю я: пронзили ночь отвека...») 429
Вячеславу Иванову («Был скрипок вой в разгаре бала...») 429
Анне Ахматовой («„Красота страшна“ — Вам скажут...») 431
«И вновь — порывы юных лет...» 431
Художник («В жаркое лето и в зиму метельную...») . . . 432
«О, нет! не расколдуешь сердца ты...» 433
Женщина («Да, я изведала все муки...») 434
Перед судом («Что́ же ты потупилась в смущеньи?..») . . 436
Антверпен («Пусть это время далеко́...») 437
«Похоронят, зароют глубоко...» 438
«На улице — дождик и слякоть...» 438
«Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...» 439

АРФЫ И СКРИПКИ

(1908—1916)

«Свирель запела на мосту...» 441
«Душа! Когда устанешь верить?..» 442
«И я любил. И я изведал...» 442
«Май жестокий с белыми ночами!..» 443
Три послания:
1. «Всё помнит о весле вздыхающем...» 444
2. «Черный ворон в сумраке снежном...» 444
3. «Знаю я твое льстивое имя...» 445

Встречной («Я только рыцарь и поэт...») 445
Мэри:
1. «Опять у этой двери...» 446
2. «Жениха к последней двери...» 446
3. «Косы Мэри распущены...» 447
«Усните блаженно, заморские гости, усните...» 447
«Я пригвожден к трактирной стойке...» 448
«Не затем величал я себя паладином...» 448
«Часовая стрелка близится к полно́чи...» 449
«Старинные розы...» 449
«Уже над морем вечереет...» 450
«Всё б тебе желать веселья...» 451
«Я не звал тебя — сама ты...» 451
«Грустя и плача и смеясь...» 452
«Опустись, занавеска линялая...» 452
«Мой милый, будь смелым...» 453
«Не венчал мою голову траурный лавр...» 454
«Покойник спать ложится...» 454
«Уж вечер светлой полосою...» 455
«Здесь в сумерки в конце зимы...» 455
Через двенадцать лет:
1. «Всё та же озерная гладь...» 456
2. «В темном парке под ольхой...» 456
3. «Когда мучительно восстали...» 457
4. «Синеокая, бог тебя создал такой...» 458
5. «Бывают тихие минуты...» 458
6. «В тихий вечер мы встречались...» 458
7. «Уже померкла ясность взора...» 459
8. «Всё, что память сберечь мне старается...» 460
Утро в Москве («Упоительно встать в ранний час...») . . . 460
«Как прощались, страстно кля́лись...» 460
«Всё на земле умрет — и мать, и младость...» 461
На смерть Коммиссаржевской («Пришла порою полуночной...») 461
Голоса скрипок («Из длинных трав встает луна...») . . . 463
На Пасхе («В сапогах бутылками...») 463
«Когда-то гордый и надменный...» 464
«Где отдается в длинных залах...» 464
«Сегодня ты на тройке звонкой...» 465
«В неуверенном, зыбком полете...» 466
«Без слова мысль, волненье без названья...» 466
«Ветр налетит, завоет снег...» 467
«Шар раскаленный, золотой...» 467
«Сквозь серый дым от краю и до краю...» 468

«Есть минуты, когда не тревожит...» 468
«Болотистым, пустынным лугом...» 469
Испанке («Не лукавь же, себе признаваясь...») 469
«В небе — день, всех ночей суеверней...» 470
«В сыром ночном тумане...» 471
Седое утро («Утреет. С богом! По домам!..») 471
«Есть времена, есть дни, когда...» 472
«Я вижу блеск, забытый мной...» 473
«Ты говоришь, что я дремлю...» 473
«Ваш взгляд — его мне подстеречь...» 474
«Натянулись гитарные струны...» 475
«Ты — буйный зов рогов призывных...» 475
«Как день, светла, но непонятна...» 476
«Петербургские сумерки снежные...» 477
«Смычок запел. И облак душный...» 477
«Ты жил один! Друзей ты не искал...» 478
«Превратила всё в шутку сначала...» 478
«Та жизнь прошла...» 479
«Была ты всех ярче, верней и прелестней...» 479
«Разлетясь по всему небосклону...» 479
«Он занесен — сей жезл железный...» 480
«Пусть я и жил, не любя...» 480
«Протекли за годами года...» 481
«За горами, лесами...» 482

КАРМЕН

(1914)

«Как океан меняет цвет...» 483
«На небе — празелень, и месяца осколок...» 483
«Есть демон утра. Дымно-светел он...» 484
«Бушует снежная весна...» 484
«Среди поклонников Кармен...» 484
«Сердитый взор бесцветных глаз...» 485
«Вербы — это весенняя таль...» 486
«Ты — как отзвук забытого гимна...» 486
«О да, любовь вольна, как птица...» 487
«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...» 488

СОЛОВЬИНЫЙ САД

(1915)

Соловьиный сад («Я ломаю слоистые скалы...») 490

РОДИНА

(1907—1916)

«Ты отошла, и я в пустыне...» 495
«В густой траве пропадешь с головой...» 495
«Задебренные лесом кручи...» 496
На поле Куликовом:
1. «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» 497
2. «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...» . . . 498
3. «В ночь, когда Мамай залег с ордою...» 498
4. «Опять с вековою тоскою...» 499
5. «Опять над полем Куликовым...» 500
Россия («Опять, как в годы золотые...») 501
«Вот он — ветер...» 502
Осенний день («Идем по жнивью, не спеша...») 502
«Дым от костра струею сизой...» 503
«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..» 504
На железной дороге («Под насыпью, во рву некошенном...») 504
Посещение («То не ели, не тонкие ели...») 505
«Там неба осветленный край...» 506
«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...» . . . 507
Сны («И пора уснуть, да жалко...») 507
Новая Америка («Праздник радостный, праздник великий...») 509
«Ветер стих, и слава заревая...» 510
Последнее напутствие («Боль проходит понемногу...») . . . 511
«Грешить бесстыдно, непробудно...» 512
«Петроградское небо мутилось дождем...» 513
«Я не предал белое знамя...» 514
«Рожденные в года глухие...» 515
«Дикий ветер...» 514
Коршун («Чертя за кругом плавный круг...») 516

О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР

(1913)

«Мы забыты, одни на земле...» 517
«Поет, поет...» 518
«Милый друг, и в этом тихом доме...» 519
«Из ничего — фонтаном синим...» 519
«Вспомнил я старую сказку...» 520
«Было то в темных Карпатах...» 521

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ, НЕ ВОШЕДШИХ В ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

(1898—1921)

«Муза в уборе весны постучалась к поэту...» 525
«Пусть рассвет глядит нам в очи...» 525
«Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне...» 526
«Я шел во тьме к заботам и веселью...» 526
«Ты, может быть, не хочешь угадать...» 526
«Как мучительно думать о счастьи былом...» 527
«В ночи, когда уснет тревога...» 528
«Жизнь — как море она — всегда исполнена бури...» . . . 528
«Офелия в цветах, в уборе...» 528
«В болезни сердца мыслью о Тебе...» 529
Летний вечер («Последние лучи заката...») 530
На вечере в честь Л. Толстого («В толпе, родной по вдохновенью...») 530
«О, не просите скорбных песен!..» 531
Одиночество («Река несла по ветру льдины...») 531
«Ночной туман застал меня в дороге...» 532
«Мы были вместе, помню я...» 533
После дождя («Сирени бледные дождем к земле прибиты...») 533
«Когда я был ребенком,— лес ночной...» 533
Перед грозой («Закат горел в последний раз...») 534
«О, как безумно за окном...» 534
Песня за стеной («О, наконец! Былой тревоге...») 535
«За краткий сон, что нынче снится...» 535
«Как сон молитвенно-бесстрастный...» 535
«Как мимолетна тень осенних ранних дней...» 536
«Я умирал. Ты расцветала...» 536
«В те дни, когда душа трепещет...» 536
«Ночь теплая одела острова...» 537
«В ночи́, исполненной грозою...» 538
«К ногам презренного кумира...» 538
«В фантазии рождаются порою...» 538
«Есть много песен в светлых тайниках...» 539
«Бежим, бежим, дитя свободы...» 539
После грозы («Под величавые раскаты...») 540
«Пророк земли — венец творенья...» 540
«Они расстались без печали...» 541
Смерть («Прислушайся к земле в родных полях...») . . . 541
Аметист («Порою в воздухе, согретом...») 542
«Не нарушай гармонии моей...» 542
«Я никогда не понимал...» 543

«Часто в мысли гармония спит...» 543
«Навстречу вешнему расцвету...» 543
«В передзакатные часы...» 544
«Вечереющий день, догорая...» 544
«Нас старость грустная настигнет без труда...» 545
«Наступает пора небывалая...» 545
«Глушь родного леса...» 546
«Мчит меня мертвая сила...» 546
«Знаю, бедная, тяжкое бремя...» 547
Посвящение («Встали надежды пророка...») 547
«Ходит месяц по волне...» 548
Ворожба («Я могуч и велик ворожбою...») 548
«Недосказанной речи тревогу...» 549
При посылке роз («Смотрел отвека бог лукавый...») . . . 549
На могиле друга («Удалены от мира на кладбище...») . . . 550
«Война горит неукротимо...» 550
«Вдали мигнул огонь вечерний...» 551
«В пути — глубокий мрак, и страшны высоты...» 551
«Или устал ты до времени...» 551
«Всю зиму мы плакали, бедные...» 552
«Успокоительны и чудны...» 552
«Травы спят красивые...» 553
«Ловлю дрожащие, хладеющие руки...» 553
«Я жалок в глубоком бессилии...» 554
«У окна не ветер бродит...» 554
«Ты, отчаянье жизни моей...» 555
«Завтра в сумерки встретимся мы...» 555
«Я тишиною очарован...» 556
«Ты — молитва лазурная...» 557
«Поздно. В окошко закрытое...» 557
«Сплетались времена, сплетались страны...» 558
«Ушли в туман мечтания...» 558
«Вот снова пошатнулись дали...» 559
«Хоронил я тебя, и, тоскуя...» 559
«Как сон, уходит летний день...» 559
«Давно хожу я под окнами...» 560
«Смолкали и говор, и шутки...» 560
«Как старинной легенды слова...» 561
«Я ждал под окнами в тени...» 562
«О легендах, о сказках, о мигах...» 562
Сфинкс («Шевельнулась безмолвная сказка пустынь...») . . 563
«Загляжусь ли я в ночь на метелицу...» 563
«Ушел я в белую страну...» 564

«Золотит моя страстная осень...» 564
«Любопытство напрасно глазело...» 565
Отшедшим («Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду...») . . 565
«Днем за нашей стеной молчали...» 566
«Разгадал я, какие цветы...» 566
«Никто не умирал. Никто не кончил жить...» 567
«Вот они — белые звуки...» 567
«Кто заметил огненные знаки...» 568
«Если только она подойдет...» 568
«Очарованный вечер мой долог...» 569
«Сердито волновались нивы...» 569
«Многое замолкло. Многие ушли...» 570
Рассвет («Я встал и трижды поднял руки...») 570
Заключение спора («Ты кормчий — сам, учитель — сам...») 571
Ненужная весна:
1. «Отсеребрилась, отзвучала...» 571
2. «В глазах ненужный день так ярок...» 572
3. «Зима прошла. Я болен...» 572
«В темной комнате ты обесчещена...» 573
«Сырое лето. Я лежу...» 573
«Везде — над лесом и над пашней...» 574
«Стучится тихо. Потом погромче...» 575
«В глубоких сумерках собора...» 575
«Их было много — дев прекрасных...» 576
«Не могу тебя не звать...» 577
«Ты из шопота слов родилась...» 578
«Как из сумрачной гавани...» 578
Королевна («Не было и нет во всей подлунной...») 579
«Я помню нежность ваших плеч...» 579
«Распушилась, раскачнулась...» 580
«Милая девушка, что́ ты колдуешь...» 581
З. Гиппиус («Женщина, безумная гордячка!..») 581
Две надписи на сборнике «Седое утро»:
1. «Вы предназначены не мне...» 582
2. «Едва в глубоких снах мне снова...» 582
Пушкинскому Дому («Имя Пушкинского Дома...») 583

ВОЗМЕЗДИЕ

Предисловие 587
Пролог («Жизнь — без начала и конца...») 592
Первая глава («Век девятнадцатый, железный...») 594

Вторая глава <Вступление> («В те годы дальние, глухие...») 616
Третья глава («Отец лежит в «Аллее Роз»...») 619

ДВЕНАДЦАТЬ. СКИФЫ

Двенадцать
1. «Черный вечер...» 633
2. «Гуляет ветер, порхает снег...» 635
3. «Как пошли наши ребята...» 636
4. «Снег крутит, лихач кричит...» 637
5. «У тебя на шее, Катя...» 637
6. «...Опять навстречу несется вскачь...» 638
7. «И опять идут двенадцать...» 639
8. «Ох ты, горе-горькое!..» 640
9. «Не слышно шуму городского...» 641
10. «Разыгралась чтой-то вьюга...» 641
11. «...И идут без имени святого...» 642
12. «...Вдаль идут державным шагом...» 642
Скифы («Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы...») 644

ТЕАТР

Балаганчик 649
Незнакомка 662
Роза и Крест 684

ПРИЛОЖЕНИЯ

К поэме «Возмездие»:
1. Планы поэмы 743
2. Наброски продолжения второй главы 747
3. Наброски окончания третьей главы 752
К драме «Роза и Крест»:
1. Примечания к драме «Роза и Крест» 753
2. Записки Бертрана, написанные им за несколько часов до смерти 763
3. «Роза и Крест» (К постановке в Художественном театре) 768

Примечания *Вл. Орлова* 773

Алфавитный указатель произведений . . . 799

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ТРЕТЬЯ
Том 138

Александр Александрович
Блок
СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ. ТЕАТР.

*

Редактор А. Козловский
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
М. Позднякова
Корректоры:
Р. Пунга и А. Юрьева

*

Сдано в набор 18/IV 1967 г. Подписано к печати 11/VII 1967 г. Бумага типографская № 1 $60\times84^{1}/_{16}$. 52,5 печ. л. 49 усл. печ. л. 38,2 уч.-изд. л. + 17 вкл. = 39,21 л. Тираж 300 000 экз.
Заказ № 1565. Цена 1 р. 71 к.
Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, Ж-54, Валовая, 28